Б-8994

И. И. МЕЩАНИНОВ

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИК
И. И. МЕЩАНИНОВ

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН СССР
за № 2173

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я вовсе не ставлю себе задачи дать, хотя бы в предисловии, обзор и разбор той обширной литературы, которая посвящена вопросу о частях речи и членах предложения. О них в той или иной степени трактуется не только в особых монографиях и специальных исследованиях по общему языкознанию, но также и в любых учебных пособиях по любому языку. Я ставлю сейчас своею целью развитие идей акад. Н. Я. Марра в том направлении, в котором теперь работает коллектив сотрудников лингвистического института, носящего его имя,[1] вносся, конечно, и значительную долю своих собственных соображений. Эта тема приобретает особое значение, в чем нетрудно убедиться, если наше внимание обратится на интересы изучения национальных языков, получивших исключительное развитие в годы Советской власти. На разработку данной темы, в самое последнее время, оказало исключительно плодотворное влияние мое временное пребывание в среде научных работников г. Алма-ата.[2] Здесь исследовательская мысль сосредоточилась на основных вопросах построения научной грамматики казахского языка, что в свою очередь обострило значение ряда затрагиваемых мною тем. Привлечение к сравнению разносистемных языков, в первую очередь индоевропейских и тюркских, вынудило глубже уйти в анализ характеризующих свойств тех или иных синтаксических оборотов.

Составление научной грамматики русского литературного языка имеет за собою длительную традицию, для научной же грамматики казахского языка это — вопрос новый. Опыт составления одной грамматики учитывается при составлении другой. Но учет опыта, приобретенного в работе, вовсе не означает тождества в трактовке всех наличных языковых форм в их сравнительных сопоставлениях и даже в самом построении грамматики во всех ее деталях.

Институт языка и мышления, отвлеченный первые годы своего существования на тематику, связанную с семантикою слова, давшую исключительно богатые результаты, постепенно переходил на анализ синтаксических явлений, на смысловое значение самого предложения и на формальную сторону его выражения. Тем самым, исследование направлялось на ведущие устои грамматики, на изучение слова в его основном использовании в речи. Исследование направлялось, в конце концов, не только на синтаксис, но через него и на морфологию, так

---

[1] Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР, в Ленинграде.

[2] С декабря 1941 г. по сентябрь 1943 г. во время моего пребывания в г. Алма-ата была начата своим оформлением и в основном закончена настоящая моя работа.

как на фоне синтаксического строя морфологическое оформление слова получает наиболее яркое освещение. Почва для работы в этом направлении оказалась весьма благотворною.

Привлечение к исследованию разносистемных языков, столь богато представленных на территории СССР, и углубление в изучение особенностей их строя речи дали богатейший и в значительной своей части свежий материал. На основе этого материала расширялся и углублялся сравнительный подход к языкам различного строя, со включением также и зарубежных языков. Начала постепенно несколько в ином свете вскрываться вся сложность наблюдаемого процесса развития речи в ее многообразных выявлениях в различных языковых структурах. На них и обращалось основное внимание.

Проводимые акад. Н. Я. Марром сопоставления в расширенном охвате разносистемных языков, обычно рассматриваемых изолированно, выявляли, при их сравнительном обзоре, моменты единого глоттогонического процесса значительно отчетливее, чем это устанавливалось до него.[1] Единый процесс прослеживается не только в тождестве формальной стороны. Напротив, он оказывается весьма разнообразным в своем внешнем выявлении. Одно и то же задание, даваемое содержанием высказывания, получает различные пути своего выражения и в морфологии, и в синтаксисе. Движение языковой формы от одного состояния к другому может итти одинаковыми переходами, хотя бы и при различном внешнем оформлении, и т. д. Таким образом, единый процесс языкового развития получает свое весьма убедительное проявление также и в тех многообразных расхождениях, а не только в схождениях, которые обусловлены различным состоянием речевого строя. Все это нуждалось в своем анализе и в документальном подтверждении. Приняв на себя такой исследовательский труд, Н. Я. Марр дал тем самым возможность сравнивать в историческом разрезе совершенно, казалось бы, друг от друга отличающиеся языковые структуры, рассматриваемые как этапы общего процесса развития речи, названные им стадиями.[2]

Семантика слова в известной степени обусловливает его синтаксическую роль в предложении. Выступая в предложении, слово используется в нем, отвечая его лексическому содержанию. Оно выступает в позиции соответствующего члена предложения, включаясь в общее

---

[1] Единство процесса языкового развития в настоящее время находит себе многих сторонников в широких кругах специалистов, допускающих даже возможность установления единых законов движения речи, см., например, у Ж. Вандриеса: «Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу. Именно эта идея лежит в основе опытов по общей лингвистике» («Язык», русск. перевод 1937 г., стр. 217). То же у Э. Сепира, который считает возможным «показать, что есть язык... как он изменяется в пространстве и времени и каковы его взаимоотношения с другими важнейшими человеческими интересами, с проблемой мышления, с явлениями исторического процесса...» («Язык», русск. перевод, 1934, стр. 3, ср. там же, стр. 96).

Основные высказывания Н. Я. Марра по тому же вопросу рассеяны по многочисленным его трудам. Краткое изложение ведущих концепций Н. Я. Марра и их значения для основной проблематики общего языкознания приведено в моей статье «Глоттогонический процесс и проблема стадиальности», Изв. Отд. лит. и языка Ак. Наук СССР. 1941, № 3, стр. 8 сл.

[2] См. там же. См. Н. Я. Марр. Стадии мышления при возникновении глагола «быть». Избр. работы, III, стр. 85 и сл. Отдельные высказывания Н. Я. Марра по тому же вопросу можно проследить по указателям, приложенным к каждому тому «Избранных работ».

смысловое содержание высказывания и принимая на себя соответствующую долю смыслового значения формирующегося предложения. Поэтому, расчленение предложения на его составные части и использование тех или иных слов в позициях выделившихся членов предложения также должно было оказать решающее влияние на образование лексических групп. Признав такое взаимоотношение слова и предложения, Н. Я. Марр, в итоге своих исследовательских работ, пришел к определенному и признаваемому им бесспорным выводу о том, что сначала шло выделение членов предложения, а затем уже формирование частей речи.[1] Тем самым, на ведущую линию выдвигается синтаксис, от которого зависит известная сторона лексики. В виду этого Н. Я. Марр и настаивал на особо углубленной разработке, в первую очередь, синтаксического строя каждого языка, усматривая в нем основные устои как синтаксической, так и лексической стороны речи. При этом, конечно, не отрицалось и наличие своих особенностей у каждой из них.

Не приходится отрицать того, что лексический состав языка различается по своему смысловому значению и что семантика слова влияет на его использование в роли того или иного члена предложения. Использование же слова в роли определенного члена предложения оказывает, в свою очередь, влияние на закрепление за словом особых формальных отличий, выделяющих слова в самом лексическом составе в особые группы. Такие лексические группировки, характеризуемые и по семантике, и по формальной стороне, именуются частями речи. При таком понимании частей речи придется признать, что семантическая сторона выступающего в предложении слова выявляется в содержании самого слова как лексической единицы. Эта семантическая сторона слова устанавливается носителем речи, им уточняется и изменяется в процессе развития языка. Одно и то же слово может быть использовано в различных контекстах предложений, где оно может приобретать и видоизменения своего значения. Тем самым слово приобретает синтаксическую значимость, которая сочетается с его лексическими свойствами. Отсюда становится понятным, почему Н. Я. Марр, направляя в течение ряда лет свое внимание на семантику слова, рассматриваемую им неразрывно с его формою, перешел затем непосредственно на синтаксис.[2]

Становясь на точку зрения необходимости рассмотрения лексических группировок в неразрывной связи с членами предложения, мы, таким образом, ничуть не отступаем от основных высказываний акад. Н. Я. Марра. Наоборот, мы лишь развиваем выводы его многолетних

[1] Ср. Н. Я. Марр: «Частей речи еще не было. Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат основою для образования действия, т. е. глаголов переходных и впоследствии непереходных; имена существительные по функции становятся, служа определением, прилагательными, которые также выделяются; имена же (определенный круг имен существительных) становятся местоимениями...» («Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», Избр. работы, II, стр. 417). См. его же: «Происхождение терминов книга и письмо». Избр. работы, III, стр. 222, «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории», там же, стр. 66—67, и др.

[2] Н. Я. Марр всегда уделял синтаксису особое внимание, но специальную по синтаксису тематику он предложил сотрудникам руководимого им Института лишь в последние годы своей жизни. К сожалению, специальных исследований, посвященных основным положениям синтаксиса и дающих сравнительный их обзор, от самого Н. Я. Марра не осталось. Отдельные же по этому вопросу высказывания содержатся в ряде его работ, см. Избранные работы по указателям к каждому тому.

работ, приведшие в своем итоге, как мы только что видели, к утверждению, что выделение членов предложения повело к образованию частей речи. Такое утверждение исторически вполне оправдывается.

Являясь основным средством общения, речь имеет своею главною функциею законченное и конкретное выражение коммуникации. Поэтому, слово не ограничивается одним только своим свойством обозначать наименование предмета или понятия. Напротив, само это наименование устанавливается в языке потребностями общения. Следовательно, не может быть ни одного слова, которое не находило бы себе места в законченном высказывании. Когда исследовательским путем составляется словарь языка, слово включается в него с теми значениями, которые закрепляются за ним в речи. Искусственно составленные слова, которые иногда сочиняются при составлении словаря, оказываются в большинстве случаев безжизненными и потому обычно не входят в общественную практику.[1] Но и те слова, которые в своей форме и значении устанавливаются по их использованию в живой речи, взятые в отдельности приобретают в словаре некоторый оттенок отвлеченности. Этого оттенка они лишены в предложении, откуда и изъемлются для их помещения в словарь. В предложении, наоборот, слово, в отличие от своего абстрактного словарного содержания, выступает в своем конкретном бытии. В таком виде оно и существует в речи, используемое без каких-либо затруднений в самых различных сочетаниях в значительном количестве языков, вовсе не имеющих академически составленных словарей.

Выступая в обстановке реальной действительности, слово становится участником в выражении отдельного суждения, иногда передавая его и в своем единичном использовании. Так, например, слово *стол* содержит в себе определенную предметную значимость и ограничивается ею, как самостоятельная единица, лишь в словаре. Каждое слово выступает в словаре в подобном же положении. Оно имеет свое основное содержание, оно же получает переносное значение, от него образуются лексические дериваты. Но все это образуется не в словаре, а в живой речи, ср. *в этой комнате хороший стол* и *в этом ресторане хороший стол* (в последнем примере имеется в виду не мебель, а то, что *в этом ресторане хорошо готовят,* причем готовят не столы, а пищу, т. е., что *в этом ресторане хорошая кухня,* но вовсе не в значении хорошо отделанного помещения. Все эти выражения означают хорошее изготовление блюд, под которыми подразумеваются не сами предметы *блюда,* а то, что на них подается, и т. д.). Слово может менять свою значимость как отдельное наименование и имеет свою историю. Все это заносится и отмечается в словарной статье. Но свое реальное выявление в речи слово получает не в словаре, а в живой речи, в предложении.

То же самое слово *стол,* рассматриваемое в контексте предложения,

---

[1] См., например, в словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г.: землеописатель (географ), землеописательный (географический), землеописательная (географическая) карта; в Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова: правопроизношение (орфоэпия). Упрек в использовании не общеупотребительных и вновь составленных слов делался также и В. Далю, например акад. А. Н. Пыпиным: глазоём (горизонт), насыл, насылка (адрес), ловкосилие (гимнастика) и т. д. Ответ В. Даля см. Толковый словарь живого великорусского языка, 1-е изд., т. IV, вступительная статья, ср. В. Даль, Толковый словарь, 1935 г.: «вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей» (под словом небо). См. А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. I, 1898.

выступает в нем в своем жизненном выявлении, ср. *богато сервированный стол был накрыт в зале* (ср. особый семантический оттенок слова *накрыт: стол накрыт, клетка накрыта, враг накрыт* и др.). То, что слово есть непосредственный соучастник речи, видно хотя бы из того, что оно может приобретать выражение законченного предложения и в своем отдельном употреблении. Но в последнем случае данному слову придается жизненный, экспрессивный оттенок, и оно не ограничивается только своим, отмеченным выше, словарным назначением передачи общего представления о предмете или понятии, ср. *стол*!, когда хотят предупредить, что на дороге стоит стол, на который можно натолкнуться, и т. д. В последнем случае наличествует законченное высказывание.[1] Здесь имеется и субъект, о котором идет речь, и его конкретная в данной обстановке значимость, обращающая простое наименование предмета в законченное выражение мысли, которую говорящий хотел выразить. Этот наличествующий в высказывании элемент динамики, ставящий субъект высказывания в его реальную жизненную обстановку, и можно назвать предикатом.[2] Таким образом, и в одном словесном высказывании может содержаться и субъект и предикат, то есть из простого наименования словарного типа слово становится законченным передатчиком содержания целого предложения.[3] Правда, в данном случае такое значение слово приобретает благодаря интонации (ср. *стол*!), но это ни в коей мере не должно нас смущать, так как интонация является таким же средством придачи слову синтаксического содержания, как и всякий иной синтаксический прием.[4]

Субъект и предикат, эти необходимые элементы высказывания, оказываются, таким образом, основными элементами его содержания. Они наличествуют в каждом высказывании, потому что ими достигается законченность выражения мысли. Что же касается формального их выражения, то в этом отношении наблюдается весьма значительное разнообразие. Они, как мы видели, могут получать свое оформление в одном синтаксически используемом слове, но могут получать, и обычно получают, свое выявление в двух различных словах и даже в группе слов. Передаваемые каждый в отдельности субъект и предикат оказываются тем самым уже в составе расчлененного предложения, в котором и занимают соответствующие им самостоятельные места. В получившемся членении предложения они становятся двумя главными его членами, подлежащим и сказуемым. Такое выделение членов предложе-

---

[1] Hermann Paul видит в подобного рода односложных предложениях выражение и субъекта и предиката (Prinzipien der Sprachgeschichte, 1920, S. 129). По его мнению, даже первичные слова предложения «Sind Prädikate, zu denen ein sinnlicher Eindruck das Subject bildet» (там же, стр. 183). А. А. Потебня находит, что слово вне речи, вне (синтаксической) связи, не обладает ни лексическими, ни формальными свойствами, «Из записок по русской грамматике», ч. 1, 1888, стр. 32. То, что отдельное слово может быть не только членом предложения, но и целым предложением, указывал и А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд. 1941, стр. 37, § 18 и др.

[2] Ср. понятие предиката у Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 1920, S. 36, 124. 183, 283, у А. А. Шахматова. Синтаксис русского языка, 2-е изд. 1941, стр. 19—26, тут же ссылки на фон-дер-Габеленца, Пауля и Ф. Ф. Фортунатова.

[3] Ср. указанные выше в примечаниях высказывания Hermann Paul, А. А. Шахматова и др. о субъекте и предикате, как двух необходимых элементах предложения.

[4] Ср. о том же у Hermann Paul: fertig? votre désir? ein Glas Bier? bist du schon wieder da? и в параллель к последнему du bist schon wieder da? ц. с., стр. 136.

ния влечет за собой синтаксическое оформление каждого из них, вызванное тем, что они, став на предназначенные им позиции, сохраняют между собою синтаксическую связь. Тем самым выступают синтаксические между ними отношения, требующие, в свою очередь, своего формального выражения, каковое и осуществляется весьма разнообразными способами. Последние вариируются по языкам и разнообразятся в различном их применении внутри каждого языка, давая крайне сложную схему приемов выражения синтаксических отношений. Используемые в языке приемы этих выражений указывают границы выделяемых членений предложения, связывая их внутри и между собою, что и дает общую картину действующего в языке синтаксического строя.

Передача предложения проводится использованием слов с их лексическою семантикою, что влечет за собою ее приурочение к смысловому содержанию всего высказываемого отрезка речи. Получается конкретное значение данного слова в данном контексте. С другой стороны, каждое слово, участвующее в построении предложения, оказывается в нем далеко не равноправным. Одни слова образуют основной костяк предложения, другие сопутствуют им, уточняя их значение, а иногда и указывая на их синтаксическую роль в строе предложения. Таким образом, каждое слово выступает в предложении как носитель той или иной синтаксической функции. Одни слова выступают главными членами предложения, другие используются в нем на второстепенных ролях. Такое различение в синтаксической значимости отдельных слов отражает то восприятие их взаимосвязанности, которое имеется у общественного носителя речи. Различное понимание действия в его отношениях к субъекту и объекту создает те синтаксические отношения, которые устанавливаются в основной структуре предложения. Поэтому, само членение предложения далеко не одинаково, почему и получается различное формальное его выражение.

Устанавливаются разной значимости синтаксические отношения между главными членами предложения и между словами, входящими в общую с ними группировку. Такое различие синтаксических отношений вызывает различие приемов их синтаксических выражений. Одни приемы выступают для передачи отношений между главными членами предложений, другие применяются для связи слов, образующих одну синтаксическую группу в членении предложения, например *три дома стоят на высоком берегу реки,* где *три дома* образуют единую синтаксическую группу подлежащего, в связи с чем группа слов *на высоком берегу реки* может быть понята, главным образом, как одна синтаксическая группа косвенного дополнения. Каждая из этих синтаксических групп, представляющих собою одно смысловое целое, образует одну синтаксически связанную единицу.[1] Внутри такой группы слов

[1] См. о том же B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen, K. Brugmann und B. Delbrück, Band V, Theil 3, 1900, S. 1, 8, 139. B. Delbrück приводит критический разбор высказываний по этому вопросу J. Ries, O. Behagel и др. Подобного рода синтаксические группировки слов он именует группами в предложении, группами слов — композита (Gruppen im Satze, Wortgruppen — Komposita). Hermann Paul (ц. с., стр. 108, 138, 288, 314) усматривает в этих группировках законченное единство и член идущего потока речи. Он привлекает к сравнению такие сочетания слов, как: *legio Martia quartaque* и *quarta et Martia legiones,* и видит единство в словосочетаниях *der Schneidermeister Schulze, das Haus des Vaters* — «дом отца». Такого рода синтаксически связанным сочетаниям слов внутри предложения мною присваивается наименование синтаксических

устанавливается зависимость одних от других. Независимым от других внутри данной группы будет ее главный сочлен, который получает свое оформление в связи с теми синтаксическими отношениями, каковые возникают между главными членами всего предложения. Зависимые же слова внутри синтаксической группы связываются с главными своими синтаксическими приемами, как-то, согласованием, управлением, примыканием и пр.

Эти же члены предложения могут выступать в другом контексте в ином синтаксическом их положении, получая осложнения в зависимости от изменившегося восприятия их отношений друг к другу, ср. *три дома, стоящие на высоком берегу реки, прекрасно видны издали.* Здесь комплексу подлежащего, осложненному развернутым определением, отвечает синтаксическая группа сказуемого, включающая два обстоятельственных слова; ср. далее *три дома, которые стоят на высоком берегу реки, прекрасно видны издали, когда мы смотрим на них в бинокль.* Тут определение и обстоятельство, имея свои подлежащие и сказуемые, получили оформление придаточных предложений, все же остающихся в тех же синтаксических группах, выделяемых смыслом предложения. В каждой из этих групп устанавливаются свои синтаксические отношения со своими приемами их выражения. Синтаксические отношения выступают везде, где предложение подвергается членению. В однословном предложении имеется синтаксическое выражение, но нет синтаксических отношений. В двусловном предложении синтаксические отношения уже наличествуют, и их оформление в сочетании слов проводится соответствующими средствами, вырабатываемыми строем речи. С осложнением предложения осложняются синтаксические отношения и способы их внешней передачи.

Член предложения, выраженный одним словом, получает свое оформление. С ним согласуются те слова, которые добавляются в предложении как его определения. Последние, осложняясь в своем содержании, осложняются и в своем построении. Они сами становятся предложениями со своим членением внутри. Смысловое же единство может при этом сохраняться тем же, и определение, развернутое в отдельное предложение, продолжает по своему смысловому значению оставаться определением, несмотря на свою осложненную форму придаточного предложения и т. д. Взятый нами пример с определениями может быть значительно расширен, так как теми же свойствами обладают и другие признаки членов предложения, а не одни лишь аттрибутивные. Таким образом, прослеживаются синтаксические отношения и способы их выражения, начиная с простых предложений и кончая сложными с их сочинениями и подчинениями.

Как бы ни было сложно построение предложения, оно всегда остается связанным общностью смыслового содержания. Тем самым становится осмысляемою и выступающая в предложении связь между словами. Обслуживающие эту связь служебные слова присоединяют к своему лексическому содержанию также и синтаксическое, служебные

групп в отличие от лексических словосочетаний типа *железная дорога.* Разделительная между ними грань иногда стирается, ср. *белый снег* в ряде следующих сопоставлений, начинающихся с явно лексического словосочетания и кончающихся синтаксическим: *красная смородина, белый медведь, белый снег, белый дом,* ср. лексическое словосочетание *Белый дом* (резиденция Президента США). См. также Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 11.

же частицы и всякого рода аффиксы того же назначения, лишенные лексического содержания, насыщаются синтаксическим. Более того, каждое даже полноценное слово приобретает в предложении долю синтаксической семантики. Таким путем, при всей доступной сложности развитого предложения, достигается сохранение единства смысловой его стороны. Оно проводится построением всего предложения, его контекстом, различными видами оформления слов, входящих в состав предложения, различными сочетаниями расчленяющихся его частей и различными приемами произношения. Идущий поток речи получает оттенки ударением, повышением голоса, паузами, оформлением слов и размещением их. Таким образом, фонетика, морфология и синтаксис оказываются теснейшим образом связанными в общем их назначении передачи смыслового содержания законченного высказывания.

И все же, слово, сохраняясь в составе предложения и приобретая в нем синтаксическую значимость, продолжает оставаться носителем и своей семантики и своей формы, полученных им в его речевом использовании и закрепленных за ним как за лексическою единицею. Благодаря своей лексической семантике слово попадает в состав предложения, получая в нем конкретную значимость в соответствии с контекстом. Созданное в речи слово из нее и не выходит, но, обращаясь в единицу речи, оно сосредоточивает в себе приобретенную значимость и ее разновидности и закрепившуюся за его семантикою фонетически оформленную основу. В этом виде слово продолжает существовать, не выходя из состава речи. Лексическая семантика слова приобретает в предложении свой особый оттенок, присущий ему в данном предложении. И форма его может видоизменяться соответственно с его синтаксическими функциями.[1] Таким образом, в морфологии, т. е. в учении о построении слова, выделяется как лексическая его сторона, так и синтаксическая.

Такая двойственность, заключающаяся в сочетании свойств, присущих данной единице речи, как таковой, с ее же общими свойствами соучастника речи, вне которой эта единица речи и не существует, оказывается характерною не для одной только морфологии. И фонетика, учение о социально значимом звуке человеческой речи, равным образом, как мы видели, в сильнейшей степени используется в построении предложения. Синтаксическое использование ее не ограничивается только интонациями и паузами. Сама фонема выделяется в языке по ее значимости как различителя лексической семантики слова и как уточнителя синтаксического его значения. В то же время фонетика включает в себя ряд описательных сторон действующих в языке звуков, остающихся собственностью самой фонетики.

Оба указанные раздела грамматики, фонетика и морфология, тесно смыкаются с третьим отделом — синтаксисом, образуя одно целое грамматики. Синтаксическое использование слова и его оформление согласно существующим нормам синтаксического строя связаны со строением предложения. Всякое использование слова в речи есть уже его синтаксическое использование. Синтаксис проникает собою все отделы грамматики, хотя в каждом из них сохраняются свои отмеченные выше особенности. Но и в самом синтаксисе выделяется отдел, наиме-

---

[1] Например, склонение имен, спряжение глагола, изменение прилагательного в порядке согласования.

нее связанный с остальными. Это будет отдел, посвященный специальным вопросам взаимоотношений предложений между собою. Здесь выдвигается вперед предложение как единица речи, а не строение его внутри своего состава, где наиболее ярко выступает слово в его синтаксическом употреблении. Таким образом, учение о социально значимом звуке (фонетика), учение о слове, как бы его ни именовать: морфологией или лексикой, и учение о строении предложения (синтаксис) связаны между собою общими моментами, хотя и сохраняют каждый свои ему присущие свойства.[1]

В том же положении по отношению друг к другу находятся и члены предложения с частями речи. Последние из них представляют собою лексическую группировку, характеризуемую соответствующими синтаксическими свойствами. Таковые приобретаются ими в предложении, где определенная группа слов приурочивается к преимущественному выступлению в значении того или иного члена предложения, или входит в состав его. В то же время, как член предложения, так и часть речи, обладают своими особенностями, которыми они и выделяются: член предложения — в предложении, часть речи — в лексическом составе языка. Оба они имеют свое семантическое назначение и свои формальные отличия. Семантическое их назначение оказывается общим их признаком, свойственным всем языкам, в которых существуют данного рода членения предложения и словарного запаса языка. Эти общие признаки выявляются в каждом языке в отдельности и тут они сопровождаются дополнительными, характеризующими их в каждом языке признаками, формально в нем выступающими. Таковые далеко не все встречаются во всех языках. В одних языках названные общие признаки выражаются одними из разновидностей означенных дополнительных признаков, в других — иными. Таким образом, общие признаки членов предложений и частей речи получают в различных языках разное свое формальное выявление, которое и носит наименование их грамматических категорий. Эти грамматические категории, например, глагольные категории вида, наклонения, залога и т. д., вариируясь по языкам, в свою очередь получают свое различное в них выражение. Так например, залоги в одних языках делятся на залоги с конкретным и безразличным объектом, когда один и тот же глагол, при наличии объекта, получает различное оформление в зависимости от положения этого объекта в предложении (эскимосские, самоедские языки и др.).[2] В некоторых языках прослеживается различное оформление глагола в безобъектных предложениях и в предложениях переходного действия на объект, что выделяет в языке переходные и непереходные залоги (яфетические языки Кавказа и пр.).[3] В ряде языков, в зависимости от активности или пассивности подлежащего, выступают действительный, страдательный и возвратный залоги (индоевропейские языки)[4] и т. д. Следовательно, при анализе членов предложения и частей речи приходится учитывать не столько их общие для всех языков признаки, сколько их грамматические категории, т. е. те признаки, которыми они характеризуются в каждом конкретном языке. Научному учету подлежат, равным образом, и выражения этих грамма-

[1] Ср. о том же в моей предыдущей работе «Общее языкознание». 1940, стр. 27—42.
[2] Подробнее см. стр. 254 сл.
[3] См. стр. 255.
[4] См. стр. 256.

тических категорий в каждом языке, так как не только сами категории, но и выражения их различны в языковом применении. Все отмеченные признаки, как основные, общие для всех языков, так и им сопутствующие в конкретных языках (их грамматические категории), находятся в связи друг с другом. Все же грамматические категории частей речи выступают в зависимой связи от грамматических категорий членов предложений, поскольку членение предложения обусловливает собою группировку словарного состава языка по частям речи.

Если части речи, представляя собою историческое явление, выдвигаются в различных языковых системах, вызванные к жизни требованиями языкового строя, то число их и их характер не могут во всех языках выразиться в одной совершенно тождественной схеме. Поэтому к каждой изучаемой языковой системе необходим самостоятельный до известной степени подход, тем более, что монизм глоттогонического процесса, выявляя общее во всех языках, вовсе не устраняет специфических особенностей каждого языка в отдельности. Эти особенности получают свое отражение в синтаксисе, а синтаксис в лексических группировках. С другой стороны, прослеживание развития частей речи ставит на очередь вопрос об их первоисточнике. [1]

Используя слова самого Н. Я. Марра, мы можем дать следующую характеристику древнейшего состояния лексической единицы: сначала, до деления по частям речи, было одно имя в широком понимании этого термина, имя вообще. [2] Это — не имя существительное, не имя прилагательное, конечно не глагол, а просто «имя». Дифференциация его произошла позднее. Для последующей дифференциации потребовалось уточнение семантики слова с усилением отвлечения понятий, при которых конкретизация проводится уже не в самом слове, а в сочетании слов, сохраняющих каждое в отдельности самостоятельное, более общее значение. Так например, в сочетании *большой стол* смысловое значение слова *большой* вовсе не зависит от стола, а общее понятие о столе вовсе не связано с данным его размером. Эти два отвлеченных понятия в своей совокупности дают более конкретное представление. Конкретизация, в данном случае, получилась в результате сочетания слов, семантика которых отвечает общему смысловому значению этого уже синтаксического построения. Но использованные слова, при всей их самостоятельности как отдельных лексических единиц, все же оказались в составе синтаксической группы неравноценными, чему в известной степени содействовали не только требования самого словосочетания, но и семантика самих соединяемых слов.

В словосочетании *большой стол* содержатся два слагаемых элемента. Первый из них отличается от второго своей семантикою, имеющею целью давать качественную или количественную характеристику другому имени. Это его семантическое свойство и оказалось использованным синтаксическим построением, в связи с чем одно слово по отно-

---

[1] Первоисточником частей речи, как видно из предыдущего изложения, служит членение предложения, а первою частью речи, вернее тем, из чего развились части речи, было «имя» в широком понимании данного термина, т. е. имя, еще не дифференцированное на существительное, прилагательное и т. д.

[2] «Категория части речи, называемая глаголом, в истории языка есть позднейшее явление. Глаголов вовсе не было раньше; действие или состояние выражалось в результате комбинации требуемого для выражаемого состояния или действия имени в окружении других имен, служебных, в числе их с течением времени возникших местоименных элементов». Н. Я. Марр, Происхождение терминов книга и письмо. Избр. работы, III, стр. 222.

шению к другому заняло подчиненное, зависимое положение. Такая зависимая связь получила в только что приведенном русском примере свое внешнее выражение в самом построении слова *большой*. Оно отличается своею формальною стороною настолько ясно, что взятое в отдельности, вне данного синтаксического комплекса, выделяется из числа других своими специальными формантами и подчиненным другому имени родовым согласованием. Оставаясь само по себе, по своей лексической семантике, вне принадлежности к определенному роду, оно тем самым резко отличается от другой части речи, от имени существительного, для которого принадлежность к определенному роду является в русском языке обязательною. Семантика данного слова использована смысловым заданием синтаксического построения, согласно которому одна слагаемая единица должна дать уточнение другой. Выполняя такую функцию синтаксического порядка, слово *большой* выступает как определение к другому, им определяемому слову. Но помимо этих приобретенных синтаксических свойств, и благодаря им, оно в то же время обладает своими формальными особенностями, закрепленными за ним как за лексической единицей. При таких условиях, не может быть никаких сомнений в том, что в русском языке слова подобного рода выделяются в особую часть речи — прилагательные. Но во всех ли языках мы наблюдаем такую же лексическую группировку, отличающуюся не только семантическими, но и формальными признаками? Конечно, нет.

Мы знаем целый ряд языков, например дальневосточные, некоторые яфетические, тюрко-татарские, монгольские и др., в которых определения, нередко, никакими формальными признаками лексического характера не снабжаются.[1] За отсутствием этих признаков они не выделяются из остального запаса имен и ничем не отличаются от других имен, равным образом выступающих в том же значении. Кроме того, они же без изменения своей формы могут оказаться использованными и в ином синтаксическом задании, например, в значении обстоятельственного слова при глаголе, в роли наречия и т. д. Их синтаксическая значимость, при таком их положении, устанавливается только в контексте. Взятые в отдельности, в словаре, они никакими особыми признаками не выделяются, и остается лишь условно, судя по их смысловому содержанию, устанавливать, каким членом предложения или в составе какого члена предложения они могут выступить.[2]

Можно в контексте предложения уточнить синтаксическую роль такого слова, лишенного особого морфологического оформления, но это возможно лишь в данном тексте. В лучшем случае удается учетом разных контекстов установить, что то или иное слово чаще всего выступает в таких-то синтаксических значениях, и только. Представляется иногда возможным, например, выяснить, что такое-то слово чаще употребляется в значении определения или обстоятельства и реже выступает подлежащим, дополнением и сказуемым. Но следует ли отсюда притти к наименованию его «прилагательным» или «наречием». Это еще вопрос, на который, с моей точки зрения, приходится чаще всего отвечать отрицательно.

---

[1] Определение, в данном случае, характеризуется в этой своей синтаксической роли лишь своим помещением, обычно, перед определяемым словом. При таких условиях, слово вне определенного контекста вовсе не устанавливается в своем значении прилагательного; примеры см. на стр. 67, 122 и др.

[2] Примеры см. на стр. 70 сл.

Во всех этих случаях не представляется возможным установить подобного рода детали синтаксического использования слова без привлечения самого синтаксического построения, т. е. только по внешней форме самого слова. Внешняя форма слова не получает здесь никакого значения. Не форма, а содержание слова, его собственная семантика, выступает тут в более решающей роли, до известной степени устанавливающей границы допустимому разнообразию в употреблении слова в различных значениях. Следовательно, при данном положении слова, выдвигается, и то не полностью, лишь одна сторона, лексическая, необходимая для выделения части речи. Другая сторона, синтаксическая, не закрепила за ним тех его формальных показателей, которые характеризовали бы группу слов в той ее функции, какая свойственна ей по преимущественному ее использованию в предложении.

Таким образом, при распределении слов изучаемого языка по частям речи значительную роль играет не только смысловое значение самого слова, но и семантика самого предложения, синтаксическая, если можно так выразиться, семантика членов предложения. Ею используется для построения предложения семантика того или иного слова, которое может выступать в позиции данного члена предложения потому, что соответствует своим смысловым значением смысловому значению члена предложения. Например, подлежащими и дополнениями чаще всего выступают имена существительные, так как этим членам предложения свойственно выражать предметные понятия, тогда как определение, по своему синтаксическому значению, характеризует другое слово, поэтому в роли определения обычно выступают такие слова, которым, по их лексической семантике, свойственно выражать качественные и т. п. понятия. Сказуемое характеризует субъект в его действии и состоянии, в виду чего охват слов, используемых в предикативном значении, весьма велик. Отрицать при таких условиях положительную роль семантики членов предложения при распределении слов на определенные группы не приходится.

С другой стороны, семантическая (смысловая) сторона и формальная тесно связаны. Смысловое значение слова и предложения получает свое формальное выражение в лексическом построении слова и в синтаксическом построении предложения, в котором и слово получает соответствующее синтаксическое оформление. Его имеют субъект, объект, предикат, аттрибут, его же получают слова, занимающие позиции подлежащего, дополнения, сказуемого, определения и т. д. Формальною стороною может быть для члена предложения и выступающего в нем слова занимаемое место в построении синтаксического комплекса и ряд других приемов в их внешнем выражении в построении всего предложения.

Первое из них, место в синтаксическом комплексе, относится к числу чисто синтаксических явлений. На построении самого слова оно никак не отражается. В числе же других приемов выступают и такие формальные показатели, которые, в путях исторического развития, закрепляются за тою группою слов, которой, по их собственной лексической семантике, свойственно выступать данным членом предложения. Такие особые отличительные признаки, синтаксическим путем переданные лексической группе, и являются наиболее показательными при классификации частей речи. Так, в русском языке, именам существительным свойственно склонение, глаголу спряжение, прилагательным изменения, связанные с их согласованием с соответствующим именем существительным, и особый формант, отличающий от других имен, и т. д.

Эти и им подобные показатели закрепляются за самою лексическою группою. Таким образом, синтаксический прием может получить свое отражение в лексической форме. Синтаксический показатель, в таком новом своем положении, утрачивает полноту своего синтаксического содержания. Он уже характеризует определенную группу слов, а не член предложения. И хотя эта характеристика теснейшим образом связана с синтаксическою ролью данной группировки, но все же такая характеристика остается не за синтаксическою категориею, а за лексическою.

Путь такого перехода из синтаксической функции в лексическую с превращением синтаксического показателя в лексико-синтаксический, а иногда и в просто лексический, довольно ясно прослеживается в отдельных случаях. Этот путь, в его общей форме, можно характеризовать следующим образом: слова в предложении приобретают в нем различные качества в зависимости от того, в каком синтаксическом построении и с каким синтаксическим значением они выступают. Само предложение выделяет главные свои члены и второстепенные, а также группирующиеся вокруг них синтаксические комплексы, составляемые из слов различной значимости. Отношение между соединяемыми словами становится, в связи с этим, различным. Одни слова выступают в основном синтаксическом значении, другие же включаются в синтаксические сочетания с другими словами как их уточнители в процессе действия или как их характеристика в их состоянии. Вырабатывается подчиненная аттрибутивная функция.

Такое различие в синтаксической значимости слагаемых частей предложения отражается и на различии синтаксической значимости носителей этих синтаксических отношений, т. е. на используемых в предложении словах. Таким путем выделяются в предложении лексически полноценные слова, которые, несмотря на свою лексическую полноценность, по смысловому заданию предложения выступают в нем в служебной роли. Эта служебная роль заключается в том, что такие слова, полноценные сами по себе, т. е. полноценные, взятые в отдельности вне данного контекста или в другом контексте, получают в данном их использовании синтаксическое значение уточнителя синтаксического положения другого слова в предложении. Такая их служебная функция может обращать их в синтаксические форманты, назначением которых является установление функции другого слова, т. е. того, каким членом предложения оно выступает.

Частое использование в одной и той же роли таких становящихся служебными слов, расширение их употребления в разных контекстах в том же значении, ослабляет их лексическую значимость и усиливает их значение в синтаксическом служении. Это, в свою очередь, ведет к утрате самостоятельного их лексического значения и к обращению их в служебные частицы. Такие служебные частицы легко превращаются в служебные форманты (в аффиксы, флексии), закрепляющиеся за той группой слов, которая обычно выступает в предложении в значении того или иного его члена.

Эти форманты сохраняют только синтаксическую функцию и выступают в слове тогда, когда оно используется в предложении, определяя его смысловое значение в последнем (предлоги и послелоги как выразители падежей, и отчасти и сами падежные формы, детерминативы в иероглифическом и клинописном письме и так называемые классные показатели, местоименные показатели в глаголе и их дериваты в личном спряжении, артикли и т. д.).

Служебные форманты синтаксического значения, проходя указанный путь развития, были первоначально, очевидно, показателями не частей речи, а членов предложения.[1] Они характеризовали их как составную часть предложения, формально оттеняя их значение в нем и отвечая содержанию получающихся синтаксических группировок. В то же время, различные способы построения последних и различное оформление выступающих в них слов привели к упоминавшемуся выше закреплению одних форм за одною группою слов, а других за другою, придавая этим показателям лексико-синтаксическое значение.

Вырабатываются и такие показатели, которые закрепляются за определенною словарною группою, попадая в нее в связи с ее синтаксической функцией, но характеризуя ее уже как лексическую единицу. Таким образом, они превращаются из синтаксических показателей в лексические форманты. Лексическая группа, закрепившая такие форманты за собою, сохраняет их в качестве уже словообразовательных элементов и попадает с их оформлением в словарь языка. Любое слово этой группы, взятое в отдельности, вне зависимости от контекста предложения, уже по одному своему построению, а не только по своей семантике, ясно указывает на его основное синтаксическое использование. В этом случае уже одна формальная сторона указывает на то, каким членом предложения или в какой синтаксической группировке оно преимущественно выступает. Так например, аттрибутивная функция, которая в строе предложения выполняется определенною группою имен, снабжает сами эти имена специальными формальными показателями. Эти показатели закрепляются за ними как за лексическими единицами и сохраняются за ними и тогда, когда они выступают вне строя предложения, например в словаре.[2] Такая группа выделяется этими формантами из числа других группировок и образует самостоятельную часть речи, которой присваивается свое отдельное наименование, в данном случае — прилагательных, ср. тот же процесс в образовании наречий и т. д.

Таким образом, для выделения в каждом языке частей речи требуется не только семантическое объединение ряда слов в особую группу. Этого еще далеко не достаточно. Слово, по присущей ему семантике, может выступать в различных синтаксических значениях, например, имя существительное может быть подлежащим (*камень стоит*), дополнением (*я взял камень*), определением (*дом из камня,* ср. *каменный дом*), может выступать также в сказуемом (*гранит — камень, сердце не камень*) и быть обстоятельственным словом (*подбитая птица камнем упала в траву*). Именно на этом основании, т. е. по семантическому признаку, нередко устанавливается общность основ имени и глагола. В целом ряде языков (семитических, северных и др.) одни и те же основы встречаются в той и другой частях речи, различаемых, очевидно, не по одной только семантике слов, но и по внешним структурным свойствам. Следовательно, одной семантики слова далеко недостаточно для установления характерных сторон разделяемых друг от друга частей речи. Для их различения требуется также и наличие определенных формальных признаков, по которым можно было бы судить о той

---

[1] Этим, само собой разумеется, вовсе не отрицается возможность последующего развития служебных формантов при самих частях речи.

[2] Ср. выше на стр. 13 сл., где приводился обратный случай, а именно отсутствие таких закрепившихся за словом синтаксических формантов, что в ряде упомянутых там языков не дает столь же ясного выделения данных частей речи.

основной синтаксической функции, которую данная группировка слов выполняет в строе предложения.

Отсюда следует вывод о том, что те группировки словарного состава языка, которым мы присваиваем наименование частей речи, образуются в языке лишь тогда и лишь в том случае, когда группировка слов происходит не только по их семантике, но и по наличию в них упомянутых выше характеризующих формальных показателей. Эти показатели исторически вырабатываются и оформляются в языке. Они закрепляются за данною группою слов. Если этого нет, то членение предложения не обусловливает выделения частей речи.

На этом и было обосновано все предыдущее изложение, отсюда же выдвигаются и вытекающие из него выводы. Как мы видели, такое закрепление особых формальных показателей за отдельною группою слов имеет своим результатом то, что они к своей синтаксической роли присоединяют еще лексическую характеристику словарной группировки. Благодаря этому, слово как таковое, т. е. взятое вне состава предложения, структурно включается в определенную группу, по структурным же показателям выделяющуюся в составе других, наличных в данном языке. Отсюда, казалось бы, можно было притти к установлению общих правил для такого выделения группирующихся составов слов и в итоге признать наличие в каждом языке одних и тех же частей речи. Но именно это и противоречит как историческому ходу развития языков, так и современному состоянию каждой языковой системы в отдельности.

Ход образования новой лексической группировки имеет свое историческое обоснование и свои характерные свойства. В числе последних особое на себя внимание обращает то, что идущий в языке процесс приводит к приобретению формальными показателями сверх их первоначального синтаксического значения также и значения лексических определителей данной группировки слов. Такой переход этих показателей из синтаксической категории в лексическую происходит в различных языках вовсе не одними и теми же путями. Разные языки выработали не только свои системы показателей, но и используют различные синтаксические приемы для сочетания слов в предложении. Одни и те же синтаксические задания выполняются различными средствами, и вовсе не все эти средства, вполне удовлетворяющие заданиям передачи законченного построения предложения, выступают в роли характеризующих признаков частей речи. Многие из них остаются характеризующими лишь для членов предложения.[1] Следовательно, не только говорить о наличии во всех языках формально сходных показателей, но и утверждать о наличии во всех языках сходных группировок словарного состава вовсе не приходится. Значит, не во всех исторических периодах развития речи и не во всех действующих языковых системах, т. е. не во всех языках, незыблемо существуют одни и те же части речи.

Это ясное, казалось бы, положение все же нуждается в некотором к себе более усиленном внимании, так как нередки случаи, когда исследователь приходит к смешению показателей членов предложения с показателями частей речи. Но член предложения не есть часть речи и наоборот. Следовательно, показатели члена предложения вовсе не всегда являются показателями и части речи. Между тем, бывают случаи, когда исследователь берет в основу классификации частей речи любые синтаксические признаки. Даже место, занимаемое словом в строе

[1] См. стр. 111 сл.

ქუთაისის
ილია ჭავჭავაძის
სახელობის სამეცნიერო
ბიბლიოთეკა

предложения, признается за критерий морфологического характера и тем самым иногда привлекается к суждению о частях речи.[1] Между тем, такие синтаксические средства, определяющие член предложения, остаются связанными рамками чисто синтаксических заданий и не приемлемы вне строя предложения, где слово, как лексическая единица, все же имеет свое существование.

Само собою разумеется, я не берусь утверждать того, что в научной литературе, будто бы, укрепилось мнение о тождестве во всех языках таких показателей, которые выделяют лексическую группировку по ее семантическому значению и по ее синтаксической роли. Такого общего утверждения о формальном во всех языках тождестве упомянутых выше показателей в научной литературе, конечно, не существует. Но стремление к установлению во всех языках сходных лексических групп, с приурочением к ним общей номенклатуры частей речи, все же имеется.

Это стремление к унификации всех языковых структур с насильственным приурочением к ним общей языковой конструкции выступает наиболее ярко при подходе исследователя к мало изученным языкам. Именно поэтому в свое время оказались иногда совершенно искусственно перенесенными на иносистемные языки нормы, установленные по наиболее изученным образцам индоевропейских языков. Воспитанная на классических языках и на углубленном анализе современных европейских языков лингвистическая наука уже имела детально разработанную схему деления на части речи. Эта схема и легла в основу изучения языкового строя других языков, постепенно обогащавших кругозор лингвистики по мере включения их в исследовательскую работу.[2]

Было время, когда ко всем языкам, при анализе их структурных свойств, применялись привычные для исследователя нормы его родной речи и тех языков, с которыми он знакомился на школьной скамье. Все эти языки укладывались в одну схему, и эта ставшая обычною для исследователя схема распространялась им на другие.[3] Если же этому препятствовали слишком ярко выступавшие специфические особенности фактического материала вновь привлекаемых к изучению языков, то это нередко сводилось к признанию одних языков культурными, а других некультурными, исходя только из тех формальных признаков, которые противоречили заранее взятой схеме, признанной за образцовую. Такие отступления от искусственно навязываемых общих правил получили тем самым свое весьма своеобразное объяснение. На тех же основаниях, если не всегда открыто высказываются, то по презумпции чувствуются тенденции к признанию отсталости и меньшей культурности языков агглютинативного типа по сравнению с флективными и т. д.[4]

Такая опасная тенденция и все ее основные недостатки неоднократно отмечались в литературе, в особенности последних лет, но тем не менее эта тенденция в зарубежной научной литературе вовсе еще окончательно не искоренилась. Даже более того, она еще находит се-

---

[1] См., например, Ж. Вандриес.

[2] Ср. «Если бы принципы, на которых мы ее [французскую грамматику] построили, были бы установлены кем-либо другим, а не учениками Аристотеля, французская грамматика была бы безусловно совсем другой». Ж. Вандриес, «Язык», стр. 92.

[3] См. о том же у Э. Сепира. Соответствующие цитаты из его работы «Язык» (стр. 96 и др.) приведены мною в «Общем языкознании», 1940, стр. 16—17 и пр.

[4] См. о том же у Э. Сепира, ц. с., стр. 97.

бе почву для применения, чем и объясняются нападки на нее в наиболее передовой лингвистической литературе вплоть до открытых выступлений на международных лингвистических конгрессах.

Советское языкознание дает по этому вопросу резко отрицательный ответ. Опыт языковедческой работы у нас обогатился в особенности за последние 10—15 лет, когда лингвистические кадры должны были принять на себя труд по составлению школьных и научных грамматик для многочисленных языков Союза, тем более для недавно получивших письменность и развивающих у себя новые течения быстро растущих литературных языков. Опыт проведенной огромной работы по изучению разнообразящихся речевых структур выдвинул ряд сложнейших вопросов именно в указанной области, в установлении действующих в языке норм построения предложения и оформления выступающих в нем слов.

Литературные языки, в особенности вновь возникающие у бесписьменных до того народов, значительнейшим образом видоизменяют строй речи, в особенности синтаксис. Они вводят новые нормы построения предложения, оформления входящих в его состав слов и совершенствуют, иногда изменяют, существующие в живой речи приемы синтаксических сочетаний.

На развитие этой темы и направлено содержание настоящего моего исследования.

Признавая наличие в частях речи и лексических и синтаксических критериев, нам приходится рассматривать их параллельно с членением самого предложения. В грамматическом построении предложения наблюдаются, равным образом, различные взаимоотношения между слагаемыми его частями, что получает внешнее выявление в различных формальных сторонах, придаваемых выступающим словосочетаниям. Какие именно словосочетания имеют место в каждом отдельном языке, об этом легче всего судить по тем формальным приемам, к которым прибегает языковой строй для передачи действующих в нем синтаксических отношений. Эти приемы не случайны, они возникают в указанных заданиях передачи синтаксически устанавливаемых связей между словами предложения. Они действуют и видоизменяются. Они могут передавать различные синтаксические отношения в различных языках и иногда в одном и том же языке при различных условиях их грамматического использования. Но основная служебная их функция показа наличных в языке синтаксических отношений от этого не утрачивается. Требуется лишь более углубленный их анализ для установления конкретного их значения в каждом конкретном случае их применения. В этом и заключается их показательная сторона. Слова согласуются с другими словами, или управляются ими, или примыкают к ним и т. д. потому, что образуют в предложении одно общее целое. Это общее целое в своей совокупности соответствует единству смыслового значения, которое придается в построении всего предложения таким способом выделяемым группировкам слов. В целях уточнения вопроса о членении предложения по тем признакам, которые в самом же предложении получают свое внешнее выражение, мною и обращается особое внимание на те способы передачи синтаксических отношений, которые в языках выработались и в них сохраняют действующую силу.[1]

---

[1] Вопрос о способах выражения синтаксических отношений не нов. О них упоминается даже в школьных пособиях по языку, см., например, у С. Г. Барху-

Строй каждого языка, на какой бы ступени своего развития он ни стоял, уже многогранен. Применяемые в каждом языке способы синтаксического сочетания слов могут оказаться крайне разнообразными. Поэтому, естественным образом, в мою задачу вовсе не входит дать полный их перечень. Я ограничиваюсь лишь несколькими, наиболее, по моему мнению, показательными.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность проф. Е. С. Истриной, подробно ознакомившейся с моею работою и сделавшей ряд ценных замечаний. Равным образом, искреннюю благодарность выражаю моим учителям казахского языка С. Жиенбаеву, С. Кенесбаеву и Н. Сауранбаеву, давшим мне возможность во время моего пребывания в Алма-ата войти в детали строя казахской речи и широко использовать ее материалы. Основные установки настоящей моей работы обсуждались на заседаниях лингвистического кружка, организованного в 1942 г. при Казахском филиале Академии Наук, и семинара на филологическом факультете Казахского государственного университета. Членам этого кружка и семинара, принимавшим участие в обсуждении моих докладов, выражаю также искреннюю мою признательность.

Совместная работа специалистов по языкам различных систем в значительной степени содействует расширению научного кругозора и углублению сравнительного метода, объединяемого общею целеустремленностью. Этому в значительной степени содействовали подъем в СССР национальных культур и им обусловленного изучения национальных языков. Научная работа получила необычайные возможности для своего развития. С неослабеваемой энергией она продолжала свой рост и в годы Великой Отечественной войны, объединяя научные силы на совместный творческий труд.

Создавшимися возможностями я и воспользовался для оформления настоящей моей работы, предназначенной в основном для широких кругов научных специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов-филологов старших курсов.

дарова, Грамматика русского языка, часть II (синтаксис), 1938, стр. 7—8, § 3. Но упоминание о них ограничивается, обычно, голым их перечнем без каких-либо попыток построения по ним анализа выявляемых синтаксических группировок в членении предложения, ср. также С. И. Абакумов, Современный русский литературный язык, 1942, стр. 119 сл.

ГЛАВА I

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В СТРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Если совершенно предположительно допустить, как это делается рядом ученых, что в начальных периодах речи один звуковой комплекс выражал собою вполне законченное предложение, то в таких комплексах трудно усмотреть подлежащее, сказуемое и дополнения.[1] Не выделенные нормами сознания, они находились в этом комплексе еще в невыявленном состоянии. Говорить о членах предложения можно лишь после того, как действующие нормы мышления стали различать производителя процесса от самого процесса, действие от предмета его направленности, субстанцию от ее признака, и после того как многочисленные приемы их выражения в речи привели к их же выделению в составе предложения, дав цельное синтаксическое построение.

Отдельное высказывание приобретает синтаксическое строение предложения, причем предложение, цельное по своему содержанию, получает, в свою очередь, членение внутри своего состава. Выделяются члены предложения.

При этом членении вырабатываются синтаксические сочетания слов предложения, все слагаемые части которого являются носителями приуроченного им смыслового содержания и в своей совокупности представляют одно построение. В связи с этим составные части предложения вступают между собою в синтаксические отношения. Такие синтаксические отношения существуют между главными членами предложения, между ними и второстепенными, внутри членений предложения между их составными частями. Слово, содержащее законченное выражение отдельного высказывания, имеет синтаксическое содержание и синтаксическое построение, но не выявляет синтаксических отношений. Синтаксические же отношения внутри предложения, которые и являются предметом нашего рассмотрения, выступают только в более слож-

---

[1] См. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 203; Hermann Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage. 1920, S. 35, 183, Schuchardt-Brevier, 1928, VI—I, II; VIII, S. 211, 262; O. Jespersen. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. 1925, XXI, S. 428—433, §§ 13—15 («Language...», 1925, p. 436—441).

ном строе предложения, развернутого или инкорпорированного, так как и в последнем выделяются полноценные слагаемые части.

Останавливаясь на этих видах уже составного предложения, не исключая и инкорпорированного, мы сосредоточиваем сейчас основное наше внимание на тех способах, которыми упомянутые выше синтаксические отношения получают свое внешнее выражение в предложении. Установившиеся синтаксические отношения выявляются формальными путями, которые в итоге дают структуру предложения. К этим формальным способам выражения синтаксических отношений мы и обращаемся в дальнейшем изложении.

Синтаксические отношения между членами предложения и синтаксическими группировками слов выражают те отношения, которые устанавливаются между основными понятиями высказывания, между субъектом и предикатом, между субстанциею и ее аттрибутивными признаками и т. д. Под синтаксическими отношениями понимаются те отношения, которые выявляются в строе предложения между подлежащим и сказуемым, между подлежащим и его определением и пр. Эти отношения получают различное выражение в способах своей формальной передачи.

Такие синтаксические приемы, которыми пользуется речь при построении предложения, имеют свое весьма продолжительное историческое прошлое. Они возникли и развились как одно из основных средств, которыми пользуется говорящая общественная среда, их создавшая и их развивающая. Целевая их установка — содействовать выражению в предложении того, что содержится в мысли говорящих и передается в устной и письменной речи как основном средстве коммуникации. Слова, имеющие общее значение, когда они берутся сами по себе, например в словаре, соединяются в предложении для передачи конкретного содержания законченного выражения. Это соединение основных его частей и дополнительных, занимающих свое место в членении предложения, проводится различными синтаксическими средствами, твердо входящими в общественную практику. Синтаксические приемы, использующие для этого наличные в языке средства, при такой их целеустремленности оказываются тем цементом, который скрепляет слагаемые части, образующие в своей совокупности одно стройное целое предложения.

Синтаксические приемы, при таковом определении их практической значимости, с одной стороны, служат необходимым средством для построения предложения в каждом языке, а с другой — дают исследователю возможность войти в анализ строя самого предложения, наиболее ясно усваивая себе процесс его образования, пути его развития и значение отдельных слагаемых частей в общем его же построении. Отдельные языки обладают для этого богатыми и весьма разнообразными средствами синтаксиса и морфологии, разделяя и соединяя составные части предложения. То, что выделяется в его строе, является отражением того, что выделяется в общественном сознании. Поэтому, правильное усвоение конструкции смыслового содержания высказывания в его внешней передаче в предложении имеет для лингвиста решающее значение. В этой сложной работе ученого невозможно обойтись без наиболее широкого использования тех данных, которые выявляются многообразными синтаксическими приемами, используемыми при построении предложения и оформлении слов, входящих в его состав.

2. ИНКОРПОРИРОВАНИЕ ПОЛНОЕ

Одним из таких приемов является слияние слов в одном объединяющем их составе, которому обычно присваивается наименование инкорпорированного. То инкорпорирование, которое дошло до нас по материалам живых языков, оказывается уже в значительной степени развитым.[1] Под этим приемом понимается особая, с нашей привычной точки зрения своеобразная, форма передачи законченного высказывания одним построением, представляющим собою слияние нескольких корнеслов. Такое предложение, составленное из одного слившегося комплекса, изменяется в своих слагаемых частях по заданиям, которые даются смысловым содержанием каждого контекста в отдельности. Сливаемые воедино части такого инкорпорированного целого имеют свое лексическое содержание, с которым они выступают в других сочетаниях с иными, равным образом семантически значимыми, словами. Сливаясь, они подчиняются общему ударению и взаимному влиянию в соответствующей звуковой части. Сливаемые слова могут фонетически изменяться, усекая свои основы и выявляя свои правила гармонии звуков. Подобного рода слитный комплекс начинает и заканчивает собою полное содержание всего высказывания, в которое входят субъект, выразитель самого действия, предмет действия, если он требуется смысловою стороною контекста, а также всякого рода аттрибуты, выражаемые каждый отдельными сливающимися словами. Таким образом, в инкорпорировании мы имеем цельное синтаксическое построение в одном слитом виде, что внешне напоминает слово, с одним законченным смысловым содержанием, что соответствует предложению. Поэтому, данного рода слитному словосочетанию присваивается иногда наименование слова-предложения.[2]

Судя по его построению, дифференцирующему составные части одного общего целого, можно притти к выводу, что в нем отражается далеко не примитивное восприятие окружающей действительности. Сознание говорящей общественной среды различает лицо, действующее или испытывающее результаты действия, само действие или состояние, в котором находится это лицо, а также различные аттрибутивные к ним характеристики. Все эти понятия получают в инкорпорировании одну сливаемую грамматическую форму, в которой нет членения предложения на слова. Поэтому и синтаксические отношения, выступающие между членами предложения, отсутствуют. Вместо них выступают иного рода синтаксические связи, а именно связи между сливаемыми частями общего инкорпорированного целого, синтаксическим приемом выражения которых оказывается сам процесс слияния.

Так например, в полном инкорпорировании типа словослияния, используемого в североамериканском языке цимшиан, *tyukligiłoə'epdalot* «он начал куда-то вниз прятать это»,[3] или в упоминаемом В. Г. Богоразом чукотском предложении *тымынгынторкын* — «я вынимаю руки»,[4]

[1] Мною имеется в виду инкорпорирование, наблюдаемое в северных языках и в языках североамериканских индейцев.

[2] Несколько более полный обзор структурных свойств подобного рода инкорпорирования дается мною в «Общем языкознании», 1940, стр. 72—81, см. также Г. М. Корсаков, Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках, «Советский Север», IV, 1939, стр. 27 сл.

[3] См. Языки и письменность народов Севера. III, 1934, стр. 7.

[4] Пример взят из статьи В. Г. Богораза о луораветланском (чукотском) языке, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 6.

в коряцком *накомайн'ытамйун'н'ыволамык* — «они постоянно сильно нас обманывают» [1] — субъект, объект и предикат представлены в одной слитной форме, при которой говорить об отдельных членах предложения не приходится. Между тем, во всех приведенных инкорпорированных комплексах передается определенными синтаксическими приемами содержание целого предложения, построенного с точным соблюдением выработанных правил. Здесь имеются уже предложения, которые содержат основные элементы высказывания, которые, в свою очередь, требуют синтаксического своего оформления. Это оформление выражается порядком размещения слагаемых частей в едином синтаксически цельном построении (локализация), [2] соединяемом приемом инкорпорирования. Стоящее в начале только что приведенного примера из индейского языка *t* является в этом построении субъектом (*он*) при предикате *dal* (сование, прятание), после которого стоит объект *ot* (это). Остальные элементы инкорпорирования уточняют его упомянутые стержневые части, как-то *yuk* означает начало действия, *ligi* — неопределенность места направления действия, *loə'ep* — направление вниз. Во всем данном построении наблюдается известная закономерность в размещении его частей, а именно постановка субъекта в начале, предиката в конце с объектом после него. Части, уточняющие совершаемое действие, помещаются между субъектом и предикатом. Среди этих слагаемых частей некоторые выступают как главные, некоторые же семантически связаны уже с ними и потому получают служебное значение. [3] В чукотском предложении субъект *ты* — «я», равным образом, начинает весь инкорпорированный комплекс, но объект *мынгы* — «руки» поставлен перед предикатом, выраженным словами *нто* — «выход» и *ркын* — «делание», обратившимся затем в глаголообразующую приставку. В коряцком примере субъект *на* — «они» стоит в начале, объект *ламык* — «нас» в конце, а между ними помещен предикат *тамйун'* — «обманывание», вокруг которого сгруппированы к нему относящиеся слова и частицы *ко* — «сейчас», *майн'* — «большой» и *н'ыво*, означающее продолжительность действия. [4]

Сказать, что синтаксис в этих инкорпорированных предложениях выступает не в полной мере, крайне затруднительно. Наоборот, мы имеем тут развернутое синтаксическое построение, подчиненное точно выработанным в языке правилам. Но прием синтаксического выражения, использованный в этом построении, а именно инкорпорирование, дает необычную для нас схему одного целого, сближающегося с формою слова со всеми присущими ему внешними особенностями, как-то общностью ударения, сингармонизмом и т. д. Все же от слова, как лексической единицы, инкорпорированные конструкции данного типа резко отличаются, хотя и не столько формой, сколько своим содержанием. В них передается субъект с процессом действия, направленным на объект, или субъект, испытывающий на себе результативность действия. Это уже предложение, т. е. синтаксическое, а не лексическое построение. Оно, как мы только что видели, разлагается на слагаемые

[1] Там же, С. Н. Стебницкий, Нымыланский (коряцкий) язык, стр. 51. В этом примере инкорпорирование переходит в полисинтетическое построение.

[2] См. стр. 90 сл.

[3] Таковыми оказываются перечисленные выше тяготеющие к предикату показатели неопределенности места действия, его начала и направленности.

[4] В каждом из этих языков, как мы видим, имеется свой порядок размещения сливаемых слов и частиц. Но в каждом языке выработанный в нем порядок строго соблюдается.

части, которые выделяются с достаточной ясностью. Но все же примененный к их соединению синтаксический прием (полное инкорпорирование) оказывается настолько своеобразным, т. е. отличается такими свойствами, что позволяет говорить о «членах инкорпорирования», а не об отдельно выраженных членах предложения.

Такие отделяемые «члены инкорпорированного предложения» можно было бы также назвать членами предложения вообще, тем более, что инкорпорированный комплекс представляет собою предложение, но этому препятствует обычное и уже укоренившееся в грамматиках понимание членов предложения. Последние воспринимаются как самостоятельно, морфологически или локально, оформленные слова в определенном синтаксическом их использовании. Ни один лингвист не усматривает в русском *ид-у* два члена предложения, хотя в нем выражены субъект и предикат. Равным образом, лишь школьная грамматика выделяет в таких глагольных формах, как французская *je-te-quitte* три члена предложения: подлежащее, прямое дополнение и сказуемое. И в этом построении, кстати весьма близком к только что приведенному коряцкому примеру, выступает только один член, хотя в нем, кроме предиката, содержатся еще субъект и объект. [1]

Сохраняя укоренившуюся традицию и следуя ей, я не считаю себя вправе, при всех сделанных выше оговорках, отождествлять части инкорпорирования с членами предложения. Если даже их назвать членами предложения, то придется сейчас же прибегнуть к оговорке о том, что они качественно резко отличаются от тех членов предложения, представление о которых выработано на материалах языков, предложения которых строятся из отдельных слов. Хотя понятие о предложении и о его составных частях выработано на одностороннем материале без учета широко распространенных инкорпорированных форм, все же укоренившееся представление о членах предложения, с одной стороны, и вновь привлекаемое в параллель к ним понимание частей инкорпорирования, с другой, настолько различны, что все равно потребуется разное для них наименование. Следовательно, в инкорпорированном построении указанного полного типа применяется такой синтаксический прием, который не дает возможности говорить о наличии в нем членов предложения в общепринятом их понимании.

Такой синтаксический прием имеет широкое распространение в индейских языках Америки, он же еще встречается и в ряде северных (палеоазиатских) языков, в частности в языках эскимосской и чукотской групп, в юкагирском языке и др. [2] Этот прием выступает в них

---

[1] См. стр. 173. По поводу такого же построения А. Мейе говорит: «французское слово одно, так как ни один из трех его элементов, которые только по традиции пишутся отдельно, не имеет ни собственного смысла, ни отдельного существования» (Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 359—360), ср. его же La méthode comparative en linguistique historique, 1925, p. 24; Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 259; Ж. Вандриес, Язык. Русск. перевод, 1937, стр. 89; O. Jespersen. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. 1925. XXI, S. 412—415, § 6.

[2] Описание структурных разновидностей инкорпорирующего языка гренландских эскимосов, см. F. N. Finck, Die Haupttypen des Sprachbaus. Aus Natur und Geisteswelt, Band 268, 2 Auflage, 1923, S. 31 f. По общему вопросу см. Ж. Вандриес, Язык, русск. перевод 1937, стр. 90; В. И. Иохельсон, Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка, Изв. Ак. Наук, 1912, стр. 1031 сл.; его же, Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова, Изв. Ак. Наук 1919, стр. 133 сл., 287 сл.; его же, Унанганский (алеутский) язык, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 129 сл.; H. Steinthal

обычно в отдельных случаях, не устраняющих возможности использования и иных синтаксических средств для построения предложения с отдельно оформленными словами.[1]

3. ИНКОРПОРИРОВАНИЕ ЧАСТИЧНОЕ

Другой тип инкорпорирования выделяется своими отличающимися от первого особенностями. В нем сливается не все предложение в его целом (полное инкорпорирование), а лишь те составные его части, которые наиболее друг с другом связаны по своему смысловому значению. Таким приемом объединяется то, что в своей совокупности дает законченное синтаксическое выражение, получающее самостоятельное значение в предложении. Другими словами, здесь объединяется то, что воспринимается как одно целое, то есть то, что образует в предложении внутреннюю группировку, составные части которой семантически тяготеют друг к другу. Так, в языках чукотской группы и в гиляцком объединяются в одно инкорпорированное целое определение с определяемым, ср. гиляцкое *ыгхркъан* — «черная собака» (*ыгхр* — «чернота», *къан* — «собака»). В гиляцком языке, кроме того, соединяются выражение действия с конкретизирующим его направленность объектом, ср. *рал ывньтлын'ан* — «лягушка весло потянула» (из народной сказки, *ывнь* — «весло», *тлы* — «тянуть», *н'ан* — предикативный показатель последовательности действия).[2]

Все эти примеры не дают в одном слитном сочетании слов законченного предложения, которое мы видели в построении ранее рассмотренного инкорпорирования. Таким образом, вторая разновидность инкорпорирования значительно отличается от первой. Одна из них, та, о которой уже шла речь, передает все построение предложения целиком в одном слившемся синтаксическом комплексе, другая, на которой мы останавливаемся сейчас, разделяет цельный состав предложения на части. Каждая из этих частей имеет свое содержание, но ее содержание не охватывает всего высказывания, а ограничивается передачею одного из понятий, составляющих высказывание. Такое ограниченное по своему содержанию слившееся целое представляет собою соединение ряда слов. Все же это соединение не дает нового лексического образования, а сохраняет значение синтаксического сочетания слов, группирующихся вокруг стержневого слова, с которым они связаны, как выразители его аттрибутивных признаков. Лишь совокупность таких слившихся комплексов частичного инкорпорирования передает полное содержание всего высказывания и выступает как законченное построение предложения. Это предложение выступает уже не единым

Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues, 1860, S. 214, 220; ср. Schuchardt-Brevier, 1928, S. 211, 262, 272—289; W. Bogoras, Chukchee, Handbook of American Indian Languages, Part 2; В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, Сборник «Языки и письменность народов Севера», III, стр. 6 сл.; С. Н. Стебницкий, Нымыланский (коряцкий) язык, в том же сборнике, стр. 51 сл.; В. И. Иохельсон, Одульский (юкагирский) язык, там же, стр. 151. Ср. также известную работу W. von Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa, 1836, § 17.

[1] Одновременное использование инкорпорированных построений слов-предложений и предложений, разбитых на слова, наблюдается в языках чукотском, юкагирском и др.

[2] См. отрывок из гиляцкой народной сказки, приведенный на стр. 183, 316.

комплексом, как это имеет место в приведенном выше полисм инкорпорировании, а сочетанием ряда комплексов, образованных каждое своим сочетанием сливающихся слов.

Передавая законченное высказывание сочетанием нескольких инкорпорированных комплексов, такое предложение уже разбивается на составные части, наличие которых обязательно для полного его построения. В первую очередь утрачивают единую схему инкорпорирования субъект и предикат. Они выделяются, воспринимаемые каждый в отдельности, и привлекают к слиянию с собой те слова, которые семантически связаны с ними, как выразителями господствующего понятия и его признака в бытии. Затем выделяются носители тех понятий, которые в смысловом построении всего высказывания выступают с самостоятельным значением.

Здесь мы уже имеем членение предложения, в котором соединившиеся слова представляют собою синтаксическую единицу внутри предложения. Пример для иллюстрации этого положения возьмем из чукотского языка: *тан'кляволя кора нмыркынен* — «хороший мужчина (охотник) оленя убивает». Тут определение *тан'* — «хороший», слившись с определяемым *клявол* — «мужчина», выступает в предложении одним его членом, в данном контексте подлежащим. Всё это слившееся словосочетание получает единое оформление. Оно все целиком стоит в творительном падеже (*клявол-я*), являющемся в языках чукотской группы не только падежом орудия действия, но и падежом активного субъекта.[1]

Определение и определяемое воспринимаются в данном синтаксическом построении предложения как одно целое. Господствующее здесь понятие (*человек*) является стержневым и уточняется своим аттрибутивным признаком (*хороший*). Цельность получившегося расширенного представления (*тан'клявол* — «хороший-человек») ясно выделяет это словосочетание приемом частичного инкорпорирования от других тут же выступающих слов: *кора* — «олень» и *нмыркынен* — «убивает». Оба слова *тан'* — «хороший» и *клявол* — «человек (мужчина)» сливаются и как одно синтаксическое целое получают одно общее падежное оформление (*тан'клявол-я* в инструментальном творительном падеже). Такое единое представление о выразителе предметности вместе с его качественным признаком передается в данном случае слиянием, так же как в других, неинкорпорирующих, языках, оно же передается примыканием, ср. казахское *жақсы бала,* или согласованием, ср. русское *хороший ребенок* (*мальчик, дитя*). Во всех трех примерах мы видим передачу одного и того же восприятия тесной связи определяемого с его определениями, выражаемой в одном случае слиянием с общей для всего комплекса падежною формою, в другом — примыканием, равным образом, с одним общим падежным окончанием. Примыкающее определение *жақсы* — «хороший», «хорошо» по падежам и числам не изменяется. Соответствующее число и падеж получает только слово *бала* — «ребенок, дитя, мальчик», ср. *жақсы бала* — «хорошее дитя», *жақсы балалар* — «хорошие дети», *жақсы балаларда* —

---

[1] В чукотскую группу языков входят чукотский (луораветланский), коряцкий (нымыланский) и ительменский (камчадальский). Оформление подлежащего в предложениях переходного действия не именительным падежом, а одним из косвенных или особым, активным, дает эргативное построение предложения, см. в моей работе «Общее языкознание», 1940, стр. 152—176.

«у хороших детей» и др.[1] Ту же передачу связи дает и согласование, при котором определение уже само снабжается падежным окончанием, но его изменение по падежам остается общим для всего словосочетания: определяемое и его определение стоят в одном и том же падеже и числе, ср. русское *хорошие дети, у хороших детей* и т. д.[2] Сравнивая эти три различные способа передачи смысловой связи в синтаксическом сочетании слов, мы видим, что слияние, образуемое частичным инкорпорированием, является одним из способов выражения действующих в языке синтаксических отношений в расчленяемом предложении, выполняя ту же синтаксическую функцию, как и остальные.

В только что приведенном чукотском примере, благодаря наличному в нем частичному инкорпорированию, можно установить те отделяемые им части, которые, не поддаваясь слиянию, выступают самостоятельно. Они и будут основными слагаемыми расчлененного предложения. Таким образом, в *тан'кляволя кора нмыркынен* — «хороший-мужчина [охотник] оленя убивает» ясно выделяются только три члена предложения: подлежащее, прямое дополнение и сказуемое. Определение не занимает особой позиции члена предложения. Оно семантически настолько связано с определяемым им словом, что воспринимается как одно понятие, что и получает свое выражение в их слиянии. Объект воспринимается более самостоятельно. Его связь с глаголом не дает в чукотском языке их слияния в одном составе сказуемого. Так обстоит в языках чукотской группы. В гиляцком языке мы имеем иную схему. В этом языке и прямое дополнение отдельно не выделяется.

В гиляцком языке такую же неразрывную связь, какую мы только что видели в слиянии определения с определяемым, образует также выразитель действия с объектом его направленности. Переходное действие в этом языке без объекта не воспринимается, поэтому они сливаются в одно целое синтаксическое построение, ср. гиляцкое *урланивх тьокъудь* — «хороший человек ловит рыбу». Определение *урла* — «хороший» сливается со своим определяемым словом *нивх* — «человек».[3] Равным образом, объект *тьо* — «рыба» сливается с выразителем действия *къу* — «ловля, ловить»,[4] и весь получившийся единый комплекс снабжается особым предикативным показателем — *дь*, оказавшимся общим для всего данного комплекса *тьокъудь*. Таким образом, гиляцкий язык дает другого рода словосочетания. В нем выразитель аттрибутивности, как признак господствующего понятия, сливается с ним в одну синтаксическую группу, ср. *урланивх* — «хороший человек (нивх)». Такие же признаки объекта сливаются с ним, ср. *пилатьо* — «большая рыба», «большую рыбу». Но и сам объект сливается с выразителем действия, выступая, в свою очередь, его признаком, ср. *пилатьокъудь* — «большую рыбу ловить». Получается уже иное, чем в чукотском языке, членение предложения. Представление о субъекте отделяется от представления о предикате, что в строении предложения выделяет синтаксический комплекс подлежащего и синтаксический комплекс сказуемого. Прямое же дополнение отдельным членом предложения не выступает, ср. *урланивх пилатьокъудь* — «хороший нивх —

---

[1] О примыкании, как особом синтаксическом приеме см. стр. 64 сл.
[2] О согласовании см. стр. 42 сл.
[3] Самоназванием гиляков служит слово «нивх», означающее «человек».
[4] Основа *къу* применяется в широком значении убивать всякое животное, в том числе и рыбу. Выражение *тьокъудь* буквально означает «рыбу убивать».

большую рыбу ловит». И здесь слияние (инкорпорирование) слов выступает как синтаксический прием, выражающий создавшиеся в языке отношения между основными членами предложения.

Каждый такой синтаксический комплекс, передавая собою господствующее понятие с его признаками, образует одно слившееся целое, семантически замкнутое по своему содержанию. Основным в такого рода слитном сочетании слов выступает выразитель господствующего понятия, при котором присоединение к нему его же признаков оказывается факультативным и зависящим от смысловой стороны всего контекста. Следовательно, ведущею и необходимою частью сливаемого словосочетания продолжает оставаться выразитель господствующего понятия, которое, в отличие от его признаков, может в том же языке выступать и самостоятельно. Выразители признаков в этом их аттрибутивном значении отдельно не выступают. При таком положении сказуемое выделяется своим выражением господствующего в предложении понятия, как и подлежащее. Отсутствие в сказуемом гиляцкого языка выражения субъекта, никак в нем не представленного, делает необходимым наличие в предложении двух его главных членов, передающих субъект и предикат.[1] Постепенно снимая семантически, а потому и синтаксически, тяготеющие придатки к ведущим частям инкорпорированных комплексов, в итоге мы оставляем в них лишь одни последние, которые уже утрачивают инкорпорированное построение и полностью совпадают с обычным пониманием подлежащего и сказуемого в их однословном выражении, ср. гиляцкие предложения *тыпиланивх урлапитгхыурудь* — «этот большой [взрослый] человек — хорошую книгу читает», *пиланивх питгхыурудь* — «большой человек — книгу читает», *нивх урудь* — «человек читает»; *тыурланивх пилатьокъудь* — «этот хороший человек [охотник] — большую рыбу ловит», *урланивх тьокъудь* — «хороший человек — рыбу ловит», *нивх къудь* — «человек ловит [убивает]» в значении «нивх охотится» и др. Особое положение в предложении, не подвергаясь слиянию с указанными выше основными комплексами, может в гиляцком языке получать только косвенное дополнение.[2] Иногда такое сочетание получает лексическое значение, иногда синтаксическое. Возьмем для сопоставления гиляцкое *н'ан'ын'нивх* — «охотник» и гиляцкое же *ыкиланивх* — «дурной человек». Первое из них состоит из слов *н'а* — «зверь», *н'ын'* — «промысел» и *нивх* — «человек» и в общей их совокупности образует новое слово «охотник», которое не может быть понято иначе как только лексическая единица. Второе, наоборот, не заключает в себе такого же органического соединения обоих слов, допуская различные их варианты согласно смысловому значению предложения, что дает основание видеть в них синтаксическое сочетание, ср. *ыкиладыф* — «плохой дом», *ыкилабитгхы* — «нехорошая книга» и т. д. Все последние и подобные им примеры построены согласно действующим в языке требованиям конкретизировать предмет, о котором идет речь. Но в таком своем конкретизованном виде слово попадает не в словарь языка, а в построение предложения, в котором оно занимает позицию того или иного члена предложения.

Гиляцкое *н'ан'ын'нивх* составлено из отдельных слов, из которых каждое может получить самостоятельное употребление, ср. *н'ын'дь* —

---

[1] Более детальный разбор строя гиляцкого предложения см. в моей работе «Общее языкознание», стр. 81—93.

[2] См. в главе о членах предложения, стр. 146 сл., 154 сл.

«промышлял», но все же эти слова в своей совокупности образуют одну лексическую единицу и *н'ан'ын'нивх* попадает в данном своем оформлении как в предложение, так и в словарь. В предложении оно займет место того или иного его члена, а в словаре будет отнесено к определенной части речи. Иными свойствами отличаются такие сочетания слов как *ыкила* — «плохое качество» и *нивх* — «человек». Представляя собою синтаксическое соединение, они в слитном виде попадают в состав предложения, но в словарь включаются уже каждое самостоятельно. Инкорпорированное их сочетание *ыкиланивх* — «плохой человек» не дает возможности видеть в них два члена предложения, хотя лексически они представляют собою два слова. При таких условиях, отнесение их к двум разным частям речи весьма затруднительно. Первое слагаемое (*ыкила*) в этом его употреблении получает аттрибутивное значение, но в других синтаксических же построениях оно может его и не иметь.[1]

Таким образом, гиляцкое *н'ан'ын'нивх* — «охотник» (буквально «звере-промышляющий человек») и *ыкиланивх* — «дурной человек» сближаются между собою применением к ним обоим одного и того же приема слияния составных частей, но резко различаются по своему отношению к лексическому единству. Следовательно, для отнесения их к тому или другому виду, т. е. к лексическому или синтаксическому, решающим будет не формальная сторона, а скрываемое в ней смысловое содержание.

Впрочем, и формальная сторона имеет свое значение, так как она не случайна. То или иное оформление, как лексическое, так и синтаксическое, передает определенное восприятие, которое можно установить по внешней форме анализируемого построения. Так например, восприятие субъекта в его отношении к действию или состоянию может отражаться в самостоятельной форме подлежащего, тогда как различное восприятие объекта по отношению к действию дает слитное их построение, когда они не понимаются каждое в отдельности (например, в гиляцком),[2] или, наоборот, раздельное, когда объект получает самостоятельное значение в предложении, выступая прямым дополнением (в особености в языках аналитического строя). Аттрибутивные признаки воспринимаются или в органической связи с определяемым, и тогда с ним сливаются,[3] или как выражающие отдельное понятие, и тогда сочетаются с определяемым, сохраняя свою лексическую значимость и вступая с ним в одно тесно связанное синтаксическое построение.

Сходное построение, не только инкорпорированное, но и образованное словосочетанием, иногда воспринимается как лексическое, иногда же как синтаксическое. Так например, французское *jeune homme* представляет собою синтаксическое соединение слов с лексическим содержанием, хотя каждое из них обладает своей лексической значимостью и может выступать в других сочетаниях.[4] Здесь аттрибут выражен отдельным словом, которое занимает в синтаксическом строе предло-

---

[1] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 81—95, 223—227.

[2] См. стр. 28 сл.

[3] Ср. приведенное выше гиляцкое *ыкиланивх* — «плохой человек», чукотское *тан'клявол* — «хороший человек» (*тан'* — «хороший», *клявол* — «человек») и др.

[4] Данному сочетанию определения с определяемым придается лексическое значение одного общего смыслового целого, что свидетельствуется и расстановкой слов. В обычном синтаксическом сочетании определение во французском языке, как

жения свое место. И по своей форме слово *jeune* выделяется как выразитель аттрибутивной функции, так как оно, означая только *молодой,* формально отличается от имени существительного *молодость* (*jeunesse*). Все эти слова попадают в словарь каждое в отдельности. Такова их лексическая сторона, синтаксически же *jeune homme* тесно связано в своих двух слагаемых, так как воспринимается как одно лексическое целое, выступающее как один член предложения в значении «одного слова». Поэтому такие синтаксические сочетания легко могут быть заменяемы семантически однородным одним словом, ср. в русском *молодые люди энергичнее старых людей и молодежь энергичнее стариков.* [1]

Отсюда легко притти не только к выводу о том, что разного рода синтаксические сочетания слов в предложении отличаются различными качествами, но и о том, что синтаксически соединяемые слова вовсе не всегда выделяются каждое в отдельности как самостоятельные члены предложения. Выделение последних зависит, в конечном итоге, от восприятия степени взаимосвязанности между слагаемыми частями предложения и это восприятие имеет различные выражения в языках различных систем. В частности, всякое сочетание определения с определяемым в гиляцком языке не относится к числу тех синтаксических построений, под которыми обычно понимаются сочетания отдельных членов предложения. Оценивая с этой точки зрения синтаксическую значимость определения, можно притти к заключению, что оно, взятое в отдельности, не является в гиляцком языке членом предложения. Особое его положение прослеживается, до известной степени, и на материалах индоевропейских языков. В них аналитический строй речи ведет к тому, что каждый член предложения получает тенденцию стать на самостоятельную позицию, зависящую от общего смысла всего высказывания, и в этом направлении он получает свое оформление. Между тем, определение не получает такого самостоятельного значения, и его оформление зависит не от смысла предложения, а от содержания той синтаксической группы, в состав которой оно входит. Следовательно, и в аналитическом строе предложения отдельным его членением с законченным содержанием является не определение, а все синтаксическое построение, т. е. определение с определяемым вместе.

Частичное инкорпорирование, давая законченное построение предложения в совокупности отдельных сливаемых комплексов слов, ясно выделяет ведущие члены предложения. То, что образует собою сливаемые его части, представляет собою не что иное, как объединение воедино слагаемых частей не самого предложения, а его членов. Следовательно, в обоих привлеченных нами языках, в чукотском и гиляцком, определение не воспринимается как член предложения и в нем поэтому не выделяется. В гиляцком в том же зависимом положении оказывается и объект. Прием слияния, в данном случае, весьма показателен. Им отмечается то, что воспринимается в предложении как

правило, последует за определяемым, а не предшествует ему, ср. *l'amour maternel* — «материнская любовь». Ср. также *chaise longue*, которое, сохраняя указанную выше постановку определения после определяемого, все же приобретает содержание единого лексического выражения.

[1] Ср. во французском *une petite maison* и *maisonette*. Ferd. Brunot. La pensée et la langue, 1936, p. 640.

его отдельные и самостоятельные части, как его основные члены. Этот прием настолько ясно выделяет ведущее членение предложения, что к нему еще придется вернуться ниже, когда речь пойдет о членах предложения.[1]

В заключение остановлюсь лишь на отдельных деталях, уточняющих основные свойства частичного инкорпорирования и всякого инкорпорирования вообще. Оно понимается мною как особый синтаксический прием, заключающийся в том, что слова, объединенные по смысловому их значению в предложении, сливаются в одно целое синтаксическое построение. Следовательно, в инкорпорировании всех видов мы имеем прием слияния слов. Это замечание обращает на себя особое внимание потому, что само понимание приема инкорпорирования не оказывается в научной литературе устойчивым. Нуждается в уточнении и сам термин, используемый для наименования данного синтаксического приема.

Так например, к числу инкорпорирования обычно относится и такое осложнение ведущих членов предложения и их составных частей, при котором нет слияния тяготеющих по смыслу слов с основным, а имеется помещение в них соответствующих показателей, связывающих уже обособленно стоящие слова друг с другом. Здесь, вместо слияния слов, имеется включение в них особых служебных частиц, которые, вероятно, раньше были самостоятельными словами, но уже утратили их значение и из лексических единиц обратились в синтаксические аффиксы. Исторически в них можно усмотреть инкорпорирование, но только в прошлом, а не в современном их состоянии, когда содержание их резко изменилось.[2]

В местоименном строе спряжения можно еще видеть остатки инкорпорирования, когда в глагол включается полная форма местоимения, ср. казахское *жаз-а-мын* — «я пишу». Сказуемое, в этом его положении, содержит два самостоятельно употребляемых слова: глагольную основу с деепричастным окончанием *-а* и местоимение 1-го лица *мен* — «я», что соответствует приемам инкорпорирования. Но значительно труднее усмотреть инкорпорирование, например, во французском *je-te-quitte* — «я тебя покидаю», так как в нем оказались включенными не самостоятельно используемые в речи местоимения, а частицы, уже обратившиеся в личные глагольные показатели.[3] Эти показатели, очевидно, восходят в своем прошлом к местоимениям, и тогда они были представителями местоименного строя спряжения, сближаемого с инкорпорированием. Но в современном их состоянии они дают не слияние слов, а оформление одного слова, при котором *je-quitte* стоит гораздо ближе к русскому *покида-ю,* в каковом трудно усмотреть какие-либо признаки инкорпорирования. Русское *покида-ю,* французское *je-quitte,* следовательно и *je-te-quitte* не представляют собою слияния слов (инкорпорации), а содержат в себе особое, ими полученное оформление, отвечающее их сепаратному смысловому значению в предложении. Еще труднее, и даже невозможно, видеть инкорпорирование в таких формах, как, например, в чукотском глаголе *енапеларкын,* в котором префикс *ена* — указывает на действие, обра-

[1] См. стр. 144 сл.

[2] Ср. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 210, 409, 443, 748; Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte 1920, S. 129, 293, 328, 353; В. И. Иохельсон. Изв. Ак. Наук, 1919, стр. 291 и др.

[3] См. стр. 25, 173.

щенное в сторону первого лица, ср. *кълаула гым енапеларкын* — «человек меня покидает». Здесь, равным образом, нет слияния слов.[1]

В только что приведенных примерах можно усмотреть последовательный отход от инкорпорирования. Местоименный строй спряжения, включающий полную форму местоимения в глагол, является одним из последних представителей инкорпорирования, отходящих от него, поскольку местоименное окончание глагола имеет тенденцию к усечению и обращению в местоименную частицу, ср. татарское *яза-м* — «пиш-у». Личное спряжение, которое по всем данным восходит к тому же местоименному, утратило свойство инкорпорирования и обратилось в самостоятельное оформление сказуемого. Инкорпорирование частично обратилось в другой синтаксический прием (см. сепаратизация).[2]

4. СИНТЕТИЗМ

Общее содержание предложения в его целом передается в инкорпорировании слиянием требуемых контекстом слагаемых слов. Этому приему противополагается другой, в котором вместо такого слияния в тех же целях соединения слов используется взаимное связывание их особыми служебными показателями, благодаря чему разрозненно стоящие слова получают свое внутреннее в предложении объединение. Эти, выполняющие служебную роль, частицы иногда связывают с главным словом ему подчиненное, включением в последнее показателей первого, иногда такое же взаимное увязывание проходит в обратном порядке, и главный член включает в себя частицы, указывающие на его связь с второстепенными.

Здесь нет слияния слов. Вместо него наличествует включение в одни слова особых показателей других, например классных, иногда связывающих все предложение целиком, ср. зулу: *ubu-lalu be-tu obuncane bu-lalekile bo-nke kodwa obu-kulu lo-bu i-bu-tolile in-tombi e-ncane* — «бусины наши маленькие потерялись все, но большие эти собрала девочка маленькая», где классные показатели «бусин» *ubu-lalu* (*ubu-*, *bu-*, *bo-*, *be-*) и «девочки» *in-tombi* (*in-*, *i-*, *e-*) связали между собою все слова предложения за исключением союза *kodwa* — «но». Иногда местоименные и личные приставки в глаголе выполняют такую же роль соединителей членов предложения, указывая на их связь со сказуемым, ср. абхазское: *s-ab at'ssaqha at'ə i-l-i-goyt* — «мой отец женщине лошадь ее-ей-он-берет». Здесь связующие частицы (*i* — указы-

[1] Следовательно, основное различие между инкорпорированием и синтетизмом заключается в том, что синтез в первом проводится слиянием слов, а во втором включением в основное слово ряда служебных частиц, см. стр. 37.

[2] Инкорпорирование еще сохраняет в ряде языков глубокие корни; так, Э. Сепир, занимаясь с двумя молодыми индейцами из племени нутка Британской Колумбии, убедился, что они каждый в отдельности совершенно сходно и безошибочно выделяли слившиеся слова предложения как единое целое, а Л. Я. Штернберг, изучая гиляцкий язык, встретился со значительным затруднением, заключающимся в том, что гиляки, не воспринимая предложения, состоящего из отдельных слов, давали ему примеры с длиннейшими периодами, см. Э. Сепир, Язык. Русск. перевод, 1934, стр. 27—28 в примечаниях; Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, 1908, стр. VIII сл.; его же, доклад в Трудах XIV конгресса американистов. Штутгарт, 1904, стр. 137—140; И. И. Мещанинов, Общее языкознание, 1940, стр. 80; Г. М. Корсаков. Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках, «Советский Север», IV, 1939, стр. 27—52.

вающая на пассивного нечеловека, *-l-* на женщину, *-i-*, стоящее перед глагольной основой, на активного мужчину), соединяющие все предложение, оказались включенными в состав сказуемого. Иногда связующие частицы, идя от одного слова к другому, охватывают все предложение, ср. алеутское: *къахъ ца-н'-н'ан су-са-кукъин'* — «я беру рыбу своею рукою». Тут сказуемое (основа *су* — «взятие, брать»), содержащее в себе показатель 1-го лица *къин'* и показатель времени *-ку-*, имеет еще частицу *-са-*, указывающую на то, что предыдущее слово используется в предложении для обозначения того орудия, при помощи которого совершается действие взятия. Таким образом, изъятие из предложения наличного в нем слова *цан'н'ан* — «рукою своею» становится невозможным. Выпадание его оставляет наличную в глаголе частицу *-са-* необъяснимою. Равным образом, связанное с глаголом частицею *-са-* орудие действия *цан'н'ан* содержит в себе, кроме притяжательной местоименной частицы *-н'* (моя), еще особый показатель *-н'ан*, отмечающий связь орудия действия с его направленностью на единичный объект *къахъ* — «рыба». Если бы объектов было два, то соответственно изменился бы их показатель в имени орудия действия и получилось бы *къах цан'икин сусакукъин'* — «я беру две рыбы своею рукою». Лишь объект действия, не имеющий в этом построении тяготеющего к нему слова и потому не снабженный ссылочною на него частицею, остается с одними своими только показателями (неопределенный член единственного числа *хъ* и такой же член двойственного числа *х*). Но и он не может быть изъят из состава всего предложения, так как иначе необъяснимою остается наличная на него ссылка в рядом стоящем орудии действия. Следовательно, все три слова приведенного алеутского предложения оказываются настолько тесно связанными друг с другом, что ни одно из них не может быть изъято из состава предложения.[1] Приведем еще один пример из северо-американского языка немепу *a-kitsa hatswal-m pa-tamyatsa* — «я вижу, что мальчик дерется» или «я вижу дерущегося мальчика». Первое слово содержит частицу *а-*, указывающую на то, что действие видения направлено на 3-е лицо, это третье лицо *hatswal-m* — «мальчик» поставлен в притяжательном оформлении *-m* (поссесивный падеж), означающем, что ему принадлежит какое-то действие, а это последнее *pa-tamyatsa* — снабжено показателем *ра-*, выражающим направленность действия от третьего лица к третьему. Таким путем все слова предложения оказались связанными друг с другом в одно целое предложение частицами различной синтаксической значимости, в данном случае падежом склоняемого имени и личными показателями в глаголах.[2]

Такой синтаксический прием, проводящий объединение составных частей предложения не слиянием слов, а связыванием их при помощи разнообразных служебных частиц, можно, в отличие от инкорпорирования, назвать синтетизмом.[3] Как мы могли легко убедиться, синте-

---

[1] См. В. И. Иохельсон, Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка. Изв. Ак. Наук, 1912, стр. 1031 сл.; его же, Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова. Изв. Ак. Наук, 1919, стр. 152 сл.; его же, Очерк унанганского (алеутского) языка в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 134.

[2] Пример указан мне американским ученым А. Финней.

[3] Примерно в том же направлении высказывается и В. И. Иохельсон, Изв. Ак. Наук, 1919, стр. 291.

тизм выполняет те же функции, что и инкорпорирование, но иными синтаксическими средствами.

Используемые при синтетизме синтаксические приемы настолько резко отличаются от приемов полного и частичного инкорпорирования, что их и не следовало бы объединять одним общим термином, как это нередко делается в научной литературе. Мы уже видели, что оба рассматриваемые нами приема в корне различны. В инкорпорировании, полном или частичном, имеется слияние или полное всего предложения, или частичное в пределах его основных членов. В синтетизме же, сейчас разбираемом нами в его основных свойствах, нет слияния, а используется соединение при помощи связующих частиц отдельно в предложении стоящих слов.

Таким образом, как уже указывалось выше, мы имеем тут близкую синтаксическую функцию, выполняемую двумя различными синтаксическими средствами. Поэтому представляется желательным провести между этими синтаксическими приемами и терминологическое различие.

Первый из них, слияние, довольно удачно называется инкорпорированием. В нем одна главная форма как бы поглощает связанные с нею второстепенные, образуя с ними одно инкорпорированное целое, будь то все предложение или только его главные члены, безразлично. Синтетизм же, соединяя при помощи ссылочных частиц, ничего не поглощает, а как бы связывает воедино отделившиеся части общего синтаксического построения. Этому последнему приему лучше было бы присвоить другое наименование, не инкорпорирования, а синтетизма. Если такое мое предложение окажется приемлемым, то придется в связи с ним пересмотреть ряд уже давно применяемых терминов, как «инкорпорирующие языки», в число которых включаются языки по более расширенному пониманию инкорпорирования, смешиваемого с синтетизмом, «аморфно-синтетические языки», в которых именно синтетизм, в даваемом мною его понимании, отсутствует, и т. д.

Наиболее характерным примером синтетизма будет такое построение, в котором связь между ведущими словами предложения и другими, к ним тяготеющими, словами устанавливается включением в первые связующих частиц, указывающих на отношение к ним зависящих от них слов. При таком положении устанавливается наиболее тесная связь между главными и второстепенными словами синтаксического объединения, при котором становится невозможным выпадение этих второстепенных слов, так как указывающие на них частицы, включенные в состав главного слова, оказываются непонятными при отсутствии второстепенных. Эти частицы, помещенные в ведущем слове, закрепляют тем самым присутствие в предложении второстепенных членов (см. только что приведенные выше примеры из языков алеутского, немецу и зулу, ср. также примеры с изафетными оборотами в самоедских, иранских, тюркских и ряде других языков).

Основные свойства синтетизма еще яснее выступают при сравнении синтетически построенного предложения с предложением, составленным иными синтаксическими средствами. Привлечем для такого сравнения русский перевод упомянутого выше алеутского предложения *я беру рыбу своею рукою*. Здесь мы видим использование совершенно иных синтаксических приемов. Прежде всего, сказуемое *беру*, представляющее собою глагольную форму 1-го лица, вполне самостоятельно. В нем нет никаких частиц, связующих его с остальными словами того

же предложения. Оно выражает предикат и субъект, а потому уже само по себе является законченным предложением.[1] Сказуемое, по словам А. Мейе, с которым в данном случае трудно не согласиться, оказывается в индоевропейских языках само носителем своих признаков, лица и т. д.[2] Подлежащее *я*, при этих условиях, тем более самодовлеющe. Объект в винительном падеже *рыбу* не содержит своих показателей в глаголе и стоит в данном падеже потому, что по смыслу предложения и выступающего в нем глагола является прямым дополнением.[3] Изъятие его из предложения отнюдь не повлияет на оформление остающихся слов и отразится только на смысловом значении самого предложения, которое лишится, в этом случае, указания на предмет направленности действия. Что же касается орудия действия *своею рукою*, то и оно стоит в творительном падеже по своему смысловому значению в предложении и отсутствие его не нарушает цельности построения последнего, тем более, что это косвенное дополнение не отражено своими показателями ни в каком другом слове и само не содержит никаких чужих показателей. Таким образом, все слова этого предложения оказываются в значительной степени самодовлеющими и оформление их зависит больше от смысла всего предложения, чем от подчинения другим наличным в нем же словам. Только определение *своею* оказывается оформленным не по своему самостоятельному значению в предложении, а по согласованию с определяемым им словом *рукою*. Но в данном случае перед нами стоит взаимоотношение определения с определяемым, т. е. то синтаксическое отношение, которое никогда и нигде не дает самостоятельного положения определения в предложении. Определение оформляется не по своему собственному значению в предложении, а по своему подчиненному отношению к другому слову, которое по семантике предложения выступает как им определяемое. Здесь мы имеем еще одно подтверждение тому, о чем пойдет речь в следующей главе, а именно, что определение и определяемое представляют в своей совокупности одну синтаксическую группу.[4]

Синтетическое построение, в отличие от только что сопоставленного с ним аналитического, в котором каждое слово должно быть проанализировано по своей форме и месту в предложении для установления своего в нем значения, проводит теснейшую связь между входящими в его состав словами. Эта связь выражена таким сложным приемом, что если мы захотим изъять из предложения одно из его звеньев, то последнее своими связующими показателями потянет за собою одно за

---

[1] Такого рода сказуемые с лично оформленным глаголом и в русском языке могут быть использованы без отдельного выражения субъекта подлежащим, в особенности, когда глагол стоит в первых двух лицах, см. сказуемо-бесподлежащные предложения у А. А. Шахматова, ц. с., стр. 61 сл.

[2] А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 361 и 367.

[3] *Беру*, взятое в отдельности, может образовать сказуемо-бесподлежащное предложение. Все же семантика некоторых глаголов, в частности и глагола *беру*, настолько насыщена содержанием переходности действия на объект, что прямое при них дополнение, если и отсутствует, то подразумевается всем контекстом. В этих случаях связь прямого дополнения со сказуемым более тесная, и прямое дополнение, в связи с этим, менее самостоятельно в своем положении в предложении, ср. в немецком языке, где прямое дополнение может замыкаться составными частями сказуемого, см. стр. 51—54.

[4] См. стр. 121 сл.

другим все остальные слова, оказавшиеся как бы пронизанными общею цепью.

Такую схему мы видели в алеутском примере, где каждое слово снабжено ссылочными на другие показателями. Ту же схему, но несколько в ином виде, дают и такие конструкции, в которых связующие элементы включаются не в каждое слово, а в один член предложения, который держит собою все остальные части, связывая их, равным образом, синтетически. Сошлемся на абхазский пример *sab at'ə i-i-goyt* — «мой отец лошадь берет». Здесь сказуемое *i-i-goyt* — «его (ее) -он-берет» не самодовлеюще и не является носителем своих собственных признаков, как это утверждается по отношению к глаголу индоевропейских языков. Сказуемое в абхазском языке не содержит в себе субъекта и объекта, а лишь указывает своим первым показателем *i-* на то, что действие направлено на объект, принадлежащий к классу не людей, а своим вторым показателем *-i-* отмечает, что действие производится человеком-мужчиною.[1] В этом построении ясно выступают те же приемы синтетизма, но только не распределением связующих показателей по всем словам, что имело место в алеутском, а сосредоточением их в одном слове. И в этом случае все слова предложения оказались взаимно связанными своими показателями. Сказуемое содержит показатели подлежащего и прямого дополнения, последние же два, имея свои показатели в сказуемом, оказываются необходимыми членами предложения. Все предложение синтетически связано. Только один его член, подлежащее *sab*, входящее тоже в синтетически связанный комплекс, внутри своего построения оказывается слитным сочетанием определяемого с его определением (*s-ab* — «мой отец»), в котором притяжательное местоимение претерпело соответствующее усечение. В данном случае синтаксическая связь определения с определяемым передана слиянием (*s-ab* — «мой отец», ср. приведенное выше алеутское *ца-н'* — «рука моя»), в русском же переводе та же связь устанавливается приемами согласования (мой отец, моя рука и т. д.).[2]

Подобного же рода синтетические связи можно найти в целом ряде языков различных систем, в особенности в агглютинативных. Здесь решающим вовсе не является слабое развитие падежной системы, не дающей широких возможностей установить по оформлению самого слова его синтаксическое положение в предложении. Синтетические связи наличны и в языках с более развитою падежною парадигмою, чем только что упомянутый алеутский язык северной группы или яфетический абхазский. Так например, сходным с предыдущими построениями будет построение кабардинского предложения *сэ фочым бажэм сыреуащ* — «я ружьем лисицу бил (убил)». Глагол *с-ы-р-е-уащ* содержит показатель 1-го лица *с-*, соответственно с подлежащим, показатель косвенного (орудийного) дополнения в един. числе *-ы-* (во множ. числе *-а-*), орудийный глагольный показатель *-р-*. Оба эти показателя связаны с наличным в предложении орудием действия *фочы-м* — «ружьем» (в косвенном падеже). Далее следует показатель объекта действия в един. числе *-е-* (при множественном объекте *-ай-*). Все эти показатели меняются, если претерпевают изменения соответствующие им члены предложения, ср. *сэ фочхэм бажэм с-а-р-е-уащ* — «я ружья-

[1] Схему классных показателей в абхазском языке см. в примечании на стр. 155.
[2] См. П. К. Услар, Абхазский язык. «Этнография Кавказа», I, 1887.

ми лисицу бил», *сэ фочым бажэхэм с-ы-р-ай-уащ* — «я ружьем лисиц бил». В этих примерах синтезирующим центром является глагол.

В упомянутом кабардинском глаголе, в числе других перечисленных показателей, выделяется орудийный показатель *-р-*. Этот последний, по своей синтаксической функции, близок к отмеченному выше орудийному показателю алеутского глагола *-са-*.[1] Им, так же как и последним, выделяется орудийное значение в предложении соответствующего его члена (косвенного дополнения), носящего в кабардинском обычное оформление косвенного падежа на *-м*, без каких-либо оттенков орудийности. Оттенок его орудийного значения в предложении выявляется не им самим, а соответствующими показателями в глаголе, чем и выражается его орудийное значение и вместе с тем устанавливается синтетическая между ними связь. Если же тот же член предложения сам получает требуемое оформление орудийного падежа, то этот орудийный показатель в глаголе опускается, ср. *пхъащIэр джыдэм йырилэжьащ* — «плотник топором работал» и *пхъащIэр джыдэмкIэ лэжьащ* в том же самом значении. В первом примере глагол, снабженный орудийным показателем *-р-(ри)*, имеет еще относящийся к тому же косвенному дополнению его показатель в един. числе *-ы-(йы-)*. Оба эти показателя опускаются в глаголе при орудийном оформлении косвенного дополнения (ср. второй пример).[2] В последнем случае отмеченная ранее синтетическая связь нарушается. Взамен ее выступает аналитическая форма, устанавливающая значение члена предложения его собственным построением (орудийным падежом косвенного дополнения). Точная семантика падежного окончания, как мы только что видели, может в одном и том же языке вести к разрушению действующих в нем норм синтетизма. Пережиточно, обе отмеченные синтаксические схемы оказываются в кабардинском языке сосуществующими.[3]

Синтетически используемые показатели имеют своею функциею соединение разрозненных слов, связанных между собою смысловым их значением в предложении. Основною функциею данного синтаксического приема является именно связь слов, а не уточнение синтаксической значимости самого слова внутри его собственного содержания, как лексического, так и синтаксического.

Вовсе не всякое включение служебных частиц в слова предложения служит признаком синтетизма. Для его наличия требуется, чтобы эти служебные частицы выполняли точно установленную синтаксическую роль. При синтетизме такого рода служебные показатели имеют своим назначением, как это только что было отмечено выше, объединение в одно синтаксическое целое ряда слов, представляющих синтаксическое единство по смысловому заданию предложения.[4] В этом, между прочим, заключается основное различие между синтетизмом и агглютинацией. Агглютинация представляет собою формальный прием построения слова, в котором служебные показатели соединяются с основою

---

[1] См. стр. 34.

[2] Поскольку орудийный падеж в кабардинском языке производного образования от обычного косвенного падежа (*-м-кIэ*), можно предполагать, что второе из приведенных построений кабардинского предложения, т. е. без синтетического построения в глаголе, является более поздним, чем первое.

[3] Примеры взяты мной из работы Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова, Грамматика кабардинского языка, I, 1940, стр. 138—139.

[4] Это единство не должно ограничиваться пределами синтаксической группы члена предложения. При синтетизме имеется в виду синтаксически выражаемая связь между всем составом предложения.

способом прилеп. Агглютинация есть внешний прием, используемый для оформления слова в различных заданиях лексики, морфологии и синтаксиса. Лексически агглютинация может быть применена для образования новых слов тем же способом прилеп. Морфологически она же выступает для передачи различных оттенков лексических и синтаксических значений самого слова внутри его собственного лексического и синтаксического содержания, например для выражения лексических свойств частей речи (их классной принадлежности, формантов отдельных частей речи, как-то прилагательных, наречий и пр.), или для придачи присущих слову синтаксических оттенков, как-то времени, наклонения в глаголе и т. д. Под синтетизмом же мною понимается исключительно тот синтаксический прием, который используется для передачи синтаксических отношений между словами предложения. Он может проводиться разными внешними средствами, в том числе и агглютинацией. Таким образом, агглютинация есть способ оформления слов, а синтетизм — способ передачи синтаксических отношений слов в предложении.

Значит, под синтетизм не подойдут показатели модальности в глаголе (наклонения), падежные аффиксы в тех случаях, когда ими определяется самостоятельная синтаксическая роль слова в предложении, например именительный и частично винительный падежи подлежащего и прямого дополнения в индоевропейских языках, другие косвенные падежи орудийности и направления действия в косвенных дополнениях и т. д. Во всех этих случаях служебные частицы, глагольные и именные, уточняют значимость самого слова в предложении, уточняют его смысловое в нем значение и вовсе не устанавливают его отношений к другим словам предложения в той связи, которая формально выявляется синтетизмом, проводящим неразрывную связь между составными частями всего предложения.[1] Поэтому слова с подобного рода оформлением могут быть, о чем уже говорилось выше, изъяты из предложения, не нарушая цельности всего синтаксического построения. Все зависит от строя того или иного языка, от действующих в нем норм синтаксических отношений, от того, какое назначение придается им тем морфологическим показателям, которыми пользуется язык. В результате, одни и те же морфологические показатели оказываются носителями разнообразных функций. Они могут использоваться и в заданиях оформления слова как такового, и в целях передачи тех синтаксических отношений, которые устанавливаются действующим строем языка, если этому не препятствует семантика самих служебных частиц. Так, например, показатели наклонений и т. п., имеющие своей целью уточнять оттенок действия в глаголе, не поддаются синтетическому использованию, так как уточняют оттенок самого действия и этим ограничиваются, тогда как падежные окончания, устанавливая значимость в предложении оформляемого ими имени, легко могут быть употреблены для выражения отношения одного имени к другому и имени к глаголу. В подобного рода показателях уже содержится тенденция к выявлению существующих связей между словами внутри одного предложения, что ими и выполняется. И если строй данного язы-

[1] Падежное оформление может устанавливать синтаксическую связь между словами, но когда оно выражает зависимое положение одного слова от другого, оно выявляет связи внутри синтаксического комплекса, а не между основным членением предложения. В этом случае выступает управление, а не синтетизм. Ср. колеблющееся положение винительного падежа прямого дополнения, см. стр. 85—90.

ка передает цельность своего построения не средствами аналитического сочетания слов, а формальными путями синтетизма, то те же морфологические показатели выступают его выразителями.

В языках аналитического строя, при тяготении каждого члена предложения к самостоятельному его оформлению, словоизменяющие морфемы не выступают в них с резко выраженным синтетическим содержанием. В других языках, наоборот, такого же рода словоизменяющие морфемы могут получать функцию выразителей синтаксических отношений между словами и в этом случае являться связующим элементом, т. е. использоваться в заданиях именно синтетизма. Так например, в некоторых языках, при определенном построении предложения, и падеж, как мы уже видели выше, может быть использован среди других выражений устанавливаемой синтетической связи.[1]

Синтетизм вовсе не обязательно строится только однородными морфологическими показателями. Такие схемы синтетизма, которые мы видели в языках банту, связывающие целое предложение одними классными показателями, или такие, как в абхазском языке, где связь членов предложения устанавливается личными показателями глагола, являются лишь одним из способов синтетического соединения членов предложения. В тех же целях могут быть одновременно привлечены и различного вида форманты, содержащие в себе указание на отношение одного слова к другому. Так, показатели глагола могут устанавливать связь его с субъектом и объектом, точно на них указывая своими различного вида личными показателями, чередующимися с классными и т. д.[2] Подлежащее же и прямое дополнение могут на этот раз содержать в себе выражение подобного же рода отношений к сказуемому в соответствующем падежном оформлении, отвечающем структуре предложения, и имеющимся на них ссылочным показателям в глаголе, и т. д.

Для показа такого рода построения можно сослаться на ряд уже приведенных примеров, с этой стороны пока нами не рассмотренных. Возьмем еще один пример из индейского языка немепу: *akitsa tsiq'amqalm pakanpsa hatswala* — я вижу его (ее) (префикс *a-kitsa*), т. е. собаку (*tsiq'amqal-m*), которой принадлежит (суффикс *-m*) действие кусания (*pa-kanpsa*), направленное на третье лицо (префикс *-pa-*), которым оказывается какой-то мальчик (*hatswal-a*). В двух выступающих здесь глаголах проводится отношение и к субъекту и к объекту: в первом (*a-kitsa*) отмечен объект в 3-м лице и субъект в нулевом показателе 1-го, а во втором (*pa-kanpsa*) одним показателем обозначены одновременно 3-е лицо субъекта и 3-е же лицо объекта. При этом объект *tsiq'amqal-m* — «собаку», который должен был бы стоять в неоформленном падеже прямого дополнения, поставлен в поссесивном (родительном) падеже не как прямое дополнение, а как объект, которому принадлежит другое действие, тут же указанное (*pa-kanpsa*). В такой падежной форме никоим образом нельзя видеть самостоятельное оформление члена предложения. Во всем этом предложении, таким образом, падежными и глагольными аффиксами устанавливается не-

---

[1] См. также приводимый ниже пример из языка немепу с родительным падежом принадлежности, участвующим наряду с формантами глагола в установлении взаимной связи всех слов предложения.

[2] См. приведенные примеры из языков банту (зулу и суахели), абхазского и др., ср. стр. 33 сл.

разрывная связь между его словами, в чем нетрудно усмотреть прием синтетизма.

В русском предложении, являющемся переводом только что приведенного индейского, наоборот, затруднительно видеть наличие такого же синтетизма, несмотря на развитое морфологическое оформление использованных в нем слов, и в частности несмотря на наличие падежного оформления имен. Все эти оформители замкнуты смысловым содержанием каждого слова: *я вижу собаку, кусающую мальчика.* Тут глагол отмечает действие 1-го лица и ничем не указывает на следующее за ним прямое дополнение, которое стоит в винительном падеже, не имеющем никакого отношения к связанному с ним определительному комплексу слов, который, в свою очередь, связан с определяемым им объектом только согласованием (здесь вид синтетизма, о чем см. ниже).[1] Заканчивающий же все предложение объект *мальчика* поставлен в винительном падеже, что устанавливается только контекстом (*мальчика*, генетически и формально — родительный падеж).

Под синтетизм не подойдут изменения глагола в местоименном и личном спряжении, когда получаемая им форма в аналитическом строе предложения воспринимается как самостоятельное выражение лица. Но глагол, снабжаемый классными показателями в языках не аналитического строя, свободно включается в схему синтетизма, ср. суахели: *nimevitunga vitabu hivi.* Сказуемое *ni-me-vi-tunga*, наличным в нем местоимением *ni-* и классным показателем *-vi-*, указывает, что я написал кого-то, относящегося к классу *vi,* каковым являются книги «vi-tabu».[2] Стоящее в конце местоимение *hi-vi* — «эти» согласовано с предыдущим словом, выступая при нем определением, и т. д. С другой стороны, под даваемое мною определение синтетизма не подходит такое построение глагола, которое обычно как раз приводится как пример синтетизма, а именно, альгонкинское (из языка фокс): *ehkiwinamohtatiwach* — «тогда они все вместе заставили [его] убегать от них», где предикат *kiwi*, означающий движение и соединенный фонетическим элементом *-n-* с усеченным корнем слова «бегство» *a*, имеет перед собою временную частицу *eh-*, а после себя указание на совершение действия в пользу субъекта *-oht-*. Стоящий в конце субъект выражен личным показателем 3-го лица *-ch(i)* и имеет перед собою показатель множественного числа *-wa-* и показатель совместности действия *-ati-*.[3] Такое построение глагола не содержит в себе ни одного показателя, который связывал бы его с другими словами предложения. Все наличные в нем показатели уточняют только содержание самого глагола, который не может быть отнесен и к инкорпорированию, так как в нем отсутствует слияние отдельных слов. Построения подобного рода являются типичными представителями не синтетизма, а агглютинации, которая может относиться также к числу синтаксических конструкций, но не тех, на которые возлагается функция выражения синтаксических отношений между членами предложения. Синтетизм, с бо́льшим основанием, можно было бы усмотреть в русском *я заставил бежать*, где сказуемое

---

[1] Стр. 42 сл.

[2] Арабское слово *kitabu*, попав в языки банту, оказалось воспринятым в них, как принадлежащее к определенному классу имен по своему начальному слогу *ki-* являющемуся в банту классным показателем одной из групп имен в един. числе (во множественном «vi-»), ср. *ki-tabu* — «книга» и *vi-tabu* — «книги».

[3] Пример заимствован мною у Э. Сепира, Язык. Русск. перевод, 1934, стр. 55—56.

указывает на мужеский род подлежащего и тем самым, до некоторой степени, сближается с конструкцией предложений языков банту (зулу и суахели), в которых глагол своими классными показателями связывается с именем.[1]

Понятие синтетизма соединено с представлением о синтезе. Если последнее ограничивать пределами слова, уточненного в деталях его выражения, то синтетизм окажется, прежде всего, тождествен с агглютинацией. Если же его расширить на строй всего предложения, то всякое предложение, как представляющее собой передачу законченной мысли, будет синтетичным. Поэтому я считаю возможным прикрепить к этому термину не всякий вообще строй предложения, а только тот, который дает синтетическое построение во взаимно увязанном оформлении слов.

5. СОГЛАСОВАНИЕ

Согласование является тоже одним из видов синтетизма. Основное его отличие от предыдущего заключается в том, что первый и основной вид синтетизма включает связующие частицы во все слова предложения, в одно за другим (алеутский пример) или в ведущее по своему значению слово, которое тем самым тянет за собою синтаксически тяготеющие к нему слова (абхазский пример). Согласование же включает связующий элемент не в ведущее по своему значению слово, а в подчиненное ему, которое тем самым тянется за ведущим, а потому может быть опущено без нарушения структуры других слов и предложения.

Такое согласование может включаться в более обширный состав синтетически связанных слов предложения, входя в него как составная часть.[2] При таком положении синтетизм охватывает предложение, связывая все целое, обычно, через сказуемое, которое включает в себя показатели отдельных членов предложения, чем и объединяет их с собою. Эти же члены предложения ничем не отражают семантически относящихся к ним слов, которые сами объединяются с ними средствами согласования. Следовательно, под согласованием понимается такой вид синтетизма, в котором слова второстепенной синтаксической значимости связываются с главным путем своего морфологического оформления, построенного по нормам этих ведущих для них слов.

Согласование относится к синтетизму примерно так же, как частичное инкорпорирование относится к полному. Последнее оформляет все предложение, частичное же ограничивается соединением отдельных его членений путем слияния членов предложения внутри их состава, т. е.

---

[1] Все же в этом русском сочетании «я заставил» выражается односторонняя связь с подлежащим, передаваемая согласованием в роде, см. ниже согласование. Тем не менее, если и в русском видеть в падеже прямого дополнения зависимую связь с глаголом, то синтетизм выступает и в нем, ср. *Я заставил бежать маленького мальчика*. Сказуемое *заставил бежать* согласовано в роде с подлежащим и управляет падежом слова *мальчика*, с которым согласовано в падеже определение *маленького*. Если это так, то в различных примененных тут синтаксических приемах (согласование и управление) легко усмотреть передачу взаимной связи всех слов предложения. Таким образом, при данном понимании падежа прямого дополнения, т. е. как зависимого от глагола, можно и в этом построении предложения видеть общую основу синтетизма. Если же аналитический строй предложения обособил прямое дополнение, поставив его на самостоятельную в предложении позицию, то синтетизм нарушен и места ему в таком построении слов не будет, ср. стр. 85—90.

[2] См. предыдущее примечание.

внутри упомянутых выше синтаксических групп. Точно так же и синтетизм связывает все предложение, тогда как согласование ограничивается соединением отдельных частей предложения. Таким образом, частичное инкорпорирование и согласование выступают как два различных приема, несущих в предложении одну и ту же функцию установления синтаксического единства в границах одного членения предложения. Они оба, тем самым, содействуют выявлению деления предложения на его основные части, выступающие по смысловому их единству и по формальному объединению слов. Подходя с этой точки зрения к согласованию, его можно было бы назвать частичным синтетизмом, относящимся к полному синтетизму так же, как частичное инкорпорирование относится к полному инкорпорированию. [1]

К таким выводам мы приходим, основываясь на том, что согласование охватывает подчиненные слова, соединяя их с главными в пределах отдельно взятого синтаксического построения. Такая формулировка может показаться исчерпывающей, но все же, при сложности всей языковой структуры, и она не всегда устанавливает границы применения данного способа выражения синтаксических отношений. Так, например, согласование, при указанном его понимании, ясно выступает в тех случаях, когда оно имеет место в пределах одной синтаксической группы (одного членения предложения), точно определяемого не только формально, путем согласования, но и по своему смысловому содержанию. Когда же оно выходит за пределы синтаксической группы, т. е. когда показатели одного слова попадают в другое, не входящее в общую с первым синтаксическую группировку и выступающее отдельным членом предложения, то разграничительная линия между согласованием в узком его понимании и синтетизмом вообще становится менее отчетливою. [2]

Мы уже говорили о том, что согласование, как особый синтаксический прием, может быть понято в значении разновидности синтетизма. Все же оно отличается от последнего отмеченною выше функциею объединения второстепенных слов синтаксической группы с ведущим словом той же группы. Следовательно, согласование выявляет весь ее комплекс. Но само понимание синтаксической группы не всегда устойчиво и к тому же различно по своему значению. Так, например, синтаксические отношения между главными членами предложения тоже образуют синтаксическую группировку. И если, говоря о согласовании, мы имеем в виду не этого рода группировку, а другую, то весь вопрос фактически сводится к тому, как и в каком языке и в каком периоде его развития воспринимались и теперь воспринимаются синтаксические отношения между отдельными членами предложения и ка-

[1] Имеется и некоторое различие. Так, инкорпорирование, сливая зависимые слова с господствующим, дает членения, внешне выступающие как отдельные члены предложения. Согласование же сочетает зависимые слова с главным, образуя в членении группу слов, имеющих каждое свое значение в синтаксическом построении предложения. Полное инкорпорирование приводит к слову-предложению, в котором нет разделения на члены предложения, так как все синтаксическое построение представляет собою одно слитое целое. Частичное инкорпорирование уже выделяет члены предложения и ограничивает слияние пределами одного самостоятельного члена, в котором нет выделения зависимых членов, так как зависимые слова сливаются. Согласование же дает сочетание зависимых членов с самостоятельными, так как зависимые слова уже выделяются и получают свое синтаксически обусловленное место в строе предложения.

[2] Ср., например, согласование подлежащего со сказуемым в русском языке *я заставил бежать*, где, как мы уже видели, согласование стоит на грани синтетизма.

кие синтаксические группировки в них выделяются в каждом отдельном случае. В этом и заключается вся сложность вопроса, так как синтаксические отношения между членами предложения выявляют то восприятие отношений слов предложения друг к другу, которое вырабатывается общественною практикою и вовсе не оказывается постоянным и однообразным.

Восприятие этих отношений далеко не везде одинаково, что получает свое отражение и на средствах их выражения. Если, например, отношение определения к определяемому имеет вариации во внешнем их выявлении, а не в восприятии самой сущности этих отношений, остающейся везде одною и тою же, то утверждать то же самое об отношениях хотя бы сказуемого к объекту не приходится. Мы уже видели, что восприятие этих отношений бывает различным.[1] В одних языках объект понимается как уточнитель действия, передаваемого в сказуемом, и потому отдельным членом предложения не выступает (гиляцкий язык), в других языках, наоборот, прямое дополнение подымается до значения главного члена предложения и оказывает непосредственное влияние на все его построение (яфетические языки Кавказа), в третьих — прямое дополнение имеет тенденции к совершенно самостоятельному своему оформлению в предложении, не влияет на структурные особенности последнего и само в своей форме может утрачивать зависимость от других слов предложения (индоевропейские языки). В итоге оказывается, таким образом, что в одних случаях сказуемое и прямое дополнение формально независимы (отчетливо выявленный аналитический строй предложения), в других — соединяются служебными показателями как равноправные члены предложения (синтетически построенное предложение), или, наконец, дают схему одной синтаксической группы, объединяемой согласованием или инкорпорированием. Таким образом, в каждом отдельном языке, или языковой системе, приходится проводить самостоятельное исследование для выяснения характерных свойств действующих в языке синтаксических отношений и в зависимости от этого разрешать, какого рода синтаксические приемы используются для их передачи.

Наибольшие затруднения в этом отношении вызывают глагольные и отглагольные формы сказуемого в тех языках, в которых имеется классное или родовое деление имен существительных, отражающееся своими показателями в синтезирующем сказуемом. Когда последнее передает свои отношения к подлежащему и прямому дополнению личными показателями, как это имеет место, например, в абхазском языке, то никакой речи о согласовании здесь быть не может.[2] Глагол указывает на субъект и объект, но не согласуется с ними. Тут выступает синтетизм. Когда же глагол те же отношения передает классными показателями имен, выступающих в предложении подлежащим и дополнением (ср. языки банту), то выражение этих отношений можно понять и как указание на класс субъекта и объекта и как согласование с ними, проходящее теми же путями, которыми идет согласование определения с определяемыми.[3] Иногда, достаточно ясно выступающее

---

[1] См. также стр. 85—90.

[2] См. приведенный выше пример: *sab at'ə i-i-goyt*—«мой отец лошадь берет», стр. 33, 37.

[3] Пример см. на стр. 33, где в приведенном предложении глагол *i-bu-tolile* снабжен классными показателями *i* и *bu* в том же порядке префиксации, как и наличные тут же прилагательные, выступающие определениями при именах.

синтетическое построение разными способами передает в одном и том же члене предложения свои отношения к субъекту и объекту, а именно выражает в глаголе субъект личными окончаниями, в чем трудно видеть согласование, отношение же к объекту передает повторением его классного или числового показателя (например, в яфетических горских языках Кавказа, в частности в даргинском, ср. в аористной группе времен картвельских языков, то же в самоедских и т. д.). Во всех этих случаях сказуемое остается главным членом предложения, но все же получает некоторую долю предикативно-аттрибутивного значения, выражая субъект и характеризуя свои отношения к объекту, свою направленность на предмет, принадлежащий к определенному классу. И здесь сказуемое не утрачивает своей предикативности, так как оно выявляет свою собственную направленность, притягивая к себе прямое дополнение ссылкою на него, а вовсе не выступая в чистой роли его определителя. Все же поскольку в сказуемом в данном его положении всплывают оттенки аттрибутивных отношений, постольку же выявляются и моменты согласования, близкого к тому согласованию, которое выступает в определении. Обратимся к примерам.

Прекрасный пример синтетического построения предложения обоими приемами, т. е. включая и согласование, дают языки банту. Возьмем пример из языка зулу: *abantwana abahle bako sibatanda* — «мы любим наших прекрасных детей». Здесь сказуемое *si-ba-tanda* с инкорпорированным в его состав субъектом, выраженным местоимением *si* — «мы», содержит еще частицу *-ba-*, указывающую на то, что связанный с глаголом объект *aba-ntwana* принадлежит к классу *aba-*, *ba-*. Таким образом, в сказуемом этого предложения оказываются включенными субъект и выразитель связи с объектом. Следовательно, глагол своими показателями объединяет главные члены предложения. Предмет же действия объединяет свой комплекс слов уже согласованием. Сам объект *aba-ntwana* — «дети» не содержит в своем оформлении никаких показателей его связи с другими словами предложения и снабжен лишь лексически к нему относящимся классным показателем *aba-*, поставленным перед его основою. Остальные тяготеющие к нему слова *aba-hle* — «прекрасные» и *ba-ko* — «наши» получают его оформление тем же классным показателем и потому оказываются в односторонней с ним связи, которая как раз и характерна для согласования. Связанные только с этим словом, они без ущерба для строя предложения могут быть из него изъяты, ср. *abantwana sibatanda* — «мы любим детей», тогда как объект, представленный своим показателем в глаголе, в главном члене предложения, входит в основной состав всего предложения и не может быть изъят из него без соответствующего изменения глагольной формы.

Остановимся несколько подробнее на разборе выступающих в этом примере средств выражения синтаксических отношений и постараемся уточнить их сопоставлением друг с другом. В этом примере ясно выступает связь сказуемого с прямым дополнением. Такую же тесную связь предиката с объектом мы уже видели в примерах из гиляцкого языка, где эти связи устанавливаются приемами инкорпорирования, здесь же те же связи выражены другим путем, синтетизмом. Им обусловлена необходимость наличия в предложении всех главных его членов, в приведенном выше примере — сказуемого и прямого дополнения, взаимно связанных присутствием в составе сказуемого классного

показателя объекта. Если тут нельзя говорить об инкорпорировании, то придется остановиться на синтетизме, оставив все же для дальнейшего рассмотрения вопрос об отдельных оттенках согласования, которое и в этом синтетическом построении глагола находит свое место.

Не без интереса для общей постановки вопроса о свойствах различных приемов передачи синтаксических отношений между членами предложения будет то, что как в гиляцком инкорпорировании, так и при синтетизме отношения между предикатом и объектом могут приобретать некоторые свойства аттрибутивности, выявляя подчиненное положение то объекта к сказуемому, то наоборот. Так, при инкорпорировании включение объекта в состав сказуемого объясняется, в данном случае, аттрибутивными свойствами объекта, характеризующего действие в его направлении на определенный предмет. При синтетическом же построении, например в предложениях языков банту, не объект, а само сказуемое приобретает аттрибутивный оттенок в тех случаях, когда сказуемое получает классные показатели объекта в том же порядке, как и его аттрибуты. И если бы в сказуемом не было бы, кроме того, и выражения субъекта, в особенности местоимением, когда оно устраняет необходимость присутствия подлежащего, то сказуемое получило бы всю видимость аттрибутивного выражения. Отсюда можно притти к выводу о том, что, когда субъекта нет в сказуемом, последнее получает все качества причастия, т. е. отглагольной формы прилагательного. При наличии же и субъекта, или его показателей, в составе сказуемого оно, повторяя классные показатели объекта, приобретает аттрибутивно-предикативное значение. Такое же аттрибутивно-предикативное значение получает сказуемое также и тогда, когда в его действии подчеркивается пассивное состояние подлежащего, например *vitabu hivi vimetungwa kwa mimi.* Наличное тут сказуемое *vime-tung-wa,* кроме показателя прошедшего времени *-me-* и суффикса *-wa,* указывающего на пассивность подлежащего, содержит еще классный показатель последнего (*vi-tabu*) в полной аналогии с обычным аттрибутивным выражением, передаваемым прилагательным, ср. *vitabu vi-zuri* — «книги красивые». И в русском переводе этого примера, взятого из языка суахели, всплывает причастная форма — «книги эти приготовлены мною» (буквально посредством меня *kwa mimi*). Примененный в этом предложении языка суахели синтетический прием в значительной степени сближается с согласованием.[1]

Более ясно выражено согласование в тех двух словах приведенного выше зулусского предложения *abantwana abahle bako sibatanda,* которые выступают в нем в позиции определений. Это будут *aba-hle* — «прекрасные» и *ba-ko* — «наши». О них уже шла речь выше. Эти определения получили классный показатель *aba-, ba-* не сами по себе, по своей собственной семантике, а от определяемого ими слова, и потому остаются связанными с ним согласованием, идущим с их стороны, тогда как *abantwana* не содержит в своей форме никаких указаний на наличие при нем определений, так как его классный показатель принадлежит ему самому как лексической единице.

Другой пример развернутой синтетической связи, с применением синтетизма и согласования, но уже в трехчленном составе, дает следующее предложение из языка зулу: *intombi encane ibutolile ubulalu*

[1] Ср. то же положение сказуемого в приведенном на стр. 41—42 русском примере *я заставил бежать.*

obuncane — «девочка маленькая собрала бусины маленькие». Если из этого предложения изъять определения *e-ncane* и *obu-ncane*, получившие классные показатели первое от *in-tombi* — «девочка», а второе от *ubu-lalu* «бусины», то остаются только подлежащее, сказуемое и прямое дополнение *intombi ibutolile ubulalu* — «девочка собрала бусины». Сказуемое не инкорпорирует в своем составе ни субъекта, ни объекта, но объединяет их обоих включением в свое оформление классного показателя субъекта (*in-*, *i-*) и объекта (*ubu-*, *-bu-*). Все три члена предложения оказались, тем самым, в тесной формально выраженной связи, передаваемой приемом, который вполне отвечает требованиям синтетизма, хотя внешне этот прием совпадает с согласованием. Тот же прием связи можно до некоторой степени усмотреть и в русском переводе того же предложения *девочка собрала,* в котором сказуемое, не включающее в свой состав субъекта, содержит только указание на то, что действует кто-то, относящийся к женскому роду. Зулусское *ibutolile* отличается от русского *собрала* все же весьма существенно. В зулусском связаны все члены предложения. Одни синтетизмом (сказуемое с подлежащим и прямым дополнением), другие согласованием (подлежащее и прямое дополнение с их определениями). В итоге получается общее синтетически связанное целое. В русском *девочка собрала бусины* устанавливается согласованием только связь сказуемого с подлежащим, выраженная общностью рода, что связано с причастною формою сказуемого, передающего аттрибутивно-предикативные отношения.[1] В то же время в обоих языках, и в русском и в зулусском, определение с определяемым соединяются приемом согласования.

Во всех приведенных примерах мы неоднократно видели использование одних и тех же служебных частиц в различной степени синтетизма. Связь сказуемого, подлежащего и прямого дополнения в языках банту (суахели и зулу) имеет совершенно иное значение, чем связь определений с определяемым в тех же языках. Таким образом, одного качества будут связи между самостоятельными членами предложения, и другого качества оказываются связи между словами, входящими в состав одного и того же синтаксического словосочетания, например между определениями и определяемыми, составляющими в своей совокупности синтаксические группы подлежащего или дополнения.

В языках синтетического строя, к числу которых придется отнести и языки банту, согласование смешивается с синтетизмом, оформляя согласованием члены предложения внутри синтаксических групп и соединяя последние приемом синтетизма. Поэтому языки банту могут служить прекрасным материалом для выяснения основных свойств синтетизма и согласования и для проведения между ними разделительных границ. Если, как мы уже видели, из синтетически построенного предложения изъять все то, что связывается согласованием, то останется один синтетически объединенный костяк. Когда же, наоборот, снимается синтетическая связь, то согласование, проявляющееся только внутри синтаксических групп, выступает как один из ведущих синтаксических приемов и становится наиболее отчетливым. Такое согласование в яркой своей степени выступает именно тогда, когда синтетизм всего

[1] Вопрос о связи прямого дополнения с глаголом в русском предложении значительно сложнее, чем в зулусском, где эта связь ясно устанавливается включением в глагол классного показателя объекта, ср. стр. 85—90.

строя предложения ослабляется и тем более отсутствует вовсе. Таковы индоевропейские языки. В них согласование ясно и бесспорно, за исключением только приведенных выше случаев со сказуемым, когда в нем выступает глагол не в отглагольных формах причастия, а в формах личного спряжения.

Для уточнения терминологии, мне кажется, что лишь к сочетаниям слов внутри синтаксических групп следует применять термин согласование. Во всяком случае это не будет противоречить внедряющемуся в языкознании утверждению о самостоятельности оформления членов предложения, подлежащего, сказуемого и дополнений, в индоевропейских языках. Подлежащее, прямое и косвенное дополнения получают тенденцию к своему оформлению в зависимости от смысла всего предложения.[1] Следовательно, никакого согласования между ними быть не может. Что же касается сказуемого, то и оно признается в своем оформлении лица и числа носителем этих признаков в самом себе.[2] Так, применяя утверждения А. Мейе, можно притти к выводу, что и в русском языке в предложении «человек идет» сказуемое стоит в 3-м лице не по согласованию с подлежащим, а потому, что само сказуемое выражает действие третьего лица, так же как оно выражает действие первого и второго. В 3-м лице сказуемое, равным образом, самодовлеюще в этом своем выражении, но становится несколько более отвлеченным, так как в третьем лице выражаются действие и состояние всех вообще имен существительных. Именно в силу этого субъект и конкретизируется в подлежащем, так же как и само подлежащее конкретизируется сказуемым в своем действии и состоянии. Такая взаимная их связь выражается различными синтаксическими приемами, или спайкой их служебными частицами в синтетизме, или же самостоятельным оформлением в аналитическом строе. Согласованию и в том и в другом случае нет места.

Если это утверждение распространить на все формы сказуемого, а не только на лично оформленные, то придется все же иметь в виду и некоторое между ними различие. Сказуемое может быть выражено глаголом и именем. При имени предикативность иногда выражается в связке или в вспомогательном глаголе. В положении сказуемого может выступать и причастная форма. Выступает в сказуемом и глагольная форма, лишенная норм спряжения по лицам. В последнем случае сказуемое получает аттрибутивно-предикативное значение, при котором можно усмотреть также и признаки согласования. Такого рода согласование можно видеть в аварском (закатальском) языке: *дие чу бокьула* — «я лошадь люблю», *дие яц йокьула* — «я сестру люблю», *дие вац вокьула* — «я брата люблю». Сказуемое в этих примерах изменяется по классным показателям объекта (*б-, й-, в-*), в чем не трудно видеть приемы согласования. То же самое можно усмотреть и в русских формах сказуемого прошедшего времени, где в его позиции выступает не глагол, а причастие, изменяемое не по лицам, а по родам, указывая на определенную группу имен, объединяемых по родовому признаку: *отец шел, мать шла* и т. д. Причастная форма, сближающаяся с прилагательным, придает аттрибутивное выражение предикативному построению сказуемого.

---

[1] См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 360—369.

[2] См. там же, стр. 367.

Взаимоотношение подлежащего и сказуемого остается то же, что и в другом случае, с глаголом, изменяемым по лицам. Подлежащее уточняет действующее лицо, указанное в сказуемом, а сказуемое уточняет подлежащее в его действии и состоянии. Следовательно, и тут мы имеем не одно только аттрибутивное выражение, но и предикативное. В том же положении оказывается сказуемое и в языках банту (в зулу и суахели), где, как мы видели по приведенным выше примерам, сказуемое содержит в себе не родовой признак, а классный показатель. Такое его аттрибутивно-предикативное положение в особенности выделяется при 3-м действующем лице, когда в сказуемое включается не только классный показатель объекта, но и такой же показатель субъекта.[1] Оказавшись в таком ярко выраженном синтетическом построении, сказуемое при 3-м лице субъекта передает в языках банту свои аттрибутивные отношения к обоим главным членам предложения, к подлежащему и прямому дополнению. В то же время оно остается несомненным выразителем предикативности, свойственной данному члену предложения, так как согласуемый глагол сохраняет в то же время явные глагольные показатели времени, наклонения и т. д.

Подводя итог всему сказанному о согласовании, можно следующим образом характеризовать его положение среди других приемов передачи синтаксических отношений между составными частями предложения. Являясь по существу своему одним из видов синтетизма, согласование применяется для образования синтаксических комплексов одного из членов предложения, в которых к самостоятельному члену путем согласования присоединяются зависимые члены. Этот синтаксический прием в не меньшей степени, чем частичное инкорпорирование, может быть использован для выяснения позиций членов предложения в каждом языковом строе, применяющем согласование. Между самостоятельными членами предложения его не может быть, так как эти члены предложения не только в индоевропейских языках, но и во всех языках вообще, выступают в самостоятельной роли слагаемых частей предложения, оформляясь по своему смысловому в нем значению. Но синтетизм, связывая самостоятельные члены предложения, не устраняет согласования внутри относящихся к ним синтаксических группировок. Только сказуемое, как мы видели выше, в отдельных случаях, когда оно получает предикативно-аттрибутивное значение, носит в себе признаки согласования, отнюдь не утрачивая своих основных предикативных свойств. Выступая как подсобное средство при синтетизме и проводя в нем объединение слов, входящих в одну с самостоятельным членом синтаксическую группу, согласование в тех языках, где нет синтетического строя и где нет развитого аналитического строя, яснее других синтаксических приемов выделяет образуемые в предложении синтаксические комплексы его основных членений.

Под согласованием, при таких условиях, понимается определенный синтаксический прием, используемый для соединения зависимых слов, группирующихся по смысловому значению предложения вокруг ведущего слова в выделяемом синтаксическом построении. Для установления той же связи зависимых слов с господствующим, кроме согласо-

[1] В первых двух лицах местоимение включается в состав самого глагола, в третьем же лице субъект выделяется в составе предложения и в глагол включается его классный показатель.

вания, совместно с ним или независимо от него, могут быть использованы и другие синтаксические приемы. Один из них может быть назван замыканием.

6. ЗАМЫКАНИЕ

Я имею тут в виду тот случай, когда член предложения (выраженный не в синтаксическом комплексе) расщепляется в своих составных частях, помещая между ними относящиеся к нему слова и тем самым образуя синтаксическую группу. Наиболее ясными представителями такого синтаксического приема будут примеры с использованием артиклей и сложных форм глагола в сказуемом. Артикль тесно связан с соответствующим именем существительным, являясь его определенным или неопределенным членом.[1] В тех языках, в которых имеются артикли, последние редко опускаются; наоборот, они оказываются в большинстве случаев необходимыми спутниками имени, определяющими не только его родовую принадлежность, но и в значительной степени падежную функцию. Между тем, несмотря на такую органическую связь артикля с именем, определения в германских языках, как общее правило, ставятся не перед именем существительным и его артиклем, а между ними, ср. немецк. *der natürliche Kasus (ist der Nominativ)* — «естественный падеж (это именительный)», *in der dritten Person* — «в 3-м лице», *nach dem allgemeinen Gesetz* — «по общему закону» и др. Здесь имя и его артикль замыкают собою семантически связанные ими слова, представляющие собою одно синтаксическое построение. Очевидно, весь такого рода комплекс воспринимается как одно целое, в чем и находит свое объяснение такая своеобразная с первой точки зрения конструкция, оказывающаяся на самом деле вполне обоснованною и закономерною. В ней объединен семантически связанный один член предложения с другим, от него зависящим.

Все же, имеющееся в этих случаях согласование определения в роде, падеже и числе с им определяемым именем лишает возможности говорить об их слиянии в одно целое в виде инкорпорирования. Слова в данном построении несомненно обособлены, но они в то же время по своему смысловому значению настолько тесно связаны, что представляют собою одно синтаксическое выражение, в котором определение, конечно, не самостоятельно в своем оформлении. Оно семантически связано с другим именем, являясь его качественным или количественным признаком. Оно семантически подчинено ему и в порядке подчинения от него получает падеж, число и род. Такое подчиненное положение определения имеет своим основанием его собственную семантику, как лексическую, так, тем более, и полученную им по синтаксическому построению. Оно дополняет содержание, вложенное в основное слово образуемого комплекса, и как дополнительная вставка имеет второстепенную значимость.

Лексико-синтаксическое значение подобных сочетаний слов ясно выступает в такого рода примерах, в которых определения стоят к определяемому слову в различной степени лексической близости, ср. немецк. *ein guter weisser Wein* и *ein guter Weisswein*, по-русски в обоих случаях *хорошее белое вино*, но и по-русски *белое вино* и *хорошее вино*, формально не различаясь, стоят далеко не в одинаковой степени

[1] См. стр. 306 и сл.

единства лексической единицы. Первое из них представляет собою по своему содержанию лексическое соединение, а второе синтаксическое. Все же и в том и в другом случаях использован синтаксический прием, в котором определение, конечно, зависит в своем оформлении от определяемого им слова. Таким образом, во всех указанных примерах с использованием артикля связь определения с определяемым выражена двумя синтаксическими приемами, а именно согласованием и замыканием. Оба они выполняют одну и ту же синтаксическую функцию.

Эта функция установления связи между определением и определяемым, оставаясь одной и той же, осуществляется в различных языках различными, как мы видели, способами. Так, в гиляцком *пилаган* означенная связь выражена инкорпорированием, во французском его соответствии *un grand chien* она же представлена замыканием и согласованием, а в русском их переводе *большая собака* выступает одно согласование.

Тот же прием замыкания прослеживается в большом числе языков, использующих предлоги в роли падежных оформителей. Предлог, имея синтаксическую функцию характеризовать другое слово в его смысловом положении в предложении, принадлежит к числу служебных частиц, и потому отношение его к характеризуемому слову закрепляется прочными синтаксическими связями, ср. русск. *с вином,* немецк. *mit dem Weine* и др. Когда к этим предложным выражениям падежей имен существительных присоединяется еще определение, относящееся к тому же имени, то оно, равным образом, включается в общий синтаксический комплекс и помещается между именем и его предлогом, например *с хорошим, старым, ценным вином,* немецк. *mit gutem, altem, kostbarem Weine.* То же самое имеем и во французском, как то: *l'évolution est donc la même dans plusieurs langues* — «эволюция [развитие] же одинакова во многих языках».[1] Определение при имени *(во многих языках)* выражено во французском, так же как и в русском, включением его в состав объединенного предлогом и именем одного общего построения. Замыкание в этом примере ясно выделяет одно членение предложения, в данном случае группу косвенного дополнения, в которой позиция ведущего слова вполне самостоятельна. Форма этого слова зависит непосредственно от смысла предложения, ср. *l'évolution est donc la même* — «эволюция [развитие] же одинакова», представляющее собою законченное предложение, и *l'évolution est donc la même dans plusieurs langues* — «эволюция [развитие] же одинакова во многих языках» — тоже законченное предложение. В этих предложениях, благодаря замыканию, с достаточною ясностью выделяются три членения предложения: одно с подлежащим *l'évolution* — «эволюция [развитие]», другое со сказуемым *est la même* — «одинакова» и третье с косвенным дополнением в центре своего значения *dans plusieurs langues* — «во многих языках». Последнее как в русском, так и во французском языках передается замыканием и согласованием.

Упомянутому выше замыканию могут подчиняться не одни только прилагательные, но и определения, представленные именами существительными. В последнем случае рамки замыкаемого целого значи-

[1] Для французского примера использовано выражение, употребленное в труде A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, 1926, p. 144. Немецкие примеры взяты из текста работы Ch. A. Heyse, Deutsche Grammatik oder Lehrbuch der deutschen Sprache. 1900, S. 497, 508, 519 u. a.

тельно расширяются. Такого рода замыкание крайне разнообразится на материалах немецкого языка. Начнем с кратких выражений: *zwei an Gestalt ähnliche Brüder* — «два телосложением [внешностью] похожие брата». Здесь определением служит *ähnliche an Gestalt* — «схожие телосложением [внешностью]», в котором оба слова представляют собою семантическое единство. Русское определение *сходный телосложением,* в котором падеж имени существительного находится в управляемом подчинении слову *сходный,* присоединено к словам *два брата,* образуя таким путем одно формально выраженное синтаксическое целое. В этом синтаксическом построении слово *телосложением* связано управлением со словом *сходные, похожие,* а последнее согласованием соединено со словами *два брата.* Замыкание в русском примере выражается вклиниванием комплекса определения *похожие телосложением* [*сходные внешностью*] в раздвоившиеся слова *два... брата.* В немецком *an Gestalt* находится в управляемой связи со словом *ähnliche,* последнее согласовано в роде и числе с *Brüder,* а весь определительный комплекс *an Gestalt ähnliche* включен замыканием в самостоятельное синтаксическое выражение *zwei... Brüder.* Таким образом, и здесь ясно выделяется единство членения предложения.

Замыкание в данном случае содействует выяснению синтаксического значения зависимого именного оборота. Замыкание именной падежной формы другим именным же словосочетанием указывает на зависимую связь первого со вторым и на включение первого в состав второго как составной части одного синтаксического целого. Выступающее тут замыкание свидетельствует об аттрибутивном значении замкнутых слов.

Такую же схему дает следующее немецкое построение: *ein im Spiele glücklicher Mann* — «счастливый в игре человек». Определение выражено комплексно прилагательным и управляемым им именем существительным *glücklich im Spiele* — «счастливый в игре» («счастливо в игре»). Это комплексное выражение определения замкнуто расчленившимся определяемым «*ein... Mann*». В русском такой же определительный комплекс, представленный сочетанием прилагательного с управляемым им в падеже именем существительным *счастливый в игре,* прибавлен к определяемому *человек.* Следовательно, на этот раз в русском построении применены только управление и согласование, но нет замыкания, хотя с первого взгляда и можно было бы предположить его наличие; ср. *счастливый человек* и при их расщеплении *счастливый в игре человек.*[1] Замыкание, таким образом, как уже указывалось выше, применяется многими языками, но все же наиболее ясно выделяет синтаксические комплексы членов предложений в тех языках, в которых используются артикли и предлоги.

Что определения подчиняются правилам замыкания, в этом нет ничего удивительного, так как они семантически теснейшим образом связаны с определяемым ими словом; ср. в русском: *две книги,* представляющие собою один комплекс подлежащего, и *две объемистые*

[1] В этом словосочетании слово *в игре* замыкается словами *счастливый... человек.* Оно органически входит в состав аттрибутивного приложения к слову *человек.* Это аттрибутивное выражение *счастливый в игре* закрепляет путем управления имя существительное *(в игре)* за именем прилагательным *(счастливый)* и весь такой аттрибутивный комплекс *(счастливый в игре)* примыкает к определяемому слову *человек,* благодаря чему *в игре* оказалось в положении замкнутого слова.

книги, где определение приемом замыкания введено внутрь подлежащего. Равным образом, включение в состав сказуемого приемом замыкания обстоятельственных слов, в частности наречий, представляется вполне обоснованным, поскольку обстоятельственные слова носят аттрибутивное по отношению к сказуемому значение, ср. немецк. *das Kind kann ruhig schlafen* — «дитя может спокойно спать», где глагол *kann schlafen* замкнул собою наречие *ruhig*. Но в том же положении в немецком языке может оказаться и объект, в котором, при номинативном строе предложения, трудно усмотреть признаки аттрибутивности, ср. немецк. *ich habe ihn gesehen* — «я его видел». Сложная форма глагола в прошедшем времени *habe gesehen* расступилась в своих составных частях и между ними замкнула собою прямой объект *ihn* — «его», выраженный в данном случае несомненно местоимением, а не личным глагольным показателем, как во французском языке.[1] В том же положении оказываются и имена существительные, выражающие объект при глаголе прошедшего времени, ср. *er hat einen Brief geschrieben* — «он написал письмо», в котором такая же сложная форма глагола в том же прошедшем времени *hat geschrieben* замкнула в своем составе объект *einen Brief*, поставленный в винительном падеже, как это и надлежит прямому дополнению.

Благодаря такому чрезмерно расширенному применению приемов замыкания, в немецком языке, в конечном итоге, наблюдается при этом синтаксическом приеме в отмеченных примерах наиболее резкое выделение только двух основных синтаксических комплексов, а именно, подлежащего со всеми его аттрибутивными компонентами, передаваемыми различными синтаксическими средствами (замыканием, управлением, согласованием) в зависимости от характера словосочетаний, и сказуемого с его аттрибутивными приложениями, к которым присоединяются также прямое и косвенное дополнения. Получается крайне сложная схема, ясно обрисовывающая эти две основные части предложения, разделяемые одна от другой приемами замыкания артиклями и местоимениями, с одной стороны, и сложными глагольными формами, с другой. Для примера возьмем еще такого рода предложение, как *deine beiden jüngsten Schwestern haben meinem Bruder den Brief laut vorgelesen* — «твои обе младшие сестры громко прочли письмо моему брату». Замыканием выделенное подлежащее *deine Schwestern* включило в свой состав два согласованных с ним определения. Сказуемое же *haben vorgelesen* имеет включенными в свой состав наречие *laut* — «громко» и, кроме того, прямое дополнение *den Brief* и косвенное дополнение *meinem Bruder* — «моему брату», стоящие в соответствующих им падежах. Таким образом, основной костяк этого предложения, дающий двухчленное деление высказывания, выделяя субъект и предикат, получило в строении предложения, равным образом, двухчленное деление на подлежащее и сказуемое *deine Schwestern — haben vorgelesen*. Этот основной костяк остался в неизменном виде и при более развернутом строе предложения. Слова, относящиеся к подлежащему, вошли внутрь его построения, дав замкнутую синтаксическую группу, передающую субъект (*deine... Schwestern*). Слова же, семантически относящиеся к выражаемому в предложении действию, вошли тем же путем внутрь самой основной части сказуемого, образовав синтаксическую группу, связанную с предикатом

[1] См. стр. 25, 32, 173 и др.

(*haben ... vorgelesen*). В результате, вместо подлежащего и сказуемого получились синтаксическая группа подлежащего и синтаксическая группа сказуемого, обе ясно выделяемые образовавшимся замыканием: *deine beiden jüngsten Schwestern — haben meinem Bruder den Brief laut vorgelesen*. Эти две синтаксические группы дали деление предложения, соответствующее отмечаемым акад. А. А. Шахматовым коммуникациям, ср. *испуганная нами ворона — взлетела на высокую липу*.[1] Подобного рода построения предложений для немецкого языка вполне закономерны, ср. например *das Pronomen kann im substantivischen und adjektivischen Gebrauch auf etwas, was im folgenden (oft abhängigen) Satze zur Sprache kommen soll, hinweisen*[2] — «местоимение может в субстантивированном и адъективированном использовании указывать на что-нибудь, о чем должна итти речь в следующем (часто зависимом) предложении». В этом примере, благодаря замыканию, получается та же разбивка в членении предложения: *das Pronomen — kann... hinweisen*. Здесь в группу сказуемого, кроме ряда дополнений, оказалось включенным даже целое придаточное предложение: *was... kommen soll*. Таким образом, замыкание в данном случае приняло размеры весьма широкого охвата замыкаемых слов.

В приведенных примерах из немецкого языка замыкание дает грани грамматическому делению. Это деление вызвано тем восприятием, которым устанавливается взаимная связь между словами предложения и которое получило свое формальное выражение в построении последнего. Получилось сложное сочетание слов, давшее их грамматическое оформление особым в данном случае использованным синтаксическим приемом. Оба члена коммуникации, субъект и предикат, получили свое формальное выражение выделяемых путем замыкания двух групп, подлежащего и сказуемого. В последнюю из них включились не только обстоятельственные слова, но и косвенные, и даже прямые дополнения, втянутые в синтаксическую связь со сказуемым. Таким образом, в этом построении предложения оба они, и косвенное и прямое дополнения, не получили самостоятельного места в предложении. Замыкание подтвердило их зависимое положение от сказуемого.

Таким образом, между членением коммуникации и членением предложения[3] оказались в данном случае более близкие отношения, чем в других видах синтаксического построения предложения, где эти связи выступают не столь ярко. Так, например, субъектно-объектные отношения к глаголу в языках банту и яфетических Кавказа дают совершенно иную схему. Мы видели в них не двучленное, а по крайней мере трехчленное деление предложения с постановкою объекта на независимое место. Здесь объект синтетически связан с другими членами предложения, в частности с глаголом, и обычно

[1] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 28, § 10.

[2] Эта сложная конструкция предложения взята мною из текста работы B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen, Grundriss, III, Theil I, S. 506.

[3] Под членами коммуникации (суждения) А. А. Шахматов понимает сочетание двух представлений, о субъекте и предикате, причем первое представление оказывается господствующим, а второе — его признаком (ц. с., стр. 21—29, § 5—11). Под синтаксическими группами придется при таких условиях признать грамматически выделенные различными синтаксическими приемами отдельные словосочетания, передающие установившееся в общественной практике восприятие их смыслового единства в членении предложения.

через него, включающего в состав своих показателей также и показатели объектов, ср. абхазское *ag'atsa at'ssaqha at'ə i-l-i-goyt* — «мужчина женщине лошадь ее-ей-он-берет».[1] Здесь глагол своими тремя показателями (*i-l-i*) отмечает прямое дополнение, косвенное дополнение и подлежащее, которые все трое вместе с самим глаголом образуют целых четыре члена предложения, выделяемых указанными синтезирующими глагольными показателями. Таким образом, два члена коммуникации (суждения) могут дать различное синтаксическое членение с различным числом членов предложения, выделяемых на самостоятельное место.[2]

Только частичное инкорпорирование, с этой стороны, выявляет примерно такую же близость в членении всего предложения, какую мы видели в только что приведенных примерах с замыканием. В этом виде инкорпорирования, так же как и при замыкании, в таком расширенном его охвате, выступает семантически обоснованная связь действия с его объектом. Последний не воспринимается отдельно от направленного на него действия, что и получает в предложении свое формальное выражение. При замыкании, использованном в данном построении сложного сказуемого, предмет действия включается в замкнутую группу слов, в которой ведущею и замыкающею оказывается сложная глагольная форма. При инкорпорировании объект сливается с предикатом, причем и тут ведущее место остается за выражением самого действия. Объект занимает при нем зависимое положение.[3] В гиляцком получается объединение объекта с предикатом в одном синтаксическом построении сказуемого, что мы уже видели на примерах инкорпорирования в этом языке. В последнем объект не получает обособленного места. Он всегда сливается в одной общей форме сказуемого, ср. гиляцкое *кехтьоркъадь* — «три чайки застрелил» (*кех* — «чайка», *тьор* — «три», *къадь* — процесс стреляния в предикативном значении). Такая связь объекта с предикатом в гиляцком языке выражается приемами инкорпорирования. В разобранных нами примерах из немецкого языка прямое дополнение включается в синтаксическую группу, центральное место в которой занимает сказуемое. При этом в гиляцком языке косвенное дополнение выступает отдельным членом предложения,[4] а в немецком и оно в этой конструкции предложения может включаться в замыкаемый состав общей со сказуемым синтаксической группы.

Рассматриваемый нами прием замыкания дал на этот раз, казалось бы, весьма сходное с гиляцким выражение синтаксических отношений между действием и предметом, на который оно направлено. Исходя из выступающей тут синтаксической группировки, можно было бы сказать, что объект в данном случае в обоих языках самостоятельно не выступает. И в том и в другом языках он тесно связывается со сказуемым и оформляется в его составе. Все же положение объекта в гиляцком и немецком языках далеко не одинаково. В гиляцком объект не отделяется от сказуемого, и такая его с ним связь оказывается общим в этом языке правилом. В немецком же языке

---

[1] См. стр. 33, 37, 155. Примеры из языков банту (зулу и суахели) см. стр. 33, 41, 46, 155.

[2] См. высказывания А. А. Шахматова о внутренней речи, как об обычном посреднике между коммуникацией и предложением. Ц. с., стр. 20, § 3.

[3] См. стр. 117 сл., 139 сл., 197.

[4] См. стр. 154.

объект попадает в такое же положение лишь в отдельных случаях при сложных формах глагола, причем замыкаемый объект получает соответствующее падежное окончание. Почему именно эта форма дает замыкание, сближаясь с основными гранями членов коммуникации, на это трудно сейчас ответить. Во всяком случае, такая форма замыкания не случайна и в немецком языке устойчива. Все это говорит за то, что и в индоевропейских языках объект далеко не всегда обособляется от выразителя действия в сказуемом. Такой вывод, основанный на анализе применяемого синтаксического приема, в дачном случае замыкания, находится в противоречии с высказываниями А. Мейе.[1]

Если в индоевропейских языках прямой объект, как полагает А. Мейе, получает тенденцию отделяться от сказуемого и занимать в строе предложения отдельное место, то это не является общим правилом для каждого объекта действия в тех же индоевропейских языках.[2] Так, например, при замыкании в современном немецком литературном языке он не обособляется от сказуемого. Мы имеем здесь, очевидно, другое восприятие отношений объекта и предиката, что и получает свое отражение во внешнем построении предложения. Восприятие объекта как самостоятельного элемента во всем контексте высказывания выявляет в предложении другие его синтаксические отношения к сказуемому, чем те, которые устанавливаются при включении объекта в состав общего со сказуемым синтаксического построения. И то и другое может иметь место, и к тому же, как мы видим, даже в одном и том же языке. И те и другие синтаксические отношения между предикатом и объектом, то передающие их взаимную связь, то свидетельствующие об их самостоятельном существовании, получают внешнее выражение в различных способах своей передачи. В числе последних затронутое нами замыкание, помещающее объект в современном немецком литературном языке внутрь синтаксической группы сказуемого, является вовсе не единственным средством выражения синтаксических между ними отношений. В тех же целях при глаголе в тех же индоевропейских языках используются управление и местоположение, которые являются не менее важными передатчиками таких же синтаксических отношений, хотя иногда и менее показательными.[3] Впрочем, и само замыкание далеко не во всех языках ставит объект в такие же отношения к предикату, какие мы только что видели на примерах немецкого языка (со сложными глагольными формами).

Во французском литературном языке замыкание, равным образом, выделяет группу сказуемого, но объект замыканию не поддается и ставится отдельно в постпозиционном по отношению к глаголу положении. Замыканию в этом языке подчиняются обстоятельственные слова, ср. *il ne s'était pas davantage interrogé sur la nuance de caractère que pouvaient indiquer les mouvements de cette femme*;[4] *elle était à demi*

---

[1] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 362.

[2] Прямое дополнение в ряде случаев занимает самостоятельную позицию, близкую к указанной А. Мейе, что вовсе не устраняет ряда других случаев, когда трудно отрицать зависимую его связь с глаголом. В этом отношении различные виды синтаксических выражений оказываются весьма показательными.

[3] См. стр. 74 сл. и 90 сл.

[4] В конце этого предложения не объект, а субъект занял постпозиционное по отношению к глаголу положение *que pouvaient indiquer les mouvements de cette*

decolletée; un physiologiste aurait sans doute attribué ces soudaines torpeurs à des passages d'émotion nerveuse; aussi était-il moins choqué de pareils récits и т. д. Глаголы: *il ne s'était pas interrogé,* [elle] *était décolletée, aurait attribué* и *était-il choqué* замыканием включили обстоятельственные слова в общую группу со сказуемым: *davantage, à demi, sans doute* и *moins*. Прямое же дополнение *ces soudaines torpeurs* не входит в рамки замыкания. Такое прямое дополнение иногда даже отделяется от глагола косвенными дополнениями, ср. *il avait entr'ouvert pour cette étrangère le secret asile de l'hôtel de la rue Vaneau* — «он приоткрыл этой чужой женщине тайное убежище особняка на улице Вано». В число обстоятельств могут входить иногда даже целые словосочетания с причастными оборотами, прямое же дополнение и в этом случае окажется вне расширенных границ замыкания, ср. *il avait, dès ce premier soir, et rentré chez lui, parlé de Thérèse dans des termes qui avaient dû nécessairement éveiller la défiance des deux femmes* — «он с первого же вечера, вернувшись к себе, говорил о Терезе в выражениях, которые должны были обязательно возбудить недоверие двух женщин». Здесь группа сказуемого *il avait ...parlé* замкнула длинный оборот сочетающихся с ним слов *dès ce premier soir, et rentré chez lui,* а другое сказуемое *avaient dû... éveiller* замкнуло наречие *nécessairement* — «по необходимости, обязательно, непременно». Все замкнутые первым глаголом слова — «с первого же вечера, вернувшись к себе» — имеют обстоятельственное значение, второй глагол замыкает равным образом обстоятельственное слово — наречие. Прямое же дополнение *la défiance des deux femmes* — «недоверие двух женщин», так же как и косвенные дополнения *de Thérèse* — «о Терезе», *dans des termes* — «в выражениях» — оказались стоящими отдельно.[1]

Во французском языке объединение замыканием слов, группирующихся около сказуемого, имеет, таким образом, свое применение. И если прямое и косвенное дополнения на этот раз не входят в указанную группу, то тем самым отмечается по крайней мере то, что объект во французском языке не воспринимается в той же близости своей связи со сказуемым, как относящиеся к нему обстоятельственные слова. Замыкание, как мы видим, устанавливает более тесную связь аттрибутивных признаков с господствующим словом. Таковыми будут при имени, в составе подлежащего и дополнений, их определения, а в составе сказуемого — его обстоятельственные слова, иногда развертываемые до целых более сложных словосочетаний. Эти последние сохраняют все же общее для них обстоятельственное значение с единым таким же смысловым содержанием, ср. приведенный выше пример *il avait, dès ce premier soir, et rentré chez lui, parlé*. Обстоятельственные слова в большей степени подвержены замыканию, чем определения. Обстоятельства выходят за рамки замыкания лишь в отдельных случаях, когда интонацией и получающейся инверсией придается им особый смысловой оттенок, ср. *Quant à elle, comment n'aurait-elle pas*

---

femme. Тем не менее и в этом своем положении подлежащее точно устанавливается в своем значении всем контекстом высказывания, хотя падежное его оформление не отличается от объекта. Здесь об управлении падежом подлежащего со стороны глагола не может быть и речи, ср. в приведенном ниже предложении, где на том же месте стоит прямой объект, семантически связанный с глаголом: *attribuer ces soudaines torpeurs*.

[1] Примеры заимствованы мною из романа Paul Bourget, Cruelle énigme; III, p. 56, 57, 60, 62, 65, 66.

compris que s'offrir à lui, c'était risquer d'être aimée moins?, ср. замыкание в *aussi était-il moins choqué*. Определение в подавляющем большинстве случаев во французском языке не замыкается, а присоединяется к определяемому им слову, воздействующему на него же управлением в падеже, согласованием в роде и числе, ср. *la boule d'eau chaude tiédissait sous les pieds; par les moeurs modernes; dans l'état présent; dans les respects brûlants; un roman pareil au leur* и т. д. Все же и определяемое слово может замкнуть определение, ср. *il se ressouvenait des anciennes, de ces passionantes et dangereuses promenades (de ces... promenades); il était, lui, incapable d'entreprendre davantage, à cause de son entière pureté* (*de son... pureté*); *le déchaînement d'un glacial orage d'hiver* (*d'un... orage d'hiver*) и др.[1]

В немецком языке, как мы видели, замыкание может включать в выделяемую им группу сказуемого не только обстоятельственные слова, но и дополнения. Впрочем, отсюда, само собою разумеется, вовсе еще не следует, что во всех других языках и даже в самом современном немецком литературном языке в ином синтаксическом построении объект не может занимать позицию самостоятельного члена предложения, прямого дополнения. В русском языке предмет действия может занимать более самостоятельное место прямого дополнения. Во французском языке, и при его сложных глагольных формах, объект не подчиняется приемам замыкания и занимает по отношению к сказуемому постпозиционное положение. В этом отношении французский язык не отличается от основного массива языков с номинативным строем предложения. И в самом немецком языке объект выступает в более самостоятельной позиции, когда нет сложной глагольной формы. Так, например, синтаксически различны в немецком же языке такие конструкции предложений, как: *er sieht den Blitz* — «он видит молнию» и *er hat den Blitz gesehen* — «он видел молнию». В первом примере объект занял в составе предложения постпозиционное место прямого дополнения, тогда как во втором, где опять-таки использована сложная глагольная форма, объект приемом замыкания включен в состав синтаксически объединенных со сказуемым слов.[2]

Как мы уже видели выше, в тех языках, где нет артиклей (например в русском) и где сложные глагольные формы не дают замыкания (например в тюркских), рассматриваемый нами синтаксический прием не получает столь широкого применения. Все же этот прием прослеживается и в них. Так, в русском языке предложные образования падежных форм полностью выявляют замыкание, ср. русск. *перед большим домом*. Прием замыкания можно проследить и в таких построениях, в которых участвуют количественные и собирательные числительные. Они, управляя падежом связанного с ними имени, представляют с ним одно синтаксическое целое, например, *три дома стоят*. По смыслу предложения подлежащим здесь выступает не *дом* со своим количествен-

---

[1] Paul Bourget, ц. с., III, p. 69, 71—73.

[2] Все же приведенные примеры замыкания прямого дополнения комплексом сказуемого в современном немецком литературном языке наводят на мысль о том, что и без этого замыкания прямое дополнение, даже в проникающем аналитическом строе речи, еще окончательно далеко не во всех случаях заняло вполне самостоятельное от глагола положение. Если в некоторых языках, как увидим ниже, самостоятельное положение прямого дополнения и выявляется (см. также стр. 159 сл.), то все же это его место в строе предложения не следует устанавливать во всех языках и во всех случаях, см. управление на стр. 75 сл., ср. стр. 84—90.

ным определением в виде числительного *три*, а *три дома* в своей совокупности.[1] Это единое подлежащее, получая свои определения, расклинивается и включает их внутрь своего общего построения, ср. *три больших дома*, что и представляет собою явный пример замыкания. Его же можно видеть в отдельных сочетаниях прилагательных с именами существительными, когда такие цельные семантические комплексы замыкают своим построением включаемые в него к нему же по смыслу относящиеся слова, и т. д.[2]

Прием замыкания можно усмотреть также в развитых словосочетаниях, связанных с изафетными оборотами, например, в тюркских языках, в которых определению, стоящему в родительном падеже, отвечает определяемое слово, поставленное с притяжательным суффиксом. Оба эти слова оказываются, тем самым, в тесном соединении друг с другом. Одно из них, определение, своим падежным оформлением зависит от другого, определяемого, последнее же своим притяжательным показателем связывается с первым. В итоге получается спаянность двух слов. Они не отделимы одно от другого и, объединенные этого рода синтаксическим приемом, передают цельность смыслового содержания данного синтаксического сочетания, выступающего единым синтаксическим построением. Такова изафетная конструкция в тюркских языках, например в казахском языке, в котором определение может быть передано не только более распространенным способом примыкания, т. е. постановкою рядом двух слов, из которых первое остается всегда в неоформленном падеже: *коктем жел* — «весенний ветер» (*коктем* — «весна», *жел* — «ветер»), но и только что упомянутым изафетным оборотом *коктемның желі* — «весенний ветер» (буквально «весны ветер-ее»). В последнем построении слово «весна» — *коктем* получило форму родительного падежа *-ның*, а слово *жел* — «ветер» снабжено притяжательным суффиксом *-і*. Такое изафетное сочетание двух слов разделяется и включает внутрь себя относящиеся к нему определения, составляющие с ним одно семантическое целое, например в том же казахском языке: *коктемның майда желі* — «весенний приятный [легкий] ветер». Даже тогда, когда определение представлено не одним словом, что мы видим в только что приведенном примере с *майда* — «приятный, легкий», а целым словесным оборотом, последний все же может быть замкнут основными членами изафетного построения, ср. казахское предложение *жаздың таудан аңқып соққан майда желі*.[3] Здесь изафетное соединение *жаздың желі* — «летний ветер» построено с соблюдением всех отмеченных выше правил: *жаз* — «лето» стоит в родительном падеже, а слово *жел* — «ветер» имеет притяжательную частицу *-і*. Перед заключительным членом изафетной конструкции поставлено его определение *майда* — «легкий». Последнее, как и в первом примере, представляет собою уже добавление к семантически цельному сочетанию, передаваемому изафетом.[4] *Летний ветер* характеризуется в данном контексте как *приятный, легкий*. Таким образом, к семантически более тесно связанному *летнему ветру* прибавляется еще его

---

[1] См. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 141 (§ 139[1]), сл., 171 (§ 177) сл., 501 (§ 582).

[2] Примеры см. на стр. 51.

[3] Ср. то же в персидском языке в его системе изафетного построения.

[4] Замыкание выражается здесь в том, что второе определение, вставленное в изафетное замыкание, само не получает изафетного построения, сохраняя общую форму примыкающего определения.

характеристика, которая, в свою очередь, вступает с изафетом в еще более тесную связь, когда ко всему этому построению, состоящему уже из трех слов, прибавляется еще одно новое определение. Такого рода осложнение мы находим в последнем приведенном примере. В нем к *летнему легкому ветру* («жаздың майда желі») присоединяется еще одно другое определение, выраженное причастной формой глагола *соқ* — «дуть» (*соқ-қан* — «дующий»). Это причастие, в свою очередь, имеет при себе деепричастие от глагола *аңқы* — «свободно (быстро) двигаться» (*аңқып* — «свободно или быстро двигаясь», что в русском переводе может быть передано соответствующими наречиями). Деепричастие, как отглагольная форма, содержит при себе обстоятельство *таудан*, представленное словом *тау* — «гора» в исходном падеже. Такое дополнительное определение, по-русски переводимое — «с горы свободно (быстро) дующий», включается внутрь упомянутой выше изафетной конструкции, составляя с нею одно семантическое целое, которое начинается первым членом изафета *жаздың* и заключается откликающимся на него вторым членом *желі,* притяжательно оформленным.

Такое сложное сочетание слов представляет собою одну синтаксическую конструкцию с одним семантическим содержанием. Что это именно так и воспринималось, видно из того, что к этому единому синтаксическому комплексу может быть, в свою очередь, прибавлено свое определение, которое будет относиться к нему, как к единому целому, и потому будет стоять перед ним в обычной позиции примыкающего определения, например: *бийылғы жаздың таудан аңқып соққан майда желі* — «нынешний летний с горы свободно дующий легкий ветер». В данном случае слово «*бийылғы* (*ғы* — суффикс прилагательного) — «нынешний» — поставлено перед всем изафетом замыкаемым построением, ясно тем самым указывая, что последнее по отношению к первому воспринимается как определяемое к определению: *жаздың таудан аңқып соққан майда желі* — «летний с горы свободно дующий легкий ветер» является определяемым, а *бийылғы* — «нынешний» — его определение. [1]

Мне кажется, что подобного рода изафетное замыкание может служить прекрасным подтверждением тому, что сам использованный в нем прием замыкания вовсе не случаен. Наоборот, в нем ясно выступает смысловое задание выделить в предложении как одно цельное его синтаксическое членение ту группу слов, которая семантически объединяется и синтаксически выступает в единой позиции одного синтаксического целого, ср. то же сочетание слов в предложении *бийылғы жаздың таудан аңқып соққан майда желі ыстықты басты* — «нынешний летний с горы свободно дующий легкий ветер жару прекратил». Здесь изафетным соединением слов, замкнутых внутри его конструкции, выделяется группа подлежащего с примыкающим к нему определением. [2] Такого рода смысловое задание выражается в данном случае замыканием, которое и рассматривается мною как особый син-

[1] Постановка такого определения перед определяемым и установление их синтаксической связи обычным приемом примыкания отмечает его аттрибутивное отношение к определяемому. Последнее же представляет собою изафетом соединенное словосочетание. Таким образом, определение *бийылғы* — «нынешний» является признаком единого определяемого, границы которого указаны изафетом.

[2] Получается развернутый член предложения со своим членением внутри.

таксический прием, передающий синтаксические отношения внутри выделяемых в предложении синтаксических группировок.[1]

Замыкание в любом тексте, если оно вообще имеет в нем место, обычно передает смысловое объединение слов в более расширенном контексте предложения. Выделяемая тем самым группировка оказывается связанной означенным внешним синтаксическим приемом, выражающим данное смысловое единство. Последнее отражает смысловое членение предложения, что в грамматическом строе предложения выражается в сосредоточении слов, тяготеющих к определенному члену предложения, чем и составляется синтаксический его комплекс. Это наблюдается во всех строениях предложения, вариируясь в различных своих сочетаниях. Даже в поэтических оборотах, в которых допускаются известного рода грамматические вольности, смысловое единство замыкаемых комплексов продолжает сохранять свою силу. И в них замыкание, хотя бы и в необычном для письменной и разговорной речи виде, подчиняется особому в этом случае смысловому же оттенку, помещая, например, управляемое слово между согласованным определением и определяемым именем, что в результате дает своего рода замыкание, или включая сказуемое между определением и определяемым, выступающими в значении подлежащего, или вставляя причастие в комплекс относящегося к нему прямого дополнения, и т. д., ср. у А. С. Пушкина *Родишься ль ты во мне слепая славы страсть* («Война»); *Не в далеке от тех прекрасных мест, где дерзостный восстал Иван-великий, на голове златой носящий крест* («Монах»).

В первом примере включение управляемого слова внутрь замыкаемого комплекса представляет собою необычный порядок размещения слов, составляющих развернутое построение одного члена предложения: *слепая славы страсть*, вместо *слепая страсть славы*. Смысловое единство и цельность синтаксической конструкции сохраняются в обоих сочетаниях слов. В *слепая страсть славы* наличествуют согласование и управление, причем единое смысловое целое *страсть славы* имеет впереди себя определение, не образуя никакого замыкания. При перестановке получается замыкаемое построение, сохраняющее то же смысловое единство (*славы страсть*) при том же определении впереди. Но согласуемое определение *слепая славы страсть* в этом последнем случае дает внешний вид замыкания. Во втором примере: *дерзостный восстал Иван-великий* — замкнутым в составе подлежащего и его определения оказалось сказуемое. Получилось соединение двух членов предложения. И это построение имеет, как увидим ниже, свое обоснование. Смысловая сторона высказывания остается ясною. Все же построения подобного рода свойственны только поэтическим оборотам. Они избегаются обычным стилем прозаического литературного языка, более стойко выявляющим отмеченные выше основные свойства рассматриваемого нами синтаксического приема, ограниченного пределами одного синтаксического членения предложения.

Развитие морфологического строя, передающего синтаксические отношения слов их собственным оформлением, может вести к нарушению изложенных выше правил замыкания. Слова, синтаксически связанные, например, согласованием, могут размыкаться помещением в получившемся интервале отдельных слов, а иногда даже и целых их сочета-

[1] Разбор приводимых примеров из казахского языка проведен мною совместно с С. Жиенбаевым.

ний иного синтаксического значения, ср. приведенное выше *дерзостный восстал Иван-великий*. Всё же подобного рода размыкания носят в известной степени искусственный характер, не соответствующий общему стилю речи.[1] Замыкание в последнем имеет свои границы и свои нормы употребления. Так, например, в предложении *монголы предварительно выдерживают своих откормившихся летом верблюдов в течение десяти и более дней* (Путешествия Н. М. Пржевальского, изд. 1941 г., стр. 118) содержится ясно выраженное замыкание: *своих откормившихся летом верблюдов*. Если в этом едином синтаксическом комплексе изменить расстановку слов, ср. *откормившихся летом своих верблюдов*, то, при сохранении того же смыслового содержания, замыкание заменяется сочетанием определений при слове *верблюдов* (*своих* и *откормившихся летом*). Если дополнить то же сочетание слов новым определением, *откормившихся теплым летом верблюдов*, то вновь появляется замыкание, выраженное помещением между определением и определяемым управляемого в падеже слова со своим определением (*теплым летом*).

Такого рода перестановки и дополнения оказываются допустимыми по отношению к словам, связанным единством содержания члена предложения и входящим в состав его синтаксической группы. Нарушение этих выработанных синтаксисом норм включением в единый замыкаемый синтаксический комплекс постороннего ему члена дает неправильное построение, ср. *откормившихся летом выдерживают своих верблюдов*. В последнем приведенном мною примере нарушается смысловое единство синтаксического комплекса, поэтому такое сочетание слов оказывается невозможным.

Замыкание относится к числу синтаксических приемов, используемых в определенных синтаксических заданиях. Замыкание, таким образом, является особым синтаксическим средством для передачи синтаксических отношений внутри некой синтаксически выделяемой группы слов в составе предложения. Но замыкание может получиться и помимо этих только что отмеченных основных его функций. Замыкание может утратить означенные свои свойства, сохраняя лишь внешнюю формальную сторону и не преследуя цели выделения той или иной синтаксически связанной группы слов, замкнутой двумя обособившимися словами. Внедрившиеся внутрь замкнутого комплекса посторонние ему элементы лишают этот комплекс смыслового его единства как выразителя выделяемого членения предложения. Разомкнутое, таким образом, замыкание перестает быть таковым, ср. *глубокий на горах выпал снег*. Кроме того, в зависимости от стилистических моментов данного высказывания, замыкание может носить совершенно случайный характер, получая внешнюю форму замыкания без присущих ему синтаксических свойств, ср. *Ты в день его лицея превратил* (А. С. Пушкин).[2] Следовательно, не всякое построение с замыкающими составными его частями будет синтаксическим приемом замыкания.

Мне представляется необходимым различать получившееся замыкание от примененного замыкания. В поэтических оборотах нередко встречаются первые, в прозаических же текстах преобладают послед-

---

[1] Получающееся размыкание не передает синтаксических отношений. Оно, при таких условиях, не может быть причислено к особым синтаксическим приемам.

[2] См. приводимый ниже на стр. 63 отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября 1825 года».

ние, ср. в поэзии: *Печален я: со мною друга нет, с кем долгую запил бы я разлуку. Знакомое не слышно приближенье и милого душа моя не ждет. В обители пустынных вьюг и хлада мне сладкая готовилась отрада* (А. С. Пушкин, «19 октября 1825 г.»). *Открой мне всю правду, не бойся меня: в награду любого возьмешь ты коня* («Песнь о вещем *Олеге*») и др. Художественный стиль стиха привел в данном случае к замыканию целых высказываний (*знакомое не слышно приближенье* и т. д.). Здесь нет выделения замыканием синтаксической группы слов внутри предложения. В прозе, наоборот, замыкание явно выступает как синтаксический прием, выделяющий членение предложения, ср. Л. Н. Толстой: *Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые душистые, пушистые кашки; молочно-белые, с яркой желтой серединой 'любишь не любишь', с своей приятной пряной вонью; желтая сурепка, с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые скабиозы; лиловый, аккуратный, с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки — ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие цветы повилики* («Хаджи Мурат»).

Замыкание, как синтаксический прием, широко используется в языках различных систем. Оно, как мы видим, имеет свое применение и в русском языке. Замыкание может получиться в результате соблюдения ряда устанавливаемых языком правил. Так, например, определение воспринимается как одно синтаксически связанное целое с определяемым им словом, которому оно обычно предшествует. Поэтому в предложных образованиях получается замыкание. Отступление от этого правила вынесением замыкаемого слова за рамки замкнутого комплекса прослеживается главным образом в поэзии, ср. *В поле чистом, луны при свете серебристом... Татьяна долго шла одна* («Евгений Онегин», гл. 7, XV). В прозаическом тексте мы имели бы иное сочетание слов *в чистом поле при серебристом свете луны...*

Замыкание в обычном строе предложения письменной и устной речи весьма показательно, когда оно выступает в качестве используемого синтаксического приема. Оно содействует смысловому расчленению высказывания на его основные части, образует одно смысловое целое в составе предложения и в большинстве случаев входит в одну синтагму. Таким путем получается выделение в составе предложения синтаксической группы слов, связываемых действующими в языке основными нормами членения предложения. Поэтому не отвечающее этим нормам случайно получившееся замыкание, в особенности если оно имеет место в поэтическом творчестве, дает прекрасный художественный образ, но нередко остается приемлемым только для поэтического оборота стиха, ср. *Поэта дом опальный, о Пущин мой, ты первый посетил; ты усладил изгнанья день печальный, ты в день его лицея превратил* (А. С. Пушкин «19 октября 1825 г.»). Последняя строфа этого первоклассного произведения великого поэта дает пример случайного замыкания *(день его лицея)*. В этой строфе прямое дополнение *его* замкнулось составными частями косвенного дополнения *в день лицея* (ср. *Ты, Пущин, усладил печальный день изгнанья, превратил его в памятный день лицея*). Это случайное замыкание придало местоимению *его* значение не прямого дополнения, а определения к слову

лицея, ср. то же в лицейском стихотворении 1814 года. *Увы! на башнях галл Кремля!* («Воспоминание в Царском Селе»).

Таким образом, замыкание в способах своего выражения и по синтаксическому назначению получает свои особенности не только в различных языковых системах, но и в пределах одного языка. Основным, при таких условиях, остается за замыканием его синтаксическая функция членения предложения. В этом более узком его понимании замыкание может быть выдвинуто как один из синтаксических приемов, имеющий формальное от других отличие.

7. ПРИМЫКАНИЕ

Другим синтаксическим приемом, носителем тех же синтаксических функций соединения слов, семантически связываемых внутри предложения, является примыкание. С ним уже приходилось встречаться раньше, когда шла речь о сложных сочетаниях определяемого с определением. При упомянутом выше замыкании, так же как и при согласовании, определение в русском языке занимает место непосредственно перед им определяемым ведущим словом, что иногда и относится к одному из видов примыкания.

Слова, образующие в предложении одну по своему смысловому содержанию группировку, обычно помещаются рядом. Поэтому и комплексы слов, семантически связанных с ведущим членом предложения, образуют, как общее правило, одну вместе с ним группировку. Благодаря этому получается особый порядок размещения слов, при каковом те из них, которые наиболее близки по своему смысловому содержанию, размещаются в определенной смежной последовательности. Это имеет место даже и в том случае, когда синтаксические отношения между такими словами предложения и без того передаются соответствующими морфологическими средствами. Так, например, определение может быть поставлено в одном роде, числе и падеже с определяемым именем, и все же такое определение в обычном построении предложения занимает свое место в непосредственной близости от определяемого.[1] Но здесь примыкание осложнено еще другими его сопровождающими синтаксическими приемами, как то: примыкают слова, синтаксические отношения которых с другими уже выражены согласованием или управлением. В этом случае решающая роль примыкания не выступает с полною своей ясностью и потому данного рода примыкания являются для нас наименее интересными. Примыкаемые слова, морфологическое оформление которых и без того передает синтаксические их отношения, не уточняются примыканием с какой-либо другой стороны, и тут этот синтаксический прием ничего нового не дает. Как увидим ниже, примыкание в данном случае утрачивает свое решающее значение и сходит на вторые роли.

Совершенно иное мы имеем в тех случаях, когда синтаксический оборот находит в примыкании свое единственное выражение. Наиболее наглядным это будет в сочетаниях аморфных слов, при которых приемами эксператорных синтагм выделяются основные членения предложения, внутри которых сочетания слов проводятся уже примыканием

[1] В русском языке определение предшествует определяемому, см. А. А. Шахматов, п. с., стр. 309, § 414 и др.

и последовательным их размещением. Слова в таким образом построенном предложении получают в нем назначенное им место. Они, распределяясь на ведущие и второстепенные по заданиям данного контекста, объединяются по смысловым группам приемом примыкания, чем и передается содержание предложения. Этот прием имеет широкое распространение в целом ряде языков. Его мы наблюдаем в частом использовании, а иногда и в преимущественном, в таких языках, как дальневосточные, в частности в китайском. Этот же прием употребляется то чаще, то реже в зависимости от особенностей того или иного языкового строя в значительном количестве языков других систем. Он выступает в них уже не в превалирующей роли, а на ряду с иными синтаксическими приемами, объединяющими одни группы слов, тогда как примыкание приурочивается к другим в точно устанавливаемых случаях. В таком положении можно встретить примыкание в тюркских языках, во многих яфетических языках Северного Кавказа и других. Из числа индоевропейских языков проявляет тенденцию к расширенному использованию этого же способа английский язык.

Такое сужение понятия примыкания, как соединения неоформленных слов с другими, с которыми они синтаксически связаны, представляется мне необходимым в целях более ясного его различения с остальными синтаксическими приемами. С одной стороны, вовсе не всякое соседство слов друг с другом может быть отнесено к примыканию. Последнее, кроме того, может утрачивать исключительную синтаксическую значимость даже в тех случаях, когда такое соседство слов вызывается их семантической связью. Согласуемые слова тоже стоят рядом одни с другими, так же как и управляемое слово может стоять рядом с своим управляющим.[1] Но в первом случае решающее значение получает согласование, а во втором управление. Здесь примыкание снижается до роли дополнительного синтаксического приема. С другой стороны, примыкаемое слово может в отдельных, правда более редких, случаях отделяться от того, к которому оно примыкает. Тогда отношения между ними устанавливаются смысловой связью, а вовсе не территориальной близостью. Смысловая сторона и здесь, как и везде в языке, играет решающую роль, тем более, что сама синтаксическая сторона построения предложения находится в тесной от нее зависимости. Так, например, в казахском языке в предложении *мен үйден кеше шықтым* — «я из дома вчера вышел» — используемое в наречном значении слово *кеше* — «вчера» — примыкает к сказуемому *шықтым* — «я вышел». Но оно же в таком же неоформленном виде продолжает по смыслу предложения примыкать к нему и тогда, когда его место в предложении оказывается отдаленным от сказуемого. В этом случае оно остается в положении примыкающего уже по своим смысловым с ним связям, а не по формальным признакам, ср. *мен кеше үйден шықтым* и даже *кеше мен үйден шықтым* все в том значении *вчера я вышел из дома*. Слово *үйден* стоит в исходном падеже (*-ден*) и потому его смысловое в предложении значение определено самою его формою, слово же *кеше* остается неоформленным, но тем не менее и оно тоже до известной степени свободно в выборе места, так как смысловое содержание обеспечивает за ним сохранение примыкания к сказуемому. Здесь *кеше* настолько явно примыкает к нему

[1] Порядок слов и в морфологически развитых языках, например в русском, далеко не свободный, см. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 33, § 15.

по своему содержанию обстоятельственного слова, что для выражения его аттрибутивного отношения к соседящему *мен* требуется уже другая форма: *кешегі мен үйден шықтым.*[1] В дальнейшем изложении мы встретим аналогичные примеры и в индоевропейских языках.

Едва ли следует причислять к тому примыканию, о котором сейчас идет речь, и подобного рода более редкие случаи выражения связи между семантически и синтаксически соединяемыми словами, когда примыкаемое слово сохраняет свой аморфный вид, но утрачивает непосредственную близость к тому слову, признаком которого является. Оно в своей значимости в предложении устанавливается не своим в нем местом, а своим собственным семантическим содержанием и отсутствием морфологических приставок. Если бы оно было оформлено, то получилось бы согласование или управление, или же, при независимости по форме от других слов, оно заняло бы положение отдельного самостоятельного члена предложения. С примыканием этого не может быть, так как оно всегда сохраняет свое подчиненное другому слову положение и свою форму, заключающуюся в нулевом морфологическом показателе. Отделяться от ведущего слова могут и управляемые и согласуемые слова, хотя это будет для них более редким случаем, допускаемым в виду ясности и оформления и семантического значения. То же самое может быть и с примыканием, когда оно своею аморфною формою и своим содержанием точно указывает на свое отношение к связанному с ним слову. Но и это будет более редким случаем.[2] Получая необычное место, слова, синтаксически устанавливаемые примыканием, согласованием и управлением, или подкрепляются в том же своем значении интонацией, или же, наоборот, интонацией придается им несколько видоизмененный синтаксический оттенок. Поэтому в языковом строе превалирует при всех названных синтаксических приемах значение местоположения слов.

Так, в том же казахском языке, в котором, как и во всех тюркских языках, примыкание используется во многих случаях, примыкаемое слово синтаксически выделяется своей аморфностью и своим местоположением при синтаксически связанном с ним слове. Оно получает в различных своих положениях различную синтаксическую значимость, когда это допускается семантикой используемого слова. Нередко только таким путем и устанавливается синтаксическое значение слова в данном контексте предложения. Слово, которое по своей семантике может быть и определением и обстоятельством, или, выступая в своем самостоятельном значении, может оказаться другим членом предложения, подлежащим, дополнением, сказуемым, такое слово нуждается

---

[1] Таким образом, при общем правиле о том, что обстоятельственные слова, следовательно и наречия, примыкают к глаголу и нередко в тюркских языках только этим и устанавливаются в своем значении, все же, когда сама форма слова определяет его как наречие, последнее, хотя и следует правилам примыкания, но может и освобождаться от обязательного ему подчинения. Такие случаи не являются господствующими. В языках тюркской системы примыкание обстоятельственных слов к глаголу продолжает оставаться общей нормою, отступления от которой допускаются только в отдельных случаях, дающих инверсию. Ср. инверсия в русском языке. А. А. Шахматов, п. с., стр. 34, § 15.

[2] Я бы присвоил такому примыканию наименование «примыкания по содержанию» и выделил бы его из общего числа тех примыканий, которые характеризуются формальною стороною их выражения, т. е. непосредственным по местоположению примыканием. Именно на последнем, как на особом синтаксическом приеме, я и останавливаюсь.

каждый раз в уточнении своего синтаксического положения. Это при его нулевом морфологическом оформлении достигается закреплением за ним места в строе всего предложения.

Обратимся к примерам из того же казахского языка: *тас түсіп кетті* — «камень упал», *тас үй* — «каменный дом». В первом примере имя стоит перед сказуемым и выступает в самостоятельном значении подлежащего, тогда как во втором оно же примыкает к другому имени и оказывается при нем определением. В последнем своем использовании такое имя, в позиции определения, не изменяется при изменении ведущего слова по падежам и числам: *тас үй* — «каменный дом», *тас үйлер* — «каменные дома», *тас үйде* — «в каменном доме», *тас үйлерде* — «в каменных домах» и т. д. Одно и то же слово, не изменяясь в своей форме, может оказаться и определением и обстоятельством в зависимости от того, к чему оно примыкает: *жақсы ат* — «хорошая лошадь», *жақсы жүреді* — «хорошо бежит», *жақсы бала жақсы оқыйды* — «хороший мальчик хорошо учится». Прием примыкания ясно выступает и при количественном определении. Числительные в казахском языке не управляют падежом связанного с ними имени и примыкают к нему на ряду с другими определениями, например *үш үй* — «три дома», *үш үлкен үй* — «три больших дома», реже, но все же может быть употреблена и другая расстановка определений *үлкен үш үй*.

Особое внимание обращает на себя и положение объекта в тюркских языках. Так, в казахском языке прямое дополнение выступает отдельным членом предложения и оформляется винительным падежом (*ды/ді, ты/ті, ны/ні*), например, *үйді жұмысшылар салды* — «дом рабочие строят», но когда прямое дополнение стоит непосредственно перед сказуемым, оно утрачивает падежную форму, сближаясь с примыканием *жұмысшылар үй салды*. [1]

Таким образом, в тюркских и ряде других языков, в которых за отсутствием деления имен существительных по родам или классам (ср. также лезгинский язык) трудно использовать согласование, вместо него для выражения тех же синтаксических отношений используется другой синтаксический прием, примыкание. [2] Последнее, как мы видели, применяется и там, где согласование не может иметь места, например, при установлении обстоятельственного значения слова. [3] Тем самым примыкание приобретает в этих языках особую синтаксическую значимость.

В этом своем положении, когда примыканием соединяются рядом стоящие слова, из которых одно остается морфологически неоформленным, получается конструкция, до известной степени сближающаяся с инкорпорированием. Такая бросающаяся в глаза внешняя их близость вынуждает сказать несколько слов и по этому вопросу.

В отдельных случаях даже не устраняется возможность и того, что такие неоформленные и примыканием соединяемые слова на самом деле представляют собой не что иное, как неуловленное исследователем

---

[1] См. стр. 159 сл.

[2] Ср. примыкание в лезгинском языке: *гьяркьуь рехъ* — «широкая дорога»; *вун гьяркьуь рекьяй физва* — «ты по широкой дороге идешь» (*рекьяй* — исходный падеж от слова *рехъ* — «дорога»); *и рехъ гзаф гьяркьуь я* — «эта дорога очень широка» (*я* — глагол связка), см. Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 31.

[3] См. в тюркских языках (примеры из казахского приведены выше).

инкорпорирование. Все могло зависеть от научного подхода к изучаемой форме. К некоторым языкам исследователь впервые подошел, уже заранее владея хорошо им усвоенными правилами построения синтаксических сочетаний в индоевропейских языках. Он видел в них, что определитель-прилагательное содержит свое собственное лексическое оформление и в предложении согласуется с определяемым в его показателях рода, падежа и числа. По аналогии применяя эти правила и к вновь изучаемому языку, исследователь мог счесть наличные в нем определения, аморфно присоединяемые к определяемому, за самостоятельно стоящие слова, признав тем самым использование в данном случае примыкания, а не инкорпорирования. Исследователи же, избегающие подобного рода аналогии и пытающиеся глубже уйти в самостоятельное усвоение изучаемого языка, улавливали в этом же случае отсутствующий в индоевропейских языках прием, широко практикуемый в языках других систем (инкорпорирование).

Такие случаи имели место в научной работе. Так, например, Л. Я. Штернберг удивлялся непонятливости гиляков, которые не умели отделить определение от определяемого ими слова и не воспринимали объект без его инкорпорированной связи с предикатом.[1] Другие исследователи, специализировавшиеся на изучении тех же языков, пришли к совершенно иным выводам. Знакомство с работами американистов дало им основание к проведению аналогии не с индоевропейскими языками, а с индейскими Северной Америки и эскимосскими, в которых прослеживаются сходные с гиляцким построения. Они признали в гиляцком слияние определения с определяемым и объекта с предикатом в инкорпорированных формах подлежащего и сказуемого. Структурная особенность оказалась в последнем случае уловленною более правильно.[2]

Я не касаюсь сейчас вопроса о том, не имеются ли подобного же рода ошибки и в отдельных такого же рода наблюдениях над другими языками. Соответствующие специалисты, конечно, могли не усмотреть в них инкорпорирования только потому, что сами не были знакомы с этим способом синтаксического выражения по примерам других языков. Все же должен отметить, что признание a priori всякого аморфного соединения за инкорпорирование грозит весьма пагубными последствиями.

Инкорпорирование определения с определяемым, объекта с предикатом и т. д. устанавливается не одной только смежностью неоформленного определения с им определяемым словом или такого же объекта со сказуемым. Существует еще целый ряд других показателей, устанавливающих инкорпорирование, как-то: ударение, гармония звуков (сингармонизм) и пр. При отсутствии этих показателей и при наличии общих в изучаемом языке тенденций к выделению слов в предложении на самостоятельное в нем место, прием примыкания, в отмеченных выше случаях, получает свое вполне законное положение среди других способов синтаксического выражения независимо от инкорпорирования.

---

[1] См. Л. Я. Штернберг, Доклад на XIV конгрессе американистов, Штутгарт, 1904, стр. 137—140, и его же «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», 1908, стр. VIII сл. Все же и он усматривает в постановке прямого дополнения в виде чистой основы непосредственно перед глаголом близость к инкорпорированию, прослеживаемому в языках американских индейцев, см. там же.

[2] См. F. N. Finck, О языке гренландских эскимосов в его работе Die Haupttypen des Sprachbaus, Aus Natur und Geisteswelt, Band 268, 1923, S. 31. f.

Таково положение, в частности, в тюркских языках, в которых синтаксически соединяемые слова, не подчиняясь действующим при слиянии слов правилам сингармонизма, выделяются приемом примыкания, а не инкорпорирования. Самостоятельная позиция аморфных слов, примыкающих к другим, но с ними не сливающихся (не инкорпорируемых), в особенности ясно выступает в казахском языке при его широком использовании сингармонизма, выявляющегося в гармонии гласных и гармонии согласных звуков. В этом языке гласные звуки приставок, как словоизменительных, так и словообразовательных, уподобляются гласным последнего слога корня или основы по принципу твердости или мягкости. При сочетании двух согласных получается прогрессивная или регрессивная ассимиляция.[1] Примыкаемые слова не поддаются этому закону, следовательно, не сливаются с другими словами. Все сказанное выше приводит не к отрицанию примыкания в синтаксическом соединении аморфных слов, а к необходимости более детального разбора этого синтаксического приема, остающегося до сих пор далеко недостаточно изученным. Инкорпорирование обусловливает аморфность сливаемых слов. Отдельное их морфологическое оформление свидетельствует об отсутствии слияния. Но и аморфное слово, как мы видели, может, когда оно семантически связано с другим, соединяться с ним в строе предложения не слиянием, а примыканием.

С другой стороны, как мы уже говорили, вовсе не всякая постановка неоформленных и несливаемых слов по соседству одного с другим может быть отнесена к рассматриваемому нами синтаксическому приему. Для этого требуется прежде всего их смысловая связанность между собой в строе предложения, зависимое по своей семантике положение одного слова от другого, что внешне и выражается тем или иным синтаксическим приемом, в данном случае примыканием. Поэтому, когда в индоевропейских языках, при их усиливающейся тенденции к переходу на аналитический строй предложения, главные его члены оказываются нередко неоформленными падежом, то их самостоятельная позиция в предложении ничуть от этого не ослабевает. Они и в неоформленном виде не примыкают к другим словам, оставаясь свободными и самостоятельными в их синтаксической позиции. Так, например, во французском языке объект, выраженный прямым дополнением, занимает постпозиционное место по отношению к сказуемому, которому предшествует подлежащее. При совпадении в этом языке форм именительного падежа с винительным, подлежащее и прямое дополнение устанавливаются в своем синтаксическом значении занимаемым ими местом в предложении. Они могут вовсе не примыкать к глаголу, когда последний по своей собственной семантике дает, выступая в сказуемом, законченное понятие, ср. *le comte avait de même décidé M-me Liauran à lui confier son fils pour le conduire au manège* — «граф все же убедил госпожу Лиоран доверить ему своего сына, чтобы повести его в манеж» (Paul Bourget. Cruelle énigme, I). Стоящие в одном и том же падеже подлежащее и прямые дополнения, сохраняя ту же форму, могут быть перемещены, если это потребуется изменением смысловой стороны контекста, ср. *son fils avait de même décidé M-me Liauran à lui confier le comte pour le conduire au manège* или *le comte avait de même décidé son fils à lui confier M-me Liauran*... Подлежащее

[1] См. С. Кенесбаев. Грамматика казахского языка для русской школы, 2-е изд., стр. 7—10, § 20—25.

и прямые дополнения поменялись местами, потому что изменилось содержание предложения. Они оказались занимающими свое в нем место, отвечая смыслу всего высказывания, и в своем оформлении синтаксически от других слов не зависят. Сказуемое *avait... décidé* замыканием включило в свой состав наречие *de même,* показатель *le* при инфинитиве *conduire* является глагольным префиксом объективного значения мужского рода (ср. женский род — *la*).[1] Остальные слова стоят в косвенных падежах. Примыкания во всем этом примере нет. Даже определение *son* при слове *fils*, хотя и стоит в непосредственной близости к определяемому им слову и синтаксически от него зависит, все же синтаксически связывается с ним в первую очередь согласованием в роде и числе.

Мы видим по приведенному выше примеру, что соседство двух слов, синтаксически друг от друга не зависящих, не дает примыкания. Зависимое же положение одного слова от другого, рядом с ним стоящего, может передаваться управлением или согласованием, т. е. при посредстве специальных морфологических показателей, выражающих эту синтаксическую зависимость. И в этом случае нет того примыкания в узком его понимании, о котором мы сейчас говорим. Обязательным условием для примыкания оказываются, таким образом, не одни только синтаксическая зависимость и соседство двух слов, но и морфологическая неоформленность примыкаемого. Если присоединяемое слово носит синтаксически обусловленное оформление, то в нем решающим синтаксическим показателем оказывается не столько смежность местоположения, хотя бы она и являлась действующей нормой, сколько полученный синтаксический формант, идущий по линии согласования или управления. Местоположение в данном случае выступает в роли не основного, а сопутствующего показателя. Поэтому во французском *son fils* имеется согласование, так же как и в русском «своего сына», хотя определение в обоих примерах смежно с определяемым. Другое положение мы уже видели в казахском соответствии русскому примеру: *каменный дом — тас үй*, где неоформленное *тас* — «камень» — уже примыкает к слову *үй* — «дом» — и только этим примыканием устанавливается в этом его словосочетании как определение, ср. *тас жатады* — «камень лежит», где то же самое слово *тас* не находится в зависимом положении от сказуемого *жатады* — «лежит» и потому не примыкает к нему, несмотря на смежное их размещение. Те же самые слова, при иных синтаксических отношениях, могут в соответствующих словосочетаниях оказаться соединенными примыканием. Для этого требуется, чтобы отношения между ними выражали зависимую связь, ср. *жақсы тас* — «хороший камень» и *жақсы жатады* — «хорошо лежит». Определение *жақсы* в первом примере и оно же в качестве обстоятельственного слова во втором примере устанавливаются в этом их значении примыканием, так как определения и обстоятельственные слова находятся в зависимом положении от непосредственно рядом с ними стоящих слов. Слово *жақсы* в обоих случаях остается без особого оформления и потому различие в его синтаксическом использовании выявляется только этим синтаксическим приемом.

Когда действующий строй языка устанавливает согласование для передачи зависимых отношений внутри одного сочетания слов, то в по-

[1] Здесь выступает другой синтаксический прием, который я именую сепаратизацией (обособленное положение в синтаксическом построении предложения), см. стр. 78 сл.

ложении примыкания в этих языках чаще всего выступает лишь неизменяемое по форме наречие, тяготеющее к глаголу как его признак. Но и сама неизменяемость формы наречия выделяется в этих морфологически развитых языках как своего рода нулевой формант, которым наречие отличается от других частей речи как в словарном составе языка, так и в строе предложения. Ясно выделяясь этими свойствами в своем значении обстоятельственных слов, наречия все же обычно примыкают к глаголу, но в отдельных случаях могут отделяться от сказуемого по своему местоположению, сохраняя с ним семантическую связь. Подобного рода размыкание можно встретить не только в поэтическом творчестве, где им усиливается экспрессивность выражения, но и в прозаическом изложении, ср. *скоро богатый Лазарю отремляв, грубым словом Лазарю отказав* (Калики перехож., Безс. № 25), *тут скидывался Добрыня скоро у окошечка, показывал матери родимую знабедку.*[1] В этих примерах группа сказуемого *скоро... отремляв* и *скидывался... скоро* разделена в одном случае подлежащим, а в другом им же и прямым дополнением. То же встречаем в современной поэзии: *с мирным счастьем покончены счеты, не дразни запоздалый уют. Всюду эти щемящие ноты стерегут и в пустыню зовут* (А. Блок, 11 февраля 1910 г.); *напрасно и день светозарный вставал над этим печальным болотом. Его обитатель свой день посвящал вину и усердным работам* (А. Блок, Поэты), ср. в прозаическом изложении *и опять неоглядная равнина раскидывается по обе стороны реки* (Пржевальский, Путешествия, I).

Мы видели, что даже в тюркских языках, для которых обычно примыкание обстоятельственных слов к глаголу, наречие может отделяться от него, когда само получает отдельную форму, ставшую наречною, ср. *кеше мен үйден шықтым* — «вчера я из дому вышел», где наречие *кеше* — «вчера» — утратило смежное местоположение с глаголом *шықтым*.[2] Нормы формального примыкания как в приведенных русских примерах, так и в казахском нарушаются. Получается размыкание. Два семантически связанных слова, соединяемых примыканием, сохраняют свою семантическую связь, но дают инверсию, в результате которой между разошедшимися частями одного семантического содержания оказались слова, не образующие одну с ними семантическую и потому синтаксическую группу. Наречие и глагол, дающие семантическое единство в строении предложения, как бы замкнули собою ряд посторонних этому единству слов. Здесь получилась та видимость замыкания, о котором уже пришлось говорить выше,[3] и которого на самом деле нет, так как и замыкание является синтаксическим приемом для передачи синтаксических отношений между зависящими и господствующими понятиями, между зависимыми словами и теми, передатчиками признаков которых они являются. Если этого синтаксического единства нет, то нет и замыкания, так же как нет и формально выраженного примыкания, когда подчиненное слово перестает примыкать к другому, сохраняя свои синтаксические к нему отношения уже в смысловом примыкании, а не в формальном.

Примыкание, как действующей силы синтаксический прием, ясно выступает тогда, когда оно оказывается единственным средством передачи соответствующих синтаксических отношений в наличных группи-

---

[1] Примеры позаимствованы из работы Н. П. Некрасова, О значении форм русского глагола, 1865, стр. 283.

[2] См. стр. 65.

[3] См. стр. 61 сл.

ровках слов. Это мы уже отмечали в тюркских языках в тех случаях, когда одно и то же слово выступает то определением, то обстоятельством в зависимости от того, примыкает ли оно к имени или к глаголу.[1] Это же мы видим в русском языке в таких примерах, как: *только через несколько минут, когда первый страх проходил, оно пускалось быстро скакать по высокой траве* (Пржевальский, Путешествия, III). Здесь, при наличии двух глаголов, наречие *быстро* выступает признаком одного из них, что и уточняется его примыканием. При его перестановке меняются синтаксические отношения между словами, и потому примыкание его к глаголу *скакать* не может быть нарушено без изменения смысловой стороны контекста. Наречие *быстро,* переставленное вперед, примыкает уже к другому глаголу: *оно быстро пускалось скакать по высокой траве.* Примыкающее слово, при его перестановке, получило примыкание к другому слову, что меняет смысл предложения. В этих случаях примыкание закрепляется и нарушение его становится недопустимым, ср. казахское *ат жақсы жүреді* — «лошадь хорошо бежит». Если нарушить примыкание слова *жақсы* к глаголу и переставить его на первое место, то получится новое примыкание и изменится смысл предложения, ср. *жақсы ат жүреді* — «хорошая лошадь бежит».

Даже в языках, снабжающих прилагательные специальными показателями и проводящих согласование, выступает во всей действующей силе примыкание в тех случаях, когда утрачивается ясность формальной стороны. Так, например, во французском языке при ярко выраженных морфологических изменениях выступает согласование, соединяемое с замыканием, ср. *après avoir goûté le délicieux plaisir* или одно согласование: *le même ovale délicieux; c'était pour elle une sensation à la foi torturante et délicieuse.* И замыкаемое определение и оно же стоящее постпозиционно, изменяется в роде и числе, согласуясь с определяемым словом. Хотя они и связаны своим местоположением, но их формальный показатель, в данном случае — согласование, уже передает требуемое выражение синтаксических между ними отношений. Здесь примыкание слабее в своей показательной роли применяемого синтаксического средства. Другое взаимоотношение синтаксических приемов выступает, когда эта формальная сторона (согласование) в свою очередь сходит на-нет. Тут на первый план выдвигается уже примыкание. Оно оказывается решающим показателем устанавливаемых отношений между словами предложения.[2] Так, при отсутствии морфологического различия в том же французском языке позиция определения устанавливается только смежностью местоположения: *Son fils était adultère! Mot terrible,* ср. *une scène terrible; la colère lui fournissait des paroles cruelles pour cette femme qui l'écoutait... effrayante de pâleur dans l'ombre où résonnait cette voix pour elle terrible.* Примыкая к определяемому слову, *terrible* во всех приведенных примерах выступает определением и, не изменяясь формально, выявляется в этом своем значении только при-

[1] См. стр. 67, 70.

[2] Согласование уже по одной своей формальной стороне отмечает связь одного слова с другим. Поэтому согласованное слово более свободно в своем местоположении. И хотя оно обычно помещается рядом с определяемым словом, все же перестановка его, придавая смысловой оттенок, не меняет смыслового содержания в его целом. Согласованное слово, отделенное от другого, признаком которого оно является, продолжает тяготеть к нему своим с ним согласованием. Поэтому смежность местоположения (примыкание) и является в данном случае подсобным, а не основным средством выражения и без того уже выраженных отношений.

мыканием, ср. *l'expression de son visage était terrible,* где то же слово *terrible* в той же своей форме выступает сказуемым: «выражение его лица было ужасно». Выступая определением и примыкая к определяемому слову, *terrible* осложняется в своем синтаксическом построении, когда занимает препозиционное положение. Здесь оно, как сочлен той же синтаксической группы, включается внутрь составной части определяемого, имеющего при себе артикль или предлог. Получается, тем самым, замыкание, при котором замыкаемое слово уже одним этим приемом устанавливается в своем аттрибутивном значении. Все же и примыкание не может быть здесь нарушено. Поставленное препозиционно или постпозиционно, *terrible* в обоих положениях сохраняет свою смежность с им определяемым словом. Согласования тут нет и примыкание как синтаксический прием довлеет. Постпозиционное *terrible* только примыкает, препозиционное же, кроме того, и замыкается, давая стечение двух синтаксических приемов в одной и той же синтаксической функции, ср. *Quelles idées, quelles sensations avait-elle traversées depuis la terrible scène qui l'avait séparée d'Hubert?* Оба эти приема оказываются в данном случае равноправными передатчиками одних и тех же синтаксических отношений и могут выступать одновременно в одном и том же предложении, передавая зависимое положение определения,[1] ср. *Ce même mélange de caressante inquiétude, de soudaine exhaltation, et d'enfantillage tendre, continua de sa part durant toute cette promenade.* Здесь первые два препозиционных определения оказались замкнутыми: *de caressante inquiétude, de soudaine exhaltation,* а последнее в своей постпозиционной постановке примыкает к определяемому слову *d'enfantillage tendre,* ср. *puis il s'etait reproché comme une ingratitude cette tendre susceptibilité de coeur,* где то же слово *tendre* в своем препозиционном положении оказалось замкнутым.[2]

Анализ всех этих примеров позволяет нам в значительной степени уточнить наше понимание данного синтаксического приема. Он является действующим и обязательным, когда только им устанавливаются передаваемые синтаксические отношения в пределах группируемых в предложении слов. Он же сохраняет свое применение и при других способах выражения внутренней связи в тех же синтаксических группах (ср. согласование и управление). Но в последнем случае не он, а другой, морфологически выраженный, прием становится ведущим, примыкание же сопровождает его и может в отдельных случаях нарушаться, тогда как тот другой, ведущий, прием (согласование или управление) сохраняет свою неизменную силу и тем самым остается в своем основном использовании. Этот последний, образуя синтаксическую группировку, сочетается с выступающей тенденцией сосредоточения в одной по своему расположению группе тех слов, которые передают одно общее синтаксическое целое. Этим цельным синтаксическим построением выра-

---

[1] Все же обычным для современного французского литературного языка будет не препозиционное, а постпозиционное положение определения, которое, в случае отсутствия согласования, выявляется приемом примыкания, ср. *le jeune homme* с более цельным лексическим содержанием «молодой человек (женом)» и *un homme jeune,* в котором более отчетливо выделяется синтаксическое построение с определяемым. Таким образом, обычным для французского языка будет или согласование постпозиционного определения, или же его примыкание, что мы и видим в приведенных нами примерах.

[2] Все приводимые мною французские примеры взяты из романа Paul Bourget, Cruelle énigme, III, IV, V, VII, XI, p. 53, 90, 108, 135, 139, 149, 231, 237, 245.

жается единство в восприятии господствующего в данной группировке понятия и к нему относящихся, его уточняющих, признаков. В итоге слова в этом случае соединяются морфологическими показателями и оказываются в то же время в определенном друг к другу размещении. При таких условиях, т. е. при наличии согласования и управления, примыкание, как ведущий прием, уже не выступает.

Таким образом, мы подходим к более точному определению синтаксических свойств примыкания в более узком его понимании. Им объединяются слова, не носящие синтаксически обусловленного морфологического оформления и связанные между собою по семантическому их значению в предложении в пределах внутреннего его членения. Ту же функцию, как мы видели, выполняет и частичное инкорпорирование. Последнее приемом слияния передает синтаксическую связь между выделяемыми в определенную группу словами, но здесь мы имеем слияние слов, а не их примыкание. Взамен слияния или выступает в той же синтаксической роли сочетание морфологически оформленных слов, которые своими морфологически выражаемыми показателями связывают наличные словосочетания — тогда получаются согласование и управление, или же используется сочетание морфологически в этих заданиях неоформленных слов. В последнем случае выступает примыкание.

8. УПРАВЛЕНИЕ

Примыкание, таким образом, не заменяет собой другого синтаксического приема, обычно именуемого управлением. Между тем, в новейшей научной литературе наблюдается стремление к более узкому пониманию данного термина с доведением его в применении к отдельным языкам почти до нуля. Так, например, к полному отрицанию этого синтаксического приема в индоевропейских языках склоняется А. Мейе. Он резко становится на позицию признания превалирующей самостоятельности в оформлении слов. «Словоизменение,— говорит А. Мейе,— указывает ту роль, которую каждое слово играет в предложении: поэтому слово самостоятельно и способно само указать свой смысл и свою роль в речи... Определяющие слова не управляются глаголом. Падеж, в котором стоит дополнение, зависит не от глагола, а только от выражаемого смысла... Каждое слово имеет ту форму, какой требует смысл, а не форму, зависимую от другого слова в предложении. В индоевропейском не было управления одного слова другим, как, например, в латинском; самостоятельность слова есть основной принцип, определяющий структуру индоевропейского предложения».[1] Таким образом, отрицается первичность управления в индоевропейских языках и вместе с тем признается, что «примыкание есть тот прием, который наиболее существенно характеризует индоевропейский синтаксис».[2] Даже прилагательное, по мнению А. Мейе, не составляло словосочетания с существительным, которое оно определяло. Оно только примыкало к нему. В итоге, А. Мейе, выдвигая на первое место примыкание, допускает наличие согласования «только между именами либо в случае именного предложения или именного и глагольного вместе, либо в том

[1] См. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 360, 362.
[2] Там же, стр. 363.

случае, когда одно имя поясняет другое или в качестве приложения или эпитета».[1]

Все же, как мы только что видели, А. Мейе не отрицает наличия управления в латинском языке. Следовательно, и им признается в числе различных видов формального выражения синтаксических отношений также и управление. Последнее оказывается отсутствующим в индоевропейских языках и притом с древнейших периодов их развития. Утверждается, что раньше слово вовсе синтаксически не оформлялось, а только примыкало. Позднее оно стало оформляться, но не в зависимости от других слов, а по своему собственному значению в предложении. Такое положение констатируется для индоевропейских языков с отведением для согласования наименьшего места. Согласование остается за прилагательным, которое раньше не составляло словосочетания и лишь примыкало. Позднее оно начало согласовываться, когда имя стало уточняться различными определяющими словами. Управление же в индоевропейских языках не развивалось, так как, по изложенному выше мнению, падежное оформление имен существительных самодовлеюще. Так, например, утверждается, что прямое дополнение ставится в винительном падеже не по своему отношению к сказуемому, а по общему смыслу предложения, в котором оно выражает предмет действия, подобно тому как подлежащее ставится в именительном падеже только потому, что оно представляет собой субъект.

С таким выводом, как увидим ниже, можно в известной степени и согласиться, так как при определенной структуре речи оформление членов предложения, каждого в отдельности, может действительно зависеть от общего смысла всего высказывания. Равным образом, и постановка прямого дополнения в том или ином падеже может, действительно, стоять в общей связи со смыслом всего предложения и от него зависеть. Но все же, при известном положении в строе языка, и прямое дополнение может находиться в подчиненной связи с глаголом и получать зависимую от него падежную форму, не ограничиваясь одним лишь примыканием к нему, ср. *я сдаю экзамен* и *я боюсь экзамена*.[2] Кроме того, отнесение всего за счет примыкания, признаваемого наиболее характерным для индоевропейского синтаксиса, ставит этот прием в наименее ясное положение. При известном распределении слов в предложениях самых разнообразных языков, а не только индоевропейских, неизбежно получается примыкание одних к другим, и всякая синтаксическая связь, устанавливающая словосочетание, как бы оно ни выражалось, всегда может быть подведена под примыкание с умалением других используемых приемов. Между тем, как мы уже видели, все эти приемы сохраняют вполне определенную синтаксическую функцию, с которой и выступают в предложении. Примыкание же, при таком более широком его понимании, охватывает ряд совершенно различных средств синтаксических выражений, вплоть до самого согласования, что вовсе не содействует разграничению и без того весьма сложных показателей разнообразных видов выражения синтаксических отношений. К тому же, вовсе не отрицаемое в отдельных случаях само-

---

[1] Там же, стр. 367. Ср. «только прилагательное в роли эпитета непременно согласуется в числе, падеже и роде с определяемым существительным», там же, стр. 368.

[2] См. стр. 64 сл., 80, 84—90. Ср. также Hermann Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, 1920, S. 151—153: управление падежом, accusativus свободный от глагола и зависимый от него.

довлеющее оформление слов с самостоятельным значением в предложении не имеет никакого отношения к управлению, которым объединяются вовсе не слова с самостоятельным значением в предложении. Наоборот, семантически зависящие от другого соединяются с этим другим данным синтаксическим приемом. Управление вовсе не охватывает всего строя предложения. Оно ограничивается пределами синтаксического словосочетания, отмечая зависимую связь слов. Этот синтаксический прием, усматриваемый в ряде языковых систем, может быть, как увидим ниже, прослежен и на материалах индоевропейских языков.

Управление относится к числу тех синтаксических приемов, которыми устанавливаются синтаксические группы. Господствующее в такой группе слово, будь то имя или глагол, уточняется определяющими словами, которые в строе предложения выступают в зависимом положении определений или обстоятельств. В отдельных случаях, когда по семантике сказуемого и выступающего в нем глагола требуется наличие при нем объекта, и последний также получает зависимое положение. Таким образом, даже дополнение в тех же индоевропейских языках может оказаться зависимым от сказуемого. И если все эти зависимые слова получают зависимое падежное оформление, то мы уже имеем управление. Слово ставится в определенном падеже, и эта его формальная сторона имеет своим назначением отметить ту значимость, которую слово получает в предложении. Если оно входит в число основных членений предложения, то оформление его указывает на его место в этом членении и зависит от строя всего предложения, в котором данное слово передает одно из самостоятельных понятий высказывания. В этом случае выступает прием сепаратного оформления слова.[1] Если же падежно оформленное слово входит по семантике предложения в состав синтаксической группировки слов, объединяемых одним из основных членов предложения, то оформление его отмечает зависимое состояние от другого слова, имеющего ведущее значение в этой группировке, и тогда выступает прием управления. Ведущее слово управляет падежом зависимого, ср. *le promeneur apercevait alors au fond d'une cour un bâtiment sur le fronton duquel se lisait une devise latine, jadis gravée en l'honneur du maréchal de Créquy* (Paul Bourget. «Cruelle énigme», I). В этом предложении слова *au fond d'une cour* — «внутри двора» могут быть без нарушения всей конструкции предложения изъяты из него. Эти слова вставлены по особому смысловому заданию контекста, тогда как *sur le fronton duquel* и *une devise latine* составляют одно семантическое целое с глаголом *se lisait*. Без них содержание сказуемого остается незаконченным. Входя в состав относящихся к сказуемому слов и семантически с ним тесно связываясь, эти слова стоят в зависимом от него оформлении. Их падеж управляется глаголом, т. е. ведущим словом той синтаксической группы, в которую они входят. Отрицать наличие этого синтаксического приема можно или усмотрев в нем вид согласования, или же признав самостоятельность падежного оформления. Первое зависит от понимания свойств самого синтаксического приема, второе же ведет к постановке вопроса о степени зависимости или самостоятельности слова, носителя данной формы. Рассмотрев в отдельности оба синтаксических приема, управление и сепаратное оформление слова, нам еще придется вернуться к этой теме, обосновывая ее соответствующими примерами.[2]

---

[1] См. стр. 78 сл.

[2] См. стр. 84—90.

Самостоятельное и независящее друг от друга оформление отдельных членов предложения можно встретить и не в одних только языках аналитического строя. Этот прием имеет широкое распространение в языках разных систем, но он вовсе не устраняет собою подчиненное, зависимое оформление слов в особенности внутри синтаксических группировок, по своему смысловому содержанию представляющих одно расширенное членение предложения. Такой прием управления выступает, например, в построении определительных слов. Они могут быть представлены не только прилагательными, но и именами существительными. Последние в этом случае ставятся в определенном падеже, но не по смыслу всего предложения, а по своей связи с другими словами, которые они определяют. Это не согласование, которое ведет к равенству показателей: одинаковый падеж, одинаковый род, одинаковое число. При управлении связь односторонняя. Падеж определителя подчинен, зависит от управляющего им слова, к которому тяготеет определение, стоящее обычно в притяжательном (родительном) падеже или с предложными формами, ср. *дом отца* и *дом из камня*. Видом управления являются также сочетания имен с числительными *три дома* и др. Такая односторонняя связь управляемого слова с управляющим вынудила нас в своем месте отнести не к управлению, а к согласованию или, вернее, к синтетизму, такого рода построения слов в тюркских языках, в которых поставленному в родительном падеже слову отвечает другое, оформленное притяжательной частицей, ср. казахские: *адамның, колы* — «рука человека», *колхоздың малы* — «колхозный скот» и др., в которых первые слова поставлены в родительном падеже (*ның, дың*), а последние снабжены притяжательной частицей (-ы). Здесь мы имеем равенство показателей, а именно притяжательное, взаимно связанное, оформление в обоих словах, одного из них — падежом, а другого — притяжательным показателем. Но стоит одному из этих показателей исчезнуть, как получится уже односторонняя связь типа управления, ср. казахское *колхоз малы* в том же значении *колхозный скот*.

В связь с управлением, по всем данным, можно поставить также и обстоятельственные выражения при предикате, обратившиеся затем в наречия. Их застывшая падежная форма имени ясно указывает на их синтаксическое прошлое, когда они еще не выделялись в особую часть речи и представляли собой управляемое в падеже слово при глаголе или отглагольном имени, ср. русские *вечером, низком, вéрхом* и т. д. В ряде языков такой синтаксический прием еще прослеживается в обстоятельных словах до такой степени ясности, что дифференциация наречий от имен существительных встречает даже некоторые затруднения, например в ненецком (самоедской группы) языке, в котором обстоятельственные слова могут в неоформленном виде примыкать к глаголу, так же как и определение к имени, например *сава хасава* — «хороший мужчина», *сава теньевам* — «хорошо знаю», но могут выступать и в форме управляемого слова, стоящего, обычно, в продольном падеже на *-вна*: *сававна теньевам* — «по хорошему (хорошо) знаю» и др.[1]

Управление, так же как и согласование, может сближать соединяемые им слова до степени лексического их объединения. В таком случае из синтаксического построения получается одно лексическое понятие. Например, в таком сочетании слов, как французское *la porte de la salle à manger* — «дверь столовой» прослеживается управление двух

[1] См. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако самоедский) язык в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 17.

видов *la salle à manger* представляет собою особый вид соединения, в котором нет согласования, связь же между словами выражена предлогом при неопределенном наклонении, что и является одним из видов управления (зала для еды). Это сочетание передает одно понятие, которое и вскрывается в русском его переводе одним словом *столовая*, равным образом представляющим собою, в своем прошлом, синтаксическое построение, но уже не управление, а согласование (*столовая комната* или *столовая зала*). Таким образом, то, что в русском вышло из одного синтаксического приема, согласования, с отпадением одного из слагаемых, то во французском эквиваленте образовано управлением с сохранением обеих составных частей. Этот пример имеет для нас значение в том отношении, что им ясно выделяются два синтаксических приема для передачи одних и тех же отношений определения к определяемому слову. Определение в русском слове выражено прилагательным, а во французской конструкции передано инфинитивом с предлогом, поэтому для передачи одного и того же синтаксического отношения оказались использованными два различных синтаксических приема, в первом случае согласование, а во втором управление.

Лексическая по своему содержанию конструкция во французском предложении поставлена, в свою очередь, в родительном падеже (*de la salle à manger*), которым устанавливается ее синтаксическая связь со словом *la porte* — «дверь». В последнем случае управление дает уже синтаксическое, а не лексическое сочетание слов. Но и сами синтаксические сочетания слов оказываются в отдельных случаях далеко не равноправными по своей значимости в предложении. К ним могут присоединяться еще другие синтаксически связываемые с ними слова, по отношению к которым они выступают уже в большей спаянности своего семантического содержания. При таком положении превалирование синтаксической или лексической роли устанавливается в каждом отдельном сочетании, а нередко даже и в зависимости от контекста предложения. Так, сочетание слов *ondée de flamme* представляет собою синтаксическое соединение определяемого с определителем в родительном падеже (напор огня), но в предложении *une nouvelle et violante ondée de flamme venait de se précipiter et d'envahir le second étage* [1] приобретает уже некоторое самостоятельное значение. *Ondée de flamme* в свою очередь снабжается здесь еще другими определениями *nouvelle et violante* — «новый и сильный», по отношению к которым оно выступает уже со значительным оттенком как бы лексической единицы, имеющей свой артикль и использующей прием замыкания, ср. *une nouvelle et violante machine* — «новая и сильная машина», *une nouvelle et violante ondée de flamme* — «новый и сильный напор огня».

Таким образом, устанавливается более точное понимание управления как такого синтаксического приема, которым передаются синтаксические отношения между соединяемыми словами предложения односторонне выраженною связью. Зависимое слово получает свое оформление, зависящее от другого синтаксически с ним объединяемого слова.

9. СЕПАРАТИЗАЦИЯ

Прием управления подчиненных слов не без основания противополагается оформлению отдельных членов предложения, занимающих самостоятельное в нем место. Такие слова, самостоятельные по своему

[1] Пример из романа Paul Bourget. Le Démon de Midi.

значению в предложении, получают свое оформление особым синтаксическим приемом, которым передается их отношение ко всему предложению в целом, а не к каким-либо его составным частям. Самостоятельное оформление слова обусловливается тем, что оно выступает одним из самостоятельных по своему значению членов предложения, подлежащим, сказуемым или одним из видов дополнений, как слагаемых частей внешнего выражения предложения. Они появляются в предложении, соответствуя требованиям его смыслового содержания, получают в нем самостоятельное значение и оформляются по своему отношению ко всему его строю. Поэтому тот синтаксический прием, о котором сейчас идет речь, ограничен в своем употреблении самостоятельностью выступающих членов предложения. Такому синтаксическому приему, насколько я знаю, не присваивается в научной литературе особого наименования, между тем, он, несомненно, нуждается в таковом для своего выделения среди остальных действующих в языке синтаксических приемов иного функционального назначения. Его можно было бы, условно, назвать сепаратизацией.

Характерным для этого синтаксического приема будет не только самостоятельная позиция слова в предложении, но и вызванное ею оформление самого слова.

Последнее зависит не от других слов предложения, а от собственного значения данного слова в построении всего предложения. Сепаратизация не обособляет слово в составе предложения, наоборот, она, ставя формальную сторону слова в зависимость от смыслового его значения в предложении, тем самым включает это слово в основной состав последнего, представляющего одно цельное построение синтаксически связанного и законченного высказывания.

Для характеристики этого синтаксического приема, не без основания, делается упор на смысловое значение слова в предложении. Предложение по своей семантике крайне разнообразно, в связи с чем варьируются число и синтаксическое выражение его членов. В частности, наличие или отсутствие того или иного члена предложения находится в непосредственной зависимости от смысла всего высказывания. Так например, наличие прямого дополнения может быть связано и с переходной семантикой глагола и с содержанием всего предложения, передающего переход действия на объект. Этим и объясняется в ряде языков различная конструкция одних и тех же членов предложения, в том числе и самого сказуемого, в предложениях с прямым дополнением и без него. Мы уже имели случай привести соответствующие этому примеры из материалов абхазского языка, в котором один и тот же глагол, например *goyt* — «брать, нести» получает совершенно различное построение, когда в предложении присутствует прямое дополнение и когда оно отсутствует. При действии 3-го лица (человека) на 3-е лицо (не человека) мы имеем *i-i-goyt* — «его-он-берет», при безобъектном же действии того же 3-го лица (человека) глагол снабжается другим показателем *d-goyt* — «он-берет», т. е. показателем субъекта состояния (он же субъект непереходного действия) ср. *d-t'soyt* — «он-идет». [1]

Приведем в подтверждение того же положения еще один пример, весьма интересный тем, что в нем и при наличии в предложении прямого дополнения все же, в зависимости от особого восприятия объекта, может оказаться безобъектное построение всего предложения в це-

[1] См. стр. 155, 231.

лом. Пример берется из североамериканского языка немепу (сахаптинской группы). В этом языке, как уже приходилось упоминать, объектом действия воспринимается объект в его неразрывной связи с тем, кому он принадлежит, и глагол своим объектным показателем передает владельца объекта, а не сам объект.[1] Поэтому, когда действие направлено со стороны 3-го лица на объект, принадлежащий 2-му лицу, то глагол включает в свою форму показатель субъекта 3-го лица и показатель объекта 2-го лица ср. *hamanm à hinpaysa imás* — «человек берет твоего оленя». Когда же действие направлено на предмет, принадлежащий самому действующему лицу, то при том же восприятии объекта оказывается, что действие направляется на свой же объект, т. е. на самого же деятеля. Благодаря этому утрачивается переходное содержание предложения и субъект ставится в именительном (абсолютном) падеже (*hama*), как и полагается ему в безобъектных предложениях, а не в родительном (притяжательном *hamanm*), в котором он стоит в первом случае, когда передается переходное действие на чужой объект: *hama hinpisa imàs* — «человек берет своего оленя», ср. такое же построение: *hama hitamtaytsa* — «человек рассказывает», где прямого дополнения нет.

Ясно, что здесь не семантика глагола влияет на строй предложения, а наоборот, смысл самого предложения устанавливает глагольную форму и строй всего предложения. Тем самым совершенно отчетливой становится зависимость оформления членов предложения от семантики последнего. Именно поэтому прямое дополнение в абхазском языке не только не управляется глаголом, но, напротив, форма самого глагола зависит от присутствия или отсутствия в предложении прямого дополнения. Присутствие же его или отсутствие зависит лишь от смысла всего высказывания, так же как и строй предложения в языке немепу находится в прямой зависимости от восприятия объекта, а не от семантики глагола и его формы. То же самое можно усмотреть в языках банту. Оно же в известной степени прослеживается и в тех языках, в которых для выражения прямого дополнения используется особая падежная форма.[2]

Постановка подлежащего и дополнения в определенном падеже в зависимости от семантики предложения подтверждается в полной мере материалами целого ряда яфетических языков Кавказа. В этих языках резко различаются структуры предложений не только безобъектных и переходного действия на объект, но также выражающих восприятие аффекта и принадлежность чего-либо субъекту. Различная семантика предложения влияет в ряде яфетических языков не только на присутствие или отсутствие того или иного члена предложения, но на их оформление, совершенно различное в различных по своему содержанию предложениях.

В этой системе языков не случайна постановка в одном и том же абсолютном (именительном) падеже предмета, на который направлено

---

[1] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 138—144.

[2] В номинативном строе предложения, ср. в тюркских языках и отчасти в индоевропейских. В тюркских прямое дополнение, непосредственно связанное с глаголом, ставится в неоформленном падеже, если же оно с глаголом в такой тесной связи не состоит, то получает оформление винительного падежа» *кім кітап алды?* — «кто книгу взял?» и *кітапты кім алды?* — «книгу кто взял?» Все зависит от смыслового упора на самостоятельность или несамостоятельность объекта, что придается, конечно, не глаголом, а содержанием всего предложения, ср. в русском *дай мне воду* и *дай мне воды*, см. стр. 84.

действие, предмета, который дал основание к действию аффекта, и предмета, который принадлежит кому-то. Такая их постановка в одном и том же падеже объясняется восприятием этого предмета как испытывающего на себе или результат совершаемого действия, или направленность аффекта, или принадлежность кому-то. Во всех этих случаях предмет выступает не в его действующей роли, а в пассивном состоянии. Он воспринимается в контексте предложения пассивно, а потому везде получает пассивное оформление абсолютного падежа, ошибочно называемого в соответствующих грамматиках именительным. [1]

Поэтому, равным образом, не случайно, что в том же абсолютном («именительном») падеже ставится и подлежащее в предложениях, говорящих об определенном состоянии, в котором находится или которое испытывает упоминаемый в них субъект. В таких предложениях, как *я болею,* подлежащее, конечно, не содержит в себе выражения действующего лица, наоборот, тут выражено лицо, испытывающее на себе результаты действия болезни. Следовательно, в данном случае субъект пассивен, так же как пассивны упомянутые выше предметы, на которые направлено действие, которые являются предметом аффекта и т. д. Таким образом, становится понятным, почему в яфетических языках Кавказа они стоят в одном и том же абсолютном («именительном») падеже. Все это зависит от тождественного восприятия объекта при действии и субъекта при состоянии как пассивных по своему содержанию в излагаемом высказывании, а вовсе не от того, что тот или иной глагол управляет падежом прямого дополнения, поставленного в абсолютном падеже. [2] И если в одну группу с предложениями состояния оказались включенными также и предложения безобъектного действия, то это, равным образом, зависит не от того или иного глагола, попавшего в предложение, а от того, что между состоянием и безобъектным действием оказалась семантическая близость.

В силу этого, естественно, что и сам подбор глагола для его использования в строе определенного по своей значимости предложения оказался в своей собственной семантике связан с семантикою последнего.

Другое дело — связь слов внутри словосочетаний, образующих членение предложения, между определениями и определяемым словом, между обстоятельством и глаголом и т. д. Тут уже проводится зависимое соединение слов согласованием, управлением, примыканием, замыканием и частичным инкорпорированием. Следовательно, приходится резко различать синтаксические приемы внутренней связи от синтаксических приемов оформления независимых друг от друга членов предложения. К числу последних и относится рассматриваемый нами прием сепаратизации, ограниченный, как мы видим, самостоятельным значением в предложении его членов.

Такой синтаксический прием с большей или меньшей степенью ясности прослеживается в самых разнообразных языковых структу-

---

[1] Что это не именительный падеж, видно уже по одному тому, что им же оформляется как прямое дополнение в переходных предложениях, так и подлежащее в безобъектных предложениях состояния и непереходного действия. Таким образом, именительный падеж есть падеж подлежащего, абсолютный же падеж есть падеж пассивного субъекта, см. стр. 164—165.

[2] См. С. Л. Быховская. Пассивная конструкция в яфетических языках. Язык и мышление, II, 1934, стр. 63 и др.

рах. Так, в гиляцком, при его двухчленном, в основном, составе предложения, подлежащее не получает специального морфологического оформителя, тогда как сказуемое снабжается таковым, получая показатель *дь*.

Отдельные слова и их инкорпорированные комплексы снабжаются показателями *-дь, -ть* и другими его разновидностями вовсе не по связи своей с остальными словами предложения в порядке подчинения им приемами согласования или управления. Слова получают эти показатели вполне самостоятельно и только потому, что в конструкции определенного предложения они воспринимаются как предикат, ср. примеры из того же гиляцкого языка *урладыф* — «хороший дом», где слово «хороший» — *урла, ур* является определителем, образуя одно целое с ним определяемым словом «дом», почему и сливается с ним инкорпорированием, и *тыф урдь* — «дом хорош», где то же слово, по смыслу предложения, оказывается предикатом, в связи с чем и получает особое предикативное оформление.

Внешние формы используемого синтаксического приема могут оказаться весьма разнообразными, и действительно оказываются таковыми. Все зависит от конструктивных особенностей отдельных языковых систем.

Так, например, в яфетических языках Дагестана, как мы видели, подлежащее может стоять в различных падежах в зависимости от смысла предложения и смыслового значения используемого в нем глагола. В тюркских языках, как общее правило, оно ставится в неоформленном падеже. В индоевропейских языках подлежащее в своем использовании отразило в себе унифицированное представление о субъекте вообще независимо от того, оказывается ли он активным деятелем или пассивным воспринимателем действия. Оно ставится в одном и том же именительном падеже и в предложениях с переходным на объект действием, и в предложениях аффекта, и в предложениях, выражающих состояние субъекта или непереходное на объект действие.

Положение подлежащего и в индоевропейских языках совершенно не зависит от глагола и его оформления в предложении. Именительный падеж ставится потому, что им характеризуется именно подлежащее как самостоятельный член предложения. Такое закрепление за определенным падежом определенной значимости при оформлении главных членов предложения можно наглядно проследить по разновидностям построения предложений в картвельских языках. Так, в грузинском языке именительный падеж выступает во всех предложениях, когда сообщаемое в них действие или состояние относится к настоящему или прошедшему незавершенному временам: *kat'si dadis* — «человек идет», *kat'si aṣenebs sahlsa* — «человек строит дом». Когда же действие относится к аористной группе времен, то для выражения подлежащего при переходной семантике предложения обособился отдельный активный падеж на *man*, именительный же падеж сохранил функции абсолютного и оформляет собою прямое дополнение в переходных предложениях и подлежащее в предложениях состояния и непереходного действия: *kat'sman aasena sahli* — «человек выстроил дом», *kat'si movida* — «человек пришел». В мингрельском языке обособление падежей подлежащих прошло по другой линии. В нем обособились два именительных падежа, один на *i* для предложений в настоящем и прошедшем несовершенном времени, и другой на *-q* для

предложений в аористной группе времен: *kot'ši muurs* — «человек сюда ходит», *kot'si 'udes ogans* — «человек дом строит», *kot'š(i)q gəmort'ə* — «человек сюда пришел», *kot'š(i)q 'ude qodaagu* — «человек дом построил». [1]

В тех же картвельских языках в предложениях, в которых за выражением подлежащего закрепился именительный падеж, обособился также и дательный падеж на *-sa, -s* для выражения прямого дополнения, ср. грузин. *sahl-s(a), мингрельск. 'ude-s*. В славянских, германских, тюркских и ряде других языков, выработавших номинативный строй предложения, в той же функции выделился особый винительный падеж. Им оформляется предмет действия в том случае, когда последний выступает в предложении, обусловленный своим в нем присутствием или семантикой самого предложения, или же и семантикой соответствующего переходного глагола. Только в последнем случае имеет место управление. [2] Когда предмет действия не порывает своих семантических связей с самим выражением действия, то он, не только в гиляцком языке, в котором предмет действия инкорпорируется в состав сказуемого, но и в других, даже в тех, в которых для его выражения выработалась особая падежная форма, может не получать своего обособленного падежного оформления. Так, например, в тюркских языках, в частности в казахском, предмет действия в том случае, когда он оказывается в тесной семантической связи со сказуемым, примыкает к нему, не получая никакой специальной падежной формы. В том же случае, когда он не стоит в такой непосредственной близости к глаголу, он оформляется винительным падежом, становясь в более обособленное положение, ср. *біз кеше телеграмма алдық* — «мы вчера телеграмму получили», где связь предмета действия *телеграмма* со сказуемым *алдық* передается средствами примыкания, и *біз телеграмманы кеше алдық*,— «мы телеграмму вчера получили», в котором тот же предмет действия выделен постановкой его в винительном падеже (*-ны*). В современном казахском языке, конечно, такого рода смысловые детали в приведенных двух разновидностях построения одного и того же предложения уже не воспринимаются с той же точностью. Все же сохранившийся двоякий способ выражения предмета действия указывает на то, что в языке такое различие когда-то проводилось более устойчиво. Возможно, что, параллельно уцелевшему и еще вполне действенному архаизму, прослеживаемому в примыкании предмета действия к выражению самого действия, мы имеем более новую форму восприятия того же предмета, как выступающего самостоятельным членом предложения. Это и получило свое внешнее проявление в его сепаратизации. Таким образом, постановка прямого дополнения в винительном падеже в тюркских языках вовсе не является следствием его управления глаголом, а обусловлена выполняемой прямым допол-

---

[1] См. Н. Я. Марр, Грамматика древнелитературного грузинского языка, 1925; N. Marr et M. Brière, La langue géorgienne, Paris, 1931; И. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, 1914; А. Чикобава, Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта, 1936, стр. 212, 221—222.

[2] Самостоятельная позиция прямого дополнения, которое может быть опущено по смысловому заданию предложения (сепаратизация): *думать вслух свои мысли* (Л. Толстой, Война и мир, IV, эпил. 1) и др. Прямое дополнение, семантически тесно связанное с глаголом (управление): *хозяин отбывал в городе свою очередную неделю* (Гончаров, Слуги старого века, IV). Семантическая связь, близкая к идиоматическому выражению: *фокусы выкидывать*, и т. д., см. стр. 87 сл.

нением функцией выражения предмета действия в предложении, согласно смысловому заданию этого последнего.[1]

Проводимое здесь обоснование необходимости выделения особого синтаксического приема для специального оформления членов предложения по их смысловому значению в предложении можно подкрепить целым рядом других примеров из тех же языков с номинативным строем предложения. Ограничусь еще одним. В русском языке предмет действия при наличии одного и того же глагола может быть поставлен в винительном и родительном падежах, ср. *принеси мне воду* и *принеси мне воды*. В первом построении имеется в виду цельность объекта, а во втором его парциальность. Последняя конструкция не тождественна с такою, как *принеси мне стакан воды*, где предметом выступает *стакан*, т. е. цельный объект, определяемый словом *воды*, родительный падеж которого, в этом случае, стоит уже в зависимости от им определяемого слова. Следовательно, здесь родительный падеж поставлен в порядке управления. Между тем, в первых двух примерах: *принеси мне воду* и *принеси мне воды*, при наличии в обоих одного и того же глагола в одной и той же форме, постановка прямого дополнения в различных падежах никак не может быть объяснена его зависимостью от сказуемого. Различие падежей тут может быть понято только как особый способ выражения того оттенка значения, которое заключено в самом прямом дополнении, передающем тот оттенок значения, какой выступает в смысловом содержании всего предложения.[2]

10. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СЕПАРАТИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

Все эти примеры, подтверждающие необходимость выделения данного синтаксического приема (сепаратизации), в то же время вовсе не указывают на необходимость устранения другого, раньше приведенного, синтаксического приема — управления.[3] Оба эти синтаксические приема ясно различаются по своей основной функции. Один из них оформляет самостоятельно стоящие в предложении слова, т. е. такие, которые по своему значению в предложении находятся в непосредственной зависимости от его смысловой стороны, а не от других слов предложения. Это и будут те, которые выступают самостоятельными, главными или второстепенными членами предложения. Второй из упомянутых синтаксических приемов, управление, наоборот, оформляет одностороннюю связь слова с тем, от которого оно семантически зависит внутри самого предложения и его основных членений, ср. приведенные выше русские примеры, с одной стороны: *принеси мне воду, принеси мне воды* и, с другой стороны, *принеси мне стакан воды*.

И в русском языке, как мне кажется, прямое дополнение, помещаемое самостоятельным членом предложения, выступает со значительно большим выражением своего значения объекта, чем оно же, управля-

[1] По утверждению казаховедов, с которыми мне приходилось беседовать по этому вопросу, прямое дополнение отделяется от глагола и ставится в винительном падеже, когда ему придается особый оттенок, выражающий определенность объекта. В противном случае оно примыкает к глаголу, см. С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, 1941, стр. 26, § 60.

[2] См. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 321, § 425; В. В. Виноградов, Современный русский язык, II, 1938, стр. 115; и др.

[3] См. стр. 74 сл.

емое глаголом. Нет сомнения в том, что ряд глаголов в русском языке требует по собственному своему содержанию постановки связанного с ним имени в одном из косвенных падежей. Без него такой глагол не употребляется за исключением, может быть, отдельных случаев, когда сама семантика глагола получает видоизмененное содержание. Но, именно эти глаголы вместе с прямым или косвенным дополнениями обычно передают одно цельное понятие. Они сохраняют свое смысловое единство и вне строя предложения, как обусловленное не смыслом предложения, а семантикой самого глагола. Так, во французском языке *porter secours* передает одно понятие (ср. *secourir*) [1] и в русском языке *оказывать помощь* содержит в себе одно понятие *помогать*, ср. *оказывать уважение* и *уважать* и т. д. В том же положении словосочетания с единым смысловым содержанием находится целый ряд глаголов, не имеющих себе для замены однословного эквивалента, например, *отбывать наказание, отбывать свой срок службы, отбывать ту или иную повинность* и пр. Все подобного рода словосочетания, так же как и семантически отделяемое *отбывать* в значении *уезжать*, представляют собой, в известной степени, лексическую единицу, почему в приведенных выше словосочетаниях можно усматривать элементы лексического соединения. Поэтому, в *отбывать свой срок службы* легко видеть одно цельное понятие со значительной долей лексического содержания.

В предложении *он уважает своих родителей* мы имеем, по содержанию предложения, три его членения: подлежащее — *он,* сказуемое — *уважает,* прямое дополнение — *своих родителей.* [2] Подобное же членение предложения, в связи со всем сказанным выше, придется провести и в таком построении предложения, как *он оказывает уважение своим родителям.* Здесь выступают подлежащее — *он,* сказуемое — *оказывает уважение* и косвенное дополнение — *своим родителям.* В последнем примере нет, как мы видим, самостоятельно выступающего прямого дополнения. Слово *уважение* не оказывается таковым, потому что входит в состав объединяемых сказуемым слов и по смыслу всего высказывания отдельно не выделяется (ср. *уважает* в первом предложении). В этом сочетании слов — *оказывать уважение* — выступает управление в пределах одного синтаксического словосочетания, причем выступает в таком построении, которое стоит на грани синтаксического и лексического с превалирующим значением последнего.

В аналогичном положении находятся и упомянутые выше переходные глаголы типа *отбывать* с им соответствующими добавлениями, например, *отбывать свой срок службы.* Если это так, то данное словосочетание выступает в предложении с единым его значением. Мы имеем здесь сказуемое и определение при прямом дополнении, имеющем управляемое им косвенное дополнение, и все они входят в одну группу сказуемого, построенную из сочетания слов. В этом примере, конечно, имеется управление, и винительный падеж слова *срок* зависит от глагола *отбывать.* Но управление и в данном случае является не столько синтаксическим приемом, сколько средством передачи сочетания слов в комплексе единого смыслового содержания, передающем понятие, сближающееся с содержанием единицы лексического значе-

---

[1] См. примеры у Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 309, 432.

[2] В данном примере прямое дополнение передается комплексно сочетанием определяемого слова с его определением.

ния. *Срок службы* выступает в предложении со значительной долей содержания одного лексического целого,[1] но и сочетание его с глаголом, *отбывать срок службы*, сближается по своей семантике, равным образом, с содержанием одной лексической единицы. Значение такой единой лексической единицы выступает наиболее ясно в глаголе с так называемым внутренним дополнением: *горе горевать, шутки шутить, зиму зимовать* и т. д. Но и в обязательном смысловом дополнении едва ли следует усматривать самостоятельно стоящее прямое дополнение. В *porter secours* последнее слово не есть самостоятельное прямое дополнение, так же как и в русском *оказывать помощь*, ср. *помогать*.

Там же, где мы не имеем такой тесной связи объекта с глаголом, там постановка объекта становится факультативной, и включение его в предложение или невключение зависит уже от содержания всего контекста, например, *слушать песню, читать роман, праздновать день рождения* и т. д. Все эти три глагола могут выступать в предложении и без прямого дополнения: *он слушает, он читает, он празднует* (т. е. веселится или бездельничает). Не сам глагол, а содержание всего высказывания уточняет семантику глагола постановкой в предложении прямого дополнения, что делается уже по смысловому содержанию всего излагаемого текста. В первом случае, с глаголом, семантически тесно связанным с объектом, управление выступает примерно в той же функции, как и инкорпорирование в гиляцком языке, т. е. передает действие, не воспринимаемое обособленно от объекта. Во втором же случае выделяется самостоятельная позиция прямого дополнения (сепаратизация).

В гиляцком языке действие не воспринимается отвлеченно от его направленности на объект.[2] В таком слиянии слов как *тьокъудь* — «ловить рыбу» (*тьо* — «рыба», *къудь* — «убивать») действие и объект, при конкретном восприятии первого, сливается в одно лексико-синтаксическое целое. Даже такие построения, как *питгхыурудь* — «читать книгу», образуют слияние слов. Отсутствие объекта ставит действие на самостоятельную позицию, ср. *нивх урудь* — «человек читает». Присутствие объекта влечет слияние его с самим действием, ср. *нивх питгхыурудь* — «человек книгу читает». В индоевропейских языках, при развитии в них отвлеченных понятий, положение объекта, прямого и косвенного, раздваивается. Или он тесно связывается с глаголом, или же, наоборот, тяготеет к отделению от него в предложении. Сближение с глаголом доходит до единого лексического его восприятия, что формально может выявиться даже в построении единой глагольной формы, ср. французское *venir à la rive*, отсюда *arriver; s'approcher de la table*, давшее *s'attabler* и т. д.[3] Но такого нового глагольного образования может и не получиться, в частности одно понятие *s'attabler* передается по-русски двумя словами *приблизиться к столу*. Одно и то же понятие передается во французском одним словом, а в русском — синтаксическим сочетанием слов, причем в русском языке такое сочетание слов сохраняет синтаксическое содержание, утраченное во французском. В русском языке глагол *приблизиться* имеет и самостоятельное значение, ср. *время приблизилось*. При таком самостоя-

[1] О том же см. стр. 137, 148, 163, 178.
[2] Примеры см. стр. 28—30, 55 и др.
[3] См. Ferd. Brunot, ц. с., стр. 432.

тельном его значении второй его компонент получает свое отдельное выражение. Он может выступать со своими определениями, ср. *приблизиться к круглому столу*, что во французском *s'attabler* уже невозможно *(s'approcher de la table ronde)*. Оказывается, таким образом, что в одном случае объект смыкается с содержанием глагола и дает одну глагольную форму (*s'attabler*), а в другом размыкается и отходит на самостоятельное место (*s'approcher de la table)*. В русском примере сохраняется последнее. Глагол *приближаться* не утрачивает самостоятельного значения и при его сочетании с именем, ср. *время победы приблизилось, я приблизился к столу, я приблизился к большому круглому столу*. Со своей стороны, и имя, не сливаясь с глаголом в одно лексическое содержание, выдвигается в предложении на позицию управляемого глаголом косвенного дополнения, оформленного направительным падежом предложного образования, который и требуется в предложении при глаголе с семантикой движения в определенном направлении.

Отсюда следует вывод: когда выступает синтаксическое построение, то оно или более проникнуто единством лексического содержания при имени, управляемом глаголом (ср. *вить гнезда*), или в значительно большей степени отделяет глагол от имени, сохраняя его зависимую связь с управляющим глаголом (*приблизиться к столу*), или же ставит объект на сепаратное место со своим смысловым значением в предложении (*думать свои мысли*). В этом отношении в различных языках, и даже в пределах одного и того же языка, смысловые взаимоотношения слагаемых частей в синтаксических построениях крайне детализируются и вариируются. Так, например, в приводимом акад. А. А. Шахматовым предложении *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички* [1] — самостоятельное в предложении место заняло не прямое дополнение *гнезда,* а косвенные с обстоятельственным значением: *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду*. Устраняя дополнительные слова, мы в только что приведенном предложении получаем его основной костяк с законченным содержанием полного высказывания: *птицы свили гнезда*. Подлежащее — *птицы,* группа сказуемого — *свили гнезда*. Каждое из них занимает самостоятельное в нем место и имеет законченное содержание цельного понятия: *птицы, свили гнезда* (ср. незаконченность понятия в одном глаголе *свили)*. Такое же членение выступает в предложении *поворот реки открывает панораму* (П р ж е в а л ь с к и й, Путешествия, 33). В том же положении окажется каждый глагол, семантика которого не дает законченного представления о действии без его конкретизации соответствующим дополнением, ср. французск. *prendre part à l'attaque*, где *prendre part* не составляет сочетания глагола с прямым дополнением. Оно передает одно понятие *участвовать*, ср. русск. *принимать участие*, которое равным образом и по тем же основаниям не выделяет прямого дополнения в его самостоятельной позиции. Более того, и это словосочетание в свою очередь еще не закончено. И оно нуждается в дополнении для передачи цельности выражения, получающейся только при соответствующей конкретизации действия, например *prendre part à l'attaque* — «принимать участие в атаке», «участвовать в атаке» [2]. Таким образом, в предложении «принимать участие в атаке на врага»

[1] А. А. Ш а х м а т о в, ц. с., стр. 37, § 19.
[2] F e r d. B r u n o t, ц. с., стр. 309, сл.

на самостоятельное место выделяется лишь последнее косвенное дополнение *на врага*, тогда как прямое дополнение *участие* не выделяется на самостоятельное место, так как смыкается с семантикой глагола (ср. *участвовать*). Слово *участвовать* (принимать участие) уточняется в своей лексической семантике, передавая в предложении одно содержание сказуемого совокупно со словом *в атаке*. *Принимать участие в атаке* представляет собой законченное содержание действия, что и требуется предикативным содержанием данного членения предложения. Сказуемое, по своему содержанию, уже закончено, поэтому указание на того, кто именно атакуется, добавляется уже смысловой стороной всего предложения и потому выделяется из состава группируемых сказуемым слов на самостоятельное место косвенного дополнения.

Этот пример сепаратизации членов предложения с определенным их размещением в составе всего синтаксического построения не выделяет, как мы видим, прямого дополнения на свою особую позицию. Но это вовсе не является обязательным правилом для индоевропейских языков, в частности и для русского. В других случаях в том же русском языке и прямое дополнение может включаться в состав предложения по специальному заданию конкретного высказывания, обусловленному данным контекстом. Когда глагол по своей собственной семантике, т. е. независимо от его выступления в предложении (лексическая сторона глагола), не требует отмеченного выше глагольно-именного сочетания для придачи законченности передаваемому им понятию, то он и один может выступать полноценным выразителем семантики данного сказуемого. В таком случае, восприятие выражаемого сказуемым действия отделяется от его уточняющего дополнения, и последнее становится факультативным. Оно добавляется или не добавляется в зависимости от того, что именно передается смысловым содержанием всего высказывания. Когда оно более конкретизовано и тем не менее вставляется еще другое конкретизирующее слово, то последнее тем самым выступает в предложении, выделяясь в нем своим более самостоятельным положением. Оно уже не входит в состав группируемых сказуемым слов внутри его семантически замкнутого целого. Сказуемое, законченное в этом своем выражении действия, детализируется другим членом предложения, стоящим вне его, но сохраняющим непосредственную семантическую с ним связь. Эта связь устанавливается не содержанием самого сказуемого, которое уже закончено, а содержанием всего предложения, хотя, конечно, такого рода дополнение не может по передаваемому им смысловому значению итти в разрез с тем смысловым значением глагола, которое придается ему в данном конкретном контексте. Так, например, во французском предложении *il boit du vin* — «он пьет вино» прямое дополнение отделяется на особое место. Им уточняется действие питья, которое, с одной стороны, может быть направлено на разные напитки, вовсе не уточняемые ни семантикой глагола, ни внутренней его формой, а с другой — завершено в своем содержании само по себе, давая законченное понятие *il boit* — «он пьет». Последнее может употребляться и отдельно в значении *il est ivrogne* — «он пьет» — «он пьяница».[1] Ср. положение прямого и косвенных дополнений в таких предложениях: *а я вот, даром что туалеты советую, а помню* (Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, I). В этом предложении прямое дополнение *туалеты* выступает самостоятельно, семантически связанное со

[1] Ferd. Brunot, ц. с., стр. 317.

смыслом предложения, которое уточняет, что именно советуется, тогда как семантически связанный с глаголом объект уже входит в саму внутреннюю его форму (ср. *советы советовать*). Переходный глагол *советовать* по своему образованию содержит в себе тот объект, который по семантике глагола требуется для законченности его собственного содержания переходности действия. Поэтому, появившееся в предложении прямое дополнение *туалеты* оказывается уже, если можно так выразиться, дополнительным дополнением, почему оно и выделяется из состава сказуемого. Ср. *Графиня Марья... начала в свою очередь думать вслух свои мысли* (Л. Толстой, Война и мир, IV, эпил. I, IX); *он не только не думал тех прежних мыслей, которые...* (там же, III, 1). Здесь в глаголе *думать*, равным образом, уже заключено содержание требуемого объекта (ср. *думы думать*). Поэтому переходное значение глагола остается в силе и без прямого дополнения, см.: *она невольно думала их мыслями и чувствовала их чувствами* (там же, III, 2). При наличии объекта в самой глагольной форме *думать*, сказуемое уже закончено, в связи с чем выступающее в этом последнем примере косвенное дополнение *их мыслями*, так же как и *чувствами* при глаголе *чувствовать* выделяются. Ср. так же *злобно торжествуя заранее успех своего решения* (Достоевский, Преступление и наказание, I, 4). Глагол *торжествовать* имеет законченную семантику, так же как и глагол *петь* в следующем примере: *где соловьи поют красавиц, безответных на сладкий голос их любви* (Лермонтов, Демон) и т. д. Для уточнения моей мысли возьмем обратный пример: *ребенок в колпачке... поглощал все внимание Пьера* («Война и мир», IV, эпил. I, IX). Здесь глагол *поглощать* уже воспринимается в более тесной семантической связи с уточняющим его объектом. В подобного рода словосочетаниях управление выступает значительно более ярко в своей синтаксической функции членения предложения. [1]

Очевидно, развитие отвлеченных понятий привело к различному восприятию глаголов по их содержанию. Их лексическая семантика остается в силе и получает свое отражение на синтаксически проводимом сочетании слов в предложении, что ведет к различным видам его членения. Отсюда придется притти к заключению, что не всякая постановка имени в винительном или ином косвенном падеже выступает с одинаковым значением при глаголе. Одна формальная сторона далеко еще не свидетельствует о выделении на независимое место особого члена предложения даже в индоевропейских языках, где морфологические показатели выступают четко. Когда глагол со своим законченным лексическим содержанием привлекается для выражения сказуемого, то вопрос о границах выделяемых членений предложения становится менее спорным, ср. французск. *la mère avait attendu le fils pour le déjeuner* (Paul Bourget, *Cruelle énigme*, 191). Подлежащее *мать*, сказуемое *ждала*, прямое дополнение *сына*, косвенное дополнение *к завтраку*. Прямое дополнение тут независимо и легко поддается замене в пределах того же состава слов, ср. *le fils avait attendu la mère pour le déjeuner* — «сын ждал мать к завтраку». [2]

Самостоятельное в предложении значение прямого дополнения и,

---

[1] См. стр. 87 сл. См. также примеры на замыкание прямого и косвенных дополнений, стр. 53 сл.

[2] То же самое будем иметь и в русском языке в тех отдельных случаях, когда форма именительного падежа совпадает с формой винительного, ср. *ночь побеждает день* и *день побеждает ночь*.

наоборот, тесную его семантическую связь с глаголом можно, по материалам русского языка, наиболее наглядно показать на следующих двух примерах. Для их построения я использую три разных глагола, один непереходный и два переходных: *спать*, *читать* и *брать*. При включении этих глаголов в один и тот же контекст, с полной очевидностью выявляется, что два последних глагола вовсе не оказываются равноправными представителями переходности. Один из них закончен в своем семантическом выражении и без дополнения, а второй не дает законченного содержания, ср. 1-й пример: *на этом берегу реки дачники спят, а на том берегу читают книгу*, и 2-й пример: *на этом берегу реки дачники спят, а на том берегу берут уроки плаванья*. В первом примере прямое дополнение во втором предложении самостоятельно и вовсе не обязательно для законченного выражения высказывания, ср. *а на том берегу читают*. Здесь сказуемое вполне закончено. Во втором примере нет прямого дополнения, как самостоятельного члена предложения, так как оно входит в одну группу слов вместе со сказуемым. Последнее без прямого дополнения не имеет законченного содержания, ср. *а на том берегу берут*. Отсюда следует, что наличный во втором примере глагол *брать* управляет падежом семантически связанного с ним дополнения *уроки*, которое, в свою очередь, управляет падежом семантически уже с ним связанного косвенного дополнения, по существу определения — *плаванья*. Глагол, в данном сочетании слов, семантически и формально связан с одним дополнением, которое семантически и формально связано с другим. Таким образом, все три слова находятся в формальной связи, а по своему содержанию они все трое образуют одно семантическое целое. Они входят в состав одной синтаксической группы сказуемого. Выделение прямого дополнения приведет к нарушению смысловой цельности сказуемого, чего мы не наблюдаем в первом примере, где имеем сепаратизацию. Данный синтаксический прием, в его противопоставлении управлению, подтверждает изложенные выше соображения о членении предложения, в частности о выделении прямого дополнения, подкрепляя их соответствующими примерами, которых недоставало раньше.[1]

В ряде других языков (банту, дагестанские Кавказа и пр.) прямое дополнение, как отмечалось выше, не только выделяется, снабжая глагол своими показателями, но и выступает в предложении в значении его обязательного члена, когда предложение имеет содержание переходного действия.[2] Но здесь выделение прямого дополнения на самостоятельное место сопровождается включением его же в общую схему предложения путем синтетической связи. Не только специальная форма объекта (например, абсолютный падеж в дагестанских языках) выделяет объект в составе предложения. Его в нем место и значение устанавливаются, главным образом, синтетическими показателями в глаголе. Тут сепаратизация, проводимая по смысловому членению высказывания, соединяется с формальной стороной, выражаемой синтетическим путем.

11. ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Наконец, особого внимания заслуживает еще один синтаксический прием, которому можно присвоить наименование локализации (место-

[1] См. также в главе о членах предложения, стр. 158 сл.
[2] См. стр. 164—166

положение). Место размещения слагаемых частей предложения играет большую роль в языковом строе, но значение его различно в различных языковых системах. Даже в отдельных случаях размещения слов в одном и том же языке наблюдаются свои особенности в выражении синтаксических отношений и в интонационных оттенениях слов.

Использование приема локализации мы уже видели в построениях инкорпорированных комплексов и в их сочетаниях.[1] Так, постановка подлежащего на первое место, а сказуемого на последнее с помещением между ними косвенного дополнения, когда таковое требуется контекстом, все это представляет собой использование приема локализации, ср. гиляцкое *ньи пхытыкрох видь* — «я к своему отцу пошел». Но не только в подобного рода сочетаниях, выделяемых частичным инкорпорированием членов предложения, можно усмотреть данный синтаксический прием. Он прослеживается и внутри самих инкорпорированных комплексов, в которых широко применяется точное распределение слагаемых частей в их строгой последовательности. Использование этого приема с точным соблюдением его правил обусловлено помещением в инкорпорируемый состав неоформленных слов, которые различаются в своем синтаксическом употреблении только этим способом. Ведущее слово всего комплекса, носитель действия или состояния в одном построении и выразитель действия и состояния в другом, выделяется лишь тем, что оно в гиляцком языке ставится в конце соответствующего сложного сочетания сливающихся слов, так же как и определитель устанавливается в своем аттрибутивном значении только тем, что помещается в составе соединяемых слов перед им определяемым словом. Если здесь и имеет место размещение не обособленно друг от друга стоящих слов, а сливаемых в одно целое основ, иногда к тому же и усекаемых, то все же прием выражения синтаксических между ними связей остается тем же самым. Соответствующие примеры из гиляцкого языка уже в достаточном количестве были приведены выше, когда делался разбор синтаксических особенностей строя предложения в этом языке.[2] Ограничусь теперь только двумя примерами: *тьипила-дыф урдь* — «твой [*тьи*] большой [*пила*] дом [*дыф*] хорош [*урдь*]» и *тьиурладыф пилдь* — «твой хороший дом велик».

Само собой разумеется, что и в полном инкорпорировании целого предложения применяется тот же синтаксический прием и по тем же причинам. Для примера вполне достаточен небольшой четырехсложный инкорпорированный комплекс чукотского языка *ты-майн'ы-вала-мна-ркын* — «я большой нож точу», в котором на ведущее место в конце всей конструкции становится само действие, представленное слиянием двух составных его частей; *мна* — «точить» и *ркын* — «делание».[3] Перед ним стоит предмет действия, выраженный основой *вала* — «нож», которому предшествует его определитель — *майн'ы* — «большой». Тот же синтаксический прием использован юкагирским инкорпорированием, в

---

[1] Даже в полном инкорпорировании, как мы видели на стр. 24 сл., порядок размещения сливаемых слов и частиц подчиняется определенным правилам, точно соблюдаемым в языке. Хотя здесь и нет словосочетания, а имеется словослияние, все же в пределах последнего наблюдается строгий распорядок, в котором нетрудно видеть те же принципы локализации, выявляющие синтаксические взаимоотношения между сливаемыми словами и частицами.

[2] См. выше, стр. 28—30.

[3] Ркын обратилось в глаголообразующую приставку со значением показателя настоящего времени.

котором на ведущее во всем построении положение выступает носитель действия или состояния, например *асайуолсоромох* — «оленя увидевший человек» в значении «человек увидел оленя». Если, оставив на своем месте выразителя действия (*йуол* — «смотрение, смотрящий, он смотрит»), переставить два других сливаемых слова (*аса* — «олень» и *соромох* — «человек»), то получится обратное значение.[1] Как мы видим, полное и частичное инкорпорирования используют одни и те же синтаксические приемы, как то инкорпорирование (слияние), в одном случае полное, а в другом частичное, и локализацию (местоположение), ср. гиляцкое *нивх тьхыфпыньхрхадь* — человек (*нивх*), медведь (*тьхыф*), суп (*пыньх*), жарение (*рха*) с предикативным показателем *-дь* в конце, что и образует предложение *человек варит медвежий суп.*

В предложениях, построенных из отдельно стоящих слов, синтаксический прием локализации сохраняет не меньшее значение. С особенной силой выступает он в аморфных языках, в которых значимость слова в предложении не оттеняется специальными морфологическими показателями. Здесь размещение слов в предложении приобретает исключительную значимость. Им, в основном, устанавливаются члены предложения и составные части их. Члены предложения ставятся на точно назначенные им места, второстепенные же их части получают свое размещение. В последнем случае выдвигается вперед и упомянутое выше примыкание.

В аморфных языках, при отсутствии или крайней слабости морфологического изменения слов в предложении, выступает на первый план смысловая передача синтаксически связанных соединений слов формальной стороной самого синтаксического построения. В этом случае наиболее ярко выделяется применение синтаксических приемов примыкания и местоположения.

Местоположение слов в предложении может сохранять свою решающую роль и в тех случаях, когда другие применяемые в языке синтаксические приемы оформляют входящие в состав предложения слова морфологическими показателями. В особенности это имеет место тогда, когда морфологическое оформление охватывает не весь словарный состав предложения. Так, например, в абхазском языке, в котором склонение имен почти не выявлено, правила локализации крайне точны в их соблюдении, так как другим путем не удается установить, кто именно по смыслу предложения оказывается носителем действия и на кого последнее направляется. Имеющиеся на это указания в глаголе, даже при синтетическом построении предложения, все же далеко не всегда являются достаточными. Глагольные аффиксы оказываются иногда слишком общими. Например, связующие в глаголе элементы, представленные в абхазском языке классными показателями, не везде проводят точное разграничение, в особенности когда и действующее лицо и предмет действия получают формально сходный классный показатель. Подлежащее в абхазском языке ставится на первом месте, а прямое дополнение на втором, косвенное дополнение вставляется между ними, сказуемое же помещается в конце, причем оно снабжается показателями других членов предложения в обратном порядке, ср. *sara wara w-s-goyt* — «я тебя несу», «я тебя беру», *wara sara s-w-goyt* — «ты меня (несешь) берешь», *ag'atsa at'ə i-i-goyt* — «мужчина лошадь

[1] Пример взят из колымского диалекта одульского (юкагирского) языка. Он же был использован мной в «Общем языкознании», 1940, стр. 74.

берет», *at'ssaqha at'ə i-l-goyt* — «женщина лошадь берет», *ag'atsa at'ssaqha at'ə i-l-i-goyt* — «мужчина женщине лошадь берет» и т. д.[1]

В языках, в которых синтетизм выражен более полно, локализация может, ничуть не ослабляя своего значения, сохраняться и тогда, когда слова и без того увязываются друг с другом связующими показателями. Эти показатели переходят от одного слова к другому, следуя друг за другом в строго определенной последовательности. Таким образом, синтетизм пронизывает собою слова в точно размещенном порядке. Обратимся вновь к уже приведенному выше примеру синтетически построенного предложения из алеутского языка: *адамин' асхину сахъ нухън'ан анусакухъ* — «твоего отца дочь бросила камень в птицу». Подлежащее и его определение «дочь твоего отца» поставлены во взаимном согласовании, выделяющем их как одно синтаксическое словосочетание: *ада-м-ин'* стоит в притяжательном (поссесивном) падеже на *-м* и оканчивается притяжательным показателем второго лица *н'*. Своим поссесивным падежом это слово связано с последующим «дочь» *асхину*. Последнее вместо неопределенного члена *-хъ*, которым снабжено следующее слово *сахъ*, имеет притяжательное оформление 3-го лица *у* («отца-твоего дочь-его»). Сказуемое *ану-са-ку-хъ* стоит в том же лице, как и подлежащее (неопределенный член *-хъ*, оформляющий также и 3-е лицо глагола) и, кроме временного показателя, *-ку-*, снабжено еще частицей *-са-*, связывающей его с предыдущим словом, указывая, что оно является орудием действия. Это последнее, *нухъ-н'ан*, своей частицей *-н'ан* отмечает, что действие направляется на единичный предмет.[2] Таким образом, несмотря на синтетичность, а может быть и благодаря ей, размещение слов в определенном порядке строго соблюдается.

Такое строгое соблюдение порядка размещения слов становится тем более необходимым, когда приемы синтетизма ослабевают или вовсе сходят на нет. Пример этому находим в том же алеутском языке. Когда в предложении отсутствует орудие действия, утрачивается ссылка на него в глаголе, и отпадает указание на число объекта. Благодаря этому исчезает синтетическая связь, и получается тождество в оформлении подлежащего и прямого дополнения, а при 3-м действующем лице и глагол сближается с именной формой, имея тот же показатель, как и два других члена предложения. При этих условиях установление синтаксического значения остающихся слов проводится только по их местоположению в предложении: *адахъ сахъ анукухъ* — «отец птицу бросает», *сахъ нухъ анукухъ* — «птица камень бросает» и т. д.

В языках, имеющих более резко выраженное морфологическое изменение в синтаксически используемых словах, значение локализации в значительной степени связано с особенностями морфологического оформления членов предложения. Решающим тут оказывается, что́ именно выражают включаемые в слова синтаксические показатели (синтаксемы): передают ли они связь слов между собою, или же значение слова как члена предложения. Если последнего выражения нет, то расположение членов предложения и в этом случае остается единственным критерием для их установления. Так, например, в языках банту синтаксическое соединение слов проводится, главным образом, средствами согласования классными показателями, падежное же изме-

[1] См. П. К. Услар, Абхазский язык. «Этнография Кавказа», I, 1887.
[2] Ср. примеры на стр. 34.

нение в именах не прослеживается. И хотя те же классные показатели попадают в форму сказуемого, которое тем самым синтетически связывает себя с другими членами предложения, все же точная фиксация их места в предложении остается в большинстве случаев необходимой. Ср. примеры из языка зулу: *umntwana wami ngimtanda* — «я люблю моего ребенка». Носитель действия аффекта «я» представлен в самой глагольной форме местоименной приставкой *ngi,* предмет же действия ребенок (*um-ntwana*) представлен в том же глаголе своим классным показателем, «*um-, w-, m-*», стоящим после субъектного показателя, как это и полагается объекту. Таким образом, в этом предложении подлежащее отсутствует, а прямое дополнение, и без того ясно отраженное в глаголе, становится менее связанным в своем местоположении, ср. *umama ungitanda* — «мать меня любит», где, наоборот, предмет любви выражен тем же местоимением 1-го лица *ngi,* включенным в глагол как объектный показатель после выражения носителя действия его классным показателем *u* (*u-mama*). На этот раз нет прямого дополнения, чем и уточняется позиция подлежащего.[1] Положение резко меняется, когда действие происходит в 3-м лице и когда сказуемое, утрачивая местоименные показатели, получает только одни классные. В этом случае другие самостоятельные члены предложения становятся менее точно выраженными в своем синтаксическом назначении. Выделяются синтетически построенное сказуемое и два других ведущих члена предложения, которые, путем согласования, объединяют вокруг себя тяготеющие к ним слова. Но сами подлежащее и дополнение не получают специальных морфологических показателей, определяющих их значимость в предложении, и потому нуждаются в другом синтаксическом приеме для установления их функции. Таким приемом и тут использована локализация. Подлежащее стоит впереди, затем следует сказуемое и за ним прямое дополнение. Зависимые члены, определения, получают свое место. Достигается тем самым вполне достаточная ясность в функциональном значении всех членов предложения, ср. из языка зулу: *ubaba utanda umama wami* — «мой отец любит мать мою» и *umama wami utanda ubaba* — «мать моя любит моего отца».

Там, где падежная система более развита, она все же не всегда оказывается настолько дифференцированной, чтобы своими только средствами удовлетворять указанным выше функциям выделения членов предложения по их смысловому в нем значению. Даже в индоевропейских языках правила размещения составных частей предложения остаются в силе. Так, например, во французском языке подлежащее и прямое дополнение морфологически не различаются, поскольку в нем оба они ставятся в одном и том же именительно-винительном падеже. Поставленное после глагола или отглагольной формы прямое дополнение без всякого изменения своей формы становится подлежа-

[1] Постановка местоимения *ngi* не на первом, а на втором месте после классного показателя *u-* — указывает на то, что данное местоимение на этот раз получает значение объекта. Классный же показатель *u-* при таких условиях может выступать лишь показателем субъекта, который и стоит перед глаголом (ср. в имени *u-mama*). Тем самым устанавливается значение этого имени в членении предложения (подлежащее). Здесь локализация выявляется в порядке размещения служебных показателей в глаголе. При размещении же слов в предложении этот синтаксический прием в данном примере уже не имеет решающего значения, так как значимость слов определяется не столько им, сколько синтезирующими показателями глагола. Все же и тут порядок размещения слов сохраняет общепринятую в языке норму.

щим, если его перенести в начало предложения, ср. *La comparaison est le seul instrument efficace donc dispose le linguiste pour faire l'histoire des langues* — «сравнение является единственным действенным орудием, каковым располагает лингвист для составления истории языков» и *L'histoire des langues ne se fait donc qu'en comparant des états de langue les uns aux autres* — «История языков не делается иначе как сравнением состояний языка одних с другими».[1]

Даже в тех языках, в которых все члены предложений получают полную возможность своего отличительного друг от друга оформления, все же сохраняется тенденция к соблюдению общепринятого в пределах каждого языка размещения слов. Так, в русском языке определение, выраженное прилагательным и согласованное в роде, числе и падеже с другим именем, следовательно носящее в себе все показатели своей синтаксической значимости, получает несколько измененное смысловое значение, когда занимает необычное ему место, например *душистую розу* и *розу душистую*.[2] В тюркских языках, при развитом склонении имен и спряжении глагола, члены предложения имеют свое определенное размещение, но могут изменять его без нарушения общего смысла предложения, за исключением сказуемого, которое обычно ставится в конце всего предложения, ср. в казахском *Мукаш үйге айқайлай кірді* — «Мукаш в дом покрикивая вошел». При этой обычной расстановке слов допускается и другая, но всегда со сказуемым на последнем месте: *үйге айқайлай Мукаш кірді; Мукаш айқайлай үйге кірді; үйге Мукаш айқайлай кірді*.[3]

Локализация главных членов предложения имеет своим соответствием внутри синтаксических групп свое размещение зависимых членов. Они подчиняются примыканию при неоформленном слове, управлению при оформленном в падеже, согласованию. И тем не менее за ними же равным образом закрепляется определенное местоположение. При таких условиях локализация выступает во всех языках. Она служит общераспространенным синтаксическим приемом, имеющим своим назначением уточнение синтаксических отношений между ведущими членами предложения и внутри их групп. В зависимости от структуры языка локализация получает различное значение, начиная с обязательного и основного синтаксического приема и кончая более или менее ярко выраженной факультативностью в его применении. Этот же прием в той или иной степени отражается и во всех остальных приведенных выше синтаксических приемах.[4]

12. РИТМИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И СИНТАГМЫ

В живой разговорной речи в качестве таких же по своей функции синтаксических приемов выделяются интонация, синтагма и ритмическая группа, представляющие собою фонетическое объединение, осно-

---

[1] В качестве примеров мною использованы здесь отдельные места из работы A. Meillet, La méthode comparative en linguistique historique, 1925, p. 10, 11.

[2] «В русском языке порядок употребления зависимых и господствующих слов далеко не свободный; как видим, он может нарушаться; но нарушение вызывается определенными причинами и вносит особый смысл в соответствующее предложение; нарушение обычного порядка следования слов называется инверсией», А. А. Шахматов, ц. с., стр. 34, § 15.

[3] С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, 1941, стр. 100—101.

[4] Согласуемое в русском языке определение ставится перед определяемым, а управляемое в падеже после него, и т. д.

ванное на различных построениях звуковых сочетаний и их оттенений. Так, ритмическая группа соединяет фонетический комплекс единством ударения, синтагма в значительной степени характеризуется единством выдоха, дающим в результате паузу, а интонация выделяет фонетическое единство музыкальным движением голоса. Интонация остается до последнего времени наименее изученной областью языкового строя.[1]

В письме все перечисленные фонетические приемы в известной степени отражаются в пунктуации, которая все же далеко не достаточно передает то, что улавливается на слух. Поэтому для более детального изложения упомянутых средств синтаксического выражения требуются, в первую очередь, наблюдения над живой разговорной речью и углубленная работа экспериментальной фонетики, далеко не в достаточной степени учитываемые при описании языковой структуры. Между тем все отмеченные фонетические приемы теснейшим образом связаны с семантикой живой разговорной речи. Все они представляют собой законченное смысловое целое в различных разрезах их смыслового содержания. Такие же различной семантической значимости отрезки речевого потока лежат в основе и тех остальных синтаксических приемов, которые выражаются уже не фонетическим путем, а различными средствами морфологического оформления слов и иными синтаксическими их соединениями. Следовательно, в этих фонетических приемах получают ясное отражение те синтаксические сочетания, которые и в том и в другом случаях оттеняются самим говорящим. Так, например, семантическое единство определения с определяемым, обстоятельственных слов с глаголом и др. передается различными путями, как то инкорпорированием (ср. в языках чукотской группы, эскимосских, гиляцком и пр.), согласованием (индоевропейские языки), примыканием (тюркские языки) и вместе с этим также и фонетическим приемом синтагмы. Мелодическое же музыкальное движение голоса охватывает все высказывание в его целом, которое может получить внешнее построение синтаксически выраженного предложения или сочетания их, и т. д. Наиболее ясное изложение затронутых здесь приемов синтаксической фонетики имеется в работах Maurice Grammont, «Traité pratique de prononciation française» (5-е изд., 1926, Париж) и акад. Л. В. Щерба, «Фонетика французского языка» (2-е изд., 1939, Ленинград). В основном я опираюсь, главным образом, на прекрасную книгу Л. В. Щербы, которая и используется мною в последующем моем изложении.

Отмечаемые здесь звуковые сочетания и разновидности их в процессе живой речи представляют собою различные виды синтаксического членения речевого потока, имеющие в каждом языке свои особенности. Так, например, в русском языке звуковой поток распадается на слова, выделяемые ударением, тогда как во французском языке ударением снабжается не слово, а семантически связанная группа слов. Внутри такой семантически связанной группы слов во французском языке имеют место слитные формы, образуемые особым приемом, носящим название liaison, что не наблюдается в русском языке, в котором границы объединенной ударением ритмической группы совпадают с границами слов, и т. д., ср. французск. *je suis à table, cela m'est égal, Il faut écrire,* русск. «я нахожусь за столом», «это мне безразлич-

[1] См. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 2-е изд. 1939, стр. 78 сл., 116 сл.

но», «нужно писать» и др.[1] Такие и им подобные разнообразные виды фонетических построений покоятся на историческом прошлом развития языка и в то же время отражают современное восприятие синтаксических связей внутри выделяемых объединений сложного речевого целого. В данном случае на фонетические свойства изучаемого языка влияет синтаксическая его структура, использующая в своих целях различные фонетические средства. Из числа последних наиболее ясно выделяются в своем синтаксическом использовании упомянутые выше ударения, образующие ритмическую группу, перерыв для вдоха (пауза), объединяющий словесный комплекс, именуемый синтагмой, и музыкальное движение голоса во время произносимой речи (интонация), выделяющее законченное высказывание.

Отрывок потока речи, отмечаемый единством ударения, называется ритмической группой. В русском языке ритмическая группа совпадает с границами слов, включающих энклитики и проклитики, т. е. безударные подвижные суффиксы и префиксы типа *перед-до́мом, чита́ем-мы мно́го* и др. Ритмическая группа, в данном случае, не является тем синтаксическим приемом, который используется для выражения синтаксических отношений между словами предложения, но все же ударение и в русском языке имеет большое синтаксическое значение. Не выходя за пределы слова, ударение в то же время отчетливо выделяет те составные его части, которые образуют с ним одно целое не только как слово, оформленное лексически, но и как слово с его синтаксическими формантами. Так, например, объединение в одну ритмическую по своему ударению группу предлога с именем, ср. *перед-до́мом* и сохранение предлога в том же безударном положении в развернутом построении, включающем определение, ср. *перед большим до́мом* указывает этим фонетическим приемом на сближение предлога с подвижным префиксом, т. е. на утрату им самостоятельного значения слова. Равным образом, энклитическое положение местоимения в слове *чита́ем-мы* отмечает близость местоимения в этом его синтаксическом положении к суффиксу, ср. *чита́ем-мы мно́го* и *мы чита́ем мно́го*. Таким образом, и в русском языке ударение, не выделяющее ритмической группы слов, все же указывает не только на лексические соединения типа *теплохо́д*, но и на лексическое содержание синтаксических построений типа *железная-доро́га* (ср. *желе́зная две́рь*) и на синтаксическую значимость предлогов: *перед-железною-доро́гою*, ср. *перед-желе́зною две́рью* и *перед-две́рью*, где силовое ударение на слове *желе́зною* будет слабее, чем на слове *две́рью*, отмечая синтаксическую связь определения с определяемым. Во всех этих случаях данный фонетический прием выполняет определенное смысловое задание, лексическое и синтаксическое.[2]

Во французском языке единством ударения соединяется ряд слов, составляющих единое семантическое целое, синтаксически объединяемое в ритмическую группу. Эта ритмическая, или динамическая, группа имеет ударение на последнем слоге последнего слова: *je viendrai voqs voir; un grand mouchoir de soie; en lisant le journal*, ср. русское, где каждое слово носит отдельное ударение: *я ва́с навещу́, большо́й*

---

[1] См. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 2-е изд. 1933, стр. 111—115, § 168—182.

[2] См. А. А. Шахматов, ц. с. стр. 35 (§ 16), 130 (§ 496[1]); Л. В. Щерба, ц. с., стр. 78, § 91—99.

ше́лковый плато́к или *большо́й плато́к из ше́лка; чита́я газе́ту* или *во вре́мя чте́ния газе́ты*. Благодаря этим особенностям французского языка, в нем ритмические группы яснее, чем в русском, выделяют синтаксически связанные в предложении слова. Так, первый пример представляет собой сложный глагол с показателями субъекта и объекта, второй пример дает синтаксическое объединение определения с определяемым, третий пример представляет синтаксическое единство обстоятельственного комплекса. Ритмическими группами может передаваться смысловое значение отдельных синтаксических построений, не отмечаемых другими синтаксическими приемами. В этом случае группировка слов ударением выступает единственным средством передачи соответствующего синтаксического выражения. Так, например, во французском языке одинаковое сочетание слов может иногда получать свое различное синтаксическое выражение только различением ритмических группировок, т. е. различной расстановкой ударения, ср. *un homme agréable* — «обходительный человек» и *c'est un homme agréable* — «это человек обходительный». В первом примере одной ритмической группой передается аттрибутивное отношение, тогда как во втором двумя ритмическими группами выделяется предикативный оттенок последней из них (*agréable*). В русском языке такое же обособление определения достигается его постпозиционным положением, которое в современном французском языке уже не имеет такого оттеняющего синтаксического значения. Поэтому во французском языке подобного рода обособление проводится лишь фонетическим путем.

В тех языках, в которых имеется словесное ударение, т. е. ясное ударение, падающее на каждое слово, смысловое объединение слов в одно синтаксическое целое проводится усилением одного из имеющихся ударений. Этим достигается выделение единого смыслового целого в контексте предложения. В большинстве случаев этим путем выражается семантическое единство синтаксического комплекса, образующего и выделяющего соответствующее членение предложения, представленное сочетанием слов, а иногда и одним словом. Такая единично представленная или комплексно выраженная синтаксическая группа оттеняется более усиленным ударением, после которого допускается перерыв выдоха, т. е. пауза для вдоха. Этому фонетическому единству, выражающему единое смысловое целое в процессе речи, присваивается акад. Л. В. Щербой наименование синтагмы. Ее же некоторые французские ученые называют дыхательной группой, кладя в основу не ударение, а выдох. В тех языках, в которых ударением выделяется не слово, а группа слов, синтагма может совпадать с ритмической группой, но может и охватывать несколько их, объединяемых одним более усиленным ударением. [1]

В русском языке синтагма используется как синтаксический прием для передачи синтаксических объединений семантически связанных групп слов, имеющих каждое свое ударение, но объединяемых одним общим, более усиленным, ударением, которое и отмечается мною в нижеследующих примерах: *большое я́блоко*, где соединены синтагмою определение и определяемое, *резать я́блоко, говорить стихотворение наизу́сть*, в которых в одну синтаксическую группу соединены инфинитив и прямое дополнение; *ехать в город окружны́ми путя́ми при са́мых неблагоприя́тных обстоя́тельствах*. Здесь синтагмой выделяется целый комплекс слов, могущий, в зависимости от контекста, служить подле-

[1] Л. В. Щерба, ц. с., стр. 81, § 97.

жащим или прямым дополнением, ср. французск. *il coupe du papier avec un couteau tranchant* — «он режет бумагу разрезательным ножом», где в одну синтагму объединены две ритмические группы *couper du papier* и *un couteau tranchant*. Усиленное ударение, в этом случае, падает на последний слог всей синтаксически связанной в единое фонетическое целое группировки слов (синтагмы).

Синтагма, иногда совпадающая с дыхательной группой, кончающейся паузой, широко используется для синтаксического выделения членов предложения и его семантически отделяемых слов, получающих особый оттенок синтаксической значимости в предложении, ср. в русском *я читаю преинтересную книгу* (одна синтагма) и *я читаю кни́гу* (I) *преинтере́сную* (две синтагмы).[1] Синтагмой же иногда выделяется смысловое значение слов в предложении и различное положение их в членении предложения, не устанавливаемые другими синтаксическими средствами, например в казахском: *а*ғ*аш отын* — «деревянное топливо», где одной ритмической группой передается связь определения с определяемым, и *а*ғ*аш* (I) *отын* — «дерево [есть] *топливо*», где то же сочетание слов разбивается на две синтагмы, выделяемые ударением и паузой, чем и придается первому слову значение подлежащего, а второму — сказуемого, ср. также казахск. *ол арбаны* (I) *істейді* — «эту арбу делает [он]» и *ол* (I) *арбаны істейді* — «*он арбу делает*», где в первой синтагме в первом случае указательное местоимение *ол* — «этот» устанавливается в роли определения к арбе, а во втором случае оно же выделяется на позицию подлежащего в значении 3-го лица личного местоимения.[2]

К синтагме нередко прибегают для передачи тончайших нюансов смыслового значения. Л. В. Щерба приводит из работы M. Grammont два нижеследующих примера, прекрасно иллюстрирующих те широкие возможности, которые дает синтагма в этом отношении: *les petits enfants* (I) *qui vont à l'école* (I) *ne deviendront pas tous des savants* — «маленькие дети, ходящие в школу, не все сделаются учеными» и *les enfants* (I) *qui vont à l'école* (I) *à la promenade* (I) *à la matinée* (I) *au Jardin des plantes* (I) *peuvent apprendre et voir beaucoup de choses utiles*» — «дети, которые ходят в школу, на прогулки, на утренники, в Жардэн де плант, могут усвоить и видеть много полезного».[3] Здесь приемом выделения ритмических групп и синтагм передается различное содержание двух приведенных предложений, устанавливая этими фонетическими средствами разные синтаксические отношения между их словами. В первом примере *qui vont à l'école* входит в одну синтаксическую группу с *les petits enfants* как определение с определяемым (учащиеся дети), а во втором примере хождение в школу сопоставляется с хождением на прогулки (экскурсии), на утренники и в Парижский зоологический сад (Жардэн де плант).[4]

13. ИНТОНАЦИЯ

Группа синтагм, а иногда и одна синтагма, составляющие содержание всего высказывания как законченного смыслового целого, могут

[1] Щерба, ц. с., стр. 81, § 97, примечание.

[2] Примеры указаны мне В. Н. Зиновьевым, автором пока еще неопубликованной работы по сравнительной фонетике русского и казахского языков.

[3] Л. В. Щерба, ц. с., стр. 80, § 95.

[4] Название сада, обращенного в зоологический.

выделяться интонацией, т. е. музыкальным движением голоса, обычно заканчивающимся понижением тона. Эта область фонетики, как уже отмечалось выше, остается до сих пор наименее изученной. Между тем интонация обращает на себя в лингвистических исследованиях отнюдь не меньшее внимание, чем остальные способы фонетической передачи синтаксических отношений, тем более, что интонацией выделяются границы идущего потока речи, внешне выражаемые в предложениях и сочетаниях предложений.

Интонационные группы, семантически связанные друг с другом, могут объединяться в группы высшего порядка, что получает свое выявление в особых оттенках интонации путем соответствующего повышения и понижения музыкального движения голоса во время произносимой речи. Для анализа всех этих сложных фонетических структур Л. В. Щерба приводит стихотворение А. С. Пушкина.[1] Для большей ясности такого анализа мной проводится разграничение фонетических отрезков различного качества разными знаками: выделяемые ударением ритмические группы обозначаются мной малой вертикальной чертою (/), синтагмы выделяются большой чертою (I), интонационные группы двумя такими чертами (II), а более крупные их соединения тремя (III). Ритмические группы в русском языке совпадают со словом, поэтому они в русских текстах не выделяются. Взамен их выделения я ограничиваюсь в этом случае постановкой одного лишь усиленного ударения в синтагме. Обратимся к примеру: *я па́мятник себе воздвиг* (I) нерукотворный (II) *к нему не зарасте́т* (I) *народная тропа́* (II) вознесся выше он (I) *главою непоко́рной* (I) *александрийского столпа́* (III)». Здесь синтагмами выделяются как отдельные предложения, тогда они совпадают с интонационными группами, так и обособляемые слова *(главою непокорной)*, тогда синтагмы с интонационными группами не совпадают.

Можно полагать, что такие же интонационные группы и синтагмы легли в основу выделения тех членов коммуникаций, о которых говорит акад. А. А. Шахматов, проводя разбор построения русского предложения *испуганная нами воро́на* (I) *взлетела на высокую ли́пу*. Две наличные тут синтагмы выделяют два главных члена коммуникации, представляющих собою: один — смысловое объединение слов, связанных с подлежащим, а другой — такую же группировку слов в составе сказуемого.[2]

Такого рода фонетические группировки слов, выявляющиеся в процессе музыкального движения голоса, представляют собою мелодическое единство, охватывающее одно законченное по смыслу целое. Такими смысловыми единицами являются или все предложение целиком, или ряд семантически соединенных предложений, или же членение внутри предложения, представляющее собою единично выраженный член предложения, или его же в составе синтаксической группы, а иногда обособляемые части предложения. В связи с этим интонационные (мелодические) группы могут соединять ряд синтагм, но могут передаваться и одной синтагмой. В последнем случае, если синтагмы совпадают с пределами слова, то и интонационная группа может ограничиваться одним словом. Тогда это слово выступает в речи с закон-

---

[1] Л. В. Щерба, ц. с., стр. 21, § 26.

[2] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 28, § 10.

ченным содержанием предложения. Более сложное его содержание, разбиваемое в своем синтаксическом построении на синтагмы и в то же время объединяемое одной интонационной группой, может тем самым оказаться одночленным или двучленным, например *пожар*! (интонационное выделение предложения с законченным содержанием, совпадающее с синтагмой и ритмической группой, выраженной одним словом); *он пошел в театр* (предложение, выраженное интонационной группой, совпадающей с синтагмой); *множество врачей* (I) *занятых в лучших столичных больницах — выехало на борьбу с эпидемией* (двухчленное высказывание, передаваемое одной интонационной группой, охватывающей три синтагмы); *когда стало темно — мы выбрались наконец из нашего убежища* (такое же двухчленное высказывание, представленное одной интонационной группой из двух синтагм), и т. д., ср. французское одночленное предложение *c'est mal* — «это плохо», двухчленное предложение *ce chien — est très méchant* — «эта собака — очень зла» и др.[1]

Двухчленные мелодические группы, как мы видим, стоят в тесной связи с семантическим делением внутри интонационно объединяемых слов. Такое двухчленное деление отграничивает или главные члены предложения с тяготеющими к ним словами, или основную часть предложения от примыкающей к ней по смыслу второстепенной части, ср. *Ленинград — большой город; это замечательное произведение искусства — было вырезано простым ножом; он вырезал это замечательное произведение искусства — простым ножом,* французское *un grand bruit d'hommes et de chevaux — avait succédé au silence* — «большой шум [производимый] людьми и лошадьми — сменил тишину», *au bout d'une heure — tout était décidé* — «по истечении часа — все было решено».[2]

Фонетическими приемами подобного рода в значительной степени облегчаются разбор и понимание слушаемой речи, оттеняемой в ее синтаксических деталях, выражаемых весьма сложными построениями предложения. Остановимся еще на одном примере на этот раз из тюркских языков (казахского). В этом примере мелодическими (интонационными) группами (II) отделяются два главных членения предложения, связанных с подлежащим и сказуемым; синтагмами (I) обособляются синтаксические комплексы с двумя однородными членами предложения, а ритмическими группами выделяются комплексы внутри их и последовательная серия определений: *көгілдір Көкшенің көркін* (/) *көркемірек көрсетіп тұрған* (II) — *басына оралған кілегей* (/) *ақ* (I) *ұлпа бұлт пен* (I) *етекін көмкере толқыған* (/) *бұйра сағым* (III) — «то, что делает еще более красивым вид синеватого Кокчетава — это редкое, белое, легкое облако, обволакивающее вершину его, и густой мираж, который волнуется, захватывая его подножье» (Сабит Муканов). Первый член этого построения представляет собою комплекс подлежащего, которому противополагается комплекс сказуемого, представленный во втором члене. Подлежащим является причастие «показывающий», выраженное сложной формой сочетания деепричастия *көрсет-ip* (от основы *көрсет* — «показывать») и причастного оформления вспомогательного глагола *тұр-ған*. Обстоятельственное слово *көркем-ірек* —

[1] См. Л. В. Щерба, ц. с., стр. 117—118, § 188—190.
[2] Там же.

«красивее» передается прилагательным в сравнительной степени.[1] С упомянутым выше причастием связан винительный падеж (*-н*) слова *көрк-і-н* — «вид», имеющего кроме этого падежного окончания еще и притяжательный суффикс *-і-*, которым означенное слово связывается с родительным падежом названия горы *Көкше-нің* (изафет). Это имя горы имеет при себе прилагательное *көгілдір* — «синеватый», стоящее в неоформленном падеже, как и полагается в тюркских языках стоять определению при определяемом. Основными словами в группе сказуемого, т. е. во втором составе предложения, выступают *бұлт* — «облако» и *сағым* — «мираж», стоящие в неоформленном виде, как и свойственно именному сказуемому в 3-м лице. Оба они с сопровождающими их определениями соединены союзом *пен* — «и». Определения при них *кілегей* — «редкий», *ақ* — «белый», *ұлпа* — «тонкий», «легкий» и *бұйра* — «густой» остаются неоформленными. Другими определениями выступают две причастные формы, одна из них *ор-ал-ған* — «обмотанный» содержит сверх причастного суффикса *-«ған»* также показатель пассивности *-ал-*. Означенная причастная форма связывается со словом *бас-ы-на* — «на вершину», стоящим в направительном падеже на *-на* и имеющим притяжательную (изафетную) частицу *-ы-*, указывающую на отношение этого слова к имени горы *Көкше-нің*. С последней такой же частицей соединяется прямое дополнение, поставленное в винительном падеже (*-н*): *етек-і-н* — «подножье», относящееся к деепричастной форме настоящего времени *көмкер-е* — «захватывая», стоящей при причастии *толқыған* — «волнующийся». Все это сложное построение одного предложения разбивается интонационным приемом на две части, причем, все же, грамматически обе эти части стоят вовсе не обособленно. Наоборот, они соединены друг с другом грамматическими показателями, в данном случае изафетным оборотом. В родительном падеже этого оборота стоит имя горы *Көкше-нің*, с которым связываются притяжательными показателями не только находящееся в одном с ним членении предложения слово *көрк-і-н* — «вид его», но и помещенные во втором членении *бас-ы-на* — «на вершину его» и *етек-і-н* — «подножье его». Такое соединение двух частей предложения взаимосвязанными грамматическими показателями находит себе объяснение в том, что каждая из этих частей, передающих семантическое целое, все же дает законченное содержание только в своей совокупности. Поэтому, синтаксически связанные внутри себя, они же связаны и между собою, причем и интонационное разделение, в свою очередь, восходит к другому, высшего порядка, интонационному же объединению. Таким образом, в разбивке этого предложения на семантически значимые членения участвуют не только разные синтаксические приемы морфологии, но и средства интонации и ударения, выделяющие группировки слов.[2]

Другие морфологические и синтаксические приемы, равным образом весьма показательные, оказываются все же далеко не всегда столь же ясными передатчиками действующего в языке восприятия существующих семантических связей между словами предложения. В морфологическом выражении синтаксических отношений нередко вскрываются

---

[1] Сравнительная степень образуется путем присоединения к основе приставки *арық*, см. С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, 1941, стр. 42, § 87.

[2] Разбор этого предложения проведен мною при содействии С. Жиенбаева, которому я крайне обязан также за указания на соответствующие примеры.

традиционно сохранившиеся в строе речи моменты исторического прошлого, для установления которых и роли их в живой речи требуется более углубленный научный анализ. Процесс же произношения ярче отражает живое восприятие синтаксических связей и приурочивает к ним действующие фонетические нормы. В связи с этим, в мелодическом ходе речи, в синтагмах и ритмических группах, могут быть с известной степенью прозрачности уловлены как эмоционально-волевое содержание высказывания, вопрос, утверждение в различной степени резкости, настойчивости и убедительности и т. п., так и смысловое объединение слов в предложении, степень увязанности друг с другом его членов, разграничение их, пределы их смысловой и синтаксической замкнутости и т. д. Оттенки речевого потока дают возможность не только уточнить смысловое содержание произносимых слов, но и понимание зависимости одних слов от других, даваемых в одних и тех же сочетаниях, например французск. *la ville entière* в значении «все население города» и *la ville* (I) *entiére* в смысле «весь город целиком».[1]

Теми же фонетическими средствами совместно с иными синтаксическими приемами передается единство лексического понятия в отличие от синтаксического единения слов, ср. французск. *un livre* (/) *intéressant* — «интересная книга», *un homme* (/) *bon* — «добрый человек», ср. *un bon homme* русск. *боном, un homme* (/) *jeune* — «молодой человек», ср. *un jeune homme* — «женом». Когда однословный член предложения обрастает своими определительными и обстоятельственными словами, он становится более уточненным и получает свою более самостоятельную синтаксическую позицию, что оттеняется также и фонетическим приемом выделения его в особую ритмическую группу, ср. французск. *j'ai immédiatement ouvert* (/) *la grande porte de l'entrée* — «я сразу открыл большую входную (парадную) дверь», ср. *j'ai ouvert la porte* — «я открыл дверь», где однословное прямое дополнение, оставаясь менее уточненным в своем семантическом значении, сближается с глаголом, образуя с ним более тесную семантическую группу: *j'ai ouvert la porte* (I) *et je suis entré* — «я открыл дверь и вошел», *on a sonné* (I) *et j'ai immédiatement ouvert* (/) *la grande porte de l'entrée* — «позвонили, и я сразу отпер входную дверь».[2]

При инкорпорировании гармония звуков и единство ударения образуют одно фонетическое целое с единым семантическим значением, и поэтому инкорпорирование достаточно ясно передает восприятие единого синтаксического построения. При разбивке же членов предложения на отдельные слова синтаксическое их соединение дает далеко не всегда столь же ясную схему, как инкорпорирование. Смысл предложения с осложнением его содержания требует более сложных конструкций предложения и сочетания их. Тут на очередь выступают другие синтаксические приемы, и их использованием достигается передача смыслового единства. Тем самым многообразятся и разнообразятся средства выражения синтаксических отношений, и, чтобы получить по ним более точную картину действующего языкового строя, фонетическая сторона произносимого отрезка речи не может оставаться без внимания при лингвистическом анализе структуры предложения. С этой стороны изучение всех языков еще нуждается в дополнительной и весьма углубленной доработке.

---

[1] См. Л. В. Щ е р б а, ц. с., стр. 79, § 94.
[2] Там же, стр. 80, § 94—97.

14. ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРИЕМОВ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В изложении этой главы я привел ряд синтаксических приемов и постарался изложить их, давая характеристику каждому в отдельности. Отмеченные приемы представляются мне наиболее ясно выделяемыми и наиболее широко используемыми. Применение одного приема, как мы неоднократно видели, не отстраняет одновременного применения других. Более того, эти приемы до известной степени смыкаются один с другим. Так, например, локализация, этот универсальный синтаксический прием, наличествует и в инкорпорировании и в синтетизме. Она выступает также в согласовании и управлении и т. д. Инкорпорирование сливает воедино аморфные слова или их основы в усеченном виде, а синтетизм соединяет воедино отдельно стоящие и морфологически оформленные слова. Приемом локализации можно из аморфных слов составить целое предложение, тогда как примыканием соединяются аморфные слова с синтаксически с ними связанными другими словами в пределах одной группировки. Замыкание выделяет синтаксический комплекс, так же как слиянием выделяет его инкорпорирование. Сепаратизация дает обособленное оформление членам предложения, зависящее от смысла предложения, а управление проводит то же самое в пределах зависимой связи одного слова от другого и т. д.

Не только в одном и том же языке, но и в построении одного и того же предложения используется несколько синтаксических приемов. Так например, в немецком предложении: *Das Pronomen kann im substantivischen und adjektivischen Gebrauch auf etwas, was im folgenden (oft abhängigen) Satze zur Sprache kommen soll, hinweisen* — «местоимение в его субстантивированном использовании или (выступающее в роли) прилагательного может указывать на то, о чем должна пойти речь в следующем, часто зависимом, предложении».[1] Постановка здесь подлежащего в именительном падеже и оформление сказуемого сложной глагольной формой имеет совершенно сепаратное значение, не зависящее от других слов предложения, постановка же их на определенных местах, а именно подлежащего в начале, а сказуемого после него, обусловлена правилами локализации. Сам комплекс сказуемого замкнут его разделившимися частями (*kann... hinweisen*), между которыми включены слова, соединяемые различными синтаксическими приемами. Тут имеется согласование определения с определяемым и замыкание их (*im substantivischen und adjektivischen Gebrauch, im folgenden Satze*), управление падежом имени существительного (*zur Sprache kommen soll*), причем согласование и управление содержат в себе также и моменты примыкания, поскольку определение, тяготея к определяемому, смыкается с ним и формально и семантически. Имеются также внутри того же замыкаемого комплекса и моменты локализации, поскольку определения поставлены на предшествующее своему определяемому место и т. д. Таким образом, мы наблюдаем и одновременность в использовании нескольких синтаксических приемов и наличие в одном выделяемом приеме также и элемен-

[1] Пример взят из текста работы B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen, Grundriss, III. Theil I, 1893, S. 506. Тот же пример приведен мной на стр. 54 настоящей моей работы.

тов другого. Согласование, так же как и управление, остаются отдельными синтаксическими приемами, хотя одним из их свойств является и примыкание (в широком понимании этого термина). Примыкание же выделяется в особый синтаксический прием, между прочим и потому, что в нем нет ни согласования, ни управления. Каждый синтаксический прием устанавливается по его наиболее характерным свойствам, выявление которых и являлось основной нашей задачей.

Присутствие одних синтаксических приемов, выделение некоторых из них как ведущих и отсутствие других приемов могут служить основанием для характеристики целых языковых структур. Так, например, прием инкорпорирования характерен для гиляцкого языка, почему и весь строй этого языка может быть назван инкорпорирующим. Локализация и примыкание морфологически неоформленных слов служат основанием для выделения аморфных языков. Во многих языках из числа северных, американских индейских, африканских, яфетических и др. большую роль в построении предложения играет синтетизм. В зависимости от большей или меньшей степени развития синтетизма, от того, проявляется ли тенденция его к взаимной связи слов предложения распределением по ним соответствующих показателей или к сосредоточению этих показателей в отдельных словах предложения, присваивается языковым структурам наименование синтетических и агглютинативных. Сосредоточение же за такими показателями синтаксической значимости не за каждым из них, взятым в отдельности, а в их неразрывной связи с оформляемым ими словом, ведет к выделению флективных языков. Для этих языков характерна флексия. Последняя тесно связана с самим словом, в виду чего ее показатели становятся, с одной стороны, многозначимыми (например, русское *у*),[1] а, с другой, точно устанавливаются в своем синтаксическом значении только в синтаксическом построении слова (например, русское *у дома, дом-у, ид-у* и т. д.). Усиление самостоятельного значения слов в предложении с постепенным отпадением флективного оформления и усилением в связи с этим приема примыкания для синтаксически связанных внутри предложения слов и локализации для главных членов предложения, при широком использовании служебных частиц (предлогов и пр.) — ведет к переходу на аналитический строй.

Каждая отдельная языковая система делает основной упор на использование тех или иных синтаксических приемов. Наиболее из них характерными и основными являются, как мне представляется, затронутые в этой главе, а именно: инкорпорирование, полное и частичное, интонация и синтагма, синтетизм, согласование, замыкание, примыкание, управление, сепаратизация и локализация (местоположение).

При помощи этих синтаксических приемов проводится построение самого предложения. Составные его части (инкорпорированные комплексы и слова) входят друг с другом в синтаксические отношения, и в зависимости от синтаксической значимости этих слагаемых частей предложения различаются виды синтаксических отношений.[2] Одни из них прослеживаются между самостоятельными по своему смысловому значению членами предложений, другие — между словами, группирую-

---

[1] Русское *у* является окончанием 1-го лица глагола, окончанием дательного падежа, выступает предлогом, участвуя тем самым в падежном — предложном оформлении имени, и т. д.

[2] Ср. по тому же вопросу Э. Сепир, Язык. Русск. перевод, 1934, стр. 88, сл.

щимися внутри предложения, т. е., иначе говоря, вокруг одного из членов, оказывающегося ведущим по отношению к зависимым от него членам. Эти последние сочетания проводятся своими синтаксическими приемами. Следовательно, различную значимость приобретают и сами синтаксические приемы, проводящие указанные синтаксические отношения. Так, полное инкорпорирование, синтетизм, сепаратизация (обособление в широком понимании этого термина), локализация (местоположение) и интонация применяются в построении всего предложения, тогда как частичное инкорпорирование, замыкание, согласование, управление, примыкание используются только в оформлении отдельных синтаксических групп внутри предложения. Что касается синтагмы и ритмической группы, то особенностью их является то, что каждая из них может совпадать с границами законченного предложения, хотя они же, оказываясь в составе одной общей интонационной группы, отмечают уже внутренние группировки слов предложения и различные оттенки смыслового содержания фонетически объединяемых и разъединяемых слов.

Если ко всем перечисленным синтаксическим приемам подойти с их оценкой со стороны различных функций выражения синтаксических отношений между самостоятельно выступающими членами предложения и внутри зависимых группировок, то получится довольно выдержанная схема распределения самих синтаксических приемов по этим их синтаксическим назначениям: 1) полное инкорпорирование (слияние) оформляет все предложение, частичное инкорпорирование — его внутренние членения, 2) синтетизм (связывание) — все предложение, согласование — его зависимые члены, 3) сепаратизация оформляет выделяемые члены предложения, управление — слова, зависимые от других членов предложения, 4) локализация охватывает все слова предложения, примыкание применяется только внутри его членений, 5) интонация действует во всем предложении, синтагма выделяет его объединяющиеся части. Что касается синтаксического приема замыкания, то функция его совпадает с функцией частичного инкорпорирования. Оба они выделяют наличное в языке членение предложения, оформляя объединяемую группировку слов.

При таком положении вырисовывается особое для нас значение упомянутых синтаксических приемов в затрагиваемом в следующей главе вопросе о членах предложения. Синтаксические приемы являются формальным выражением того смыслового содержания законченного высказывания, которое ставит слова предложения в различные между ними синтаксические отношения. Смысл самого высказывания устанавливает между словами предложения синтаксические связи, благодаря чему слова входят друг с другом в синтаксические отношения, что и получает свое формальное выражение в синтаксических приемах. Синтаксические отношения различны между самостоятельными и зависимыми членами предложения. В связи с этим правильно проводимый анализ используемых языковой системой синтаксических приемов в значительной степени содействует правильному выявлению того членения предложения, которое свойственно тому или иному языку. Поэтому приведенные выше приемы выражения синтаксических отношений, выделяющие внутри предложения взаимосвязанные группы слов, положены мною в основание проводимому в следующей главе членению предложений.

ГЛАВА II

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Передавая законченное высказывание, предложение получает свое законченное грамматическое выражение. Высказывание имеет свои членения.[1] Передавая их, и предложение получает те или иные формальные объединения. В предложении выделяется основное и ведущее, выделяется также то добавочное к ним и уточняющее их, что служит выражением их признаков в общем построении всего контекста высказывания. Последнее ставит основные свои элементы в соответствующие между собой отношения. Их выразители в предложении вступают равным образом в некие взаимоотношения, передаваемые формальным путем. На этой почве возникают и используются те синтаксические приемы, о которых шла речь в предыдущей главе. Эти приемы, как мы видели, различны. Они различны не только с формальной стороны используемых средств для передачи существующих синтаксических отношений, но и по своему назначению проводить эти отношения среди качественно неравноценных сочленов предложения. Одни слова, носители основного смыслового значения, синтаксически объединяются с различными их определяющими словами.[2] В итоге, разбиваемый на слова строй предложения оказывается, при таких условиях, носителем, иногда, целых комплексов слов, значение которых в составе предложения оказывается далеко не равноправным. Это различие в качественном значении слагаемых частей предложения учитывается действующими грамматиками. В предложении обычно выделяются главные его члены и второстепенные. На это членение состава предложения нам и приходится обратить свое непосредственное внимание.

Нам уже приходилось говорить о том, что основным в предложении является выражение субъекта и предиката. Без них не может быть законченного высказывания, следовательно, не может быть и закон-

[1] Я имею здесь в виду не только те члены коммуникации, о которых говорит А. А. Шахматов, но и те членения, которые отдельно выделяются в процессе высказывания и обусловливаются его содержанием. Смысловая сторона высказывания может, кроме субъекта и предиката, оттенять особое в каждом контексте значение и других, выступающих в нем понятий, например косвенных и прямых объектов, и т. д. Оттеняемые в высказывании, они получают свое оттенение и в предложении. Ср. о коммуникациях у А. А. Шахматова. Синтаксис русского языка, 2-е изд., 1941, стр. 20 сл., § 4—10.

[2] Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 364 сл.

ченного построения предложения. Но выражение субъекта и предиката вовсе не требует обязательного присутствия в предложении его подлежащего и сказуемого. Предложение может быть вполне законченным по своему содержанию даже и представленное одним словом.[1] С другой стороны, и при наличии подлежащего и сказуемого, в их общепризнанном однословном выражении, смысловая сторона высказывания может все же оказаться незаконченной даже в основной своей части. Нередко подлежащее и сказуемое нуждаются в своих уточнителях, которые для данного высказывания оказываются ничуть не менее важными, чем присутствие одних только однословных передатчиков субъекта и предиката. Эти необходимые их признаки, без которых они одни не передают всей глубины высказывания, вступают в особые синтаксические отношения с основными его элементами и оказываются органически с ними связанными их же спутниками. Все зависит от содержания каждого высказывания в отдельности.

Мы уже имели повод отметить, что выражение объекта действия при ряде глаголов, например при глаголе *брать*, обязательно для передачи законченного содержания сказуемого: *Дачники на том берегу берут урок*. Здесь прямое дополнение не выделяется в качестве второстепенного члена предложения. Оно обязательно, так как сказуемое не получает без него законченного смыслового содержания. Объект оказывается, в данном случае, необходимым членом в построении самого сказуемого и от него не отрывается.[2] Таких примеров много. Иногда сказуемое или подлежащее, законченные по своему содержанию, оказываются не законченными по смысловому значению, которое им придается в данном отдельном высказывании, ср. *Ломоносов — гениальный человек*. В такого рода предложениях принято выделять два главных члена: подлежащее — *Ломоносов* и сказуемое — *человек*. Определение — *гениальный* оказывается уже второстепенным членом. Между тем, это слово по смыслу данного предложения имеет далеко не второстепенное значение. Основной мыслью этого высказывания является утверждение о том, что Ломоносов был «гениальным человеком». Одного лишь констатирования, что Ломоносов был человеком, далеко недостаточно, так же как недостаточным будет ограничение основной мысли А. Чехова одними только подлежащим и сказуемым: *он ездит и он приехал*, когда Чехов имел в виду не простую езду, а *езду каждый день* и не простой приезд, а *приезд сегодня в карете*, ср. *я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете. И я не видел. Колпак!* (А. Чехов, Враги). Последнее слово в этом отрывке из рассказа Чехова передает законченное содержание целого высказывания. Это — предложение, выраженное одним словом. Тем не менее, взятое в отдельности от всего предшествующего изложения, оно не ясно ни по своему собственному оттенку раздражения или сожаления, ни по своей направленности. Не ясно, к кому оно обращено. К тому же, это слово со значением целого предложения как бы подытоживает характеристику, даваемую всему предыдущему контексту. Оно тесно связано со всем предшествующим изложением, является его конечным выводом и в то же время его характеристикой. При таком положении оно сближается с вводным членом эмоционального высказывания.[3] При том оттенке, какой придается этим словом предыдуще-

[1] См. стр. 7.
[2] См. стр. 90.
[3] См. стр. 186 сл.

му тексту рассказа, не менее ясно выделяется в том же отрывке доминирующая роль именно тех, добавляемых в качестве определений и обстоятельств, слов, которые как таковые должны были бы быть отнесены к числу второстепенных составных частей предложения. Между тем, как раз они, по смысловой стороне всей высказываемой мысли, приобретают исключительное значение. Если бы рассказывающий не видел, что интересующее его лицо ездит *каждый день* и что оно приехало *сегодня в карете,* то он не имел бы повода назвать себя колпаком. Следовательно, эти добавочные слова, при таком придаваемом им положении, оказываются обязательными соучастниками передачи основного содержания высказывания. Подходя к ним формально, с точки зрения грамматического построения, они, конечно, находятся в зависимом положении. Примененные к ним синтаксические приемы, примыкание и управление, отмечают их зависимую связь с другими словами. Поэтому, с формальной стороны их можно было бы назвать зависимыми членами предложения. Но применяемые синтаксические приемы передают те синтаксические отношения, которые устанавливаются в строе предложения. Эти синтаксические отношения передают, в свою очередь, те отношения, которые существуют между основными понятиями высказывания. Значит, синтаксические приемы далеко не случайно проводят грамматическими средствами соответствующие объединения слов. Такие объединения выступают в предложении как цельные и неделимые его членения. Они синтаксическим путем выделяются слиянием, примыканием, замыканием, согласованием, управлением, т. е. различными внешними средствами грамматического словосочетания, проводящего одно и то же синтаксическое задание.

К такому выводу приводит вся предыдущая глава, в которой разбирались синтаксические приемы различных типов сочетаний слов. Эти приемы ведут к соединению слов в одно синтаксическое целое, а не к их разъединению на отдельные синтаксические единицы. Если подойти с этой точки зрения к членению предложения, то естественно возникает сомнение в том, можно ли утверждать, что число самостоятельных членов предложения должно соответствовать числу используемых в нем полноценных слов.[1]

Строящееся из слов предложение представляет собой цельную смысловую единицу. Внутри эта смысловая единица спаяна различными грамматическими средствами и представляет собой единое грамматическое целое. Оно, в свою очередь, состоит из отдельных смысловых единиц, получающих свое грамматическое соединение. Такая смысловая и грамматическая единица передается как одним словом, так и словосочетаниями. Последние могут выступать с единым лексическим значением, но могут являться и результатом образования единства синтаксической значимости. Так например, *орлан-белохвост парил в вышине и, по праву сильного, вздумал отнять у ворон их вкусную добычу* (Н. М. Пржевальский, Путешествия, III).[2] Здесь словосочетание *орлан-белохвост* носит лексическое содержание, а *вкусная добыча* пред-

[1] См. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 28, § 10 сл. В других индоевропейских языках прослеживается тенденция к выделению синтаксических групп (Wortgruppen), ср., например, Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, 1920, S. 138, 314; ср. также Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 11. Обратного мнения придерживается А. Мейе, ц. с., стр. 359—374 (по материалам французского языка).

[2] «Путешествия Н. М. Пржевальского, путевые записки», Школьная библиотека, Москва — Ленинград, 1941.

ставляет собой синтаксическое соединение двух слов. Ср. также: *раза два-три случилось увидать дикую козу возле самого берега, куда она приходила напиться речной воды* (там же), где *дикая коза* и *речная вода* могут быть противопоставлены как цельные понятия *домашней козе и морской воде*. Поэтому они выступают со значительной долей содержания лексической единицы. Синтаксические же словосочетания более ясно выступают в такого рода сочетаниях слов, которые имеются в предложении: *огромная площадь мутной воды, низкие болотистые или песчаные берега и далекие горы, синеющие на противоположной стороне,— вот все, что с первого раза представляется тому, кто видит это озеро от истока Сунгачи* (там же). Тут определения при определяемых *огромная площадь, мутная вода,*[1] *низкие болотистые или песчаные берега, далекие синеющие горы* передают не постоянные признаки, свойственные лексической единице, а переходные признаки, присущие уже синтаксическому построению.

Таким образом, словосочетания могут быть разделены на лексические и синтаксические. И те и другие, выступая в предложении, занимают в нем строго определенное место. Лексические словосочетания, конечно, выступают в предложении как одно целое. Здесь нет синтаксического построения, или, вернее, таковое получило лексическое содержание. Следовательно, в нем утратились отношения определения к определяемому. Но и синтаксические словосочетания, дающие отношения определения к определяемому, образуются потому, что, равным образом, передают одно смысловое целое, и с этим единым синтаксическим содержанием они и выступают в своем едином синтаксическом построении. Первые (лексические словосочетания) передают одно предметное понятие,[2] вторые же (синтаксические словосочетания) передают одно понятие, выделяемое в строе предложения. Смысловая сторона предложения ведет к таким синтаксическим объединениям, следовательно, она же выделяет их в своем составе, что и дает членение предложения. При таких условиях синтаксические словосочетания (синтаксические группы) не могут быть поняты иначе, как выделенные в предложении его слагаемые части, ср. *налюбовавшись вдоволь, я выстрелил из ружья. Мигом всполошилось все вокруг: утки закрякали и поднялись с воды, кулички с разнообразным писком и свистом полетели на другое место, черепаха опрометью бросилась в воду* (Пржевальский, Путешествия, III). В этом тексте выделяются синтаксические группы: «поднялись с воды», «опрометью бросилась в воду», «с разнообразным писком и свистом полетели» и др. Эти группы состоят из господствующего слова и зависящих от него, передающих господствующее понятие и его признаки, что и составляет единое синтаксическое построение.

При таких отличительных свойствах построения предложения трудно настаивать на выделении в нем только однослозного членения. Соответствующим коррективом могло бы служить или признание возможности выражения члена предложения отдельной синтаксической группировкой слов, или же выделение зависимых членов предложения, т. е. таких, которые по своему зависимому смысловому положению получают свое

---

[1] *Огромная площадь мутной воды* образует собой одну синтаксическую группу, в которой определения *огромная* и *мутная* характеризуются согласованием, а слово *воды* управляется словом *площадь*, определением которого оно является в этом же синтаксическом построении.

[2] Имеется в виду сочетание имени с именем.

зависимое грамматическое оформление. Поэтому они не занимают самостоятельного в предложении места и включаются в соответствующие упомянутые выше синтаксические группировки, ср. *он — сегодня приехал в карете*. Синтаксическими приемами тут выделяется, кроме подлежащего, синтаксическая группа сказуемого, т. е. сказуемое с двумя к нему относящимися зависимыми членами.

В дальнейшем изложении я останавливаюсь на обоих терминах — синтаксические группы и зависимые члены в синтаксических группах — и рассматриваю структуру предложения под указанным углом зрения. Исходным пунктом для проводимого по этому пути анализа послужит выявление тех синтаксических отношений, которые в различных видах устанавливаются между составными частями предложения, а пособием для их выявления служат затронутые в предыдущей главе синтаксические приемы.

2. ПОСТРОЕНИЕ СЛОВА И ПОСТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Синтаксическими приемами устанавливается связь слов в предложении и тем самым выявляется их синтаксическое в нем значение. Слово имеет свою семантику и с нею вступает в строй предложения, где получает семантическое уточнение или само, в своем собственном содержании, или добавлением к нему других, в этих целях используемых слов. Тем самым лексический состав языка приобретает различные свойства, которые ведут к выделению частей речи. В связи с этим на очередь ставится вопрос, с одной стороны, о взаимоотношениях слова и предложения, а, с другой,— об отношениях частей речи к членам предложения. Лишь в этой общей постановке уточняется значение как тех, так и других.

Слово обладает своей лексической значимостью, иначе оно не выделялось бы в языке как слово. Но в то же время оно, представляя в речи выражение определенного предмета или понятия, не выступает полным выразителем основной функции языка, коммуникации, если остается лишь таким общим выразителем понятия или предмета вне определенных условий действительности. Только при этих условиях слово становится полноценным элементом речи.[1] Последнее достигается уже в предложении, которое, в свою очередь, выдвигает в своем построении составные части, именуемые членами предложения. Слово же, попадая в предложение, где оно и выступает в своей основной роли средства общения, занимает в нем соответствующее место, т. е. вступает в состав того или иного члена предложения и выражает его. Слово, при таких условиях, должно участвовать в предложении, иначе оно утрачивает возможность служить средством коммуникации.[2] Если же оно одно удовлетворяет требованиям общения, являясь законче-

---

[1] Даже и это общее положение, свойственное всем языкам, имеет свои особенности в отдельных из них, например в тех, в которых используются инкорпорированные комплексы слова-предложения. Здесь весь комплекс представляет собой одно цельное выражение, но с какими свойствами выступает в нем то «слово», о котором сейчас идет речь, это еще не получило общепризнанного окончательного разъяснения. Примеры см. на стр. 23 сл.

[2] Ср. А. А. Потебня: «Изолированного слова в действительности и не бывает. В ней есть только речь. Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни, тем более, формальных свойств, потому что их не имеет». (Из записок по русской грамматике, 1888 г., часть I, стр. 32). Критику данного высказывания А. А. Потебни см. В. В. Виноградов, Современный русский язык, I, 1938, стр. 110.

ным в этом отношении выражением, то оно уже содержит в себе основные свойства предложения и является таковым, хотя бы и не сопровождалось иными словами. С другой стороны, и сам член предложения не представляет собой чего-то теоретически отвлеченного, а является вполне реальным синтаксическим построением, которое невозможно без использования слов. Таким образом, вопрос о частях речи и членах предложения сводится в конечном итоге к вопросу о слове и предложении. На этих двух единицах речи и придется сосредоточить свое внимание.

Выдвигая в языке две основные единицы речи,— слово и предложение, мы имеем для первой из них деление на части речи, а для второй — деление на члены предложения.[1] В частях речи традиционная грамматика усматривает морфологические показатели, а в членах предложения — синтаксические, но, как мы только что видели, такое разделение не вполне точно, так как и в некоторых показателях слов содержится синтаксическое выражение. Следовательно, ряд морфологических показателей носит синтаксический характер. Это, впрочем, не отрицают и действующие грамматики, разделяющие морфологические показатели на словообразующие (лексические) и словоизменяющие (синтаксические). Если сохранить такое понимание морфем, что представляется мне вполне уместным, то понимание синтаксических показателей, в их противопоставлении морфологическим, становится до известной степени условным, так как часть их входит в состав последних (например, именительный падеж как падеж подлежащего и как падеж склоняемого имени, и т. д.).[2]

Построение слова, при данных условиях, может выполнять две функции, в зависимости от того, задание какой единицы речи оно обслуживает, т. е. идет ли оно по линии построения слова как такового, или же как участник в построении предложения. Чтобы уточнить себе эти функции, нужно учесть специфические особенности каждой единицы речи в отдельности. Обе эти единицы речи имеют свои смысловые задания: слово, взятое в отдельности, носит в себе лексическое задание, предложение же, составленное из слов,—синтаксическое. Лексические задания в построении слова имеют в виду уточнение содержания передаваемого им понятия или предмета, образование слова с новым содержанием и пр. Поэтому, такие приемы, как наращение к корню вспомогательных частиц или слов, ударение и перемены в нем и т. д., носят лексическое значение тогда, когда ими уточняется или изменяется содержание самого слова, например, *окно, подоконник; приятель, неприятель* и др., тут же сложные слова типа *самоцвет, пароход* и пр., или семантически отличаемые слова переносом ударения *мука́, му́ка, за́мок, замо́к* и т. д.[3] Здесь изменяется содержание слов, образуя новые понятия, новые слова, обогащающие лексический состав языка. Такого рода изменения формального характера содержат свою смы-

[1] См. о том же Э. Сепир, Язык. Рус. перевод, 1934, стр. 28 сл.

[2] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, 1940 г., стр. 27—35, 41, где проводятся различия между морфемами лексического значения (лексемы) и морфемами синтаксической значимости (синтаксемы), например, в слове *стол-ик-у* имеется *-ик-* — лексема и *-у-* — синтаксема.

[3] Ударением в данном случае уточняется смысловое содержание двух различных слов. Возможны случаи, когда ударение, выполняя то же задание, противопоставляет слова, обособившиеся от одной общей основы в результате их синтаксического использования. Таким путем получилось, например, наречие *верхо́м*, отличаемое от творительного падежа имени существительного *ве́рхом*.

словую сторону (свою семантику), они имеют определенное значение, без которого существовать не могут, так как само изменение формальной стороны слова имеет определенное смысловое назначение. В основном, это будут изменения по линии нового словообразования, приемы лексического изменения слова в его семантике и т. д., а не те формальные изменения слова, которые не связаны с изменением его содержания, как то: перемена в построении одного и того же слова, вызванная различными причинами исторического порядка (ср. *есть ли, суседи* и современное литературное *если, соседи* и т. п.).

Построение предложения тоже имеет свою смысловую сторону, свою семантику. Случайный набор слов не образует предложения, так же как случайное сочетание звуков не образует слова. Формальная сторона слова и предложения обусловлены своим содержанием. Как предложение, так и слово являются носителями выраженной в них семантики и благодаря ей получают свое внешнее оформление. В частности, эмоциональные выкрики, передающие индивидуальное настроение или ощущение, становятся словами только тогда, когда они утрачивают индивидуальное значение, получают общественную значимость и входят в общественную практику. В последнем случае эмоциональные выкрики перестают быть таковыми и обращаются в слова. Они только в этом случае включаются в общий словарный запас языка, образующийся в своем основном составе совсем другими путями. Семантика, установленная общественной практикой, обязательна для каждого слова и для каждого предложения. Не только служебные слова, но даже служебные показатели, лексические и синтаксические (аффиксы и пр.), содержат свою лексическую или синтаксическую значимость и не случайны в своем действующем оформлении. Все они имеют свою историю.

Значение каждого грамматического элемента связано с его функцией. Он может быть использован только в пределах, определяемых его смысловым содержанием и допустимыми оттенками последнего. И здесь одна формальная только сторона далеко не достаточна для его же определения с той же грамматической стороны. Так, например, одна и та же служебная частица, в зависимости от различного использования ее в различных значениях, может оказаться и лексическим и синтаксическим показателем (ср. *под-снежник и под снегом*).[1] В том же положении находится всякая формальная сторона в человеческой речи. Поэтому, при анализе строя предложения приходится обращать усиленное внимание на смысловую его сторону.

Семантика предложения получает свое формальное выражение как в построении синтаксически использованного слова, следовательно каждого слова, оказавшегося в строе предложения, так и в построении сочетания слов. Это формальное выражение смыслового значения предложения, в отличие от упомянутого выше лексического, носит наименование синтаксического и имеет свои формальные показатели. Число и направленность таких показателей варьируются в различных языковых системах так же, как и внешняя их форма. Кроме того, различные языковые системы используют разнообразные приемы передачи синтаксических отношений между составными частями предложения, чем и обусловлено многообразие применяемых в строе предложения синтаксических показателей. Разнообразится и сама структура предложения.

[1] Такие же различия в лексической и синтаксической функциях имеет и упомянутое выше ударение, ср. *мука́, му́ка* (ударение использовано в лексических заданиях) и *воды́, во́ды* (ударение различает падеж и число).

3. ИНКОРПОРИРОВАННОЕ СЛОВО - ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Своеобразное построение предложения представляют собою упомянутые в предыдущей главе инкорпорированные комплексы, встречающиеся в ряде северных (палеоазиатских) и американских индейских языков, например, чукотское *тымяин'ылявтыпыгтыркын,* которое в одном сложно-составном построении передает русское предложение: *у меня очень болит голова.* Предложение в этом инкорпорировании передается путем слияния воедино ряда отдельных слов: *ты* — «я», *мяйн'ы* — «большой», *лявты* — «голова», *пыгты* — «раздувание», *ркын* — «делание». В приведенном чукотском примере мы имеем не сочетание слов, а слияние их в одну словесную форму. Но, поскольку в ней содержится и субъект и предикат, постольку же это построение нельзя считать лексическим. В нем содержится выражение целого предложения, внешне переданное инкорпорированием. Следовательно, в данном случае, инкорпорирование оказалось синтаксическим приемом, и все построение придется признать синтаксическим.

В том инкорпорировании, которое дает приведенный выше чукотский пример, решающим является конечный итог, полученный в результате применения этого синтаксического приема. В итоге оказалось соединение всего содержания предложения в одно целое сложного построения слова, причем содержание предложения передается в такой внешней форме, по которой разбивка на члены предложения является вовсе устраняемой. Словарный состав языка, при этих условиях, выступает в своих морфологически неоформленных основах, которые, по своей семантике, могли бы относиться к различным частям речи, но при отсутствии выделившихся членов предложения и аморфном состоянии соединяемых основ трудно судить, к какой части речи они могли бы принадлежать. Каждый член предложения имеет свои синтаксические показатели, которые характеризуют его в его самостоятельном положении в предложении. В данном же примере нет обособленного положения слагаемых частей, единственным же их показателем является прием размещения оголенных основ. Этот прием не дает в разбираемом нами виде инкорпорирования выделенных членов предложения, но все же дает внешнее построение цельного высказывания.[1]

Отсюда ясно следует, что синтаксические задания передачи предложения могут выражаться и в одном слитном и даже простом словесном построении. В нем имеются не элементы синтаксиса, а точно выраженная синтаксическая конструкция, подчиненная определенным правилам синтаксического сочетания. Таким образом, тут в полной мере выступает определенный синтаксический прием. Все же использование одного и того же синтаксического приема вовсе не означает тождества члена предложения и части речи. Такого тождества нет в приведенном примере инкорпорирования. Его нет прежде всего потому, что в данном инкорпорировании отсутствуют и член предложения и часть речи.

Если чукотский пример отнесен мною к числу инкорпорирующих, так как он включает в себе основные части предложения, то на этом основании и русские глаголы в личном их оформлении, казалось бы, не так уж далеки от такого же инкорпорирования. И в них субъект

[1] Примеры и анализ подобного рода инкорпорирований по материалам гренландских эскимосов можно найти в работе F. N. Finck, Die Haupttypen des Sprachbaus, «Aus Natur und Geisteswelt», Band 268, 2 Auflage, 1923, S. 31 f.

действия или состояния (*читаю, болею* и др.) выступает с достаточной полнотой в своем соединении с предикатом. Но субъект в глаголе индоевропейских языков передается показателями, не имеющими значения самостоятельных слов, так как личные показатели в этих глаголах не употребляются вне глагольного построения. Между тем, составные части чукотского инкорпорирования могут быть использованы в том же языке самостоятельно в роли имен существительных, местоимений и глагола.[1] В этом заключается формальное отличие обоих типов слитного соединения различных элементов высказывания. В одном случае, в чукотском примере, инкорпорированные элементы (субъект, предикат, объект) выражены лексическими единицами (словами), не дающими в своем слиянии членов предложения и не уточненными в своей принадлежности к той или иной части речи. В другом же случае, в индоевропейском глаголе, выражение субъекта личным показателем не отвечает требованиям лексической единицы, и личные показатели не используются как отдельные слова. Они присоединяются к другому слову, образующему в данном случае сказуемое и выступающему в этом члене предложения как глагол.[2]

4. ИНКОРПОРИРОВАННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В том же различном отношении к членам предложения и частям речи находится и другой вид инкорпорирования.[3] Последний оказывается в этом случае только внешним приемом, применяемым в самых различных заданиях как синтаксиса, так и лексики. Подобного рода процесс слияния лексически обособленных слов вовсе не ограничивается отмеченными выше примерами. Он имеет весьма широкое употребление, причем различие в синтаксической и лексической роли объединяемых общим приемом слов выступает не только при сравнении иносистемных языков, например индоевропейских с северными (палеоазиатскими), но и внутри одной языковой группы и даже одного и того же языка.[4]

В чукотском *тамваыргхын* — «хорошая жизнь (хороший обычай)» — определение *там* — «хороший», конечно, не является отдельным членом предложения. Никому не приходит в голову мысль о наличии в *тамваыргхын* двух членов предложения. Этому прежде всего противоречит слитность написания, так как для двух членов предложения требуется, по крайней мере, два отдельных слова. Слитное же написание в этих языках вовсе не случайно и не ошибочно. Каждое высказывание содержит свои основные элементы, которые получают отдельное выражение в предложении, что в известной мере содействует дифференциации слов, выделяемых на отдельные синтаксические позиции.

Оказывается, таким образом, что чукотское *тамваыргхын* и русское *хорошая жизнь* различаются не тем, что в последнем будто бы выступают два самостоятельных члена предложения. Основное их

---

[1] Примеры см. на стр. 27.

[2] Подробнее об инкорпорированных построениях см. стр. 23—33.

[3] Инкорпорирование бывает полное, охватывающее все предложение, и частичное, охватывающее член предложения, см. на стр. 23 сл., 26 сл.

[4] Например, в чукотском и юкагирском языках, наряду с инкорпорированием отмеченного выше типа, используется и словосочетание. Последнее к тому же превалирует. Оно, а не инкорпорирование, еще бытующее в живой речи, ложится в основу развивающегося литературного языка

отличие заключается главным образом в том, что то, что в чукотском языке пишется слитно, получает в русском языке раздельное написание. Чукотское начертание вполне закономерно, так как слияние слов подтверждается общностью ударения и подчиняется тем же законам гармонии фонем, каким подчиняются слитные слова. Но и русское раздельное написание, равным образом, вполне законно, потому что определение в русском языке получает свои специфические синтаксические показатели, выражаемые согласованием в роде, числе и падеже. Следовательно, различие тут будет в известной степени формальным. Другими словами, мы имеем здесь два различных приема передачи тех же синтаксических отношений, отношений определения к определяемому. В чукотском языке они передаются слиянием, а в русском согласованием.[1]

Как в русском языке, так и в чукотском наличествует в данном случае синтаксический прием. И как бы чукотское слияние ни воспринималось близко к лексическому, все же в современном состоянии языка ясно осознается синтаксическое соединение.

Устанавливая, таким образом, синтаксический характер сочетания определения с определяемым, выраженного различными приемами слияния (инкорпорирования), парного написания (примыкание), согласования и т. д., мы, вместе с тем, опираясь на использованные синтаксические приемы, можем выявить и их значение в строе предложения. Не только определение, но и дополнение может получить зависимое в нем положение. Мы это уже видели, когда рассматривали различные способы выражения синтаксических связей при замыкании и в особенности при управлении.[2] Сейчас приходится возвратиться к тому же вопросу и использовать те же данные, какие приводились выше. Тогда, при обзоре различных способов передачи синтаксических отношений, наше внимание сосредоточивалось на самих этих способах, как на технической стороне синтаксического построения. Сейчас нас уже интересуют сами получившиеся синтаксические группировки, которые выделяются своими особыми внутри их отношениями и внешне выявляются теми или иными материальными средствами (теми или иными синтаксическими приемами). Мы приближаемся теперь к разрешению вопроса не о том, как соединяется, а о том, что соединяется, что выделяется в предложении и занимает в нем свое место. При анализе процесса членения предложения этого вопроса обойти нельзя.

5. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ЗАВИСИМЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выделяемые синтаксические группы образуют основной массив распространенного предложения. Основные его слагаемые части обрастают их определяющими словами, с которыми они выступают как одно целое, сами разбиваясь внутри себя на составные части. Получается в итоге основное членение предложения и внутреннее. Эти два членения: внешнее (всего предложения) и внутреннее (в пределах его основных частей) придают неодинаковое положение выступающим в них словам. Одни получают самостоятельное в предложении значение, зависящее от его смысла и от его структуры в целом. Другие выступают с зависимым значением от одного из основных членов предло-

[1] См. стр. 26 сл., 42 сл.
[2] См. стр. 50 сл., 74 сл.

жения. Образуются синтаксические группы. Первые будут основными членами предложения, главными и второстепенными, судя по своему в нем положению, вторые окажутся уже зависимыми членами предложения. Господствующими для последних выступают те основные члены предложения, к которым они по смыслу относятся и за которыми формально закрепляются. Получается разбивка предложения на части, соответствующие выделяемым в нем основным понятиям. Одни из этих частей выступают однословно, другие — словосочетанием, или словослиянием при инкорпорировании. В итоге получается строй целого предложения с законченным содержанием высказывания.

В русском предложении *снеговые горы производят грандиозное впечатление* выделяются, в связи со всем сказанным выше, только два основных членения предложения. Оба они даются в развернутом виде, т. е. представляют собой синтаксическое соединение, выраженное, в данном случае, средствами согласования и управления. Подлежащее в только что приведенном примере передается синтаксическим сочетанием слов. Здесь имеются в виду не просто горы, которые могут и не производить грандиозного впечатления, а именно «снеговые горы», которые и оказываются грандиозными. Что касается сказуемого, то оно в этом контексте не ограничивается одним только словом *производят*. Это слово само по себе не дает законченного содержания сказуемого. *Снеговые горы производят* не передает полного высказывания и потому не является предложением, хотя в нем, по обычному утверждению грамматики, наличествует и подлежащее и сказуемое. Сказуемое, как и все основные члены предложения, должно выражать законченное понятие. Если его нет, то и сказуемое оказывается неполным. Законченное содержание сказуемого при выступающем в нем глаголе «производить» требует включения в состав своей синтаксической группировки также и объекта, а так как при этом объекте имеется еще и определение, то и оно включается в ту же синтаксическую группу, вне которой не получает самостоятельного в предложении значения. При таких условиях в указанном примере выступают не пять самостоятельных членов предложения, а только два: подлежащее и сказуемое. Остальные же три члена предложения не самостоятельны. Их, как указывалось выше, придется отнести к членению внутри синтаксической группы, развернувшейся при основном члене предложения. Здесь они оказались членами синтаксической группы, поэтому они могут быть названы также и членами предложения, но зависимыми, а не самостоятельными, значит, и не второстепенными, которые все же самостоятельны. [1]

Все зависит от того, с какой точки зрения подойти к развернувшейся синтаксической группе. Она получилась благодаря включению в предложение характеризующих признаков, которые, придаваемые главному члену, расширяют его охват. Получается расширенное выражение главного члена, который, оказавшись уже в синтаксическом окружении других слов, все же выделяется в их составе и остается в синтаксической группе в том же господствующем положении. Подлежащее остается подлежащим и окружается зависимыми от него членами. Таким путем строится синтаксическая группа подлежащего, в состав которой входит само подлежащее и ряд зависимых от него членов. Подлежащее сохраняет свое оформление то же, какое имеет

[1] О второстепенных членах предложения, более самостоятельных по своему положению, см. ниже, на стр. 151.

оно и без синтаксического окружения. С этим своим оформлением оно выступает и в синтаксической группе, все остальные сочлены которой подчиняются этому оформлению или согласованием, или управлением, или примыканием и замыканием.[1] То же самое имеет место и в группе сказуемого, состоящей из самого сказуемого, занимающего в группе господствующее положение, и из относящихся к нему и зависящих от него членов — обстоятельств, а в приведенном выше примере — даже и дополнения. В группе сказуемого *производят грандиозное впечатление* в зависимом положении, как мы видели, находится сам объект (прямое дополнение). Таким образом, приведенный пример — *снеговые горы производят грандиозное впечатление* — дает два основных членения предложения: синтаксическую группу подлежащего и синтаксическую группу сказуемого, в которых выступают главные члены и зависимые. Главные члены, окруженные их характеризующими признаками, сами оказались уже в составе соответствующих синтаксических групп. Здесь к ним присоединились зависящие от них члены предложения, тяготеющие к ним и по смыслу всего синтаксического построения и по своему грамматическому оформлению.[2]

Так обстоит с данным примером. В других случаях, при ином смысловом содержании контекста, может получиться иное сочетание слов в предложении и иные построения синтаксических группировок. Так, например, с другим глаголом, при котором прямое дополнение становится свободным, рамки синтаксической группы сужаются, и объект выходит за ее границы. Сказуемое и без объекта может выступать с законченным содержанием даже при глаголах переходной семантики. Такое свободное дополнение отходит от глагола и становится в предложении на более самостоятельное место. Оно добавляется или опускается уже по смысловому заданию всего высказывания, ср. *он долго думал и, наконец, сказал* (законченное высказывание) и *он долго думал и, наконец, сказал свое решающее слово* (тоже законченное высказывание).[3] В приведенных двух контекстах прямое дополнение во втором занимает свободную позицию. Оно может присоединяться к уже законченному высказыванию, расширяя его семантическую сторону. В этом случае прямое дополнение выступает уже самостоятельным членом предложения, но не главным, так как суждение может быть выражено и без него.[4] В то же время оно не стоит в тех же зависимых отношениях к другим словам, о которых шла речь раньше. Обособившееся от сказуемого, и без него закончен-

---

[1] Здесь уже нет того самостоятельного оформления членов предложения, о котором говорит А. Мейе (Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 359 сл.).

[2] Применяя учение акад. А. А. Шахматова о членах коммуникаций (см. ц. с., стр. 21—29, §§ 4—10), мы имеем следующие определения: члены коммуникации — господствующий и зависимый члены мышления: представление о субстанции (субъект высказывания) при наличии представления о его признаке или комплексе признаков (предикат). Основные членения предложения — синтаксически выделяемые его членения с законченным содержанием передаваемого понятия. Члены предложения — синтаксически оформленная единица речи, передающая господствующее или зависимое понятие; главный член предложения, не сопровождаемый зависимыми, выступает один выразителем основного членения предложения, зависимый же член лишь вместе с главным выступает в основном членении. О второстепенных членах предложения см. ниже.

[3] Аналогичные примеры см. выше на стр. 84 сл.

[4] Только в этом случае можно сослаться на А. Мейе и видеть, как и он, то дополнение, которое в своем оформлении зависит не столько от глагола, сколько *от* выражаемого смысла, см. А. Мейе, ц. с., стр. 362.

ного по своему содержанию, такое дополнение выступает второстепенным членом предложения. В том же положении, как увидим ниже, выступают и косвенные дополнения. [1]

Устанавливаемые таким способом границы синтаксических групп непосредственно отражаются на всем членении предложения и ведут к уточнению вопроса о классификации членов предложения. Некоторые выводы в этом направлении уже были сделаны. Они сами собою вытекали из обзора того материала, который пока представился случай привлечь. Действительно, материал самых различных языков говорит за необходимость особого выделения зависимых членов предложения, но этим еще далеко не заканчивается проблема, связанная с основным определением членов предложения в их выделяемом составе, т. е. главные, второстепенные и зависимые. Мы увидим, что некоторые из них могут занимать различное синтаксическое положение. О них еще придется говорить особо, когда мы перейдем к обзору каждого члена предложения в отдельности. В настоящее время меня интересует, главным образом, выделение внутри предложения синтаксических групп, их границы и свойства. Как мы видели, синтаксические группы имеют свои основания к их выделению. Они сами отделяются от другого состава предложения тем внутренним их объединением, которое проводится соответствующими синтаксическими приемами. Эти группы образуют собою внутреннее членение предложения и имеют свои особенности. В частности, ими устанавливаются характерные свойства зависимых членов предложения.

То, что синтаксические связи между главными членами предложения обладают другими свойствами, чем синтаксические связи между ними и зависимыми членами, это подтверждается многими характерными их отличиями. Так, в русском языке, при его исключительных особенностях в четкости оформления каждого члена предложения, может быть допущено перенесение последнего без коренного нарушения основного содержания предложения. Спряжение глагола, постановка имени в определенном падеже уточняют синтаксическую значимость носителей этих форм в контексте всего высказывания. И все же, даже при этих условиях, известной четкости в оформлении самого слова, используемого в синтаксическом построении предложения, расчленение установленных словосочетаний, например определения с определяемым, встречается лишь в особых случаях экспрессивной речи, ср. *впечатление производят снеговые горы грандиозное,* а также в речи стихотворной: *других причудниц я видал самолюбиво равнодушных* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин). [2]

Синтаксические группы оказываются тесно связанными внутри своего построения. Они входят в состав предложения как его часть, спаянная примененными синтаксическими приемами. Но соединенные таким путем компоненты комплекса оказываются по отношению друг к другу далеко не в равноправных отношениях. Нам уже приходилось говорить о том, что одна часть комплекса выступает как ведущая, другие же части добавляются к ней как детализирующие ее семантику. Последние по своему смысловому значению тяготеют к ведущему члену и подчиняются ему в своем синтаксическом оформлении. Их присутствие в предложении связано с его присутствием, без него

[1] См. стр. 151 сл.

[2] См. о том же у А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 33 (§ 15), 302 (§ 404), 309 (§ 414).

им нет места в предложении, тогда как наличие или отсутствие ведущего члена зависит уже от конструкции всего предложения. Поэтому дополнительные слова синтаксической группы, выступающие в ней зависимыми членами, могут опускаться при сохранении ведущего слова. Изъятие же последнего влечет за собой исчезновение из состава всего предложения всей связанной с ним группы слов. В этом случае изъемлется из предложения целый его член со всеми сопровождающими его зависимыми членами.[1]

В таком подчиненном состоянии находится каждый зависимый член предложения. В этом заключается особенность последнего и его отличие от главных и второстепенных членов, при которых он состоит в зависимой от них связи. Остановимся на одном примере: *в докторском халатике, без шляпы, Клебе стоял на открытом балконе* (К. Федин, Санаторий Арктур, I). В этом примере выступают все затронутые нами разновидности членений предложения. Имеется подлежащее и сказуемое *Клебе стоял*. Ими передается основное содержание высказывания. Их присутствие в данном предложении обязательно, так как в них выражается субъект и предикат суждения. Это — главные члены предложения. Несколько обособленно, как вставка в предложение дополнительных членов, наличие которых обусловлено контекстом, но присутствие которых не обязательно для законченного высказывания, стоят косвенные дополнения *в халатике* и *без шляпы*. Это — самостоятельные, но второстепенные члены предложения. К перечисленным самостоятельным членам, подлежащему, сказуемому и косвенному дополнению, присоединяются к ним относящиеся определение *докторском* (к косвенному дополнению) и обстоятельство места *на балконе* (к сказуемому). Это — зависимые члены. Последний из них имеет при себе свое определение *открытом* (зависимый член при зависимом от сказуемого члене, что в своей совокупности образует синтаксическую группу сказуемого). Имн поясняется содержание самостоятельных членов предложения, при которых они занимают зависимую позицию и с которыми они формально объединяются управлением, согласованием и замыканием. Таким образом, в приведенном примере выступают самостоятельные (независимые) члены и ряд зависимых от них членов предложения, которые вместе с ними образуют синтаксические группы, разбивающие все предложение на следующие членения: *в докторском халатике — без шляпы — Клебе — стоял на открытом балконе*. Когда, по содержанию контекста, не потребуется наличия здесь уточняющих признаков, они, без нарушения структуры предложения, отпадут, причем обстоятельство места *на балконе* увлечет за собой и зависимое от него слово *открытом*. Останутся только самостоятельные члены предложения, и все отмеченные синтаксические группы снимутся вместе с зависимыми членами, ср. *в халатике — без шляпы — Клебе — стоял*. Оказывается, таким образом, что все зависимые члены входят в состав соответствующей синтаксической группы при том или ином самостоятельном члене предложения, при главном или второстепенном.[2] Зависимый член может

---

[1] Помещение в предложении зависимых членов, как мы видим, имеет непосредственным своим итогом образование синтаксической группы.

[2] В этом предложении местоположение его самостоятельных членов играет значительную роль. Так, например, *в докторском халатике, без шляпы,* отделенное от сказуемого подлежащим, получает во всем тексте более самостоятельное значение, так же как и определение при инверсии приобретает несколько иное синтаксическое

оказаться признаком также и другого зависимого члена (ср. *на открытом балконе*). Но от этого положение зависимых членов не меняется, получается лишь более расширенная синтаксическая группа, ср. *молча стоял на высоком открытом балконе*. Сказуемое обросло аттрибутивными уточнителями, как ведущее понятие, окруженное своими признаками. Образуя собою синтаксическую группу, зависимые члены вне этой группы и не существуют.

6. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ЗАВИСИМЫЙ ЧЛЕН В СОСТАВЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Одним из наиболее показательных зависимых членов является определение. Определение и определяемое, как мы только что видели, представляют собою единую, тесно связанную синтаксическую группу, в которой определяемое выступает ведущим членом, а выразители присущего ему признака, определения, выступают зависящими от него членами. Ведущий член синтаксической группы представляет ее в основном построении предложения. Там он занимает место среди самостоятельных членов, участвует в основном составе предложения и входит с остальными такими же членами в свои синтаксические отношения. Оформление его зависит не от синтаксической группы, в которую он включается, а от места, занимаемого им в строе предложения, как основным соучастником его конструкции. Здесь, в основном составе предложения, он выступает или главным, или второстепенным его членом. Таким он и остается, когда сам в свою очередь разрастается прибавлением к нему отдельных выразителей его признаков. Последние семантически от него не отделимы. Господствующее понятие с его признаками, заключенными в нем самом или представленными другими словами, остается единым по своему содержанию.[1] Это единство, придающее единое содержание всему получившемуся словосочетанию, выражается, в частности, и в том, что определяемое имя, носитель признака, может оставаться неясным в своем значении без соответствующего сопровождения внешним выразителем данного признака. Например: *если встретите человека белее мела, худющего, худей, чем газетный лист — умозаключайте смело: или редактор или журналист* (В. Маяковский, Газетный день). Здесь, конечно, имеется в виду *человек белее мела, худющий, худей, чем газетный лист*, а не просто *человек*, с которым вы встретитесь.[2]

Определение, и по своей семантике и по форме, неразрывно связано с определяемым словом. Передавая его признаки, иногда весьма существенные, оно во всех случаях не выходит из зависимой связи и одно, само по себе, не передает законченного понятия. Когда мы брали пример с Ломоносовым, признаваемым *гениальным* человеком, то и тут, при всем превалирующем значении слова *гениальный* перед простой характеристикой Ломоносова как человека, все же это слово без

содержание, ср. *открытый балкон* и *балкон открытый*. Если те же слова, которые выступают здесь как косвенные дополнения, связать со сказуемым, примкнув их к нему, то они же получат значение, близкое к обстоятельственным словам, ср. *Клебе стоял в докторском халатике*.

[1] Я имею здесь в виду господствующее понятие в пределах синтаксической группы, а не господствующее понятие коммуникации.

[2] Аналогичные примеры см. на стр. 108.

связи с *человеком* не передает того, что содержит в себе данное словосочетание. *Гениальный* может быть ученый, путешественник, проект, изобретение и т. д. Определение выражает не свой собственный признак, а признак другого имени. Определение выявляет тот признак, который без него может и не выступать с достаточной яркостью,[1] но и в последнем случае это будет все же признак не определения, а определяемого слова. Поэтому определение всегда выступает зависимым членом. Другим оно и не может быть. Такова основная его синтаксическая функция, обусловливающая необходимость словосочетания в виде единой по содержанию синтаксической группы. При таких условиях определение не может выступать в самостоятельной позиции. Если оно остается без определяемого слова, то воспринимает на себя выражение предметности и перестает быть признаком имени существительного. Прилагательное в этом случае субстантивируется, ср. *командующий, учащийся, ванная, столовая* и т. д. Определение, выражая признак предмета, должно ему сопутствовать и потому из положения зависимого члена никогда не выходит. Выйдя из этого состояния, оно перестает быть определением и из зависимого члена обращается в самостоятельный член предложения, ср. *столовая посуда стоит на буфете* и *столовая находится рядом со спальней.* В первом примере мы имеем определение в составе синтаксической группы подлежащего, а во втором примере — одно подлежащее. В первом случае выступает прилагательное, а во втором — имя существительное.

Выступая только в синтаксической группе и занимая в ней зависимое положение, определение получает зависимое оформление. Носителем основного оформления остается определяемое слово. Последнее получает свою синтаксическую форму вне строя синтаксической группы, и по нему равняются все остальные сочлены той же группы. При инкорпорировании к определяемому присоединяются путем слияния зависимые от него компоненты инкорпорированного построения.[2] В аморфном строе эти же зависимые его сочлены к нему присоединяются примыканием.[3] Даже в некоторых языках, представителях морфологического строя, все оформление остается за ведущим членом. Так, например, в тюркских языках только он изменяется по числам и падежам, стоящие же при нем определения, как общее правило, не оформляются, но воспринимаются как стоящие в той же форме, в каковой стоит слово, к которому они примыкают.[4] В тех же языках, в которых оформляется и определение, последнее получает подчиненную форму или путем согласования, или управлением.

Связь определения с определяемым, образующими одно синтаксическое целое, наиболее ясно выступает в аморфном примыкании. Падежно неоформленное определение оказывается, в этом случае, более показательным, чем падежно согласованное. Когда выразителем синтаксически требуемой падежной формы оказывается одно определяемое имя, тогда стоящее при нем определение, хотя и оказывается па-

---

[1] На эту тему с исключительно интересным докладом выступила проф. Е. С. Истрина на заседании общего собрания Института языка и мышления 3 января 1943 г. в г. Алма-ата. Е. С. Истрина дает обзор определений различного семантического значения и по этому признаку устанавливает различные их группировки и различное их значение в синтаксическом построении предложения.

[2] Примеры см. на стр. 67.

[3] См. стр. 64, 241.

[4] Примеры см. на стр 67.

дежно неоформленным, но продолжает оставаться в том же синтаксическом положении единой синтаксической группы, носительницы данного синтаксического выражения. Таковы приведенные выше построения тюркских языков.[1] Синтаксическое оформление, характеризующее всю синтаксическую группу, сосредоточивается в одном ее члене, в данном случае в определяемом имени, ср. ойрот. *бийик туу* — «высокая гора», *бийик тууларр* — «высокие горы», *бийик тууларды кördим* — «высокие горы я видел», *бийик карлу туулары körуне берди* — «высокие снежные горы показались», и т. д.[2]

Еще нагляднее, но несколько в ином роде выступает то же синтаксическое единство в ряде языков с постпозиционным положением определения. Так, например, в адыгейском языке, в котором падежные показатели суффиксируются, качественное определение ставится после определяемого слова.[3] Оно смыкается с этим словом, но в то же время оказывается само выразителем падежного и числового выражения, оставляя аморфным определяемое им имя. Здесь, исходя из формальной стороны, можно было бы признать, что определение выступает основным звеном всего наличного сочетания слов. Формально, оно так и будет, но, конечно, эта внешняя сторона построения обязана тому, что весь синтаксически соединенный состав слов воспринимается в его неразрывной связи. Получается словосочетание, близкое к инкорпорированию, а может быть, и само инкорпорирование, ср. адыгейское *лIыжъы-р* — «старик» (прямой падеж), *лIыжъы-м* — «старик» (косвенный падеж); с прибавлением определительного слова *шIу* — «хороший»: *лIыжъы-шIу-р* — «старик хороший» (прямой падеж), *лIыжъы-шIу-м-э* — «старики хорошие» (косвенный падеж множ. числа).[4]

Восприятие тесной связи определения с определяемым приводит их, в этом случае, к слиянию. Такие слившиеся синтаксические построения получают единое общее оформление, суффиксируемое согласно действующим правилам адыгейского языка и оказывающееся в конце всего образующегося синтаксического целого. Исследователи адыгейского языка утверждают, что подобного рода сочетания слов «имеют одно общее окончание падежей и чисел, которое присоединяется к последнему из определений. Все определения вместе с определяемым имеют одно общее словоударение, которое стоит на последнем из определений (если оно состоит не из одного открытого слога). Наконец, как определяемое, так и определение, связанные вместе, могут подвергаться известным фонетическим изменениям, т. е. во взаимной связи каждое из них может произноситься не так, как оно произносится в отдельности — в качестве отдельного дополнительного слова или сказуемого»,[5] ср. адыг. *джэнэ-дэгъу* — «рубаха хорошая» (из *джан* и *дэгъу*), *кIэлэ-лъаг* — «юноша высокий» (из *кIалэ и лъаг*), и др.[6]

Если такое словосочетание разбить на его составные части, то ведущее смысловое значение останется, конечно, за определяемым именем, и если не оно оказывается падежно оформленным, ср. адыг. *джэнэ-дэгъу-м* — «рубаха хорошая» (косвенный падеж), то лишь потому, что

[1] См. стр. 67.

[2] См. Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, 1940, стр. 261.

[3] Относительные определения, наоборот, занимают препозиционное место, давая построение, сходное с тюркским.

[4] См. Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, 1941, стр. 267.

[5] См. там же, стр. 78.

[6] Там же, стр. 418.

не отрывается от своего определения. Последнее и здесь, оторванное от определяемого, не дает законченного содержания. Тут получается как бы замыкание определения характеризуемым им именем и его падежным окончанием, ср. *джанэ-м* — «рубаха» (в косвенном падеже), между которыми оно и помещается. В этом случае имеется как бы нечто подобное замыканию определения предложно оформленным именем в индоевропейских языках, ср. русск. *у хорошей рубахи.*[1] Но падежное окончание не есть слово, и потому в адыгейских примерах не может быть замыкания. Тут использован другой синтаксический прием для передачи тех же синтаксических отношений, как то: слияние во единое целое имени с его аттрибутивным признаком, подчиненное законам гармонии звуков, т. е. инкорпорирование. Как бы ни понимать это построение, оно, при всех его толкованиях, свидетельствует о тесной синтаксической связи определения с определяемым.

Что это именно так и обстоит, подтверждается не менее убедительными примерами из другого северокавказского языка, кабардинского. В нем, как и в адыгейском, определение может быть препозиционным и постпозиционным. Качественные аттрибуты ставятся после определяемого имени, относительные же ему предшествуют. И в том, и в другом случаях оформление получает вся синтаксическая группа, суффиксируемая в своем целом. Так, например, в предложении *сэ уэздыгъей мэзым сыщIэтащ* — «я в сосновом лесу находился» — носителем падежного окончания косвенного падежа *-(ы)м* оказывается определяемое «лес» *(мэз-ым),* которому предшествует определение *уэздыгъей* — «сосновый», остающееся падежно неоформленным. В предложении *сэ мэз Iуывым сыщIэтащ* — «я в лесу густом находился» — таким же носителем формальной части выступает уже определение *Iуыв-ым* — «густой», стоящее после определяемого им слова *мэз* — «лес», оставшегося на этот раз неоформленным. При сочетании же определений обоего типа оформленным оказывается последнее слагаемое синтаксического комплекса, ср. *сэ уэздыгъей мэз Iуыв лъагэм сыщIэтащ* — «я в сосновом лесу густом высоком находился».[2] Разросшееся сочетание слов одной синтаксической группы и в данном случае не разрушается в своем единстве.

Определение и определяемое имя остаются тесно связанными единством синтаксического построения и тогда, когда синтаксические отношения между этими членами синтаксического словосочетания выражаются не примыканием или слиянием, а иными, как мы видели выше, синтаксическими приемами, сохраняющими оформление и за самим определением. Примыкание, с первого взгляда, кажется наиболее наглядным выразителем указанных синтаксических связей. Но и самостоятельное морфологическое оформление определения и определяемого, при более углубленном анализе форм внешнего выражения связей между ними, ничуть не противоречит только что высказанным утверждениям. Наоборот, именно в этом случае не менее ясно выступает главенствующее, подчиняющее, значение ведущего члена всего синтаксического построения, передающего отношения между именем и его признаком.

Согласуется прилагательное, управляется в падеже имя существительное (ср. в индоевропейских языках). И те и другие могут выступать определениями, иногда оказываясь синонимами, ср. *материал высокого*

---

[1] См. стр. 51 сл.

[2] Примеры заимствованы из работы Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова, Грамматика кабардинского языка, I, 1940, стр. 63—64.

качества и *высококачественный материал, маменькино усмотрение* (у М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Господа Головлевы») и *усмотрение маменьки* и т. д. То, что в одном языке передается прилагательным, может в другом передаваться именем существительным, ср. французск. *un grand mouchoir de soie* и русск. «большой шелковый платок» («большой платок из шелка»). Обе разновидности форм определения оказываются в данном случае равнозначными. Во французском примере первое определение, выраженное прилагательным (*grand*), относится ко всему последующему именному обороту *mouchoir de soie*, в котором определение *de soie* («из шелка, шелковый») выражает признак данного платка. Этот признак противополагается первому признаку («большой»), как более постоянный противопоставляется переменному. Понятие *mouchoir de soie* сближается с содержанием единой лексической единицы. В русском соответствии в том же положении оказывается ближе стоящее определение «шелковый платок». Это словосочетание уже целиком устанавливается в своем размере: «большой».

Такое положение определения отмечается во многих языках. Например в тюркских, в частности в казахском, определения располагаются по степени уменьшения их значения как постоянных признаков. Ближе к имени стоят определения с относительным значением, ср. *шай қасы қ* — «чайная ложка». Это словосочетание устанавливается менее постоянным признаком: *күміс шай қасық* — «серебряная чайная ложка», которое все целиком характеризуется в своем переменном признаке качества, *жақсы күміс шай қасық* — «хорошая серебряная чайная ложка».[1] И в русском соответствии можно проследить тот же порядок следования определений. Чем больше в определении содержание постоянного признака, тем теснее сближается оно с определяемым и тем ближе становится словосочетание к лексической единице. Новый переходный признак, прибавляемый к предыдущему признаку, может придавать ему более постоянное значение, ср. *высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики* (Л. Толстой, Хаджи Мурат, вступление). Здесь прилагательное *тюльпановидные* выступает как носитель постоянного признака данного сорта колокольчиков, которые могут быть лиловыми и белыми, ср. также *красные, белые, розовые душистые пушистые кашки* (там же). Тут отмечается три цвета душистых пушистых кашек. *Душистые, пушистые* оказываются общим признаком для кашек всех трех цветов. Ср. *желтые, красные, розовые скабиозы* (там же). В этом случае более постоянного признака не приводится и потому переменные непосредственно присоединяются к самому имени, отмечая три разновидности скабиоз по их цвету. Такое различие в качестве признаков проводится различными путями. Для этого используются различные приемы синтаксических связей, например, *желтая сурепка с своим медовым запахом* (там же). Постпозиционное определение *с своим медовым запахом* характеризует *желтую сурепку*, ср. *васильки ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость* (там же). Здесь васильки сопровождаются только переменными признаками, и т. д.[2]

---

[1] См. С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка для русской школы, 1941, стр. 40—41, §§ 84, 85, 86.

[2] На различии в значениях определений в русском языке подробно остановилась проф. Е. С. Истрина в упомянутом выше докладе, зачитанном на общем собрании Института языка и мышления 3 января 1943 г., см. в примечании на стр. 122. Ею же указаны мне и приводимые здесь примеры.

Каждый язык пользуется различными приемами для передачи смыслового значения выступающих в синтаксических группах определений. Так, во французском языке в приведенном выше примере *un grand mouchoir de soie* управляемое определение *de soie,* как мы видели, выступает постоянным признаком данного сорта платка (шелковый платок), стоящее же впереди прилагательное *grand* — *«большой»* — оказывается, при этих условиях, носителем переменных признаков,— ср. *Le plus adorable appartement de garçon* и др. Отношения между определениями меняются, когда вместо управления выступают другие обороты, например причастные: *une petite pièce tout orientale, avec une profusion de tapis de Perse, un large divan drapé d'étoffes algériennes que le général avait rapporté de ses campagnes* (Paul Bourget, Cruelle énigme, I). Здесь определяемыми являются *une petite pièce* — «маленькая комната» и *un large divan* — «широкий диван». Каждый из них содержит в себе замыкаемое им препозиционное определение, выраженное прилагательными *petite* и *large*. К этим словосочетаниям, представляющим собою комплексы определяемого, добавлены в свою очередь постпозиционные комплексы определений, имеющих внутри себя свое членение, ср. также *ce grand divan, drapé de tapis, placé juste en face de la porte d'un petit jardin, était particulièrement chéri d'Hubert et de Thérèse* (там же, IX). Весь комплекс наличного тут определения «драпированный ковер, помещенный точно против двери в маленький сад» относится целиком к другому словосочетанию *большой диван,* как относится определение к определяемому. Последнее может быть понято под углом зрения основного членения предложения как подлежащее, к которому определительный комплекс добавляется, как его развернутый признак. Но само подлежащее состоит из трех слов, из которых одно, имя существительное, имеет при себе определения, имя прилагательное и местоимение. В случае отсутствия других комплексов, такое построение подлежащего, в свою очередь, осложненное зависимыми членами, выступит более ясно, ср. *этот большой диван был особенно ценим Губертом и Терезой.*

Следовательно, разбивка на члены предложения не ограничивается одним лишь выделением синтаксической группы. Такая разбивка проводится и внутри ее. Если выделить объединенные смысловым заданием члены предложения, то в самом их составе нетрудно проследить другие смысловые же объединения. Все они выделяются и формальными признаками. Формальные признаки выделяют в предложении свои синтаксические группировки. Так, *дверь маленького сада* представляет собою единое смысловое содержание со словом *дверь* в центре. От него зависит управляемое определение *сада,* с которым, в свою очередь, связано относящееся к нему и с ним согласованное определение *маленького.* Все это словосочетание находится в управляемом подчинении к слову *помещенный,* которое согласованием связано со словосочетанием *большой диван,* как от него зависимое. Таким образом, все это сложное, развернутое построение относится к подлежащему целиком через слово *помещенный,* к которому ведут все внутренние связи данной группировки слов. Образуется смысловое объединение, выступающее в предложении как единая синтаксическая группа, выделяемая и формально выраженными показателями. Получившееся синтаксическое построение может быть представлено в следующем виде: {[(*маленького* → *сада*) ↑ *дверь*] → *помещенный* ←→ (*большой* → *диван*). Весь этот комплекс слов образует синтаксическую группу, в центре которой находится *большой*

диван, определяемый переменным признаком, как помещенный точно против двери в маленький сад. По той же схеме построено и второе определение к «большому дивану», а именно: *покрытый* [драпированный] *ковром; (ковром → драпированный) → (большой → диван).* Оба отмеченные выше комплексные определения выступают признаком *большого дивана* и тем самым входят в одну с ним синтаксическую группу. Грамматическое значение этой группы устанавливается по ведущему в нем словосочетанию (*большой диван),* выступающему в предложении его подлежащим. Поэтому и вся связанная с ним синтаксическая группа является синтаксическою группою подлежащего.[1]

Такая синтаксическая группа внутри своего членения перерастает свои обычные размеры, сближаясь с положением сложно-подчиненного предложения. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что составные части синтаксической группы, оставаясь зависимыми, обладают свойствами членов предложения. «Большой диван», представляя собою синтаксическую группу самого подлежащего, имеет в своем составе само подлежащее с его более постоянным, в данном случае, признаком. Группа первого его определения: *драпированный ковром* состоит из самого определения и относящегося к нему, как к отглагольной форме, косвенного дополнения (*ковром*). Вторая синтаксическая группа определения *помещенный прямо* [точно] *против двери в маленький сад* содержит само определение, представленное тоже отглагольною формою, при котором выступает ряд обстоятельственных слов. Среди них обстоятельство места *против двери в маленький сад* также представляет собою особую синтаксическую группу. Таким образом, развернутая синтаксическая группа подлежащего, в свою очередь, разбивается на ряд, в конечном итоге от нее зависящих, синтаксических групп (комплексов).

Как мы видим, определительный комплекс словосочетания не имеет в предложении своего самостоятельного значения. Он всегда зависит от другого члена предложения и вместе с ним входит в его синтаксическую группу. Внутри же самого себя определительный комплекс может оказаться весьма сложным, и в нем, в свою очередь, выделяются членения, в которых само определение занимает свое место.[2]

Определение как таковое выступает в предложении в зависимости от его связи с определяемым или как более постоянный его признак, или же как более переменный. Получая соответствующее размещение, эти признаки уточняются в деталях указанного своего значения, ср. *une femme élégante, riche et jeune* — «женщина элегантная, богатая и молодая» и *une jeune femme élégante et riche* — «молодая женщина, элегантная и богатая», ср. так же *un jeune homme grand et fort* — «молодой человек, большой и сильный». Выделяемые здесь постоянные признаки, как уже отмечалось выше, ближе стоят к лексическому содержанию, чем переменные, и потому устойчивее в предложении. Они, в отдельных словосочетаниях, легко переходят в лексические, тогда как переменные признаки остаются наиболее обычным содержанием определения в синтаксическом построении, ср. постоянные признаки,

[1] Вся эта синтаксическая группа подлежащего, в свою очередь, разбивается, как мы видели, на две основные синтаксические группы: синтаксическая группа самого подлежащего и относящиеся к нему синтаксические группы определений. Вторые выступают как переменные его признаки, тогда как у самого подлежащего имеется его более постоянный признак *(большой диван).*

[2] Таким образом, от сложного расширенного состава мы перешли к словосочетанию более ограниченного состава и, наконец, доходим до выражения данного зависимого члена одним словом.

дающие переход синтаксического словосочетания в лексическое: французск. *un libre penseur, le paisible hôtel, le digne homme, le jeune homme* и т. д., русск. *маленький сад* [садик] и др.[1] Такого рода приближение синтаксического сочетания определения с определяемым к единому лексическому значению можно видеть на многих примерах, ср. русск. *белое вино,* немецк. *ein weisser Wein* и *ein Weisswein*. Прибавление нового определения вносит в это же словосочетание переменный признак, ср. русск. *хорошее белое вино,* немецк. *ein guter weisser Wein* и *ein guter Weisswein*. Переход к такого рода уже лексическому словосочетанию можно видеть и на таких примерах, как французск. *la salle de bain,* русск. *ванная комната* и просто *ванная,* ср. русские синонимы *спальная комната* (определение выражено прилагательным), *комната для спанья* (определение выражено существительным), *спальная* (имя существительное).

Определительный комплекс, в особенности в художественном творчестве, иногда разрастается, но и в этом случае сохраняется та же органическая связь зависимого синтаксического построения с определяемым им словом, ср. *он как налил чару зелена вина, мерой в полтора ведра, весом только в полтора пуда* (Рыбн. II, стр. 31, стих 375).[2] Если из этого предложения исключить прямое дополнение *чару*, то вместе с ним отпадает вся последовательная серия определений. Положение последних, как зависимых членов предложения, выступает достаточно ясно.

7. ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА КАК ЗАВИСИМЫЕ ЧЛЕНЫ В СОСТАВЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ СКАЗУЕМОГО

До известной степени с определениями сближаются по своему положению в предложении обстоятельственные слова. Обстоятельства, так же как и определения, оставаясь в своих синтаксических функциях, не выходят из зависимого состояния. Как определения, так и обстоятельства, используются в предложении для передачи признаков другого слова, в зависимые отношения с которыми они, в силу этого, и вступают. Определения служат выразителями признаков субстантивированного, предметного понятия (имя), обстоятельства же передают предикативный, процессуальный признак сказуемого. Определение и обстоятельство оказываются, таким образом, в тесной зависимости от своей синтаксической функции, которая ставит их в синтаксические отношения к соответствующим членам предложения. Последние, передавая предметное и процессуальное понятия, получают своими выразителями имя существительное и глагол, которые в этом их синтаксическом служении и выделяются как части речи. Выявителями их признаков, как носителей субстантивированного и процессуального понятия, и выступают определения и обстоятельства, в которых, в свою очередь, получают свое оформление прилагательные и наречия. Таким сбразом, член предложения в своем синтаксическом выражении входит во взаимоотношения с частями речи в их синтаксическом использовании.

---

[1] См. в тексте только что разобранного выше построения французского и русского предложения со словом *большой диван*. Последнее определительное словосочетание все же менее близко к лексической единице, чем *маленький сад (садик)*. во всяком случае, соответствующего синонима в именах существительных оно не имеет.

[2] Пример взят мной из работы Н. П. Некрасова, О значении форм русского глагола. 1865, стр. 284.

Оба названные члена предложения, определение и обстоятельство, остаются ими, пока передают признак другого члена предложения и пока, следовательно, сохраняют зависимое к нему отношение. Переставая выражать признак ведущего для них слова, они перестают быть определениями и обстоятельствами и получают в строе предложения иное синтаксическое назначение. Здесь исчезает член предложения с приуроченною ему синтаксическою значимостью, и обычно выступающая в нем часть речи получает соответственно значение другого члена предложения. Такое отступление от основного синтаксического положения дает возможность яснее выявить синтаксическую позицию данного члена предложения в его настоящем назначении. В целях выяснения основного места определения и обстоятельства в строе предложения, рассмотрим некоторые случаи, когда этих членов предложения нет и когда выступающие в них части речи, при ином их синтаксическом использовании, не оказываются определением или обстоятельством и получают совершенно другое назначение.

Так, например, обычный представитель определения, не передающий признака другого слова и оказывающийся сам в положении члена предложения, содержащего предметное понятие, утрачивает свое аттрибутивное значение и субстантивируется, ср. *проворный парень* (определение при имени) и *а парень все ж таки проворный был* (прилагательное в положении сказуемого); *пришлый человек ей приглянулся* (определение, передающее признак имени) и *ну, ей и приглянулся, видно, пришлый-то* (субстантивированное прилагательное в позиции подлежащего).[1]

Равным образом, и обстоятельства, для выражения которых выделяются наречия, перестают быть обстоятельством, когда не выражают признака сказуемого и получают иное синтаксическое содержание, например, аттрибутивное, ср., с одной стороны, использование наречий в обстоятельственном значении: *он играет втемную, он помесячно платит аренду, они поочередно входят, справа стоит третий дом.* С другой стороны, те же наречия получают аттрибутивное содержание, когда передают признак имени, ср. *игра втемную, аренда помесячно, вход поочередно, третий дом справа* и др. В последних словосочетаниях наречия остаются таковыми как часть речи, но не выступают в полном значении обстоятельства,[2] ср. двоякое смысловое значение наречия в предложении: *аренда помесячно облегчает денежные расчеты.* Если наречие *помесячно* получает в этом предложении аттрибутивное значение, то его эквивалентом окажется прилагательное: *помесячная аренда облегчает денежные расчеты.* В этом случае выступает определение. Если то же самое наречие остается с обстоятельственным содержанием, тогда оно примыкает не к имени, а к глаголу, и все предложение получает иной смысл, а именно, что аренда облегчает каждый месяц денежные расчеты. Здесь то же самое наречие выступает обстоятельством. Смысловая сторона в этом построении оттеняется средствами ритмической группы.[3] Решающей остается смысловая сторона высказывания. Семантика предложения, по смыслу наличного словосочетания, может в отдельных случаях устанавливать односторонние синтаксические отношения, ясно указывающие на синтаксическое положение используемых

---

[1] Примеры заимствованы из текста сказов старого Урала — П. Бажов, Малахитовая шкатулка, 1942, сказы: «Медной горы хозяйка» и «Дорогое имячко».

[2] См. в главе о частях речи: наречия, стр. 279 сл.

[3] О ритмической группе см. стр. 95 сл.

слов. Так, в предложении *вход поочередно устраняет давку* наречие имеет только аттрибутивное значение, потому что тут вовсе не имеется в виду поочередное устранение давки и наречие с глаголом семантически не связывается. Оно не является его признаком и потому не выступает обстоятельством. В том же аттрибутивном положении находится наречие в предложении *игра втемную бывает опасна*. Здесь предложение делится на группу подлежащего и на группу сказуемого, причем наречие *втемную* оказалось в первой группе, выражая признак подлежащего. То же самое имеем в предложении *три дома справа нуждаются в ремонте* и т. д. В этих примерах наречие утрачивает обстоятельственное значение и получает, вместо него, аттрибутивное. [1] Наречие в таком положении остается наречием, но не выступает обстоятельством в строе предложения. Таким образом, обстоятельство, как член предложения, отличается от самостоятельных членов предложения зависимым состоянием, а своим предикативным (процессуальным) содержанием отличается от определения, с которым сближается своим синтаксическим положением зависимого члена.

То же самое слово, которое обычно выступает обстоятельством, может не только включаться в состав другого члена предложения, относясь к нему в выделяемой им синтаксической группе и тем самым видоизменяя свое обстоятельственное значение. Оно, утрачивая свою основную функцию дополнять содержание другого слова, может даже выступать самостоятельным членом предложения, передающим законченное понятие, ср. *Так-то оно так, только как-то все это не серьезно* (А. П. Чехов, Три сестры, IV). Более того, обычный представитель обстоятельственных слов, наречие, может оказаться в еще более самостоятельном положении. Наречие *тихо!,* выступающее одно с законченным содержанием высказывания, конечно, не является обстоятельством.

Следовательно, основным синтаксическим назначением обстоятельства в строе предложения является выражение признаков сказуемого. Когда обычный выразитель обстоятельства, наречие, выступает признаком не сказуемого, а какого-либо лишенного предикативных свойств имени в другом члене предложения, оно уже не занимает места обстоятельства. [2]

При всем разнообразии оттенков, которые обстоятельственные слова получают по их синтаксическому использованию, все же основное смысловое содержание приобретается ими в синтаксической позиции сказуемого. Последнее уточняется в своих признаках для требуемой полноты выражения предиката. Предикативные признаки выступают здесь на первое место. Они нуждаются в своем внешнем показе и получают его или в самом сказуемом, или, если таковое недостаточно в своем собственном содержании для передачи этих признаков, то в специально

---

[1] Во всех приведенных примерах особое на себя внимание обращают взаимоотношения, возникающие в строе предложения между его членами и частями речи. Последние, выступая в предложении в установленном для них синтаксическом положении, получают ряд синтаксических свойств, которые остаются за ними и тогда, когда они оказываются не в обычном для них синтаксическом использовании.

[2] Все же, как мы видим, обстоятельственные слова выделяются в составе предложения. Основанием для их выделения служит их синтаксическое отношение к сказуемому. Если эти отношения выступают во всей их определенности, то позиция обстоятельства становится более ясной, и наоборот. В позиции обстоятельства выделяются наречия. Когда и они теряют непосредственную связь со сказуемым, когда ослабевают их синтаксические к нему отношения, тогда и они выходят из синтаксической группы последнего.

приуроченных к означенному заданию словах. Такую зависимую роль передатчиков предикативных признаков, присущих основному носителю предикативного выражения, выполняют обстоятельства, ср. алеутский глагол *си-гъута-сига-ка-ку-хъ* и передающее его русское сказуемое с группой относящихся к нему слов: *он опять старательно может делать*.[1] В алеутском примере сказуемое закончено в передаче требуемых контекстом признаков. Они выражены в нем самóм соответствующими служебными частицами. В русском же сказуемом *может делать* не содержится указанных оттенков итеративности и интенсивности, наличных в алеутском. Поэтому недостающие в самом глагольном построении признаки получили себе место в особом обстоятельственном выражении отдельными словами. Это и будут обстоятельства. Их нет в алеутском соответствии, но они имеются в русском, так как его построение сказуемого оказалось недостаточным для передачи всех признаков, вкладываемых в его содержание смыслом высказывания.

Семантический признак носителя выражения действия, выступая отдельно для уточнения последнего, указывает его свойства, его целеустремленность, детализирует процесс в месте, во времени и условиях его совершения. Наличие такого уточнителя тесно связано с смысловым содержанием сказуемого в каждом контексте высказывания. В известной степени наличие и положение таких обстоятельственных по своему значению слов зависит от семантики самой части речи, привлекаемой к использованию в данном члене предложения, т. е. от глагола. Помещение обстоятельства зависит и от того, в выражении каких своих признаков нуждается глагол для полноты своего выступления в предложении. Когда эта семантическая сторона становится более свободной, когда сказуемое, и в частности глагол, не связано с передачей того или иного признака, то последний может утрачивать значение признака сказуемого и становится менее от него зависимым. При этих условиях обстоятельство, как увидим ниже, приобретает новые синтаксические свойства, и его положение в предложении меняется. В противном случае обстоятельства с трудом отделяются на место самостоятельного члена предложения (косвенного дополнения), обычно в него не переходят и остаются тесно связанными своим зависимым состоянием. Они, тем не менее, и в этом положении обладают большей подвижностью, чем определения. Их доходящая до примыкания близость к сказуемому по местоположению в строе предложения может нарушаться. В одних языках это допускается в большей степени, в других — в меньшей, в зависимости от строя данного языка, отражающего восприятие отдельных оттенков предикативности. Все же и здесь выразитель предикативных признаков, если не по занимаемому им месту, то по семантическим связям, продолжает синтаксически тяготеть к сказуемому и сохраняет свое обстоятельственное значение. Об этом уже приходилось говорить выше.[2]

Даваемое здесь определение основных синтаксических свойств обстоятельства нуждается в некотором уточнении. Обстоятельство связано с выражением сказуемости. Это утверждение остается в силе, но выражение сказуемости в обстоятельстве стоит в связи с выражением предикативности. Между тем, последнее понятие шире первого. Обстоя-

[1] Объяснение построения приведенного алеутского глагола и значение его составных частей см. на стр. 253, 280.

[2] Ср. положение наречий в казахском языке и пример с наречием *кеше* — «вчера» в том же языке, см. стр. 65, 71.

тельство является выразителем предикативных признаков, присущих или приурочиваемых другому слову. В этом и заключается причина связи обстоятельства со сказуемым, которое устанавливается в своем синтаксическом значении как член предложения, передающий предикат суждения. Предикат имеет свои признаки, которые могут не уложиться в содержание самого сказуемого, что и обусловливает появление обстоятельственных слов. Но сказуемое, устанавливая субстанцию в ее бытии, придает предикативное содержание всему высказыванию. Это предикативное содержание сочетается иногда с аттрибутивными функциями, давая предикативно-аттрибутивное выражение, выступающее признаком субстантивированного члена предложения, ср. *птица летает* (субстанция и предикат), *летающая птица* (субстанция с предикативно-аттрибутивным признаком). При этих условиях обстоятельство может выступать не только в группе слов синтаксически объединяемых сказуемым.

Если и другой член предложения не лишен предикативных свойств, то обстоятельство может выступать и при нем. Такое положение не сказуемого, а другого члена предложения, возможно при особых условиях взаимоотношений члена предложения и части речи. В сказуемом выделяется часть речи, глагол. Он оказывается носителем синтаксических свойств уже как часть речи и обращает ряд предикативных признаков в свои грамматические категории. С ними же он, в лице отглагольных форм, выступает и вне сказуемого. Таковы причастия в различном их синтаксическом использовании. Причастия в значительной доле предикативны по своему лексическому содержанию, но уже аттрибутивны по синтаксическому положению. Они сами являются выразителями признаков другого слова, хотя в то же время остаются носителями своих собственных признаков. По первому своему свойству они выступают аттрибутом при имени, по второму же могут сами иметь при себе от них зависимое слово, передающее их признак. И поскольку этот признак сохраняет предикативный оттенок, постольку же выразителем его может оказаться обстоятельство. Последнее остается, таким образом, и здесь выразителем предикативного признака, ср. *хорошо пахнущие розы*. Причастие *пахнущие* передает признак, присущий розам, но и само содержит в себе свои признаки, в частности предикативные, которые и передаются обстоятельством, ср. *розы хорошо пахнут, хорошо пахнущие розы; розы хорошо пахли, хорошо пахнувшие розы* и т. д.[1] Синтаксическая функция обстоятельства, при его сочетании с причастием, меняется. Оно утрачивает ряд своих свойств и взамен их приобретает другие. Из обстоятельственного слова при сказуемом оно обращается в обстоятельственное слово в составе словосочетания, определительного по своему основному содержанию.

Причастие, лишенное связи со сказуемым, все же сохраняет некоторые свойства этого члена предложения и его основного выразителя, глагола (изменение по временам, залогам и пр.). Поэтому обстоятельства в едином словосочетании с причастиями вступают тут в связь уже не с членом предложения, лишенным сам по себе предикативных функций, а с частью речи, сохранившей ряд признаков предиката. Так, например, наречие при причастии имеет значимость обстоятельственного слова, но вместе с тем приобретает и аттрибутивные функции признака при имени. Само причастие, выступая при именном члене предложения,

[1] О причастиях см. на стр. 237 сл.

получает в синтаксическом построении аттрибутивное, а не предикативное значение. Вместе с причастием такое же значение передается и выступающему при нем обстоятельству. Последнее, наряду с причастием, образует одну синтаксическую группу, в данном случае определительного содержания, и потому само подпадает под это содержание, ср. *обильный, хорошо приготовленный ужин ожидал меня в ближайшем ауле*. Получается обстоятельственное определение, или обстоятельство, включенное в определительный комплекс. Это будет одной из разновидностей обстоятельств, использованных не в их прямом назначении. Обстоятельство, в данном случае, выступает в аттрибутивном значении только потому, что является признаком понятия, передаваемого причастием, и наличествует здесь только потому, что само причастие сохраняет ряд предикативных свойств.[1]

Следовательно, основным назначением обстоятельства во всех случаях его использования остается, как мы видим, передача признака при предикативном выражении. Поэтому же непосредственной функцией обстоятельства является служить выразителем признака в том члене предложения, какому, по его основным свойствам, приурочивается выявление предиката, т. е. в сказуемом. Здесь, в первую очередь, обстоятельство и выступает зависимым членом.

При всех разновидностях своего использования обстоятельство всегда остается в зависимом положении. В упомянутом выше полупредикативном значении обстоятельство находится в зависимой связи с причастием и образует вместе с ним определительную по своему содержанию синтаксическую группу. Выступая же в своем прямом назначении, т. е., выражая признак глагола, обстоятельство занимает при нем место зависимого члена. Выходя из этого зависимого положения, обстоятельство обращается в другой член предложения.[2]

Что касается использования обстоятельств по их прямому назначению, то они, выступая предикативным признаком, оказываются далеко не в одинаковых отношениях к другим словам. Семантический оттенок, приобретаемый ими в контексте предложения, приводит к различного рода семантическим связям. Обстоятельства могут теснее связаться со сказуемым, даже включаться в состав последнего, ср. 1) *он немного говорил,* 2) *он в меру говорил,* 3) *он много говорил, он достаточно поговорил*. Обстоятельственные слова, наречия, в указанных примерах семантически настолько тесно связаны со сказуемым, что могут быть понятны как образующие с ним одно целое по смысловому содержанию и по синтаксическому построению. Если применить к данному словосочетанию высказывания Ferd. Brunot о степенях сравнения,[3] то и в приведенных сочетаниях слов легко усмотреть те же степени сравне-

---

[1] Благодаря наличию ряда синтаксических признаков в соответствующих частях речи может иметь место переносное использование членов предложения; как, например, определение при имени может оказаться в составе сказуемого, ср. *Аристотель — великий человек,* обстоятельство же при отглагольной форме причастия может использоваться в группе слов, связанных с подлежащим, ср. *хорошо приготовленный ужин* и т. д.

[2] Например, в косвенные дополнения, о чем см. ниже. Я не имею здесь в виду сочетания наречий с именами, так как сейчас идет речь о членах предложения, а не о частях речи, ср. *довольно умный человек; Других причудниц я видал самолюбиво равнодушных* (А. С. Пушкин, Евгений Онегин), и др. В приведенных примерах наречия выступают не в предикативном, а в аттрибутивном значении. Но это касается уже использования частей речи — наречий, а не членов предложения — обстоятельств.

[3] Ferd. Brunot, La pensée et la angue, 1936.

ния, примененные, в этом случае, к передаче семантических оттенков глагола. При таком расширенном понимании степеней сравнения можно в словосочетании *немного говорил* видеть уменьшительную степень передаваемого действия. Здесь выражается семантика глагола, выступающая и в однословном его эквиваленте *поговорил*. *В меру говорил* окажется, при этом понимании сопоставляемых форм, положительной степенью, а *достаточно поговорил* — увеличительной, при параллельной форме *наговорился*.[1]

Подходя под этим углом зрения к семантическим оттенкам названного глагола, придется признать, что обстоятельственные слова, в настоящих примерах — наречия, не имеют в данном сочетании своего собственного значения в строе предложения. Передавая указанные выше оттенки в семантике глагола, они, вместе с последним, выражают одно цельное понятие, ср. *немного говорил* (поговорил), *достаточно поговорил* (наговорился), и т. п. В той же степени органической связи с ведущим словом выступают обстоятельства и в отмеченных выше случаях своего сочетания с причастиями. Те же обстоятельственные слова (наречия), примыкающие к аттрибутивно используемым отглагольным формам, придают им такой же оттенок степеней сравнения: 1) *слегка поговоривший человек*, 2) *в меру поговоривший человек*, 3) *много поговоривший человек*. Здесь, как и в первых примерах с глаголами, обстоятельства, собственно говоря, и не выделяются как отдельные члены предложения. Для этого у них отсутствует собственное семантическое содержание, достаточное для своего отдельного существования, так же как недостает данных для разбивки описательных форм превосходной степени, ср. *более жаркий* и в параллель к нему — описательную же форму уменьшительной степени *менее жаркий*.

С другой стороны, в иных синтаксических построениях обстоятельства не только получают свое полное право на отдельное от глагола существование, но даже могут семантически относиться не столько к нему, сколько к другому слову, даже к имени, в том же контексте, ср. приводимые Дельбрюком примеры различного использования наречий в немецком языке: в результативном *sich tot lachen* — «до смерти смеяться» и в модальном *laut lachen* — «громко смеяться». Из них *tot* тяготеет больше к лицу, чем к глаголу, тогда как *laut* передает обстоятельственное отношение к действию.[2] Ср. в том же положении русские наречия и другие обстоятельственные слова в таких сочетаниях слов, как *я пешком пришел*. Наречие *пешком* может быть осмысливаемо как более тесно связанное с местоимением «я», чем с глаголом (ср. *я пешком* и *я пеший)*. Наоборот, в предложении *я громко рассмеялся*, наречие *громко* определяет действие, и когда последнее выражается в сказуемом, присоединяется к его составу, ср. также *я тихо* [медленно] *говорю* и тем более *я тихо говорю* [шепчу], где наречие с глаголом получают оба вместе одно лексическое содержание.[3]

---

[1] О степенях сравнения прилагательных см. стр. 216 сл.

[2] См. B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. K. Brugmann und B. Delbrück, Band III, Theil I, S. 539.

[3] Говорить можно скоро и тихо (медленно). Здесь глагольный признак выступает с переменным значением. Шептать же можно только негромко. Поэтому *тихо говорить*, в последнем его смысловом употреблении, представляет собой лексическое словосочетание, и наречие *тихо*, выражая постоянный признак, тем самым входит не в состав группы сказуемого, а в состав самого сказуемого, ср. ниже на стр. 137 пример с *hochachten* — «уважать».

Даже в тех случаях, когда обстоятельственные слова, оставаясь ими по своему синтаксическому значению, передают переменный признак, не образуют с глаголом одного лексического целого по своему содержанию и семантически относятся не к нему, а к другому слову, они все же не лишаются предикативного значения. Относясь, например, к имени, они через последнее связываются с тем же сказуемым и образуют с ним одну расширенную группу предикативного содержания, ср. [*Наполеон*] *поехал без свиты и охраны через Варшаву и германские страны прямо в Париж* (Е. В. Тарле, Гитлеровщина и наполеоновская эпоха, 6). Здесь Наполеон не *прямо поехал,* а поехал *прямо в Париж.* Наречие *прямо* вместе с именем города образует один обстоятельственный оборот, который, наряду с другими обстоятельственными словами, составляет в своей совокупности одну группу сказуемого, ср. также *дорога через ворота проходит прямо под стеной* (Штедер, Дневник одного путешествия, 26)[1] и др. Положение наречия *прямо* зависит от передаваемых синтаксических связей, от тех синтаксических отношений, в которые оно вступает по заданиям строя предложения. Так, то же самое наречие, оказавшись в группе другого члена предложения, получает уже не предикативное, а иное синтаксическое значение, например аттрибутивное при том же имени, ср. *дорога прямо в Париж — вела через Варшаву и германские страны.* Здесь наречие не имеет значения обстоятельственного слова, тогда как в первых двух примерах сохраняет таковое, несмотря на свою связь с именем, а не непосредственно с глаголом. В этих примерах обстоятельство, выраженное наречием, хотя и примыкает к имени, но все же остается вместе с ним в той же группе сказуемого и потому получает обстоятельственное значение, ср. *армия сражалась под знаменами Наполеона в этой последней его кампании так же стойко, с тем же самоотвержением, как и в прежние войны* (Е. В. Тарле, ц. с., 9). И здесь синтаксический комплекс сказуемого не разбивается. Он начинается с глагола *сражалась,* за которым следуют обстоятельство места (с оттенком образа действия, процессуальное), обстоятельство времени и обстоятельство образа действия, в состав которого входит наречие *стойко.* Единство синтаксического комплекса позволяет притти к выводу, что наличные в нем имена выступают не косвенными дополнениями, а обстоятельственными словами.[2]

Наречия, как мы видим, могут отделяться от глагола, оставаясь в одной с ним синтаксической группе. Возможны и такие случаи, когда обстоятельства, оставаясь семантически связанными со сказуемым, все же отдаляются от него, разъединенные другими самостоятельно выступающими членами предложения, ср. *Недаром Пушкин, вслед за многими публицистами и историками своего времени, назвал Наполеона наследником и убийцей революции* (Е. В. Тарле, ц. с., 4), *Никогда решительно Наполеон не ставил себе целью истребление того или иного народа* (там же, 25). В данном построении семантическую связь со сказуемым сохраняет наречие, которое, как часть речи, формируясь в составе группы сказуемого, получает в нем свое специальное оформление. Благодаря этому специальному оформлению, наречие, даже и отошедшее по своему местоположению от группирующихся вокруг ска-

[1] «Дневник одного путешествия из пограничной крепости Моздок в центр Кавказа в 1781 г.» («Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера», 1940 г.).

[2] Об обстоятельствах и косвенных дополнениях см. на стр. 143 сл., 151 сл.

зуемого слов, все же по одной своей формальной стороне может указывать на свою семантическую связь в первую очередь со сказуемым. Тут формальная сторона содействует уточнению семантических связей.

В другом положении оказываются именные обороты обстоятельственных слов. Эти последние, по своему построению, могут оказаться в строе предложения и на более самостоятельном месте. Когда в том же сепаратном положении оказывается не наречие, а именной обстоятельственный оборот, то он в значительной степени порывает свою непосредственную семантическую связь с глаголом и сближается с косвенными дополнениями. На этом придется ниже остановиться несколько подробнее, когда пойдет речь об отношениях обстоятельств к другим членам предложения. Косвенные дополнения, по своему построению, не отличаются от именных обстоятельственных оборотов. И те и другие выступают в одинаковом падежном оформлении. При таком тождестве формальной стороны отношение косвенных дополнений к сказуемому устанавливается не падежом имени, а смыслом контекста, выявляющим синтаксические отношения, и в значительной степени размещением слов. Все же синтаксические отношения к сказуемому со стороны обстоятельственных слов и косвенных дополнений существенно различны, хотя эта разница иногда и устанавливается с трудом. Первые оказываются зависимыми выразителями признака другого слова и вместе с ним передают одно понятие в синтаксическом построении предложения, а вторые выступают в более самостоятельном положении, являясь сами носителями понятия, требуемого смыслом высказывания. Затруднения в установлении синтаксических функций касаются, главным образом, именных построений, которые могут быть как зависимыми, так и самостоятельными.[1] Впрочем, и наречия, как мы уже видели, могут выступать и не в своем прямом назначении зависимого члена (обстоятельства при сказуемом).

В ряде языков обстоятельство, как член предложения, не получает благоприятной почвы для своего широкого развития. Требуемое выражение предикативных признаков в этих языках в значительной доле удовлетворяется средствами агглютинации, в связи с чем сокращается необходимость в выделении отдельных слов для передачи тех предикативных признаков, которые и без того представлены в самом сказуемом. В состав глагольной формы, или вообще в состав какого-либо слова группы сказуемого, включаются особые показатели, выражающие то, что в других языках передается отдельными словами. Пример такого рода передачи предикативных признаков уже приводился, ср. алеутский глагол *сигъутасигакакухъ* — «он опять старательно может делать».[2] В некоторых языках использование обстоятельственных слов имеет место, но они не обособляются в особую часть речи. В значении обстоятельств употребляются обычные именные формы, в связи с чем наречия слабо развиты и выступают сравнительно редко. Так, например, в тюркских языках, судя по материалам казахского, наречия выделяются в ограниченном количестве, хотя обстоятельственные обороты крайне развиты. В них используются имена существительные, числительные, местоимения и т. д., получающие определенное синтакси-

[1] Самостоятельное значение косвенного дополнения, в отличие от обстоятельственных слов, в значительной степени зависит от того смыслового оттенка, который придается используемому слову в каждом высказывании. Здесь формальным критерием выступают также ритмические группы и интонационные средства.

[2] См. стр. 253, 280.

ческое оформление или примыканием,[1] или соответствующим падежом, как-то: *түн* — «ночь», *түнде* — «ночью»; *бір* — «один», *бірден* — «сразу»; *бұл, осы* — указательное местоимение «этот», *мұнан*,[2] *осыдан* — «отсюда»; *жер* — «земля», *жерден* — «отсюда» и т. д. Все эти слова стоят в местном падеже *(-де, -да)* и в исходном *(-ден, -дан, -нан)*. Их значение видоизменяется на обстоятельственное, но, тем не менее, все эти формы оказываются не специфически наречными, а обычными именными, и свое значение обстоятельственных слов получают только в контексте предложения, ср. *мен осы жерден келдім* — «я из этой земли [отсюда] пришел», *мен осыдан келдім* — «я из этого [отсюда] пришел» и даже без падежного изменения *«мен осы келдім»* в том же значении.[3] В самоедских языках разделительная грань между именем и наречием еще менее четка.[4]

Оказывается, таким образом, что в ряде языков действует точно выделяемая синтаксическая категория, использующая нужное слово и оформляющая его соответствующими синтаксическими средствами, но специальная группа слов с их специфическим оформлением отдельной части речи при этом слабо выделяется. Ясность синтаксического приема оказалась вполне достаточной для передачи требуемых синтаксических отношений. В других языках процесс развития обстоятельственных слов шел иными путями, и в них выработалась особая группировка слов, наречия, получившая свое оформление, которым она выделяется и с которым попадает в словарь.

В тех языках, в которых обстоятельственное значение передается отдельными словами и в которых получает особое оформление выделяющаяся в этой функции часть речи, последняя используется в роли обстоятельства только когда сохраняет свою лексическую семантику. В противном случае, обстоятельство, как член предложения, не выступает. Так, например, наречие, как мы уже видели, иногда передает постоянный признак глагола, тесно связанный с его содержанием. В этих случаях может иметь место слияние выразителя признака с его носителем не только семантическое, но и формальное. Получается новая лексическая единица, т. е. образуется новое слово, в частности и новый глагол, ср. в немецком *hochachten* — «обращать высокое внимание, уважать».[5] Само собою разумеется, что в данном примере обстоятельства, как члена предложения, нет. Оно появляется только тогда, когда в его значении выступает знаменательное слово.[6] Служебные слова, и тем более частицы, не являются таковыми. Они утратили свое реальное значение и сохранили лишь формальное. Следовательно, они не могут быть членом предложения и потому не являются обстоятельством.

Из числа полноценных слов обстоятельством выступают наречия, имена и отглагольные формы. Они могут быть обстоятельством, когда передают предикативный признак, наличный в другом слове. Если они сами оказываются носителем такого признака, то выступают ска-

---

[1] См. стр. 67, 70.

[2] Местоимение *бұл* — «этот» получает в склонении ряд супплетивных форм, как-то: родит. п. *мұның*, винит. *мұны*, исходн. *мұнан* и *будан*, и др.

[3] Здесь синтаксическое значение обстоятельства устанавливается примыканием.

[4] Например, в ненецком (юрако-самоедском) языке, см. Г. Н. Прокофьев. Языки и письменность народов Севера, I, 1937, стр. 17, 36 сл.

[5] См. в словаре Hermann Paul, Deutsches Wörterbuch, 1921, под словом «achten».

[6] Определение знаменательных, незнаменательных и служебных частей речи см. у А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 421, §§ 489, 490.

зуемым, а не обстоятельством, ср. *понятие о вращении земли древним мыслителям было недоступно.*

В позиции обстоятельства вырабатывается наречие, как отдельная лексическая группировка. Тем самым, наречие относится к числу одних из наиболее характерных представителей обстоятельств. Но все же они не единственные их представители. Поэтому, если в предложении имеется обстоятельство, то отсюда еще вовсе не следует, что оно выражено наречием и что всякое обстоятельство есть наречие. Тот член предложения (обстоятельство), который дал оформление наречию, может быть представлен и не им. Наиболее убедительным доказательством этому служит то, что процесс образования наречий ни в одном языке не закончен. Часть слов явно обособилась в словарном составе языка и заняла свое место среди наречий. Часть слов находится на пути к адвербиализации,[1] часть же выступает обстоятельством и не имеет тенденции перейти в наречия.[2] Таким образом, не устраняется возможность выступления различных частей речи в одном и том же обстоятельственном значении.

Так, например, в русском языке не наблюдается коренного различия в синтаксической значимости наречия и именной формы, уточняющих сказуемое во времени, месте и т. д., ср. *наверху поставлена антенна* и *на этой крыше поставлена антенна; отсюда выбежала бевочка* и *из этого дома выбежала девочка.* Наречия в этих предложениях *(наверху, отсюда)* стоят ближе к тому, что мы обычно называем обстоятельством, именные же обороты *(на этой крыше, из этого дома)* весьма близки к косвенным дополнениям. По существу же, такого резкого различия между ними не наблюдается, так как и те и другие выполняют одну и ту же функцию уточнителей местонахождения и исходного пункта движения. Их функциональная синтаксическая семантика, т. е. значение, которое имеет выполняемая ими роль в предложении, близка, а иногда и тождественна. В подтверждение только что высказанного положения можно сослаться на приведенный выше пример из казахского языка: *мен бұл жерден келдім* — «я из этой земли пришел» или «я отсюда пришел». Здесь *жерден* — «из земли» с примыкающим к нему определением *бұл* — «этот» может быть одновременно понято и как именная форма, и как наречие. И при том, и при другом его понимании оно в обоих случаях остается обстоятельством по своему синтаксическому использованию.[3]

Такая близость синтаксического значения обстоятельств, выражаемых именем и передаваемых наречием, имеет свои исторические причины: сами наречия в значительной своей части вышли из имен. Следовательно, до дифференциации наречий и не могло быть того формального расхождения, которое получилось позднее при выделении наречий. Но такое расхождение имеет место вовсе не в членении предложения, а в части речи. Синтаксически выделяемый член предложения остался тем же, изменению же подверглись лишь выступающие в нем лексические единицы. За одними из них закрепились синтаксически требуемые падежные формы, в которых они и окаменели, выделяясь тем самым в особую часть речи (ср. *верхо́м, ползком, пешком* и т. д.). Другие же не подверглись такому процессу и остались именами, подчиняясь как та-

[1] О процессе адвербиализации см., например, у В. В. Виноградова, Современный русский язык, II, 1938, стр. 273—279, 294—303.

[2] См. о наречиях стр. 279 сл.

[3] См. стр. 137.

ковые соответствующему изменению уже в самом строе предложения (по падежам и пр.). Оказалось, таким образом, что в одной и той же синтаксической функции выступают представители различных лексических группировок, тогда как сама синтаксическая функция не меняется.

8. РАЗЛИЧНЫЕ ОТТЕНКИ ЗАВИСИМЫХ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Заканчивая обзор синтаксического положения обстоятельств, придется в итоге сказать несколько слов о синтаксическом значении вообще зависимых членов предложения. В этом положении, как мы видели, оказываются обстоятельства и определения. Обстоятельственные слова и выступающие в их значении наречия уточняют затронутый выше вопрос об определениях и о выступающих в них частях речи. Как в тех, так и в других могут быть использованы слова различных группировок. И в тех, и в других могут выделяться части речи, преимущественно выступающие в данном синтаксическом значении. Но эти выделяемые части речи прослеживаются не во всех языках и не при всех синтаксических приемах.

То, что нами говорилось об обстоятельствах, можно в известной степени сказать и об определениях. Так же как не во всех языках выделяются наречия, не во всех языках особо выделяются и прилагательные.[1] Но и там, где они выделяются, в значении определения может выступать и другая часть речи. В частности, в русском языке определениями обычно выступают прилагательные и имена существительные. Использование последних и тут приводит к сближению с косвенным дополнением. Между тем, по своему смысловому положению в предложении определения, так же как и обстоятельства, противополагаются косвенным дополнениям, как входящие в состав синтаксической группы, тогда как последние сами могут при себе образовывать синтаксическую группу.[2] Оставаясь в этом зависимом состоянии, определения и обстоятельства получают лишь формальное различие в построении выражающих их слов, сохраняющих то же самое синтаксическое значение, аттрибутивное и обстоятельственное. Оба они, как мы видели, могут быть выражены именами существительными, стоящими в управляемом падеже, и оба они в ряде языков получают для преимущественного использования свои части речи: прилагательные в значении определения и наречия в значении обстоятельства. Определение есть выразитель аттрибутивных отношений, передаваемых различными путями, что и отражается на внешней форме синтаксического построения. Обстоятельство есть выразитель предикативных (процессуальных) признаков.

---

[1] Исследователи северных языков самоедской и финно-угорской групп объединяют существительные и прилагательные в одну часть речи: «Отсутствие какого-либо оформителя для имени прилагательного не дает оснований для выделения указанной части речи в самостоятельную морфологическую категорию. Прилагательность в ненецком языке — категория синтаксическая, а не морфологическая», Г. Н. Прокофьев, ц. с., стр. 17.

[2] Если определения и обстоятельства получают зависимые от них слова, образующие при них синтаксическую группу, то все равно они, вместе с этими зависящими от них словами, входят в состав соответствующей группировки с тем словом, аттрибутивным или предикативным признаком которого они являются. Косвенные же дополнения с этой стороны самостоятельны.

Если их внешняя сторона не влечет за собою перемены содержания и не обращает зависимого члена в самостоятельный, то она остается только средством передачи синтаксического выражения, т. е. смыслового значения данной части предложения. Так, например, *каменный дом* и *дом из камня* по своему синтаксическому значению сходны: *каменный* и *из камня* выступают в той же роли уточнителей слова *дом* и передают один и тот же его признак.[1] Оба они характеризуют материал, из которого он сделан. Синтаксическая их роль, в данном случае аттрибутивная, имеет одинаковую целеустремленность, выраженную различными синтаксическими средствами. То же самое можно отметить и в обстоятельственных оборотах, ср. *я незамедлительно ушел* и *я без замедления ушел*. Если же формальная сторона меняет содержание синтаксического построения или придает ему особый оттенок, то и она обращает на себя внимание. Как увидим ниже, она тоже играет свою роль при установлении членов предложения в их различной характеристике.

Близость синтаксических значений наречных и именных оборотов обстоятельственных слов, с одной стороны, и прилагательных и именных форм определений, с другой, позволяет путем сравнения уточнить их особенности в различных видах сочетаний с прочими словами предложения. Обе эти синтаксические категории, определения и обстоятельства, до известной степени, сближаются, так как и те и другие входят в тесные синтаксические сочетания с самостоятельными членами предложений: определения с членом предложения, выраженным именем, обстоятельства — с членом предложения, представленным глагольными и отглагольными формами. И если первые входят в одно составное целое с определяемыми ими словами, то и последние включаются в комплекс сказуемого или других членов предложения, связанных с глаголом и производными от него формами. Таким образом, выражения того и другого вида, выступающие в подчиненной роли другому слову, не отличаются той же степенью самостоятельности, которая выделяет остальные члены предложения. Поэтому они даже и в языках аналитического строя не получают своего независимого от других слов оформления, притом не только в морфологических показателях, но и в занимаемом месте в предложении, в особенности, когда они представлены именными формами.[2]

Такое их положение прослеживается и в индоевропейских языках. Так, русские предложения *из этого дома выбежала девочка* и *выбежала девочка из этого дома* могут быть лишь при определенном характере высказывания восприняты как одинаковые по своему смыслу, при условии понимания слов *из этого дома* как означающих исходный пункт движения, т. е. как связанных в своем синтаксическом выражении с глаголом, а не с именем. Между тем, по своему формальному построению эти слова в обоих предложениях передают совершенно различное содержание и такой свободы передвижения на самом деле не существует. Ее не может быть потому, что и при наличии сходного морфологического оформления синтаксическая связь указанных слов устанавливается не только им, но и другими синтаксическими приемами, в данном случае и их местоположением. Возьмем другой, более ясный, пример: *дом из камня стоит на горе* и *дом стоит на горе из кам-*

---

[1] Соответствующие примеры см. также на стр. 77, 125 сл.
[2] См. в примечании на стр. 8 «das Haus des Vaters».

ня. В данном случае совершенно различный смысл обоих предложений выступает с полной ясностью: слова *из камня* в первом примере определяют *дом,* а во втором — *гору*. Тут аттрибут с определяемым сохраняют органическую связь и потому разделять их невозможно. Они в своей совокупности образуют одно синтаксическое целое, которое можно, как уже указывалось выше, назвать одной синтаксической группой с основным и зависимыми членами в ее составе. *Из камня* в этом предложении никогда не будет обстоятельством. Нельзя сказать *дом стоит из камня на горе.*

Различия синтаксического выражения, представленного в одном случае прилагательным (*каменный*), в другом — именем существительным (*из камня*), не нарушают единства синтаксической функции (определять определяемое слово *дом*), но различие в передаче синтаксических отношений согласованием (при именах прилагательных) и управлением (при именах существительных) требует известной четкости при их использовании для того, чтобы не пострадала смысловая сторона. А это дает уже некоторое различие между построениями с именами существительными с другими частями речи, в наших примерах — с прилагательными и наречиями. Прилагательные и наречия имеют свою лексическую форму, присущую им как частям речи. Наличием этой формы они обязаны своему синтаксическому значению в предложении и ею же, в значительной степени, указывают на свою синтаксическую в нем роль. Между тем, имена существительные, выступая в том же аттрибутивном значении и нося оформление, свойственное вообще именам существительным, по одному этому оформлению менее точны в передаче своей синтаксической роли в контексте предложения. Потому они нуждаются, для установления большей точности, в параллельном применении еще и других синтаксических приемов.[1]

Так, при управлении, применяемом к именам существительным, выступающим в аттрибутивной функции, усиливается значение непосредственной близости определения к определяемому по их местоположению, потому что другой сопутствующей связи, устанавливающей отношение управляемого слова к главному, кроме самого управления, нет. Постановка же определения в управляемом падеже сама по себе, т. е. без соответствующего местоположения, не дает, как мы видели, законченного синтаксического построения с ясно выраженными синтаксическими отношениями, ср. приведенные выше примеры: *дом из камня стоит на горе* и *дом стоит на горе из камня*. Согласование же, применяемое при именах прилагательных, наоборот, устанавливает эту смысловую связь не только местоположением, но и формами числа, падежа и рода, общими для всего синтаксического сочетания. Поэтому здесь может ослабиться необходимость точного расположения слов. И если для русской речи вполне закономерны такие построения как *каменный дом стоит на горе,* где соблюдено также и правило местоположения, то все же, если не в разговорной речи, то в поэтической, возможно его нарушение и построение предложения с прилагательным, оторванным от определяемого им имени существительного: *дом стоит на горе каменный.*

Тут прилагательное *каменный,* согласованное в роде, числе и падеже с *домом,* сохраняет свою с ним связь и тем самым не так резко меняет смысл предложения. Хотя и здесь получается некоторый синта-

[1] Например, управления, см. стр. 74 сл.

ксический оттенок, придающий слову *каменный* предикативное значение (ср. *дом стоит на горе каменный*), все же в данном случае этот оттенок выступает не столь решительно, как в отмеченных выше построениях с управляемыми именами существительными: *дом стоит на горе из камня*, где перестановка слова *из камня* в конец предложения меняет синтаксическую группировку.

Благодаря сложности и богатству речевой структуры требуется известная точность в использовании различных синтаксических выражений для передачи одной и той же синтаксической функции. Так, например, смежность местоположения придает иную значимость приведенному выше предложению с обстоятельственными словами: *вышла девочка из этого дома*. Слова *из этого дома* в данном построении предложения стоят рядом со словом *девочка* и определяют ее как живущую в этом доме, а вовсе не как выходящую из него, ср. *девочка из этого дома вышла погулять; девочка, живущая в этом доме, вышла погулять* и, с другой стороны, *девочка вышла из этого дома*. В последнем примере местоположение ясно указывает на синтаксическую связь слов *из этого дома* с глаголом *вышла*. Они образуют собою одно синтаксическое целое, так же как и *дом из камня* образует собою тоже одно синтаксическое целое. Во втором примере мы имеем обстоятельство места при сказуемом, а в первом — определение при определяемом (подлежащем). В обоих случаях содержится, в конечном итоге, выражение зависимых отношений.

Как мы только что видели, все три различные способа синтаксических выражений: местоположение, управление и согласование,[1] устанавливаемые строем языка и закрепляемые за передачей определенного содержания, сохраняют свою силу при всех своих разновидностях, хотя и имеют различный удельный вес. Управление без смежности местоположения утрачивает точность в передаче своих синтаксических функций, прилагательные же, согласуемые с определяемым, равным образом обычно связываются с определяемым ими словом. В особенности это ясно выступает в тех языках, в которых используются артикли, например в немецком,— *ein grosser Mensch* — «большой человек». Прилагательные в этих языках помещаются между артиклем и его именем существительным. Здесь происходит также и замыкание, наиболее характерное для выражения синтаксического комплекса и тем самым для установления границ распространения данного членения предложения.[2]

Такого же рода замыкание наблюдается и в отношении обстоятельственных слов, даже дополнений, в немецком языке. В особенности это ясно выступает в прошедшем и будущем временах, где сложно-составная глагольная форма расщепляется и между своими разделившимися составными частями включает примыкающие к ней слова, например, *unser Pronomen wird seit alter Zeit mit Substantivis verbunden* — «наше местоимение с давних пор связывается с именами существительными».[3] Относящиеся к глагольной форме *wird verbunden* обстоятельственные слова *seit alter Zeit* — «с давнего времени» и косвенное дополнение *mit Substantivis* — «с именами существительными» оказались замкнутыми составными частями глагола *wird... verbunden*. Благодаря этому все

---

[1] См. стр. 42 сл., 74 сл., 90 сл.

[2] См. стр. 50 сл.

[3] В качестве примера мною использовано в данном случае выражение, встреченное в работе B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen. Grundriss, Band III, Theil 1, S. 502.

построение внешне производит впечатление одного члена предложения, развернутого в своих составных частях.[1] В приведенном примере смыкающиеся слова оформлены каждое в отдельности соответствующими морфологическими показателями, но все же их подчиненная синтаксическая роль другому слову, в данном случае глаголу, выражена синтаксическим же приемом, замыканием.

Я не предполагаю говорить сейчас о том, что представляет собою только что упомянутый синтаксический прием (замыкание) и каковы его отношения к другим видам синтаксического выражения. На этом мы уже имели повод остановиться несколько подробнее в предыдущей главе.[2] В настоящем примере меня интересует не то, какими средствами осуществлено это построение, а то положение, какое занимают в нем обстоятельственные слова.

Второстепенное, подчиненное значение обстоятельственных слов не вызывает ни у кого сомнения, поэтому они обычно и именуются второстепенными членами предложения. Равным образом, никем не оспаривается наибольшее тяготение этих слов к сказуемому и их точно определенная синтаксическая при нем роль. Но занимают ли они хотя бы подчиненную, но самостоятельную позицию в предложении или же входят в состав синтаксической группы другого члена предложения, представленного в развернутом виде, это еще окончательно не разрешенный вопрос. Мне кажется, что этот вопрос и не может получить окончательного разрешения в общей и единой формулировке, обязательной для всех языковых структур.

Все зависит от степени самостоятельности синтаксического оборота, которая далеко не одинакова в различных языках. Так, например, говорить о самостоятельности обстоятельственных слов в составе инкорпорированного комплекса, естественным образом, не приходится. В индейском предложении из языка цимшиан (Северная Америка): *tyukligilo ə'-epdalot* — «он начинает куда-то вниз совать это», обстоятельственные слова не выделены на особую позицию в предложении. Субъект *t* — «он», предикат *yuк ...dal,* представленный двумя словами со значением «начинание ...сование» и объект *ot* — «это» включили в свой состав обстоятельственные слова *ligi* и *loə'ep,* означающие: первое — неопределенное место, а второе — нижнее место.[3] Они, являясь элементами инкорпорирования, не выступают членами предложения, какими не выступают также ни субъект, ни объект, ни предикат. При их наличии в самом высказывании и в инкорпорированном строе предложения, все же в последнем нет подлежащего, прямого дополнения и сказуемого. Тем более нет в подобной конструкции отдельно выделенных обстоятельств. Все сливающиеся воедино слова образуют предложение, но не образуют его членов. Об этих сливающихся словах можно говорить лишь как о частях инкорпорированного построения предложения.

Равным образом, об обстоятельствах, как об отдельном члене предложения, не может быть речи и в таких построениях, в которых при отсутствии полного инкорпорирования сохраняется частичное инкорпорирование, выделяющее основные члены предложения.[4] Инкорпориро-

---

[1] Ср. также примеры, приведенные на стр. 50—64.

[2] См. стр. 50 сл.

[3] Пример из языка цимшиан заимствован мною у В. Г. Богораза, см. его статью «Луораветланский (чукотский) язык» в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 7.

[4] См. стр. 26 сл.

вание, в этих случаях, ограничивается включением уточняющих слов в состав этих главных членов. Инкорпорирование становится в данном его состоянии не менее показательным, чем в первом. Там данный синтаксический прием, примененный в полной мере, указывает на восприятие всего построения как единого целого. Оно воспринимается без его дифференциации по самостоятельным слагаемым частям единого высказывания, что и выражается в отсутствии дифференциации по членам предложения. Теперь, при частичном инкорпорировании, выделяются отдельно воспринимаемые части предложения, но внутри их сохраняется тот же прием слияния, ограниченный на этот раз дополнительными, при главном, элементами в пределах их слитного восприятия. Следовательно, сам синтаксический прием с достаточной ясностью указывает на те более тесные взаимоотношения, которые существуют между слагаемыми частями, вскрывая тем самым действующие в языке синтаксические связи. В языках других систем, не пользующихся приемом инкорпорирования, такие связи между более обособляющимися частями предложения выступают не всегда с такой же отчетливостью.

Возьмем пример из гиляцкого языка: *тыган веурдь* — «эта-собака бежит-хорошо». Русскому соответствию «хорошо бежит» отвечает гиляцкое *веурдь,* представленное одним словом. В этом слитном выражении предиката, занявшего самостоятельное место члена предложения, выделяется слово *ӯрла, ур* — «хорошее качество», стоящее в конце комплекса и тем самым выдвигаемое, по правилам гиляцкой речи, на первое по своему значению место среди других. Ему должно предшествовать уточняющее его слово, выступающее в аттрибутивном значении. Таким аттрибутивным добавлением к основной части предиката оказывается, в данном случае, слово *ве* — «бег». Таким образом, хорошее качество собаки определяется ее бегом. Т. е. то, что в русском переводе будет обстоятельством (*хорошо*), оказывается основной формой предиката, а то, что в русском выражено глаголом, в гиляцком получает аттрибутивное значение. Очевидно, взятое нами предложение воспринимается в гиляцком языке не в действии, а в состоянии.[1]

Иное положение встречаем в тех конструкциях, в которых обстоятельственная характеристика действия или состояния выражается самостоятельно, но и тут в вопросе о степени их самостоятельности решающее значение имеют те способы их выражения, которые используются в предложении для их передачи. Весьма показателен в этом отношении нижеследующий пример из того же гиляцкого языка: *толф кекъ хумдь урдь* — «летом лиса живет хорошо». Два наличных здесь обстоятельственных слова *толф* — «летом» и *урдь* — «хорошо» выражены далеко не одинаковыми синтаксическими приемами, хотя оба они занимают самостоятельную позицию в предложении. Одно из них (*толф*) стоит в начале предложения, не сливаясь с последующим именем. Такое его положение указывает на самостоятельную его значимость в предложении. Не являясь подлежащим, которым по смыслу всего построения будет стоящее за ним слово *кекъ* — «лиса», это впереди стоящее слово *толф* приобретает свое особое значение, но не аттрибутивное, так как определение всегда в гиляцком языке сливается с определяемым словом, что не имеет места в рассматриваемом нами построении.

Другое интересующее нас слово *урдь* — «хорошее качество [хоро-

[1] Собака хороша своим бегом.

шо]» помещено в конце. Таким образом, на последнем месте в предложении, вместо ожидаемого нами наречия «хорошо», стоит предикативная форма с ее характерным для гиляцкой речи показателем сказуемости — *дь*. Такой предикат не снабжен на этот раз никаким дополнительно тяготеющим к нему словом, и сам он ни к кому не тяготеет, занимая отдельное в предложении место. Этому не мешает наличие перед ним другого предиката *хумдь* — «жизнь [живет]», равным образом стоящего обособленно и снабженного тем же показателем сказуемости — *дь*. Связь этих двух сказуемых устанавливается только контекстом, так как каждое из них может выступать в предложении в отдельности, например: *толф кекъ урдь* — «летом лиса хороша».

Таким образом, мы имеем в данном гиляцком предложении два одинаково оформленных сказуемых при одном общем для них подлежащем *кекъ* — «лиса». Буквально точный, т. е. с соответствующим сохранением синтаксических выражений, перевод на русский язык гиляцких слов *кекъ хумдь урдь* — будет — «лиса живет [и] хорошеет». Вместо обстоятельственного оборота мы видим в данном случае предикативный и потому никаких предположений о наличии тут наречия как части речи, или обстоятельства как члена предложения быть не может. Такое еще недифференцированное положение обстоятельств в гиляцком языке не только включает их в состав сказуемого, но и дает им возможность выступать в самостоятельном предикативном оформлении.[1]

Совершенно в ином положении, как мы видели выше, находятся те, с нашей общей точки зрения, обстоятельственные обороты, которые выражены вне комплекса сказуемого и вне предикативного оформления. Такое положение мы уже встречали, когда речь шла о слове *толф* — «лето (летом)». Соседство двух слов *толф кекъ* в приведенном выше предложении вовсе не означает примыкания одного из них к другому. Под примыканием понимается синтаксический прием для установления связи между словами предложения, но для установления этой связи в гиляцком языке существует не примыкание, а инкорпорирование. Тесная синтаксическая связь между рядом стоящими словами при инкорпорировании сливает их воедино, поэтому раздельное помещение их свидетельствует вовсе не о такой связи между собою, а, наоборот, о раздельном их понимании в общем построении предложения. Если бы *толф* — «лето» оказалось в синтаксической связи со словом *кекъ* — «лиса», как его определение, то оно, как уже указывалось выше, слилось бы с ним в одно слово подобно тому, как сливается *урладыф* — «хороший дом». Следовательно, *толф* — «лето (летом)» выступает в этом предложении как самостоятельный член, дополняющий собою состав остальных членов предложения. Но, выступая таким самостоятельным членом предложения, *толф* не является ни аттрибутом при имени, ни обстоятельственным словом при глаголе.

Таким образом, в гиляцком языке нет обстоятельств, выступающих отдельным членом предложения. Те обстоятельства, которые относятся к сказуемому, или сливаются с ним, или выступают в отдельном оформлении предиката; те же слова, которые получают самостоятельную позицию в предложении, оказываются не обстоятельствами, а дополнениями.

Таким образом, отличием дополнения от обстоятельственного слова

---

[1] При таких условиях можно утверждать, что в гиляцком языке нет почвы для развития наречий.

будет более самостоятельная в предложении позиция первого и тесная связь последнего с глаголом и отглагольной формой. Различительная грань между ними, в отдельных случаях, устанавливается с большим трудом. Она зависит от степени восприятия говорящим синтаксических отношений между словами произносимого предложения. В этом отношении гиляцкий язык, сливающий синтаксические группы в инкорпорированные комплексы, тем самым более точно указывает позиции косвенных дополнений, не подчиняющихся такому слиянию.

Подобного рода дополнения в гиляцком языке выделяются не только тогда, когда ими устанавливается время совершения действия или время переживаемого состояния, но и тогда, когда ими уточняется место действия, его направление и т. д. Другими словами, то, что нередко относится нами к обстоятельствам места и времени, может в гиляцком языке получать отдельное от сказуемого выражение, причем дополнения с временным содержанием ближе стоят к подлежащему, а с характеристикой места действия сближаются по своему местоположению со сказуемым. Например, *ньи пхытыкрох видь* — «я к своему отцу пошел». В этом гиляцком предложении слова «к своему отцу» слились вместе в одну инкорпорированную форму *пх-ытык-рох* — «свой-отец-к», выступающую обособленно от других двух членов предложения, от подлежащего и сказуемого. На этот раз дополнение стоит между ними, т. е. перед сказуемым, тогда как в предложении *толф кекъ урдь* — «летом лиса хороша» дополнение *толф* — «летом» поставлено перед подлежащим. В такой различной постановке дополнений содержится, повидимому, особый семантический оттенок, который все же не придает дополнению аттрибутивного содержания, так как оно не подчинилось инкорпорированию. Следовательно, здесь стоит обособленное *летом,* а не «летняя лиса».

Таким образом, в первом гиляцком примере *толф кекъ хумдь урдь* имеются одно дополнение, одно подлежащее и два сказуемых, а во втором *ньи пхытыкрох видь* наличествуют подлежащее, дополнение и сказуемое. Чтобы получить более точную характеристику этих членов предложения, нужно яснее усвоить себе основные особенности структуры изучаемого языка. Несколько задержавшись на гиляцких предложениях, я постараюсь использовать их как пример для подобного рода научного анализа грамматического строя.[1]

Основным синтаксическим приемом для формального выражения синтаксических связей в гиляцком предложении является инкорпорирование. Инкорпорирование в этом языке ясно устанавливается единством ударения и выработавшимися правилами звуковых изменений. Благодаря этому в гиляцком языке ярче, чем во многих других, оттеняется то, что языковой строй выделяет на самостоятельное в предложении место. Выдвижение на такое самостоятельное место является, в свою очередь, результатом восприятия определенного слагаемого предложения в его самостоятельном значении. Такие части получают свое синтаксическое оформление (следовательно, считая и местоположение в предложении) в зависимости от своего отношения к общему смыслу высказывания. Таким образом, зависимость члена предложения в своем выделении и

[1] Гиляцкий язык, к сожалению, еще далеко недостаточно изучен, но все же действующая в нем система инкорпорирования прослежена во всех основных деталях. Поэтому, несмотря на слабую изученность языка, можно установить существующие в нем нормы членения предложения.

в своем оформлении от семантики предложения свойственна не одним только языкам аналитического строя, но всем языкам вообще. И, наоборот, если оформление какой-либо слагаемой части предложения зависит не от семантики всего предложения, а от другого слова в составе того же предложения, то она, воспринимаемая в связи с этим другим словом, отдельно не выделяется и позиции самостоятельного члена предложения не занимает. Это свойственно и языкам аналитического строя, применяющим иные приемы для передачи синтаксических отношений между словами, входящими в состав предложения.

В строе предложения слово занимает, как мы видели, или зависимое, или самостоятельное положение. По этим же показателям разделяются и члены предложения. Везде, где выступает членение предложения, имеется и материал для характеристики его членов с этой их семантической и формальной стороны. Даже при инкорпорировании можно проследить различное их положение, если само инкорпорирование расчленяется в составе предложения. Мы останавливались на этом строе предложения потому, что в нем членение ярче выступает благодаря слиянию слов. Так, в гиляцком языке не сливается то, что воспринимается в предложении как самостоятельные его части. Следовательно, то, что не подчиняется слиянию, выступает в этом языке в значении самостоятельных членов. Прием же слияния, наоборот, применяется для выражения зависимых отношений. Поэтому выразители зависимых понятий сливаются с выразителями господствующих.

Зависимость члена предложения обусловлена его синтаксической функцией, заключающейся в том, что он представляет в предложении носителя не отдельного понятия, выражающего предметность или процесс, а соответствующего их признака. Выразитель признака получает свое законченное содержание только в соединении с его носителем. Имя или глагол обладают определенными признаками, которые и передаются зависимыми от них членами. Последние не могут выступать без первых. В этом и заключается зависимость выразителя признака. Признак другого слова выступает в его определителях (аттрибутах), которые всегда, в этом их значении, лишены самостоятельного места в смысловой стороне предложения.[1] Это и будут при выразителе предметности — его определения, а при выразителе процесса — обстоятельства. Следовательно, ни те ни другие в самостоятельной позиции не выступают. Они, как выразители признака другого слова, тесно с ним связаны и от него зависят. Синтаксические между ними отношения будут тоже зависимыми. Это оказывается общим свойством определения и обстоятельства. В инкорпорирующих языках их нет, потому что они сливаются и отдельно в членении предложения не выступают. В языках с другим строем предложения они же не сливаются, но сохраняют ту же зависимую связь. И здесь синтаксические отношения остаются зависимыми, и средствами их выражения оказываются согласование у прилагательных, управление у имен существительных, примыкание и местоположение у них же и у наречий и замыкание. Когда кто-либо из них утрачивает свою зависимость, то сам становится носителем признака и в предложении выступает уже с самостоятельным значением, ср. *один-от молодой парень был, неженатик... только вдруг молодой,— ровно его кто под бок толкнул,— проснулся; хворый-то придумал дро-*

[1] Аттрибутивная функция, в широком понимании данного термина, и есть то, что обусловливает наличие в предложении зависимых членов.

бовичок завести и на охоту повадился; парень остался один. На руднике тихо. [1]

Иногда те же слова, выступающие определением и обстоятельством, сохраняя семантическую связь первые — с именами, вторые — с глаголом, все же и семантически от них отдаляются. Тогда их положение в предложении становится более самостоятельным, они не включаются в соответствующую синтаксическую группу и выступают уже косвенными дополнениями, ср. *кого мне бояться, коли я в горе роблю* (в горе — обстоятельство места); *ну, конечно, сыскали парня и в гору* (в гору — косвенное дополнение); *может, этот дурак от ума тогда говорил* (от ума — обстоятельство образа действия); [2] *от большого ума сошел с ума* (от ума — косвенное дополнение, сошел с ума — синтаксический комплекс лексического содержания, ср. сумасшедший).

Такого рода смысловые оттенки, ставящие слово то в более, то в менее зависимое положение, приводят зачастую к сомнению в том, в каком положении выступает данное слово в данном контексте: находится ли оно в зависимых отношениях с другими, или же зависимая между ними связь ослаблена. Поэтому нередко бывает весьма затруднительным дать точную характеристику положения слова в предложении. Оно может стоять близко, с одной стороны, к определению или обстоятельству, а с другой стороны,— к косвенному дополнению, ср. *сама тоже на ноги вскочила, прихватилась рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерка, побежала по камню-то* (там же). В этом предложении в неразрывной связи с глаголом находится только слово *за камень*, так как один глагол *прихватилась* не закончен в передаче своего содержания. Остальные же слова, как-то: *на ноги*, [3] *рукой* и *по камню* более самостоятельны, хотя и не порывают своих семантических связей с соответствующими действиями.

Тесная смысловая связь ведущего слова с тем, которое от него зависит, далеко не всегда обусловливает необходимость наличия в предложении также и зависимых слов. Определения и обстоятельства, как зависимые члены предложения, вовсе не везде оказываются в такой органической связи со словом, занимающим господствующее по отношению к ним положение. Напротив, как зависимые члены, они отличаются тем, что их присутствие в предложении может оказаться и необязательным для полноты синтаксического построения. Их присутствие вызывается или семантикой словосочетания, в котором ведущее слово не закончено в своем синтаксическом выражении, или же семантикой контекста. В последнем случае они обязательны только для данного контекста, но не для законченности содержания предложения вообще. Непременными членами остаются лишь главные члены, зависимые же, в качестве выразителей признаков самостоятельных членов, могут ока-

---

[1] П. Бажов. Малахитовая шкатулка, Сказы старого Урала, рассказ «Медной горы хозяйка». Изд. «Советский писатель», Москва, 1942.

[2] Примеры из того же рассказа П. Бажова.

[3] *Вскочить на ноги* до известной степени сближается с идиоматическим оборотом. *Вскочить*, в значении *быстро встать*, можно, при предварительном сидячем положении, в первую очередь только на ноги. Следовательно, *вскочить на ноги* и *вскочить на какой-нибудь предмет* представляют собой совершенно различного типа словосочетания. Можно просто вскочить, можно вскочить на какой-нибудь предмет. Просто вскочить уже содержит в себе встреченное нами в уральском сказе выражение *на ноги вскочила*. Следовательно, здесь дополнения, как отдельного члена предложения, по существу нет. Это дополнение появляется в развитие содержания самого глагола, а не в развитие содержания излагаемого текста: *вскочить на ноги* и *вскочить* — одно и то же.

заться лишними, в особенности когда требуемое выражение признаков уже представлено и без них, например, в самом ведущем слове,[1] ср. *на ноги вскочила и побежала по камню*. Для законченного высказывания с тем же содержанием вполне достаточно такого выражения, как *вскочила и побежала по камню*, а для законченного предложения достаточно и одних сказуемых *вскочила и побежала*.

Если тут дополнительные слова выступают не столь ярко выраженными в своей зависимости, то можно привести значительное количество примеров с явно выраженными зависимыми членами, которые в большинстве случаев все же оказываются в том же свободном положении в смысле возможности освобождения их от обязательного присутствия в предложении.

Они могут опускаться, но тем не менее наличие их уточняет смысловую сторону высказывания, например, в предложении *к такому простому и в сущности правильному объяснению нередко примешивались и соображения другого порядка* (П. Бажов, там же «У караулки на думной горе»).

Простое и в сущности правильное объяснение противопоставляется соображениям другого порядка. Эти соображения примешивались не ко всякого рода объяснениям, а к тем, изложенным выше, которые представляются простыми и в сущности правильными. Для данного контекста такие зависимые по своему оформлению вставки обязательны, для другого могут быть и излишними, ср. *к такому объяснению примешивались и соображения другого порядка*, и т. д.

Таким образом, членение предложения с выделением его самостоятельных и зависимых членов в значительной степени зависит от смысловой стороны каждого контекста. Им устанавливаются те синтаксические отношения, по которым выясняются границы синтаксических группировок. Весь вопрос, следовательно, сводится к этим устанавливаемым границам. Так как они зависят от смысла высказывания, то без точного его выявления не удается выделить состав образуемых групп. Иногда, в тех случаях когда на помощь выступает не только смысл предложения, но и смысл самого слова, действующие синтаксические отношения улавливаются многим легче. Смысловая сторона синтаксического построения смыкается при этом положении со смысловой стороной используемого слова. Последнее, по своей собственной семантике, может требовать наличия уточняющего слова, без которого оно само неполноценно. В таких случаях выступают зависимые члены в полном смысле данного термина.[2]

Такую зависимость можно устанавливать и по смыслу контекста. Это будет второй путь образования зависимых членов. По образующимся синтаксическим отношениям и по оформлению их и здесь выступает зависимость одного слова от другого, но такая зависимость устанавливается не семантикой какого-либо слова самого по себе, а смысловыми заданиями контекста. По смыслу предложения включаются уточняющие слова к другому слову, которое полнозначно и без них, но которое, тем не менее, получает более развернутое содержание, требуемое не им, а смысловой направленностью всего высказывания. Вклю-

[1] В особенности при так называемых внутренних дополнениях, ср. «петь песню» и др.

[2] Примеры с такого же рода зависимым положением члена предложения, включаемого в синтаксическую группу по семантическим свойствам соответствующего глагола, см. на стр. 85 сл.

чаемое слово получает оформление, придаваемое ему тем, от которого оно семантически зависит, и тем самым входит в состав одной с ним синтаксической группы,[1] ср. *поставишь незнамого человека, а он, может, от немцев подосланный* (там же «Две ящерки»). В этом случае имеется в виду не всякий подосланный человек, а *незнамый* человек, подосланный немецкой администрацией рудника. Такое смысловое соединение слов дает, равным образом, границы синтаксической группы, устанавливающей зависимое положение члена предложения, ср. *из старых рабочих на медном заводе только того парнюгу оставили, который про немецкую подлость мастерам сказал* (там же). И тут имеются в виду *старые* рабочие *медного* завода и парнюга, который говорил мастерам о подлости той же бывшей *немецкой* администрации, ср. *поймай-ко ты мне щегленка поголосистее да чечетку побойчее* (там же «Каменный цветок»). Поймать требуется не простого щегленка и чечетку, а *поголосистее* и *побойчее*, ср. *с той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать* (там же). Он стал не просто бегать, а *бегать в лес,* так как время было ягодное и травы все были в цвету, и т. д. Здесь границы и структура синтаксических групп устанавливаются смыслом предложения.

Еще яснее выделяются принципы объединения в такого рода построениях, в которых само оформление зависимых или самостоятельных слов указывает на различное их положение в предложении. Слово может стоять в падеже, управляемом другим словом, но может стоять и в падеже, который своей семантикой указывает, в каком значении используется данное слово в предложении и каковы его синтаксические отношения к другим словам.[2] Например, совместный падеж, в русском языке предложного образования, сам по себе может указывать на совместность в действии или состоянии. Все же и в этом случае вовсе не снимается целеустремленность получающегося словосочетания. Его семантика продолжает играть свою роль. Поэтому одно и то же падежное оформление оказывается используемым для передачи различной степени зависимости и самостоятельности, что обусловливается уже не самой падежной формой, остающейся той же самой, а смысловой стороной сочетания слов. Например, *человек с большим умом* и *мой сосед со своим другом.* В обоих примерах используется одно и то же падежное образование. Тем не менее эти падежные формы не равнозначны в передаче сложившихся синтаксических отношений в указанных примерах. Семантический оттенок первого словосочетания сближается с определением, ср. синонимическое с ним построение *очень умный человек,* тогда как семантическое значение второго словосочетания ставит управляемое слово на более самостоятельную позицию, ср. *мой сосед со своим другом пошли на охоту.* Здесь *мой сосед со своим другом* образуют группу подлежащего, состав которой не находится в таких же зависимых отношениях, как слова в предыдущем примере. Поэтому второе словосочетание может разбиться на два самостоятельных члена предложения, ср. *мой сосед и его друг по-*

---

[1] Зависимый член в этом положении оказывается более свободным, чем в первом. Там наличие его обусловлено семантикой господствующего слова, здесь же он семантически связан с этим же словом, но наличием своим обязан не ему, а контексту.

[2] Косвенный падеж обычно указывает на зависимое положение оформленного им имени. Поэтому косвенный падеж широко используется приемом управления.

шли на охоту.[1] Следовательно, степень самостоятельности и зависимости действительно устанавливаются, главным образом, контекстом. В частности, контекст второго примера и в первой своей разновидности не дает той степени зависимости, каковая требуется для единой синтаксической группы. По содержанию высказывания, слова *со своим другом* отмечают совместность действия, а не признак действующего лица. По существу тут нет тех синтаксических отношений зависимости, которые требуются для синтаксической группы. Следовательно, здесь не выступает та синтаксическая группа, о которой все время шла речь. *Со своим другом* оказывается, при таких условиях, косвенным дополнением, тогда как *с большим умом,* выражая признак другого имени, образует с ним вместе одну синтаксическую группу и выступает в ней определением.

Приведем еще один пример с более сложным выражением синтаксических отношений: *поглядели, а это Ванька Сочень с ковшом и прочим струментом по дороге шлепает* (П. Бажов, ц. с., «Змеиный след»). В этом примере использован глагол *шлепает*, который может иметь разные значения (*хлопать, хлопать ногами,* т. е. *итти*). Поэтому *по дороге шлепает* представляет собой синтаксическую группу, обусловленную семантикой глагола. Его выделяемая синтаксическая группа *по дороге шлепает* имеет при себе, но не в себе, добавляемые слова *с ковшом и прочим струментом.* Эти добавляемые слова оказываются по отношению к глаголу в других синтаксических связях, чем последующее *по дороге.* И если последнее выступает как явно зависимое по своим синтаксическим отношениям к глаголу, образуя с ним одну синтаксическую группу сказуемого, то первые отдаляются от нее. Их можно было бы характеризовать как полузависимые, т. е. в известной степени самостоятельные, но второстепенные, члены предложения. Это и будут косвенные дополнения.

Таким образом, мы подходим к более точному установлению синтаксических свойств выделяемых нами членов предложения. Определения и обстоятельства являются зависимыми членами предложения, косвенные же дополнения — полузависимыми, или второстепенными самостоятельными членами. О них, равным образом, придется сказать несколько слов.

9. КОСВЕННЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ В ИХ САМОСТОЯТЕЛЬНОМ И ПОЛУЗАВИСИМОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

Косвенные дополнения, выступающие в более независимой позиции, чем определения и обстоятельства, все же не занимают вполне самостоятельного положения в строе предложения. Косвенное дополнение сохраняет свою семантическую связь с соответствующим именем или глаголом. Не являясь их признаком, оно все же конкретизирует их смысловое положение в предложении, ср. *Татьяна, больная, лежит на кушетке в углу в полутьме* (М. Горький «Мещане»). Если в этом предложении *на кушетке в углу* может быть понято как обстоятельство

[1] Эти два подлежащих выступают единым субъектом действия. Они, так же как и *со своим другом*, передают совместность действия субъекта. Следовательно, здесь нет тех зависимых отношений, которые выступают в первом примере (ср. *человек с большим умом*).

места при глаголе *лежит*,[1] то *в полутьме*, во всяком случае, отделяется от синтаксической группы сказуемого, хотя по смыслу относится к нему. Оно более самостоятельно, чем приведенные выше обстоятельства места, и тем не менее не порывает своих смысловых отношений с тем же глаголом. Такое положение оказывается весьма характерным для косвенных дополнений, все же не снижающихся до аттрибутивного выражения при других именах или глаголах. Косвенное дополнение, в этом его понимании, может быть только второстепенным самостоятельным (полузависимым) членом предложения, так же как определения и обстоятельства могут быть лишь зависимыми членами. Если определения и обстоятельства, выраженные именами, получают в предложении полузависимое состояние, т. е. семантически начинают восприниматься как выходящие из соответствующей синтаксической группы, то они переходят в косвенное дополнение, и, наоборот, косвенное дополнение, вступающее в синтаксическую группу сказуемого, обращается в обстоятельство. Вступая в синтаксическую группу именного образования, оно же сливается с определением. Только прямое дополнение, как увидим ниже, занимает по своим свойствам особое весьма разностороннее положение в строе предложения.[2]

Мы уже видели, что по семантике глагола объект может оказаться обязательным его спутником. Только при его наличии в ряде отдельных случаев может получиться законченное сказуемое, ср. *шлепать по дороге, становиться веселым* и др. Здесь объект выступает в явно зависимом синтаксическом положении. Он или занимает положение обстоятельственного слова, или же, в своем словосочетании с глаголом, получает содержание лексического соединения слов, ср. *брать приступом, итти на пролом, итти на ура* (идиоматическое выражение). Здесь косвенного дополнения как отдельного самостоятельного члена предложения по существу нет. Имеется словосочетание со значительной долей лексического содержания, а не синтаксическое построение из отдельных независимых членов предложения. В таком положении может оказаться не только косвенный объект, но и прямой объект. Мы уже имели подходящий случай отметить это положение прямого объекта и привести несколько примеров.[3] Когда глагол не закончен в выражении своего действия без указания на предмет действия (объект), то последний, равным образом, попадает в зависимое положение и, конечно, управляется глаголом. Выразитель объекта вместе с выразителем действия дают, при этих условиях, законченное содержание сказуемому, и оба вместе могут получать единую лексическую семантику, ср. *бить тревогу*. Следовательно, и прямое дополнение может оказаться зависимым. Тогда оно отдельным самостоятельным членом предложения не выступает и в этом случае отдельного прямого дополнения, стоящего вне группы сказуемого, нет.

---

[1] Грань между обстоятельственными словами и косвенным дополнением, как мы видим, иногда становится весьма условной. Точно установить степень самостоятельности косвенного дополнения бывает, в отдельных случаях, крайне затруднительным. Считать же обстоятельственными словами только наречия невозможно, так как сами наречия имеют свое именное или глагольное прошлое, давшее наречную форму в связи со своим выступлением в синтаксической функции обстоятельства. Этот процесс выделения наречий продолжается и сейчас.

[2] Выше, на стр. 85—90, мы видели, например, что прямой объект (предмет действия) при глаголах определенной семантики вступает в состав группы сказуемого, как ее неотъемлемая часть. В этом случае и прямой объект оказывается в зависимом положении, получая иное качество в своем синтаксическом использовании.

[3] См. стр. 85—90.

Такое зависимое положение дополнений имеет место лишь в отдельных случаях, когда это вызывается семантикой глагола или имени. Смысловое значение высказывания в данном случае использует эту лексическую особенность, так же как использует и отдельное слово с его лексическими свойствами. Здесь наиболее ясно выступает взаимодействие слова и предложения, части речи и выделяемых в языке членений предложения. Если дополнение появляется не по семантике глагола, а по семантике предложения, то оно всегда занимает более самостоятельное место, чем зависимые слова, составляющие синтаксическую группу. Отсюда можно было бы прийти к заключению, что дополнение косвенное, а тем более прямое, выступает в предложении в значении самостоятельного его члена только по семантике последнего, а не по семантическим требованиям отдельных представителей частей речи. Особая семантика глагола, нуждающегося в объекте для законченности своего лексического содержания, придает глаголу этот объект не столько по синтаксической линии построения предложения, сколько по лексической стороне своего собственного смыслового значения. Эта лексическая обусловленность, идущая со стороны другого слова, ставит дополнение в явно зависимое положение. Дополнение или обращается в признак глагола,[1] или же входит в составную часть его лексического содержания.

Говоря о синтаксическом выражении косвенных дополнений, мы имеем в виду, главным образом, член предложения, зависящий от семантики предложения больше, чем от семантики отдельных входящих в его состав слов. При этом мы имеем в виду такой более самостоятельный член предложения, который занимает синтаксическое положение в построении предложения с наименьшим влиянием лексической стороны на образуемое словосочетание. Начнем с гиляцкого языка, как языка, ярко отражающего существующее членение предложения.[2]

Уже неоднократно отмечалось нами, что гиляцкий язык объединяет все зависимые члены в одно целое сливаемого сочетания слов (инкорпорирование).[3] То, что в нем выделяется, не подчиняясь действующим в языке правилам слияния, занимает в предложении самостоятельное место. При таком построении предложения наиболее ясно выступают его самостоятельные члены. Ими оказываются: подлежащее, сказуемое и косвенные дополнения. Что касается последних, то они по своему оформлению ничем от других самостоятельных членов предложения не отличаются. Их особенностью будет не оформление, а более свободное положение в предложении. В остальном они обладают теми же свойствами. Следовательно, в этом языке косвенные дополнения включаются в число тех членов предложения, которые занимают в нем самостоятельное место. Они, тем самым, характеризуются вполне ясно как самостоятельные члены в отличие от зависимых слов, которые, сливаясь с другими, не образуют особого членения. Таковы определения. Мы уже имели повод в своем месте указать, что определения, выступая в качестве аттрибутивных признаков имени, не воспринимаются в

---

[1] В таком случае получается обстоятельство.

[2] См. Л. Я. Штернберг, Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора. Изв. Ак. Наук, 1900; его же, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, 1908; его же, Доклад на XIV конгрессе американистов. Штутгарт, 1904, стр. 137 сл. См. статью Л. Н. Крейновича о гиляцком языке в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1934.

[3] См. стр. 28 сл.

гиляцком языке отдельно от самого носителя признаков и с ним сливаются в одно инкорпорированное целое.[1] Это, в свою очередь, содействует выяснению того, что именно оказывается в языке в зависимом состоянии и что занимает самостоятельное положение. Определения сливаются, косвенные дополнения не подчиняются правилам слияния. При наличии определяющих слов, которые подпадают под действие слияния, все три выступающие члена предложения, в том числе и косвенные дополнения, могут обрастать зависимыми от них словами. Получается, в этом случае, три инкорпорированных комплекса по числу отмеченных выше самостоятельных членов предложения.

Положение косвенного дополнения в инкорпорирующих языках типа гиляцкого можно продемонстрировать уже приведенным выше примером *ньи пхытыкрох видь* — «я к своему отцу пошел».[2] Здесь косвенное дополнение *пхытыкрох* — «к своему отцу» стоит обособленно от других членов предложения и занимает в предложении отведенное ему место перед сказуемым. Оно не сливается с другими, отмеченными выше членами предложения, что уже само по себе свидетельствует о том, что косвенное дополнение не содержит в себе зависимых отношений. Никаких сомнений в том, что оно воспринимается как самостоятельный член предложения, при таких условиях, быть не может. Косвенное дополнение находится в синтаксических отношениях с другими самостоятельными же членами предложения. Оно, так же как и другие такие же самостоятельные члены предложения, сливает с собой к нему относящиеся слова, ср. *пх-ытык-рох* — «своему-отцу-к». Но положение его все же имеет свои отличительные свойства, заключающиеся в том, что косвенное дополнение, хотя и самостоятельный член предложения, но дополнительный, необязательный для законченности высказывания. Оно помещается по смысловому заданию последнего и может быть опущено, когда того потребует контекст, без нарушения цельности остающихся частей предложения, вполне законченного по своему содержанию. При выпадении косвенного дополнения устраняется весь его инкорпорированный комплекс, ср. *ньи видь* — «я иду [я пошел]».[3] Таким образом, судя по материалам инкорпорирующих языков, в частности гиляцкого, косвенное дополнение выступает как самостоятельный, но второстепенный член предложения.

В том же самостоятельном положении выступает косвенное дополнение и в языках с синтетическим строем предложения. В них отношения самостоятельных членов предложения между собою выражаются соответствующими синтезирующими показателями.[4] Зависимые же отношения передаются, главным образом, согласованием в классе или роде в языках, имеющих классное и родовое деление имен, или управлением обычно притяжательного порядка, в котором изафетное построение получает свое вполне законченное место. Косвенное дополнение не подчиняется такого рода согласованиям и изафетным словосочетаниям. Оно может иногда включаться в расширенный притяжательный комплекс, но только путем замыкания. Само же косвенное дополнение не получает изафетных показателей как зависимый член. Косвенное допол-

---

[1] См. стр. 28—30, 55, 86, 91, 146.

[2] См. стр. 146.

[3] Предикативная форма на *-дь (ви-дь)* передает в гиляцком языке констатирование факта действия без особого оттенения его совершения во времени (тип аориста).

[4] Примеры см. в главе «Способы выражения синтаксических отношений», где говорится о синтетизме, стр. 33 сл.

нение и в этом построении выступает в качестве самостоятельного члена предложения. [1]

В тех синтетических конструкциях, в которых синтезирующим членом выступает глагол, последний наиболее ярко передает восприятие в языке самостоятельных членов, включая в число своих формантов их показатели. В числе таковых глагол может получать и показатели косвенных дополнений. Зависимые же члены не получают в таком глаголе никакого непосредственного отражения. Они связываются различными синтаксическими приемами с самостоятельными членами, к которым относятся и которые только своими собственными показателями соединяются с глаголом. Такие самостоятельные члены тянут за собою всю с ними связанную синтаксическую группу. Эта последняя отражается в глаголе лишь через ведущий член синтаксической группы, каким оказывается включившийся в эту группу самостоятельный член предложения, ср. суахели *nimevitunga vitabu hivi* — «я приготовил книги эти». В приведенном примере глагол *ni-me-vi-tunga* содержит в себе выражение субъекта *ni-* — «я» и классный показатель объекта *-vi-*. Он передает, таким образом, только самостоятельные члены предложения. Зависимые же отношения аттрибутов при имени устанавливаются в данном случае согласованием *vi-tabu hi-vi* — «книги эти», т. е. повторением в определении классного показателя определяемого слова, что и образует их синтаксическую группу. Последняя передается в глаголе классным показателем ведущего в ней слова *vi-tabu* — «книги», оказавшимся общим у глагола и у определения. [2] Косвенное дополнение в такую синтаксическую группу не включается. Оно само может образовать свою синтаксическую группу.

В таком же самостоятельном положении члена предложения выступает косвенное дополнение в целом ряде языков. Так, например, оно отчетливо выделяется в яфетических языках Кавказа, ср. в абхазск. *ag'atsa at'ssaqha at'ə iligoyt* — «мужчина женщине лошадь берет». Неоформленные падежом отдельные члены предложения, как-то: подлежащее, косвенное дополнение и прямое дополнение, в строго последовательном порядке, стоят перед сказуемым. Выступающий в последнем глагол *i-l-i-goyt* включил в свой состав показатели всех этих трех самостоятельных членов предложения. Первым своим показателем *i-* он указывает на класс пассивного не человека, к каковому принадлежит *at'ə* — «лошадь». Второй показатель *-l-* отмечает косвенный объект класса женщин (*at'ssaqha* — «женщина») и последний показатель *-i-*, стоящий непосредственно перед глагольной основой, отмечает класс действующего лица, в данном случае мужчину (*ag'atsa* — «мужчина»). [3]

---

[1] Косвенное дополнение может получать притяжательный показатель, но не в порядке зависимости. В этом случае выражаются не его зависимые отношения к другому слову, а, наоборот, зависимое отношение другого слова к нему. В подобных изафетных оборотах может участвовать любой самостоятельный член предложения, ср. алеутск. *адамин' асхину* — «моего отца дочь»: *ада-м* — «отца» (родит. падеж), *ин'* — притяжание 1-го лица; долгота в слове *осхину* означает притяжание 3-го лица (ср. *отца-моего дочь-его*).

[2] Соответствующие примеры из языков банту (зулу и суахели) и разбор этих примеров см. на стр. 33, 41, 46, 94, 155.

[3] Классными показателями в абхазском языке являются показатели действующего лица (активные): мужчин — *i*, женщин — *l*, не человека — *a*. Показатели пассивные (прямого объекта): человека — *d*, не человека — Косвенный объект получает общие показатели с действующим лицом. Пассивные показатели являются в то же время показателями лица, действующего и испытывающего состояние в безобъектных предложениях.

Выделяя таким путем самостоятельные члены предложения, глагол включает в их число своими показателями и косвенные дополнения.[1] Последние и здесь выступают самостоятельными членами. Их присутствие в предложении связывается с наличием их показателя в глаголе. Если они, по измененному смыслу того же предложения, опускаются, то выпадает и их показатель в глаголе, ср. *ag'atsa at' i-i-goyt* — «мужчина лошадь берет». Содержание этого предложения и без косвенного объекта закончено. Таким образом, позиция косвенного дополнения как самостоятельного, но второстепенного члена, ясна. Его присутствие в предложении необязательно, если это не требуется контекстом.

В тех языках, в которых синтетические связи слабы, самостоятельное положение косвенного дополнения выступает не столь отчетливо. Все же, при сопоставлении сходных построений различных языков, получается более или менее однообразная схема. Сравним, например, гиляцкое предложение, в котором, как мы уже видели, самостоятельные члены выделяются инкорпорированным членением предложения, с предложением ненецкого (юрако-самоедского) языка, в котором нет слияния зависимых слов. В нем самостоятельное значение косвенного дополнения выражается падежным оформлением, соответствующим его смысловому в предложении содержанию: гиляцк. *ньи пхытыкрох видь* — «я к своему отцу пошел»,[2] ненецк. *мань нинекахадан том* — «я от моего [старшего] брата пришел».[3] В этом предложении глагол *то-м* — «пришел» стоит в непереходной (безобъектной) форме, косвенное же дополнение *нинека-хадан* — «старший брат» поставлено в отложительном падеже 1-го лица притяжательного склонения («от моего старшего брата»). Глагол никаким показателем не связан с косвенным дополнением, и последнее оказывается на самостоятельном месте.

В тех языках, в которых зависимые отношения используют специально им приуроченный синтаксический прием, самостоятельные члены предложения, не подчиняясь этому приему, равным образом, выделяются яснее. Вместе с тем, яснее выступает и значение в предложении косвенного дополнения. Так, например, в тюркских языках зависимые отношения определения и обстоятельства, как мы знаем, устанавливаются примыканием.[4] Поэтому косвенные дополнения, оформленные падежом или послелогом, оказываются более самостоятельными и менее связаны своим местом в строе предложения. Когда имя выступает в значении определения или связывается с глаголом, получая функцию обстоятельства, оно примыкает неоформленной основой или получает застывшую форму падежа или деепричастия, ср. казахск. *арбалап тасы* — «телегами вози» (в значении объема, ср. телегами, а не тачками).[5] Здесь имя получает значение обстоятельства образа действия, семантически сближается с глаголом и соответственно переоформляется. Когда же имя выступает косвенным дополнением, оно семанти-

---

[1] Порядок размещения показателей самостоятельных членов в глаголе обратен порядку размещения самих членов предложения. В глаголе ближе к его основе стоит показатель субъекта, дальше от него показатель косвенного объекта, а перед ним показатель прямого объекта. В предложении, наоборот, на первом месте ставится подлежащее, за ним косвенное дополнение и перед глаголом прямое дополнение.

[2] Я повторяю здесь пример, уже приведенный и разобранный на стр. 146 и 154.

[3] Пример взят из работы Г. Н. Прокофьева, Ненецкий (юрако-самоедский) язык, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 47.

[4] См. стр. 67, 125.

[5] От слова *арба* образуется глагольная форма прибавлением вербального суффикса *-ла-*, от которой, в свою очередь, образуется деепричастие *арба-ла-п*.

чески отдаляется от глагола, оформляется надлежащим падежом и получает свободу местоположения, ср. *арбамен тасы* — «телегой [на телеге] вози» (в значении средства перевозки). Оформленное падежом косвенное дополнение получает в современном литературном языке свободу местоположения. Перестановка косвенного дополнения не влечет за собою изменения синтаксического значения слова. Меняется лишь оттенок его значения, так как логическое ударение в тюркских языках падает на то слово, которое стоит непосредственно перед сказуемым,[1] ср. казахск. *Мен кеше үйден шықтым* — «я вчера из дому вышел» (*йү-ден* — «дом» в исходном падеже), и в том же значении, но с изменением логического ударения *мен үйден кеше шықтым* и *үйден мен кеше шықтым*. Во всех приведенных построениях предложения косвенное дополнение выступает самостоятельным второстепенным членом.

Здесь разграничительным показателем является сам синтаксический прием, в особенности если он оказывается устойчивым в своем использовании. Одним приемом устанавливаются зависимые отношения, другим выделяются самостоятельные члены предложения. Так, например, в упомянутом выше ненецком языке зависимые отношения выражаются, главным образом, примыканием. Поэтому вызывает большое сомнение правильность отнесения к обстоятельствам места целого ряда оформленных падежом имен, например, в предложении *мякадани том* — «из своего чума я пришел». *Мякадани* — «из чума» стоит в отложительном падеже 1-го лица притяжательного склонения (*мягх* — «чум») и образует по форме полную аналогию с приведенным выше косвенным дополнением в предложении *мань нинекахадан том* — «я от моего старшего брата пришел». Между тем в грамматике этого языка одна форма отнесена к обстоятельствам места, а другая к косвенным дополнениям.[2] Едва ли следует проводить подобного рода деление на косвенные дополнения и обстоятельства, пренебрегая формальными показателями и опираясь лишь на обычное понимание семантики обстоятельственного слова. В этом случае формальная сторона может служить более надежным критерием. Она в своем происхождении не случайна, и продолжающееся применение ее указывает на соответствующее восприятие действующих в языке синтаксических отношений.

Если в языке стойко такое использование различных синтаксических средств, то вопрос о членении предложения разрешается сам собою. При инкорпорировании и в значительной степени при синтетизме мы видим известную долю устойчивости именно в этом направлении. При развитии же различных видов морфологического оформления такой формальный признак начинает колебаться. Один и тот же синтаксический прием начинает использоваться в различных назначениях, и членение предложения становится более сложным. В связи с этим отмеченная выше более или менее отчетливая позиция косвенного дополнения выступает далеко не везде. Стоит зависимым отношениям получить более широкие возможности своего выражения различными синтаксическими приемами, как выделение косвенного дополнения по формальным показателям становится уже более затруднительным. Такое положение наблюдается, в частности, в индоевропейских языках. В них не только согласование, но и управление падежом может использовать-

---

[1] См. С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, 1941, стр. 101—102, § 161.
[2] См. Г. Н. Прокофьев, ц. с., стр. 47—48.

ся для передачи зависимых отношений.[1] Одно и то же падежное оформление может, в отдельных случаях, оказаться идущим и по линии управления зависимым словом и по самостоятельному оформлению слова в предложении. Так, творительный падеж в русском языке означает и орудие действия *руками взял* и обстоятельство *октавой взял* и т. д. Кроме того, глагол определенной семантики может требовать при себе имя в определенном падеже, например, *избегать суда, настаивать на суде, любить суд* и т. д. С другой стороны, один и тот же глагол может в связи с различными оттенками его значения сочетаться с именами в различных падежах, ср. *он жалеет свою лошадь* и *он жалеет рубля*. Здесь семантика синтаксического построения сталкивается с лексической семантикой отдельных слов и даже с семантическими их оттенками. Последние оказывают свое влияние на оформление слов в предложении, в чем участвует также и семантика последнего. В этих случаях расширяется круг зависимых слов и получается та сложная картина словосочетаний, о которой шла речь выше. Здесь косвенное дополнение местами снижается до полузависимого состояния.[2]

10. ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ В ЕГО РАЗЛИЧНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ (ЗАВИСИМЫЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВТОРОСТЕПЕННЫЙ И ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

Столь же различное синтаксическое положение занимает и прямое дополнение. Объект действия, наличный в высказывании, получает в различных языковых системах, а иногда и в одном и том же языке, далеко не однообразное выявление в строе предложения. Даже в русском языке, как мы имели уже повод отметить в обзоре различных приемов выражения синтаксических отношений, прямой объект вовсе не во всех случаях выступает в роли самостоятельного члена предложения. И он, в зависимости от семантики глагола, может вступать с ним в неразрывные синтаксические связи.[3]

Объект действия, в известной степени, является конкретизатором самого действия, направленного на определенный предмет. Отношение этого предмета к самому действию зависит от степени восприятия конкретности или отвлеченности последнего. Отвлеченное действие закончено в своем выражении само по себе. Прямое при нем дополнение выступает уже более самостоятельно, вводя конкретизацию, требуемую смыслом высказывания. Конкретное же производительное действие, наоборот, теснее связано с объектом, без наличия которого само конкретное значение глагола может в отдельных случаях не выявляться полностью, ср. *ученики берут урок, ученики берут тетради,* с другой стороны, ср. *ученики поют* [*романс*]. В одних языках, в частности в индоевропейских, степень связи со сказуемым зависит от смыслового значения каждого глагола, в других языках такого рода отношения между предметом действия и им самим могут устанавливаться и вне семантики единичного глагола.

Так, например, в гиляцком языке производительное действие воспринимается настолько конкретно, что оно не представляется в отдель-

---

[1] См. стр. 77, 125.
[2] См. стр. 177 сл.
[3] См. стр. 85 сл.

ности от предмета его направленности, если последний наличествует в предложении. Прямой объект и выразитель всякого переходного действия передают в этом языке одно цельное, неразрывное понятие. Поэтому объект подчиняется действующим в этом языке законам слияния слов, представляющих собою по их смысловому значению одну синтаксическую единицу. Именно такую единицу и образует переходный глагол с предметом его действия. Они настолько тесно смыкаются в гиляцком языке, что все аттрибутивные приложения, сопровождающие объект, сливаются вместе с ним в одно инкорпорированное целое сказуемого, ср. гиляцк. *ньи урладухтугхдь* — «я хороший топор выбрал». Прямой объект *тух* — «топор» с его качественным определителем *урла* — «хороший» приемом слияния присоединились к основному предикативному выразителю *ругхдь* — «выбор, выбирать».[1] Получился один инкорпорированный член предложения. Таким образом, в отличие от косвенного дополнения, которое, как мы видели, выступает на самостоятельном месте,[2] прямой объект в гиляцком языке получает настолько зависимое положение, что никогда не выделяется из инкорпорированной группы сказуемого и входит в ее основную часть, получая значение признака процесса действия.[3] Между тем прямое дополнение есть член предложения. Следовательно, прямым дополнением называется не всякий предмет действия, а только тот, который выступает отдельным членом предложения. Поэтому придется прийти к выводу о том, что прямого дополнения, как такового, в гиляцком языке нет, хотя выражение прямого объекта и существует.

В тех языках, в которых синтаксические отношения передаются не слиянием, а иными синтаксическими приемами, прямой объект выделяется и получает свое отдельное место в структуре предложения. Здесь положение его вариируется и, как увидим ниже, разнообразится, получая различное значение, начиная от зависимого члена и кончая самостоятельным, выступая даже в положении главного члена предложения.

Разнообразное положение прямого дополнения прослеживается, между прочим, в тюркских языках. В них прямое дополнение выступает в двух аспектах, то синтаксически сближаясь с глаголом, то отдаляясь от него. Как уже отмечалось выше, зависимые отношения в тюркских языках используют для своего выражения прием примыкания. Поэтому аттрибутивные признаки глагола в тюркских языках непосредственно примыкают к глаголу, оставаясь сами неоформленными падежом.[4] В том же положении оказывается и объект. Стоя перед глаголом и обозначая точно неопределенный предмет, прямое дополнение не получает в этих языках обычного окончания винительного падежа и сохраняет свое место непосредственно перед глаголом, ср. казахск. *ол газет оқыды* — «он газету [какую-то] читал», ср. *ол тез істейді* — «он быстро работает», *ол тез оқыды* — «он быстро прочел», где *тез* — «быстрый, быстро», поставленное неоформленно перед глаголом, выступает в значении обстоятельства. Во всех этих примерах примыкание пере-

---

[1] Другие примеры аналогичного построения см. на стр. 28 сл.

[2] См. стр. 154 сл.

[3] Ср. положение прямого дополнения в английском языке. Иногда связь глагола с прямым дополнением становится в этом языке столь тесной, что они сливаются в одно сложное выражение, которое уже не может быть разделено на составные части. см. сноску на стр. 162.

[4] Примеры см. на стр. 67, 125, 156.

дает зависимые отношения, в которых выступает и прямое дополнение. Если же объект получает конкретно определенное значение, то он оформляется винительным падежом, даже если и сохраняет свое место непосредственно перед глаголом, ср. *ол бұл газетті оқыды* — «он эту газету читал».[1]

Таким образом, неопределенный объект, неотделимый от глагола, оказывается в тюркских языках тесно с ним соединенным. Примыкание, в данном случае, нарушено быть не может. Здесь прямой объект подчиняется общим с остальными зависимыми членами (определением и обстоятельством) правилам и примыкает к господствующему слову, так же как и они. Не сливаясь с глаголом в одну синтаксическую форму, как это мы видели в гиляцком языке, где прямого дополнения, как члена предложения нет,[2] прямое дополнение в тюркских языках, при обозначении неопределенного объекта, все же выделяется отдельным членом предложения. Но тем не менее оно в этом своем значении не выходит из числа зависимых членов, для которых в тюркских языках характерно примыкание. Здесь зависимое положение прямого дополнения вызвано не семантикой глагола, а семантикой самого дополнения, так как обозначение определенности и неопределенности объекта не стоит в связи со смысловым значением другого слова. Когда семантика прямого дополнения меняется и оно выражает в предложении определенный объект, то синтаксическое его положение становится иным.

Прямое дополнение, обозначающее определенный объект, получает в тюркских языках соответствующее ему падежное окончание (винительный падеж) и обычно даже по своему местоположению отделяется от глагола, ср. *бұл кітапты мен алдым* — «эту книгу я взял», *ит үйді жақсы күзетеді* — «собака дом хорошо караулит», где прямые дополнения *кітап-ты* — «книгу» и *үй-ді* — «дом» стоят в винительном падеже. И здесь падежная форма прямого дополнения зависит от его собственной семантики, а не от семантики глагола. Винительный падеж появляется тогда, когда прямой объект получает в контексте предложения значение определенного объекта.[3] Следовательно, падежное его оформление не управляется глаголом, а стоит в зависимой связи с семантическим оттенком самого данного члена предложения.

Не менее ясно такое же различие в оформлении определенного и неопределенного объекта прослеживается в целом ряде языков совершенно иной структуры, чем тюркские. Так, например, в адыгейском языке Северного Кавказа проводится того же рода различение в оформлении объекта даже более наглядно, чем в тюркских. В последних, при их номинативном строе предложения, имеется универсальная форма подлежащего и винительный падеж, выступающий только в прямом дополнении. Предложения состояния и предложения переходного действия не различают падежей подлежащего и форм сказуемого. В предложениях же эргативного строя, наличествующего и в адыгейском языке, выделяются разные падежи подлежащих переходного и непереходного действия, и сам глагол в своем построении меняется. Поэтому в языках эргативного строя различное значение объекта выступает значительно более ясно. Так, в адыгейском языке прямой (пассивный) падеж получает суффикс *-р* при определенной форме прямого дополне-

---

[1] См. С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, 1941, стр. 26, §§ 59, 60
[2] См. стр. 28.
[3] См. С. Кенесбаев, ц. с., стр. 26, § 60.

ния.[1] Когда же прямое дополнение носит общее содержание переходности вообще, а не переходности на точно определенный объект, то оно получает неопределенную форму, лишаясь упомянутого выше суффикса. Строй предложения при этом не меняется. Подлежащее сохраняет форму активного (косвенного) падежа на *-м*, глагол остается в той же переходной форме, но объект уже не получает падежного оформления. Все же переходность действия и в последнем случае наличествует, что свидетельствуется и падежом подлежащего и построением глагола. Следовательно, объект как таковой продолжает осознаваться в обоих случаях, хотя и с различными его оттенками, ср. *чэтыу-м цыгъо-р еубыты* — «кошка [определенная] мышь [определенную] ловит», *четыу-м цыгъо еубыты* — «кошка мышей [вообще] ловит». Оба предложения выражают переходность действия. В обоих одинаково оформлены и подлежащее и сказуемое. Изменению подверглось лишь прямое дополнение. Для перестройки всего предложения требуется совершенно иное, необходимо отсутствие объекта, чего в данном случае нет. Если объект будет вовсе отсутствовать, то подлежащее вместо активного (косвенного) падежа на *-м* окажется стоящим в прямом падеже на *-р*, а глагол изменит переходную огласовку своего корня *-ы* на непереходную *-э*. Изменится и показатель лица. Вместо префикса непереходности 3-го лица *ма-* выступает префикс переходности того же лица *е-*, ср. *шъузы-м джанэ-р е-ды* — «женщина рубаху шьет» и *шъузы-р ма-дэ* — «женщина шьет [вообще]». Тут изменению подверглось все построение предложения, так как с утратой объекта предложение становится безобъективным. Подлежащее получает другой падеж, сказуемое получает другую форму. В наших же приведенных выше примерах с определенным и неопределенным объектами этого не случилось, ср. *чэтыу-м цыгъо-р еубыты, чэтыу-м цыгъо еубыты*. Перемене подверглась только форма прямого дополнения.[2] И это изменение происходит, конечно, по его, прямого дополнения, смысловому значению в предложении. Здесь семантика глагола не при чем. Прямое дополнение в своей форме зависит только от своего собственного значения в предложении.[3]

На указанных выше примерах даже разносистемных языков мы видим, что прямое дополнение получает в них значительное тяготение к самостоятельному значению в предложении. Форма прямого дополнения, как мы видели, не зависит от семантики глагола. Следовательно, ни в тюркских языках, ни в яфетических Северного Кавказа не может, в рамках данных сопоставлений, итти речь об управлении падежом прямого дополнения со стороны глагола.[4] В приведенных примерах не от глагола зависит та или иная форма этого члена предложения. Наоборот, семантика самого прямого дополнения устанавливает и свою форму и свое отношение к глаголу, то более близкое к нему, то более

[1] Тот же прямой (пассивный) падеж оформляет подлежащее при непереходном действии и состоянии.

[2] Здесь наличие и отсутствие объекта при одном и том же глаголе дает различное его залоговое построение, определенность же и неопределенность объекта не отражаются на залоговых изменениях глагола; ср. обратное в ненецком языке, в котором залоговое оформление глагола отражает определенность и неопределенность объекта, см. стр. 255.

[3] См. Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка. 1941, стр. 42, 45, 321—322, 385.

[4] Я имею в виду именно приведенные примеры, наиболее характерные для данного языка. В то же время я не берусь отрицать того, что в отдельных случаях, в зависимости от смыслового значения определенных глаголов, возможно и управление ими падежом дополнения. Но это будет особая серия глаголов.

далекое. Неопределенный объект сближается с глаголом, примыкает к нему, включается в одну с ним синтаксическую группу и становится в тюркских языках зависимым членом предложения по своему собственному в нем значению, по смысловому значению данного контекста. Определенный объект отступает от глагола и получает все данные для признания его самостоятельно стоящим в предложении. Это выступает прежде всего в тюркских языках, это же устанавливается и в яфетических языках, но с некоторой оговоркой. Полного тождества в них не имеется. В тюркских языках прямое дополнение может получать зависимое положение, входя в синтаксическую группу сказуемого (при неопределенном объекте), и может выступать самостоятельно (при определенном объекте). В яфетических же языках Кавказа и в первом случае положение прямого дополнения более самостоятельно.

Различие в положении прямого дополнения в тюркских языках, с одной стороны, и в северокавказских, с другой, заключается не в этой самостоятельности в оформлении прямых дополнений определенного и неопределенного объекта. Они и в тех и в других языках получают свое оформление по своему собственному смыслу. Различие заключается в степени такой самостоятельности. В этом отношении проведенное сопоставление весьма показательно. В тюркских языках прямое дополнение при всей своей самостоятельности падежно оформленного члена предложения (т. е. стоящего в винительном падеже) все же не оказывает влияния на построение предложения. Оно включается или опускается без изменения формальной стороны других членов предложения. Это — самостоятельный второстепенный член, столь характерный для номинативного строя предложения. В яфетических языках эргативного строя, наоборот, прямое дополнение, как мы только что видели на примерах адыгейского языка, является обязательным членом предложения семантики переходного действия. Без него не может быть переходного построения глагола и активного падежа подлежащего как при определенном, так и при неопределенном объекте. Здесь, как увидим ниже, прямое дополнение подымается уже до степени главного члена предложения. [1]

Конечно, далеко не во всех языках положение прямого дополнения вырисовывается с одинаковой ясностью, и едва ли удастся установить единую общую схему. В этом отношении только что привлеченные нами агглютинативные языки могут оказаться легче поддающимися анализу, чем языки флективные.

В тех языках, в которых синтаксические приемы не приурочиваются с такой же точностью к передаче одних каких-либо синтаксических отношений, положение прямого дополнения устанавливается и по формальной стороне и по семантике, как своей собственной, так и других, связанных с ним слов. Здесь положение прямого дополнения значительно осложняется. [2] Нам уже приходилось, говоря о косвенных дополнениях, отметить, что такого рода расширение использования одного и того же синтаксического приема в нескольких направлениях наблюдается

---

[1] См. стр. 164.

[2] Ср. с английским языком, в котором выступает тесная связь прямого дополнения со сказуемым (глаголом). Существительное, стоящее непосредственно после глагола, воспринимается, в этом языке, как прямое дополнение. Между ним и глаголом не может стоять никакое слово, кроме косвенного дополнения, см. Б. А. Ильиш, История английского языка, 1938, стр. 37 сл., §§ 107—112, стр. 61, § 180 сл., стр. 226, § 371.

в индоевропейских языках.[1] В них положение осложняется еще и тем, что сам глагол, по своему собственному содержанию, может требовать при себе постановки имени в определенном падеже. В этом случае связь падежного оформления имени с семантикой глагола разнообразится. Мы уже видели, что косвенные дополнения, в связи с семантикой глагола, стоят в различной степени своей от него зависимости. В том же положении оказывается и прямое дополнение.

Ряд глаголов, выступая в сказуемом, дает последнему законченное содержание только при условии включения в его состав также и соответствующего объекта. Такого рода тесную связь действия с его объектом можно отметить в целом ряде случаев, например: *Hélas! ma pauvre fille, dit M-me Castel en lui caressant les cheveux, ne te nourris pas de vaines espérances* — «Увы! Моя бедная дочь, сказала госпожа Кастель гладя ей волосы, не питайся тщетными надеждами» (Paul Bourget, Cruelle énigme, VI). В этом предложении глаголы «гладить» и «питаться» без указания на соответствующие дополнения могут дать совершенно искаженное понимание высказываемой мысли. Если госпожа Кастель гладит и советует питаться, то скорее всего можно подумать, что она предлагает закусывать в то время, как сама гладит белье. Для установления подлинного смысла высказывания семантика используемого в нем глагола нуждается в обязательном сопровождении указания на объект. Без такого указания содержание сказуемого остается неполным. При этом положении объект выступает непременным сочленом синтаксически группируемых слов, непосредственно связанных со сказуемым. Как косвенное дополнение в словосочетании *питаться тщетными надеждами,* так и прямое дополнение в такого же рода сочетаниях слов: *гладить волосы* оказываются семантически зависимыми от наличного глагола, ср. *он закусил, он закусил губы, он закусил удила* (идиоматическое выражение). В других случаях, когда семантика глагола сама по себе закончена его собственным содержанием, прямое дополнение оказывается более самостоятельным, ср. *он сел на диван и закурил.* Объект может быть в этом предложении добавлен (папиросу, сигару, трубку), но может быть и опущен, ср. также *она весь вечер гладила,* и *она весь вечер гладила белье, он сел и закусил,* с другой стороны, ср. зависимое положение прямого дополнения *он сел и закусил губы.* Такое состояние прямого дополнения, выступающего то зависимым членом в общей с глаголом синтаксической группе, то самостоятельным второстепенным членом предложения, не разрешается в этих случаях анализом одних лишь используемых синтаксических приемов. На этом приходилось останавливаться при их обзоре.[2]

Когда глагол в некоторых языках синтезирует своими показателями наличные в предложении самостоятельные его члены, тогда позиция прямого дополнения становится более четкой. Глагол включает в число своих формантов также показатели субъекта и объекта, или их самих, если они выражены местоимениями. Мы уже приводили соответствующие примеры из языков банту.[3] В них наличие тех или иных членов

[1] См. стр. 157.

[2] См. стр. 84—90.

[3] См. на стр. 33, 41, 45, 94, 155. На последних страницах приводятся также примеры построения глагола, включающего в себя субъект или объект в их местоименном выражении. В этом случае, при выражении объекта местоимением, включенным в глагольную форму, отдельного прямого дополнения нет, хотя выражение объекта и наличествует.

предложения обязательно, если их показатели имеются в сказуемом, но это их наличие, в свою очередь, обусловливается содержанием предложения. Выпадение соответствующего члена предложения влечет за собою изъятие из глагольной формы его показателя. Выпадать может то, что является необязательным для полноты передачи коммуникации, а так как последняя требует присутствия субъекта и предиката, то они и должны в том или ином виде получить свое выявление в предложении. Поэтому обязательным будет выражение субъекта и предиката, факультативным же окажется выражение объекта. Следовательно, в такого рода построениях главными членами оказываются подлежащее и сказуемое, второстепенным же выступает прямое дополнение. Зависимыми членами остаются только определения и обстоятельства, ср. уже использованный пример из языков банту: суахели *watu wanakisoma kitabu* — «люди читают книгу». Глагол *wa-na-ki-soma* содержит в себе классный показатель субъекта *wa-* и показатель класса, к которому принадлежит объект *-ki-*, наличествующие и в самих соответствующих словах в их начальном слоге.[1] Формально оба члена предложения, субъект и объект, равноправно представлены в глаголе, по содержанию же высказывания последний может быть опущен, ср. *watu wanasoma* — «люди читают». Здесь глагол, кроме показателя настоящего времени *-na-*, снабжен лишь показателем класса субъекта *-wa-*. Если изъемлется показатель времени, то глагол получает безвременное построение *watu wasoma* — «люди читают». Может и сам субъект включиться в глагольное построение. Это будет в первых двух лицах, когда соответствующее местоимение инкорпорируется в состав глагольной формы. В данном случае отпадает и особое выражение подлежащего, ср. *nisoma* — «я читаю» в значении «мне свойственно читать» и т. д. Во всех указанных построениях прямое дополнение может выступать только самостоятельным второстепенным членом предложения.

Совершенно в особом положении находится прямое дополнение в тех языках, в которых сама структура предложения меняется в зависимости от наличия или отсутствия в нем прямого объекта. Здесь не семантика глагола, а семантика предложения может требовать наличия в нем объекта, а в связи с этим соответственно оформляется все предложение. Подлежащее получает свою особую форму (активный падеж). Сам глагол становится изменчивым в своем построении. Он получает одно построение, когда в предложении имеется объект, и изменяет его на другое, когда по смыслу предложения объект отсутствует.[2] В первом случае с наличием объекта связан весь строй предложения, и сам объект подымается уже до значения не только самостоятельного члена предложения, но и обязательного в данной его конструкции. Объект отражается в семантике предложения настолько, что в ряде языков выступает резкое противопоставление объектно построенных предложений и безобъектных, ср. в яфетических языках, в даргинском *адамъилu вашар* — «человек ходит», *варткел башар* — «олень ходит», *адамъий варткел хIабушиб* — «человек оленя убил». В последнем примере подлежащее стоит в эргативном

---

[1] Арабское слово *kitabu* оказалось включенным в языке суахели в класс имен на *ki-* по совпадению начального слога этого слова с таким же показателем имен в этом языке.

[2] Пример из абхазского языка см. на стр. 79. Ср. К. В. Ломтатидзе, Категория переходности в абхазском глаголе. Изв. Инст. языка, истории и материальной культуры Груз. Ак. Наук, XII, 1942, стр. 27.

(творительном) падеже (*адамъий*), а прямое дополнение (*варткел* — «олень») поставлено в том же падеже, что и подлежащее в безобъектных предложениях, ср. *варткел башар* — «олень ходит». То же самое имеем в языках чукотской группы, ср. в чукотском (луораветланском) *клявол чейвыркын* — «человек ходит», *кора чейвыркын* — «олень ходит», *кляволя кора нмыркынен* — «человек оленя убил».[1] И здесь при наличии прямого дополнения *кора* — «олень», подлежащее стоит в косвенном (творительном) падеже: *клявол-я,* тогда как оно же в безобъектном предложении получает форму абсолютного падежа, т. е. того же, в каком стоит само прямое дополнение, ср. *кляволя кора нмыркынен* — «человек оленя убил» и *кора чейвыркын* — «олень ходит».[2]

Отсутствие объекта при глаголе переходного действия обращает все предложение в непереходное. Примером подобного строя речи изобилуют яфетические языки Кавказа, некоторые индейские Северной Америки, северные (палеоазиатские) и целый ряд других. В этих языках подлежащее в предложениях непереходного действия или состояния ставится в «именительном» (абсолютном) падеже, подлежащее же в предложениях переходного на объект действия ставится в активном падеже.[3] Если в таком предложении объект действия опускается, то все предложение может обращаться в непереходное с подлежащим в «именительном» (абсолютном) падеже и сам глагол может получать непереходное построение. Мы имели уже случай привести в подтверждение этого положения ряд примеров из кавказских яфетических языков.[4] Используем сейчас аналогичный пример из североамериканского индейского языка немепу (сахаптинской группы): *tsiq'amqalm pakanpsa hatswala* — «собака кусает мальчика». Подлежащее стоит в активном, в данном случае поссесивном падеже, имея окончание этого падежа *-m,* сказуемое снабжено префиксом *pa-,* указывающим, что действующее третье лицо направляет свое действие на третье же. Если мы изымем из этого предложения объект действия и оставим только подлежащее и сказуемое, то первое окажется стоящим в неоформленном «именительном» падеже, а последнее получит показатель 3-го лица непереходного действия *hi-*: *tsiq'amqal hikanpisa* — «собака кусается» (букв. «собака кусает», где обозначается общее свойство собаки, а не конкретное ее действие, ср. *птица летает*).

Во всех приведенных примерах, при отмеченных выше особенностях в построении предложения, прямое дополнение, когда оно выступает в предложении, становится не только самостоятельным его членом, но и определяющим собою всю синтаксическую конструкцию. В предложении переходного действия прямое дополнение выступает в этих языках столь же обязательным членом, как и подлежащее со сказуемым. Здесь

---

[1] Примеры из даргинского языка даются мной по П. К. Услару, см. его «Хюркилинский язык», Этнография Кавказа, V, 1892 г. (по урахинскому диалекту). Эти примеры разобраны мной совместно с С. Л. Быховской, безвременно скончавшейся в 1942 г. Анализ примеров из чукотского языка проводился мной под руководством П. Я. Скорика. Примеры на прямое дополнение см. стр. 84—90.

[2] Более детальное описание эргативного строя предложения см. в моей работе «Общее языкознание», 1940, стр. 152—176. Ср. А. С. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в кавказских языках; стабильный и лабильный варианты этой конструкции. Изв. Инст. языка, истории и материальной культуры Груз. Ак. Наук, XII, 1942, стр. 221 сл.

[3] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 169.

[4] См. там же, стр. 68—69; ср. O. Jespersen, The philosophy of grammar. 1935, p. 88.

прямое дополнение уже главный член предложения.[1] При его отсутствии изменяется вся структура предложения, меняется оформление других главных членов. В этом отношении прямое дополнение резко отличается от косвенного. Последнее никогда не выступает в столь же значительной роли, как первое. Присутствие или отсутствие косвенного дополнения не может отражаться на построении всего предложения и на оформлении других, тем более главных его членов.[2] Прямое дополнение находится в совершенно иных условиях.

Семантика предложения играет тут решающую роль и определяет значимость выступающих в нем членов. Если предложение выражает непереходность действия, то главными членами его оказываются подлежащее и сказуемое. Предложения же с переходным действием должны иметь в своем составе отдельно выраженный объект. Следовательно, в нем обязательно присутствие прямого дополнения, которое в силу этого оказывается уже третьим главным членом предложения.

В индоевропейских языках с их номинативным строем предложения, в которых подлежащее всегда ставится в одном и том же именительном падеже и глагол своим оформлением связан только с этим подлежащим, отсутствие или наличие прямого дополнения никак не отражается на формальной стороне других членов предложения. Оно оказывается в известной степени факультативным, почему и можно говорить о наличии в этих языках только двух главных членов, подлежащего и сказуемого. Такой вывод возможен еще и потому, что структурно переходные и непереходные глаголы не различаются, ср. русск. *ид-у* и *бер-у*. При делении на переходность и непереходность в индоевропейских языках усиливается значение семантики самого глагола.[3] Но все же смысловое содержание предложения и тут не утрачивает своего значения. В частности, прямое дополнение, выступающее в предложении независимо от глагольной формы, которая никак его не отражает, может появляться или отсутствовать в составе предложения также и по смысловому заданию последнего. Поэтому и само оформление прямого дополнения может зависеть от этого задания, если оно не находится в особой семантической связи с глаголом. В предложении *я беру*, в отличие от *я иду*, мы склонны усматривать переходность действия только потому, что в нем присутствует переходный по своей семантике глагол. Но некоторые переходные глаголы, в зависимости от их семантики, могут выражать содержание и безобъектных предложений состояния, ср. *я читаю* и *я развлекаюсь*. Прямое дополнение при «читаю» присутствует или отсутствует уже по смыслу предложения и потому занимает в нем самостоятельное место.[4]

---

[1] Ср. о том же в грузинском языке, А. С. Чикобава, Основные тенденции развития синтаксического механизма простого предложения в грузинском языке. I, II. Сообщения Груз. Ак. Наук, II, № 1—2, 6, 1941, стр. 197—202, 551—568. То же положение прямого дополнения устанавливается исследователями горских языков Кавказа, например, в адыгейском, см. Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, 1941, стр. 24.

[2] Я не имею здесь в виду примеров синтетического построения, при котором и косвенное дополнение включает свой показатель в глагольную форму, о чем см. на стр. 154 сл.

[3] Ferd. Brunot указывает на такие глаголы, в семантике которых уже находится содержание объекта: *faire peur à un enfant* (ср. *effrayer*) — «внушать страх ребенку» (ср. «испугать»), *porter secours* (ср. *secourir*) — «приносить помощь» (ср. «помогать»), и др., ц. с. стр. 309; ср. то же в русском языке.

[4] См. Ф. И. Буслаев: «иногда и переходящий глагол употребляется в виде непереходящего» (Историческая грамматика русского языка, 1863, стр. 110, § 175).

Таким образом, при сравнительном обзоре языков различных систем выявляется различное в них положение прямого дополнения. В инкорпорирующих языках прямое дополнение отдельным членом предложения не выступает, оно сливается в едином комплексе сказуемого. В языках, разбивающих предложение на слова, прямое дополнение в отдельных случаях, подчиняясь семантике глагола, выступает в положении зависимого члена. Оно же может занимать и самостоятельное место второстепенного члена предложения, обусловленного своим наличием смысловой стороной высказывания. В некоторых языках, проводящих различие в структурном оформлении переходных на объект предложений и безобъектных, прямое дополнение оказывается в первых из них обязательным членом. Без него не получается выдержанного построения переходного предложения. При этих условиях весь строй предложения связывается с наличием объекта, и он получает тут, наряду с подлежащим и сказуемым, значение главного члена.

11. ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ (ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

В позиции только главного члена предложения выступают подлежащее и сказуемое. Являясь выразителями членов коммуникации,[1] субъекта и предиката, они, в случае своего наличия в предложении, оказываются носителями основных понятий высказывания. Поэтому подлежащее и сказуемое всегда самостоятельны.[2] Около них могут группироваться другие, по смыслу относящиеся к ним, слова, формально с ними соединяемые слиянием, согласованием, управлением и прочими синтаксическими приемами. Сами же они занимают господствующее положение. Такое их положение ясно выступает как в инкорпорирующих языках, так и в языках с морфологическим оформлением используемых слов.

Для установления общей схемы в заданиях общего языкознания

Н. П. Некрасов отрицает возможность деления глаголов на действительные, средние и т. д. (О значении форм русского глагола, 1865, стр. 31—35). Того же мнения придерживался В. И. Даль (Толковый словарь живого великорусского языка, 1863, I, стр. XXVII). Критический обзор высказываний по данному вопросу см. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, IV, 1941, стр. 197—201. А. А. Потебня делит глаголы на объективные (transitiva) и субъективные (intransitiva). Те из первых, которые требуют прямого дополнения, называются действительными, а остальные из них и все субъективные глаголы именуются средними (стр. 200). См. выше стр. 84—90.

[1] Под членами коммуникации я имею в данном случае в виду те выделяемые смыслом высказывания основные его понятия, которые в том или ином виде получают свое выражение в соответствующих языковых категориях, см. в следующем примечании.

[2] Синтаксические отношения между подлежащим и сказуемым устанавливают в различных языках различные связи этих двух главных членов предложения друг с другом. В ряде языков трудно говорить о согласовании сказуемого с подлежащим. Вполне равноправное положение сказуемого в его отношениях к подлежащему выступает во многих случаях достаточно ясно, ср. в грузинском языке, в котором «синтаксическая связь между глаголом и морфологически с ним связанными именами (субъектом, объектом) уже не может быть охвачена понятием простого согласования или управления: налицо взаимное управление (согласование) имен и глагола, координация» А. Чикобава, Основные тенденции развития синтаксического механизма простого предложения в грузинском языке. Сообщ. Грузинск. Ак. Наук, II, № 6, 1941, стр. 568; ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 367: «Согласование между глаголом и примыкающим к нему именем... существует только в одной категории числа... и это согласование не является результатом управления одного элемента другим...».

необходимо в первую очередь иметь в виду основные свойства предложения как такового, его функции и отвечающие им внешние особенности в синтаксическом построении. Так как предложение конкретизирует субъект в его бытии согласно действующим нормам сознания и, в основном, устанавливает субъект в его действии или состоянии, то субъект с предикатом и являются теми необходимыми элементами предложения, о которых сейчас идет речь. Субъект без предиката и предикат без субъекта не дают каждый в отдельности законченного выражения высказывания. Субъект сам по себе не определяет своего места в реальной действительности. Он остается отвлеченным от бытия, пока рассматривается лишь в своем предметном содержании и лексической форме словесного выражения. Предикат, передаваемый тоже словом, т. е. лексической единицей, равным образом выступает носителем отвлеченного понятия, пока он не уточнен субъектом. Таким образом, субъект и предикат взаимно связаны. Они получают свое выявление в предложении уже не лексическим, а синтаксическим построением. Следовательно, синтаксическое построение предложения содействует конкретизации субъекта в его действии или состоянии и конкретизации действия или состояния субъектом.[1]

В предложении нужно различать то, что должно быть в нем выражено, и то, как это в нем выражается. Первое, что должно быть выражено в предложении, выявляет основные его элементы, без которых не может существовать предложение, это будут субъект и предикат. В научной литературе то, что должно быть выражено в предложении, иногда именуется логическими и психологическими категориями.[2] Формальное же выражение этих элементов в предложении относится, при таких условиях, уже к числу формальных языковых категорий в противоположность логическим и психологическим. И те и другие имеют непосредственное отношение к построению предложения. В грамматике рассматривается не только то, что формально выражено, но и то, что должно быть выражено. Поэтому формальная сторона рассматривается как результат передачи теми или иными синтаксическими приемами определенного содержания законченного высказывания или его части. Содержание и форма являются, таким образом, взаимосвязанными сторонами одного грамматического целого, причем форма находится в зависимости от содержания. Отсюда можно было бы прийти к заключению, что в грамматике рассматривается содержание высказывания и его грамматическое выражение в предложении. При таких условиях в предложении должны быть, в первую очередь, выражены субъект и предикат. Это, если можно так выразиться, и есть то, что содержание

---

[1] H. Schuchardt прослеживает развитие языка, начиная с однословного предложения типа повеления «иди!» и т. д. Два таких первичных предложения в своем соединении дали, по его мнению, двухчленное предложение, в котором один член оказывается дополнением, развитием другого, как его предикат, см. Schuchardt-Brevier. 1928, S. 211, 262—263. Более приемлемое объяснение основных свойств предложения дает Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, 1920. Он видит в предложении два необходимых элемента: субъект и предикат (стр. 124), и усматривает в их наличии общее для всех языков явление, относимое за счет единства глоттогонического процесса (стр. 126). См. о том же у А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 21, § 5; O. Jespersen. The philosophy of grammar, 1935.

[2] Взамен логических категорий выдвигаются, позднее, психологические категории, причем логические, психологические и языковые категории признаются не тождественными, см. Hermann Paul, ц. с., стр. 36, ср. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 23 сл., §§ 6—10.

высказывания возлагает на формальную сторону предложения. Формальная же сторона передается средствами синтаксиса и получает весьма разнообразное внешнее выражение.[1]

Сейчас нас менее всего интересуют те однословные предложения типа *пожар!*, о которых приходилось упоминать выше.[2] В них наличествует выражение субъекта с передаваемым интонационным путем предикатом, но в них нет членения предложения. Следовательно, в них не приходится искать ни подлежащего, ни сказуемого. Поэтому предметом нашего внимания, при разборе членов предложения, могут быть только предложения, поддающиеся членению. Построение таких предложений отвечает заданиям высказывания, и само предложение передает его полностью. Поэтому содержание субъекта и предиката, долженствующих наличествовать и в этих предложениях, оказывается представленным в соответствующих членениях самого предложения. О таких членениях, передающих субъект и предикат, сейчас и идет речь.

Синтаксическими выразителями субъекта и предиката в предложении оказываются подлежащее и сказуемое, представляющие собой два самостоятельных и притом главных члена предложения. Они выделяются как главные члены именно потому, что передают в предложении два основных понятия высказывания, субъект и предикат. Но между субъектом и предикатом, с одной стороны, и подлежащим и сказуемым, с другой, не существует безусловного тождества. Формальное выражение субъекта и предиката имеет свои варианты и свои особенности не только в языках различных систем, но и в одном и том же языке. Прежде всего субъект и предикат не являются членами предложения, но, получая свое формальное выражение, выступают именно в них. И если предикат формально выражается в сказуемом, а субъект в подлежащем, то отсюда вовсе еще не следует, что, при обязательном выражении в предложении субъекта и предиката, столь же обязательно наличие подлежащего и сказуемого, ср. *за неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Сняв голову, по волосам не плачут; Живем ничего себе, тихо* (В. Маяковский, Перекоп. Энтузиаст). В числе этих предложений имеется одно с обобщенным субъектом, имеется и предложение, в котором подлежащее пропущено только потому, что оно и не требуется для полноты передачи высказывания, так как глагол уже содержит в себе выражение субъекта.

Субъект и предикат должны наличествовать в предложении, но формально, как мы только что видели, могут быть выражены в одном его члене. Субъект и предикат могут быть представлены в одной общей форме сказуемого. Такое, например, построение дает русская глагольная форма, в особенности первых двух лиц. *Беру* выражает действие 1-го лица, т. е. содержит в себе выражение самого субъекта. Такое выражение субъекта в глагольной форме еще более ясно выступает в языках с местоименным строем спряжения, например, в казахском *жазамын* — «пишу», *жазасын* — «пишешь», где к основе *жаз*, выражающей акт писания, присоединяются личные местоимения *мен* — «я»,

---

[1] Эти общие свойства каждого предложения выдвигают, при общеязыковом обзоре, задание построения типологической сравнительной грамматики, см. В. М. Жирмунский, Сравнительная грамматика и новое учение о языке. Изв. Отд. литературы и языка Ак. Наук СССР, 1940, № 3, стр. 28 сл.

[2] См. стр. 7.

сен — «ты».[1] Здесь действующее лицо целиком включается в один член предложения со сказуемым, так как речь идет о первых двух лицах, выражаемых только местоимениями. Но синтаксическое значение этих двух соединившихся лексических единиц воспринимается различно, а именно: местоимение, присоединенное к глаголу и с ним слившееся, понимается как уточнитель глагольного содержания придачей ему личного оформления, оттеняя тем самым присутствие в данном построении одного члена предложения, сказуемого. Поэтому, с одной стороны, местоимение обращается в служебную частицу, сближаясь с личными показателями, ср. татарское *яза-м* — «пиш-у», а с другой, те же местоимения не лишаются возможности выступать отдельно в предложении, уже в значении подлежащего, ср. казахское *мен жаза-мын, сен жаза-сын*, татарское казанское *мин яза-м, син яза-сын*, русское я *пиш-у, ты пиш-ешь* и др.

Следовательно, *пишу* представляет собой законченное предложение с субъектом и предикатом в одной общей форме и, поскольку субъект не выражен особым членом предложения, постольку же подлежащее в этом построении предложения отсутствует.[2] Если же субъект выражается отдельным членом предложения, то появляется подлежащее. Таким образом, подлежащее является одной из форм выражения субъекта. А так как подлежащее, кроме субъекта, ничего иного не выражает, то, в связи с этим, ему можно дать следующее определение: подлежащим называется член предложения, специально предназначенный для выражения субъекта, или, подлежащим называется отдельный член предложения, выражающий субъект.

Такое положение субъекта, выражаемого и в сказуемом и подлежащим, далеко не одинаково даже внутри одной индоевропейской семьи языков, отличающихся, как и другие языки, тенденцией к более широкому употреблению двухчленных предложений. Некоторые из индоевропейских языков допускают одновременное выражение субъекта в обоих членах предложения, но не делают его обязательным (русский язык), некоторые не допускают такого одновременного выражения субъекта и тем самым, до известной степени, отступают от господствующей двухчленной схемы предложения (французский литературный язык), некоторые, наоборот, требуют выражения субъекта и в подлежащем и в сказуемом, несмотря на развитый строй личного спряжения глагола (немецкий язык).

В русском языке субъект может оказаться выраженным и в составе сказуемого, т. е. вместе с предикатом, и одновременно отдельно от него особым членом предложения, ср. *я пишу*, при допустимости одночленного предложения *пишу*. Во французском литературном языке такое двухчленное построение избегается, так как при личном оформлении сказуемого *je-parle* — «говор-ю», содержащем в себе субъект и предикат в одной форме (*je* здесь является личным глагольным показателем),[3] местоимение *moi* — «я» не может выступать отдельным членом предложения. Нельзя сказать *moi je-parle*.[4]

Оказывается, что в русском предложении «я говор-ю» заключено два выражения субъекта: вместе с предикатом и отдельно, во фран-

---

[1] В такого рода построениях можно усматривать элементы инкорпорирования, так как слиянию подвергаются два полноценных слова.

[2] Ср. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 61, § 48 сл.

[3] См. стр. 32.

[4] См. объяснение этой конструкции на стр. 257—259.

цузском же соответствии *je-parle* только одно, совместное с предикатом. Во французском примере не приходится говорить о согласовании сказуемого с подлежащим, так как последнее вовсе отсутствует, а при его появлении в предложении исчезает в глаголе соответствующий ему показатель, ср. *il-parle* — «говор-ит», *mon père parle* — «мой отец говорит».[1] Но и в русском языке, равным образом, трудно усмотреть согласование сказуемого с подлежащим, так как *говор-ю* безо всякого согласования содержит в себе выражение действующего лица и может само по себе представить целое предложение. Поэтому в предложении *я говор-ю* усматривается мной двойное выражение одного и того же субъекта (в подлежащем и сказуемом). Оба члена предложения оказываются самостоятельными в своем выражении субъекта. Постановка их обоих в этой форме зависит не одно от другого, а оба они в своем оформлении зависят от смыслового значения всего предложения.[2]

В немецком языке, в отличие от русского, где такое двойное выражение субъекта факультативно, наоборот, оно сделалось более обязательным. При ясно выраженном личном спряжении глагола в немецком языке все же местоимение занимает самостоятельную позицию подлежащего, ср. русск. *Ты будешь говорить? — Да, буду говорить*, где при *буду говорить* нет подлежащего, представленного местоимением «я», и немецк. *Du wirst sprechen? — Ja, ich werde sprechen,* в котором при сказуемом *werde sprechen* стоит подлежащее *ich* — «я». Но и при возможности выражения субъекта и предиката в одной форме сказуемого остается в силе широко распространенное в языках различных систем тяготение к двухчленному, двухсоставному предложению, т. е. к отдельному выражению субъекта и предиката двумя членами предложения (подлежащим и сказуемым). Их совместное присутствие становится настолько обычным, что они оба, с полным к тому основанием, выделяются как главные члены предложения.[3] Наличие их обоих становится тем более обязательным, когда сказуемое не содержит в себе выражения субъекта, а или указывает на его род и класс, или же вовсе не содержит на него никакого указания, или, наконец, содержит слишком общее на него указание (ср. в 3-м лице).

Указание только на грамматический род или класс субъекта прослеживается в сказуемом 3-го лица языков банту (указание класса), во всех лицах причастных форм русского глагола в прошедшем времени (указание рода) и др. В целом ряде языков, ведущих глагол по местоименному строю спряжения, 3-е лицо сохраняет видимость именной формы, нередко передавая в ней только число субъекта, а иногда и без этого указания (эскимосские, финно-угорские, тюркские и пр.). Сюда же, до известной степени, присоединяются и индоевропейские языки, а

---

[3] В некоторых диалектах встречается и полная глагольная форма при наличии подлежащего *mon père il-parle,* что не допускается в литературном языке, см. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 359—360; Ж. Вандриес, Язык. Русск. перевод, 1937, стр. 89—90.

[2] См. А. Мейе: «В глагольном предложении согласование между глаголом и примыкающим к нему именем, которое мы называем подлежащим, существует только в одной категории числа, так как оба одна обща и имени и глаголу и так как индоевропейский глагол не имеет рода; и это согласование не является результатом управления одного элемента другим, как если бы число глагола определялось примыкающим к нему именем, но вытекает только из того, что категория единства, двойственности и множественности одинакова для имени и для глагола», ц. с., стр. 367.

[3] А. А. Шахматов называет подлежащим главный член господствующего состава предложения, а сказуемым — главный член зависимого состава (ц. с., стр. 37, § 12).

также все другие с личным спряжением. В них 3-е лицо получает универсальное значение, указывая лишь на то, что действие или состояние относится к 3-му лицу, тогда как в этом лице выражается действие или состояние всех вообще имен существительных. В этих случаях пропуск субъекта является исключением, допустимым только тогда, когда он более точно подразумевается контекстом всего высказывания или содержанием одиночно использованного слова, или же, наконец, в тех крайне редких случаях, когда в языке при усилении абстрактных понятий само предложение, вопреки общим правилам, становится вовсе бессубъектным. Тем более наличие субъекта в его отдельном выражении (подлежащим) необходимо в тех языках, которые вовсе не имеют личного и местоименного спряжения глагола, ср. лезгинские: *зун физва* — «я иду», *вун физва* — «ты идешь», *ам физва* — «он идет», *инсан физва* — «человек идет» и т. д. Субъект, точно не обозначенный в глаголе, ясен только тогда, когда он уже подсказан контекстом предложения, когда же такого подсказа нет, то выбор остается достаточно широким и поэтому конкретизация его требуется уже вне сказуемого, что и достигается постановкою подлежащего.

Так, например, в языке суахели, когда действует первое лицо, то соответствующее местоимение включается в сказуемое: *ni-mevitunga vitabu hivi* — «я приготовил книги эти», если же действует третье лицо, то глагол лишь указывает на его класс и потому субъект детализируется подлежащим *u-baba u-mevitunga vitabu hivi* — «мой отец приготовил книги эти». Равным образом и в руском языке, в его личном спряжении, глаголы *ид-у*, *ид-ешь*, *ид-ет* неравноценны в своем выражении субъекта. В первых двух лицах он ясен, поскольку речь идет обо мне, или о тебе, в третьем же лице он может оказаться неясным, ср., с одной стороны, *отец идет? — да, идет,* где субъект второго предложения подсказан контекстом первого, и с другой стороны, такие предложения, как *человек идет, корова идет, дождь идет* и т. д., в которых сказуемое само по себе недостаточно конкретизовано в выражении субъекта. В устной и письменной речи предложения с субъектом в 3-м лице в значительной степени превалируют по сравнению с предложениями в первых двух лицах, поэтому наиболее распространенным типом предложения оказывается не одночленное, а многочленное с субъектом, выраженным самостоятельным подлежащим.[1]

Но при таком делении придется учитывать, что в некоторых построениях, свойственных не русскому, а другим языкам, и прямое дополнение приобретает значение главного члена предложения (см. стр. 164 сл.). Поэтому, в разрезе сравнительного языкознания, я предпочитаю говорить о предложениях односоставных (с субъектом и предикатом, выраженными в одном члене предложения), двухсоставных (с отдельным выражением субъекта и предиката), трехсоставных (с отдельным выражением субъекта, предиката и прямого объекта) в зависимости от числа главных членов предложения. В зависимости же от числа наличных в предложении главных и второстепенных членов можно говорить также и о многочленном предложении.

В каждой языковой системе выражения субъекта и предиката имеют свои особенности, так же как различается по отдельным языкам фор-

---

[1] Применяя терминологию акад. А. А. Шахматова, можно выделять односоставные и двухсоставные предложения (ц. с., стр. 30, § 12). Все же такое членение нуждается в уточнении, о чем см. ниже.

мальное построение вообще всех членов предложения. При таком положении общим остается наличие в предложении субъекта и предиката, но формы их внешнего выражения в речи различны в зависимости от различия того или иного языкового строя. Различие в построении сказуемого только что привлекло к себе наше внимание.[1] Значительные расхождения наблюдаются и в оформлении подлежащего: так, в предложениях номинативного строя подлежащее ставится в именительном падеже (*я иду, я люблю, я беру* и т. д.), в предложениях эргативного строя подлежащее стоит в активном, иногда творительном падеже (аварск. *дица чу босула* — «я лошадь беру»), в предложениях аффекта (чувственного восприятия) подлежащее оформляется дательным падежом (аварск. *дие чу бокьула* — «я лошадь люблю»), в поссесивных предложениях оно же получает форму родительного падежа (аварск. *дир чу буго* — «я лошадь имею») и т. д.[2]

Если, как мы видели, субъект и предикат не всегда полностью совпадают с подлежащим и сказуемым, то и упомянутый выше объект действия вовсе не тождествен с прямым дополнением. И последнее далеко не везде должно выступать в предложении, в котором говорится о действии и о прямом его объекте. Все эти три члена предложения, подлежащее, сказуемое и прямое дополнение, могут быть заменены одним, передающим все три соответствующие им понятия высказывания: субъект действия, само действие и предмет действия. Такое положение прослеживается даже в индоевропейских языках, ср. французск. *moi, ta mère, je te l'ai fait dire et je te le redis* (Paul Bourget, Cruelle énigme, VII), в котором *je*, *te* и *le* являются личными показателями первый субъекта, второй косвенного объекта и третий прямого объекта. При русском соответствии с подлежащим, сказуемым и двумя дополнениями *я тебе это повторяю,* во французском языке выступает одночленное построение *je-te-le-redis,* в котором нет ни подлежащего, ни косвенного дополнения, ни прямого дополнения, а имеется лишь одна глагольная форма.[3]

Из этих сопоставлений ясно, в каких случаях мы можем говорить об отдельных членах предложения и чем являются эти члены предложения по отношению к соответствующим понятиям высказывания. Подлежащее, сказуемое и дополнения, каждое в отдельности, имеют свое место в предложении, когда субъект, предикат и объекты представлены членами предложения каждый самостоятельно.

Некоторую, и весьма притом близкую, аналогию к такому субъектно-объектному построению глагола находим в языках чукотской группы.[4] В чукотском (луораветланском) языке построение глагола, следователь-

---

[1] На различных формах сказуемого я подробнее останавливаюсь в следующей главе, в той ее части, в которой говорится о глаголе.

[2] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, 1940, стр. 127 сл., 152 сл., 176 сл., 199 сл.; ср. А. Чикобава, Пермансив и место, занимаемое им в истории спряжения грузинского глагола (к истории эргативной конструкции в груз. яз.). Сообщ. Ак. Наук Груз. ССР, IV, I, 1943, стр. 91—98. Автор данной работы различает в грузинском языке три синтаксические конструкции при переходном глаголе: номинативную, эргативную и дательную. Он признает эргативную конструкцию более древней, чем номинативная, которая выработалась значительно позднее (после формирования настоящего времени).

[3] См. стр. 25, 32, 257 сл.

[4] Т. е. в языках чукотском (луораветланском), коряцком (нымыланском) и ительменском-камчадальском, составляющих одну языковую группу, см. «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 231 под словом «ительмены».

но, и сказуемого, оказывается по приемам своего оформления ближе к французскому, чем к русскому, ср. чукотск. *тыпэляркынегыт,* французск. *je-te-quitte,* русск. *я тебя покидаю.* Личный показатель 1-го лица в чукотском глаголе *ты* по своей форме вовсе не совпадает с личным в том же языке местоимением *гым* — «я» (ср. во французском личный показатель *je* и личное местоимение *moi*). Инкорпорируемое же в конце местоимение 2-го лица *гыт* сливается с глагольной формой без его выделения на позицию отдельного члена предложения. Таким образом, включение субъекта и объекта в состав сказуемого, в частности в выступающую в нем глагольную форму, имеет более широкое, чем кажется, употребление.[1] Впрочем, это касается, преимущественно, тех случаев, когда действуют первые два лица или когда действие направлено на первое и второе лица. Они в достаточной степени ясно представлены в глаголе местоименными или личными показателями и потому могут не требовать своего отдельного выражения в предложении местоимением же. Но, когда действие исходит от 3-го лица или направлено на 3-е лицо, вновь всплывают те же затруднения. В 3-м лице глагола в тех языках, в которых он включает в свой состав субъектные и объектные показатели, и субъект, и объект оказываются менее точно детализованными, чем в первых двух лицах. Поэтому выделение их в предложении особым членом (подлежащим и прямым дополнением) становится более частым. В таких случаях глагол ограничивается указанием на их грамматический род или класс, на то, что действие исходит или направлено на какое-то третье лицо и т. д. В результате появляется потребность в уточнении этого лица отдельно стоящим членом предложения.

Подлежащее оказывается тем самым, наряду со сказуемым, наиболее активным членом предложения. Оба они действенны не только по своему выражению действующего лица и процесса действия, но и по своему участию в формировании предложения, в основу которого они ложатся. В этом отношении подлежащее и сказуемое активны даже при своем собственном пассивном содержании, что в итоге ведет к унификации форм подлежащего и сказуемого в номинативном строе предложения (индоевропейские, тюркские и другие языки), ср. *я болею* и *я рублю,* построенные совершенно одинаково и в оформлении подлежащего и в оформлении сказуемого, несмотря на пассивное их содержание в первом примере и активную семантику второго.[2] Подлежащее оказывается незаменимым членом предложения, когда другой его член, сказуемое, утрачивает способность передавать субъект. Последний, участвуя в процессе действия, получает, как мы видели, свое выражение лишь в упомянутых двух членах предложения, в подлежащем и сказуемом. Первое передает только субъект, тогда как последнее, передавая предикат, может включать в свой состав и представителя субъекта.

---

[1] В приведенных примерах субъект и объект входят в состав глагольной формы только в тех случаях, когда они выражены местоимением или его дериватом в виде личных показателей. Имена же существительные, выступающие в значении субъекта или объекта, не включаются в состав глагола ни во французском, ни в чукотском (ср. обратное положение объекта в гиляцком).

[2] В предложении «я болею» подлежащее пассивно, так как передает субъект, испытывающий на себе результаты действия, направленного на него со стороны глагола, выражающего пассивное состояние субъекта, выступающего в предложении подлежащим. При таком положении именительный падеж оформляет как активный, так и пассивный субъект. В этом и заключается активная роль подлежащего в построении номинативного предложения.

Если сказуемое, следовательно, и глагол, не обладают этими свойствами, субъект получает единственную возможность своего выявления только в подлежащем, и тогда оно становится обязательным участником в построении предложения. Так, например, предикат в гиляцком языке никогда не содержит в себе выражения субъекта. Сказуемое в этом языке можно было бы, с этой стороны, назвать безличным. Поэтому субъект всегда должен присутствовать в гиляцком предложении в самостоятельной позиции. Выступая здесь членом предложения, субъект в то же время обусловливает необходимость наличия и сказуемого, так как одно подлежащее, передавая статичное положение субъекта, не дает требуемого в предложении выражения процесса (действия или состояния). Поэтому в гиляцком языке должны наличествовать в предложении оба названные его главные члены.[1] То же самое мы уже видели в тех других языках, в которых сказуемое, равным образом, лишается показателя субъекта. В них, например, в дагестанском аварском, лезгинском и др., подлежащее, кроме отдельных случаев с безличными оборотами, обязательно присутствует в предложении.[2] Наоборот, в тех языках, в которых субъект может быть выражен в сказуемом, допускается отсутствие подлежащего, так как в этом случае предложение вовсе не становится бессубъектным, ср. русские *сплю, лью, болею* и т. д.[3]

Выделяемые подлежащее и сказуемое группируют около себя относящиеся к ним слова. Они обрастают зависимыми по значению словами, что и образует упомянутые выше синтаксические группы. Так, например, с подлежащим и сказуемым соединяются в одно с каждым из них смысловое целое выразители их признаков. Формально эти связи господствующего с зависимым от него передаются различными синтаксическими средствами. Мы уже видели, что одно из них, слияние, оказывается в этом отношении наиболее показательным. Им с полной ясностью выделяются проводимые в языке синтаксические группировки. Этим приемом в гиляцком языке разделяется подлежащее от сказуемого и каждое из них соединяется с зависимыми от них словами. Выделяются, таким образом, два основных инкорпорированных комплекса, один — субъект, другой — предикат. Оба они, как уже отмечалось выше, занимают самостоятельное положение в предложении и выступают главными его членами, подлежащим и сказуемым. То и другое, вместе со слившимися с ними словами, представляют собою два основных членения предложения. Господствующее положение в каждом из них сохраняется за ведущим словом, к которому тяготеют остальные. Когда ведущее слово освобождается от слившихся с ним зависимых слов, тогда в предложении выступают одни только стержневые слова, ср. *нивх къадь* — «человек стреляет».

В тех языках, в которых вместо слияния такие же синтаксические отношения между зависимыми словами и господствующим передаются иными синтаксическими средствами, выступают уже отдельные слова в таких же по существу синтаксических группах. Эти отдельными словами передаваемые признаки ведущего слова занимают свое место в предложении, но не утрачивают своих зависимых отношений к подле-

[1] Кроме тех случаев, когда и в гиляцком языке выступает однословное предложение.

[2] Соответствующие примеры см. на стр. 172.

[3] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., 1941, стр. 61 сл., в особенности §§ 53—85.

жащему или сказуемому. Вместо слияния они согласуются или управляются в падеже, сохраняя свою принадлежность к тем же синтаксическим группировкам, образуемым, в данном случае, этими же двумя членами предложения.

При отпадении согласуемых и управляемых слов, т. е. тех, зависимое положение которых закрепляется этими приемами, и здесь остаются только самостоятельные члены предложения, ср. [*сердито и с пеной во рту*] *выскочил* [*серый, в яблоках*] *рысак* [*с повиснувшим на недоуздке конюхом*].[1]

Удаляя из предложения зависимые слова, какими бы синтаксическими средствами они ни соединялись с ведущим словом, мы разрушаем тем самым наличные в предложении синтаксические группы. Освобожденные, таким образом, от сопутствующих слов, остаются в предложении одни ведущие слова, которые и выступают самостоятельными членами предложения.

Среди этих самостоятельных членов, по содержанию высказывания, выделяются носители выражения субъекта и предиката, т. е. подлежащее и сказуемое, которые в первую очередь и выступают главными членами предложения.

12. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ЗАВИСИМЫХ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ

Итог всего изложенного выше можно использовать для характеристики членов предложения, выступающих в различных синтаксических функциях. Мы видели, что одни члены предложения выступают только в точно определенном синтаксическом положении. Это будут главные члены предложения, передающие основные понятия высказывания. Таковы подлежащее и сказуемое. Являясь носителями понятий субъекта и предиката, они могут быть только самостоятельными и только главными членами предложения.

Они, как и другие самостоятельные члены предложения, выражают то или иное понятие предметного или процессуального содержания. Эти содержащиеся в них понятия имеют свои признаки, которые иногда требуют своего особого выявления. Текст высказывания может нуждаться в выражении таких признаков используемых им слов, которые в самом слове слабо или даже вовсе не представлены. В таком случае эти признаки конкретизируются уже в самом предложении и появляются в нем по его заданиям. Они могут быть представлены только полноценными (знаменательными и незнаменательными) словами, так как, выражая признаки другого слова, передают в свою очередь определенное понятие.[2] Они не имеют синтаксически служебной роли, которую выполняют служебные слова и частицы. Все же, выступая в предложении, они не занимают в его членении самостоятельного места. Они дают законченное содержание в тексте высказывания только вместе с тем словом, признак которого ими передается. Это будут определения при

---

[1] Пример взят из произведения А. Ф. Писемского, Тысяча душ, Ипохондрик.

[2] Мною используется терминология А. А. Шахматова, который к знаменательным частям речи относит: существительное, глагол, прилагательное, наречие. К незнаменательным частям речи им причисляются: местоимение, числительное и местоименное наречие, см. Синтаксис русского языка, 1941, стр. 421—422, §§ 489—490.

предметном (именном) члене предложения и обстоятельства при выражающем процесс (вербальном по преимуществу). Не имея сами по себе законченного содержания в синтаксическом построении предложения, определения и обстоятельства придают законченное содержание тому слову, которое в них нуждается для выражения своих признаков. Таким образом, они в синтаксическом построении предложения передают, вместе с ведущим словом, одно понятие. Здесь семантически выступает одно синтаксическое словосочетание с единым содержанием носителя признаков и их выразителей, что в строе предложения образует синтаксическую группу. Определение и обстоятельство, при таких условиях, оказываются членами этих синтаксических групп. Но и ведущее слово тоже будет ее членом.

В получающемся членении уже внутри синтаксической группы, носитель признаков выступает ведущим членом, а выразители признаков (определения и обстоятельства) оказываются зависимыми от него и по своему семантическому к нему отношению и по синтаксическому оформлению. В построении же всего предложения ведущее слово такой синтаксической группы может оказаться в положении самостоятельного члена предложения, зависимые же всегда остаются в этом их синтаксическом значении.

Такие зависимые члены предложения участвуют в образовании синтаксических групп, но сами в отдельности этих групп образовать не могут, если в свою очередь не являются ведущим словом по отношению к выразителям их собственных признаков. Получающиеся тут определительные и обстоятельственные по своему содержанию сочетания слов все же не закончены в своем синтаксическом построении самостоятельного членения. Они не дают законченного содержания без того слова, определительным или обстоятельственным признаком которого служит все их словосочетание. Оказываясь ведущим словом в своей синтаксической группе, определение и обстоятельство, и при этих условиях, остаются зависимыми от другого, уже самостоятельного члена предложения. [1]

Таким образом, только самостоятельными и только главными членами предложения оказываются подлежащее и сказуемое. Только зависимыми и всегда зависимыми остаются определения и обстоятельства.

В противоположность этим зависимым членам, входящим в состав синтаксических групп, выделяются самостоятельные члены, образующие при себе синтаксические группы. В состав последних, кроме упомянутых выше главных членов, подлежащего и сказуемого, входят дополнения, занимающие в строе предложения самое разнообразное место. Они выступают и зависимыми и самостоятельными второстепенными членами. Прямое дополнение, в отдельных случаях, получает также значение главного члена предложения переходного действия, если строй этого предложения существенно отличается от безобъектного построения. [2]

Дополнения вступают в различные отношения с другими членами предложения. Их положение зависит от смысла всего высказывания и от содержания используемых в нем слов. О семантической близости дополнений к отдельным глаголам, о том, что глагол может требовать при себе дополнения по своему собственному смысловому содержанию, об

---

[1] Примеры см. на стр. 180 сл.
[2] Примеры см. на стр. 164—166.

этом уже много говорилось в предыдущем изложении.[1] Сейчас я остановлюсь лишь на нескольких примерах для обоснования выдвигаемого утверждения о различном синтаксическом значении дополнений. Сходные формально, они по своему смысловому отношению к другим словам и по синтаксическому положению в структуре предложения далеко не одинаковы. Сопоставим предложения такого рода, как *профессор читает роман* и *профессор читает лекцию*. Глагол *читать* дает представление о чтении письменного текста. В связи с этим, при указанном глаголе ожидается прямое дополнение, уточняющее разновидность письменного документа, каким и является *роман*. Здесь прямое дополнение конкретизирует не семантику глагола, а его направленность на объект, устанавливаемый смыслом высказывания. Поэтому, прямое дополнение *роман* более самостоятельно, чем прямое дополнение *лекцию*, которое конкретизирует семантику самого глагола. *Читать лекцию* передает одно понятие, поскольку *чтение лекции*, в современном понимании, не отвечает в полной мере прямому смысловому содержанию глагола. В то же время семантика глагола *«читать»* может и не нуждаться в наличии прямого дополнения, что ставит последнее в еще более самостоятельное положение, если оно не является семантическим дополнением к содержанию самого глагола. Следовательно, прямые дополнения в словосочетаниях *читать роман* и *читать лекцию* занимают совершенно различное синтаксическое положение. Последнее, как мы видим, зависит и от семантики глагола и от того значения, которое он получает в строе предложения, т. е. и от семантики высказывания. Чтобы убедиться в этом, обратимся к двум следующим примерам: *профессор читает* и *прохожий читает*. Помещаемый самостоятельно, тот же глагол *читать* может означать сам процесс и ограничиваться этим обозначением.[2] Но и в таком своем безобъектном состоянии этот глагол может ассоциироваться с различными представлениями, становясь в связь с семантическим содержанием других слов в предложении. Так, сказуемое в двух последних примерах может быть понято с различными семантическими оттенками. В первом предложении может возникнуть представление о чтении лекции, во втором такого представления не возникает, так как чтение лекций входит в профессиональные занятия профессора и не входит в обычные занятия прохожего. Таким образом, смысловая сторона высказывания обусловливает использование глаголов различной семантики, причем сам глагол по его собственной семантике может быть теснее и менее тесно связан с объектом, от чего и зависит синтаксическое значение последнего.[3] Если дополнение связано со смысловым содержанием используемых в предложении слов, то оно получает более зависимое состояние, доходящее местами до степени идиоматической связи, при которой дополнения, по существу, нет вовсе. Если же дополнение в большей мере зависит от смысловой стороны предложения, то оно выходит на самостоятельное в нем место. В последнем случае, дополнения получают свое собственное законченное содержание.

Дополнения не передают признаков другого слова. Этим они отличаются от определений и обстоятельств. Если дополнения получают значение признаков, то сближаются или обращаются в эти два зависимые

---

[1] О различной синтаксической функции дополнений см. стр. 85—90.
[2] Ср. пример на стр. 90.
[3] См. примеры на стр. 76, 84 сл.

члена предложения.[1] Выступая же с самостоятельным значением в предложении, дополнения дают законченную передачу возлагаемого на них содержания в пределах высказывания, но содержания самого высказывания они все же не дают. Этим они отличаются, с одной стороны, от зависимых членов (определения и обстоятельства), с другой стороны, от главных членов (подлежащего и сказуемого). Дополнения выступают самостоятельными второстепенными (полузависимыми) членами предложения, кроме отмеченного выше положения прямого дополнения в особой его позиции обязательного, главного члена.[2]

Ряд слов неполноценной лексической значимости (служебные слова и частицы), участвуя в построении предложения и иногда играя в нем существенную роль, все же членами предложения не выделяются. Поэтому в настоящей главе, посвященной членам предложения, речь может итти лишь о лексически полноценных словах, выступающих в семантически полноценных членениях предложений. С этой стороны, и лексически и синтаксически полноценными являются самостоятельные (главные и второстепенные) члены предложения. Зависимые же представлены лексически полноценными словами, но семантически они не являются законченными в своем синтаксическом выражении. Это — члены синтаксических групп (зависимые члены предложения).

Подлежащее и сказуемое — только главные члены. Определения и обстоятельства — только зависимые члены. Дополнения синтаксически многофункциональны. Устанавливаемая общая схема структуры предложения оказывается применимою к отдельным языкам только в общей своей постановочной части. Число же и характер выделяемых членов предложения, а также разновидностей синтаксических сочетаний, устанавливаются для каждой языковой системы в отдельности. Языки, для выражения действующих в них синтаксических отношений, пользуются в различной степени различными синтаксическими приемами. Последние и обращают на себя особое внимание. Они являются тем основным формальным критерием, по которому выявляются объединения зависимых слов с ведущими словами и тем самым выделяются последние.[3]

Такого рода и подобные ему членения предложения передаются, как мы видели, одним словом и рядом слов (синтаксические группы). Когда член предложения передается одним словом, то оформление последнего зависит от того положения, которое данный член предложения занимает во всем построении предложения. Когда же член предложения, выступающий самостоятельно, окружается синтаксическою группою, то внутри ее проводится объединение слов различными синтаксическими средствами. При этом форму, не зависимую от других слов, входящих в состав одной группы, получает только ведущий ее член, сохраняющий форму однословного члена предложения, т. е. ту, которую он имел бы без сопутствующих ему слов. Остальные же слова получают зависящее от него морфологическое или синтаксическое построение (слияние при инкорпорировании, согласование, управление, примыкание и др.).[4]

---

[1] На этой почве происходит сближение косвенных дополнений с определениями и обстоятельствами, нередко затрудняющее более точное установление, в каком из этих синтаксических положений они выступают, см. стр. 85—90, 128—136.

[2] См. стр. 164—166.

[3] Выделение ведущих слов в языках, широко использующих морфологические показатели, ясно выступает в пределах синтаксических групп при согласовании. Управление, с этой стороны, менее показательно, см. стр. 74 сл., 84—90.

[4] См. в главе «Способы выражения синтаксических отношений».

13. РАЗВЕРНУТЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (СИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ЗАВИСИМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

Такие синтаксические группы могут осложняться в своем развернутом построении и получать свое собственное членение внутри себя, иногда даже с выделением своих подлежащего и сказуемого. В последнем случае член предложения, и даже отдельная его часть, приобретают строение целого предложения, остающегося все же второстепенным, подчиненным (так называемое придаточное предложение). По своей семантике такие второстепенные предложения являются такими же членами предложения, но передаваемыми в более сложной конструкции, ср. *Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени). *Увидя нас* является развитым обстоятельством при сказуемом *прятались*. Такой обстоятельственный оборот, в еще более развернутом виде, дал бы строй предложения с оттенком обстоятельства времени: *когда они увидели нас*. Определение же *которых мы могли рассмотреть в лицо* более уточнено, чем *рассмотренные нами в лицо женщины*, так как в последнем варианте не передается оттенка потенциальности, наличного в первом. Такие развернутые члены предложения, получающие вид подчиненных предложений, обладают бо́льшими возможностями детализации высказываемой мысли, чем простые, хотя бы и распространенные членения предложений, передаваемые синтаксическими группами. Поэтому первые и получают свое развитие в языках, в особенности в литературных.

Тем самым оправдывается такое более описательное построение обстоятельств и определений, сохраняющих это их значение, но передаваемых в форме выделившихся предложений с субъектом и предикатом. По содержанию же, как мы видели, такие предложения представляют собою не что иное, как особый вид передачи тех же членений предложения. Они, по своему содержанию, могут выступать не только дополнениями, но и подлежащим и сказуемым или их составными частями, обстоятельствами и определениями. Внутри таких подчиненных предложений устанавливаются те же правила синтаксических выражений, которые прослеживаются в самостоятельных предложениях. Поэтому на них я особо останавливаться не буду. Различные же средства связи подчиненных предложений, как-то подчинительные союзы, послелоги, относительные местоимения, а также деепричастия и причастия в определенных оборотах, выходят за тему настоящей работы. Они могут дать основание для отдельного исследования, посвященного не членам предложения и разновидностям их передачи в конкретном построении речи, а способам сочинения и подчинения предложений, образующихся как развитием члена предложения внутри его, так и соединением отдельно стоящих предложений.[1]

По этому поводу ограничусь лишь краткими замечаниями общего характера. Разговорная речь, обычно, избегает чрезмерно сложных построений предложений, тем более тех богатейших разновидностей сочиненных и подчиненных предложений, которые развиваются в письмен-

[1] См. А. П. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения. «Советское языкознание», III, 1937, стр. 59—67.

ных литературных языках. Владеющий литературным языком, под влиянием письменной речи, вводит ее обороты и в свой разговорный язык, но все же и в этом случае разговорная речь сохраняет свой отличительный характер. В языках же, в которых литературная традиция не сильна (младописьменные языки) или вовсе отсутствует (бесписьменные языки), строй предложения резко отличается от обычного строя литературной речи.[1]

Подобного же рода отступления от нее наблюдаются и в народных говорах даже весьма развитых языков, например в русском, что специально отмечалось исследователями.[2]

В бесписьменных и младописьменных языках преобладает отрывочное изложение с редким использованием соединительных союзов, относительных местоимений и пр., а иногда и с полным их отсутствием.[3] Все же, семантическая связь между такими обособленно стоящими предложениями наличествует, и краткость последних вовсе не служит препятствием для выражения развернутой мысли. В бесписьменных языках, и вообще в устной речи, семантическая связь между идущими последовательной серией краткими предложениями передается в значительной степени интонацией. Ею объединяются подобного рода предложения в одно целое, согласно смысловому содержанию всего более длинного и детализованного выражения. В особенности это имеет место в художественном народном творчестве, в сказках, в сказаниях героического эпоса и т. д.[4] Кроме интонации, такая связь между предложениями устанавливается иногда и иными средствами, например контекстом всего излагаемого их содержания, а иногда и характеристикою действия, выражаемого в сказуемом. Действие может устанавливаться в его законченности и незаконченности. В последнем случае незаконченное действие одного предложения может сопровождаться законченным действием другого предложения, чем и устанавливается их связь между собою. Может выражаться одновременность действия с каким-либо другим действием или их последовательная связь.

Другими словами, сказуемое может передавать те оттенки, которые обычно именуются видовыми и модальными. Ими подчеркивается характер самого действия, могущего иметь законченное содержание. Но когда последовательность текста приводит такие предложения к взаимному их сочетанию, то отмечаемые оттенки сказуемости уже получают значение связующего элемента, устанавливающего связь между действиями, передаваемыми в отдельных предложениях. Так, например, выражение одновременности действия может носить более отвлеченный характер, определяя данное действие само по себе, т. е. как такое, которое может сопровождаться другим. Но оно же получает более конкретное выражение, когда два рядом стоящие предложения соединяются выражением такой одновременности передаваемых ими действий, и т. д.

Приведем дословный русский перевод хантыйской (остяцкой) сказки, в которой отрывочный ряд предложений связывается между собою только контекстом всей последовательной их серии: *Старик живет.*

---

[1] См. стр. 182 сл.

[2] См. Н. М. Каринский. Из наблюдений над языком современной деревни. «Литературный критик», № 5, 1935.

[3] См. стр. 315—318.

[4] См. приводимые ниже отрывки из хантыйской (остяцкой) и гиляцкой сказок.

Одинокое шайтанское дерево. Одинокое идольское дерево. Лето есть. Один день настал. Свои сети взял. Рыбачить пошел. Свои сети поставил. Рыбу добыл. На берег вышел. Котел готовить стал. Огонь зажег. Котел повесил. Старик идет. Белобородый старик. Гей ну-ка что делаешь?... [1]

Другим видом такого же построения будет отрывочное сочетание предложений, в которых предикативные показатели сказуемого, отмечающие характер действия, его одновременность, последовательность и т. д., используются для передачи их взаимного отношения друг к другу. Никаких соединительных союзов здесь нет, как нет и причастных или деепричастных оборотов. Таким образом, связь сочетающихся предложений проводится, но каждое предложение, изъятое из этого контекста, может восприниматься и обособленно. Оно может восприниматься обособленно потому, что предикативный оттенок, сам по себе, указывает на положение действия, на его одновременность с другим, на то, что действие вызывает последствие и т. д., но не на связь между действиями. Может констатироваться факт отвлеченного действия, может констатироваться факт действия, которое вызывает последствия, или действия, которое может сопровождаться иным действием или которое устанавливается не как самостоятельное, а как обусловленное другим. Одиночное помещение предложений с подобного рода сказуемыми ограничивается только такою констатациею, сочетание же их дает последовательную связь. [2] Здесь имеется детализация оттенков самого действия, которая все же возникает в зависимости от восприятия данного действия в его сопоставлении с другим действием. Поэтому, отмеченные видовые и модальные оттенки выступают в последовательной связи предложений, но сохраняют за собою и индивидуальную характеристику каждого сказуемого в отдельности. Так, например, в гиляцком языке в уже привлеченной мною народной сказке о крысе и лягушке каждое предложение состоит всего из двух-трех слов, и каждое из них закончено в своем выражении субъекта и предиката. [3] Но предикативные показатели обладают особыми оттенками, передающими отношения данного действия к другим, о которых может предполагаться или говориться в последовательной серии предложений. Предикативные показатели в гиляцком языке могут выражать одновременность совершаемого действия, что может передаваться в нескольких предложениях (суффикс *-ра*), или действие, вызывающее за собою другое действие (суффикс *-н'ан*), или действие, являющееся следствием другого действия (суффикс *-ар*), и др. Законченное же выражение предикативности, представляющее собою самостоятельное высказывание в виде простой констатации факта действия или состояния, получает суффикс *-дь, ть*, который, в свою очередь, получает показатели с временно-видовыми оттенками: совершенного действия *-гхыт*, предстоящего, будущего времени, *-ны*, ср. *ньи ра-дь* — «я пью, я пил» без относительности к результативности действия и ко времени его совершения, *ньи ра-ны-дь* — «я буду пить», *ньи ра-гхыт-ть* — «я выпил», *ньи ра-гхыт-ны-дь* — «я выпью», и т. д. [4]

---

[1] Текст сказки взят из статьи В. К. Штейниц, Хантыйский (остяцкий) язык, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 226.

[2] Наибольшее развитие подобного рода связных изложений, построенных отдельными предложениями, наблюдается в народных сказках.

[3] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 88.

[4] См. «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 211.

Напомним уже приводившийся текст сказки: *рал мгхе-ра, ньагхр мень-во-ра, рал ывнь-тлы-н'ан, келгхел-хагх-ар, пагхла-гох хелкъелкъ-ть.* Перевод ее с указанием в скобках на отмеченные выше предикативные оттенки, будет следующий «лягушка гребла (одновременность действия), крыса рулевое весло держала (одновременность действия), лягушка весло потянула (действие, вызывающее за собою другое), на спину упала (действие, основанное на другом), красный живот засиял (констатация факта)». В гиляцком языке определение сливается с определяемым (*пагхла-гох* — «красный живот»), объект инкорпорируется в состав сказуемого (*ывнь-тлы-н'ан* — «весло потянула», *мень-во-ра* — «рулевое весло держала», где объект *мень* — «рулевое весло» слилось со сказуемым *во-ра*, ср. *келгхел-хагх-ар* — «спину уронила»).[1]

Использованные тут приемы связи окажутся в других языках совершенно иными. В гиляцком весь приведенный отрывок сказки проходит последовательно предложение за предложением и завершается конечным сказуемым с суффиксом *-ть*. Все предыдущие сказуемые оттеняют отношения одного действия к другому. В итоге получается построение совершенно иного типа, чем приведенное выше в остяцкой сказке. Там вовсе не было сочинения и подчинения. Вся связанность текста передается только интонацией. Здесь же, оттенками предикативности устанавливается последовательность действий. Но все же подчинения, т. е. выделения придаточных предложений, установить в данном гиляцком тексте многим труднее, чем это выявляется в языках, использующих союзы, относительные местоимения, причастия и деепричастия, закрепившиеся и за такою функциею. Так, в русском литературном языке в этом же случае появляются сочинение и подчинение, ясно выделяемые соответствующими союзами *лягушка гребла, а крыса рулевое весло держала. Когда лягушка весло потянула, она упала на спину и заблестел ее красный живот.* В тюркских языках те же предложения переводятся с редким использованием союзов, но с преимущественным употреблением причастных и деепричастных оборотов, ср. перевод на казахский язык: *Бақа еспені есті де, егеу* кӯйрық *рульді ӯстады. Еспені өзіне қарай тартқанда бақа шалқасынан түсіп, (қызыл)* қарны *жарқете қалды.*[2] Вся последовательная серия предложений разбивается, как и в русском переводе, на две части, из которых первая построена сочинением при помощи союза: *бақа еспені есті де егеу* кӯйрық *рульді ӯстады* — «лягушка веслом гребла, а крыса руль держала». Это же сочинение можно передать и деепричастием прошедшего времени *бақа еспені есіп, егеу* кӯйрық *рульді ӯстады,* что в русском языке не допускается, так как деепричастие в этом случае имеет при себе самостоятельное подлежащее *бақа* — «лягушка». Сказуемое во втором сочетаемом предложении стоит в 3-м лице прошедшего времени *ӯстады* — «держала», так же как и сказуемое первого *ес-ті* — «гребла», если оба предложения соединены союзом *де* — «и, а». Прямое дополнение в обоих предложениях стоит в винительном падеже; *еспе-ні* — «весло», *руль-ді* — «руль». Вторая часть текста передается подчиненными предложениями, причем в личной глагольной форме стоит только сказуемое главного предложения, представляющее собою сложную гла-

---

[1] Текст сказки взят из статьи о гиляцком языке в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, стр. 220—221.

[2] Перевод данного текста на казахский язык дан мне С. Жиенбаевым, автором ряда учебников и словарей казахского языка.

гольную форму, состоящую из междометия *жарк*, в значении «блеск», деепричастия настоящего времени от вспомогательного глагола *ет-е* и вспомогательного глагола *калды*, выражающего в данном построении мгновенность. Последний стоит в 3-м лице прошедшего времени *калды* при подлежащем *карны* — «живот», т. е. в той же форме, как и оба сказуемые в первой части анализируемого нами текста. Подчиненные же предложения переданы различно, первое из них содержит причастный оборот в местном падеже *тарт-кан-да*, в котором окончание *-да* имеет не столько падежное значение, сколько временное, указывающее на действие, стоящее в причинной временной связи с последующим, что и переводится в русском *когда потянула*. Это сказуемое сопутствуется уточняющими его словами *өзіне карай* — «к себе по направлению». Второе придаточное предложение имеет сказуемое в деепричастной форме прошедшего времени *түс-іп* — «упала», которому предшествует наречие *шалқа-сы-нан* — «навзничь», стоящее в форме исходного падежа *-нан* и имеющее притяжательный формант 3-го лица *-сы-* — «его навзничь», ср. *шалқа-м-нан* — «мое навзничь». В русской передаче как причастная, так и деепричастная формы переводятся личными глаголами, так как падежное оформление причастия с временным оттенком последовательной связи действий простым русским причастием не передается. Кроме того, наличие при них отдельных подлежащих, не совпадающих с подлежащим главного предложения, требует в русском языке постановки полной глагольной формы.

Все только что приведенные примеры ясно указывают на то, что связанная повествовательная речь использует в различных языках разные синтаксические приемы. Появляется то отрывочная серия предложений, то морфологически выраженное их соединение согласно общему смыслу высказывания и установленным в языке нормам. Членение же внутри каждого предложения во всех приведенных примерах подчиняется общим, указанным в этой главе правилам.

Не противоречат им и такие весьма распространенные в северных языках притяжательные обороты, которыми оформляются неразрывно связанные части предложения, носящие характер развернутого определения, ср. в ненецком (юрако-самоедском) языке: *хабтадув тымдамав высако то таки вархана йиле.*[1] Русский перевод использует придаточное предложение с относительным местоимением «старик, у которого я купил себе быка, живет на том берегу озера». Между тем, в ненецком тексте нет относительного местоимения и вместо придаточного предложения стоит притяжательная конструкция из двух слов. Первое из них *хабт* — «бык» поставлено в лично-предназначительном падеже с притяжательным формантом 1-го лица *-в* и предназначительным суффиксом *-ду-*: *хабта-ду-в* — «быка для меня». Второе имеет то же притяжательное окончание 1-го лица *тымдама-в* — «покупание мое» (тип изафетного построения). Основная часть предложения состоит из подлежащего *высако* — «старик», сказуемого в безличной форме 3-го лица личного спряжения *йиле* — «живет» и косвенного дополнения *то таки варха-на*, состоящего из слов *то* — «озеро», *таки* — «тот» и *варха-на* — «берег» в местном — творительном падеже на *-на*. Дословный перевод на русский язык приведенного ненецкого предложения будет *быка для меня*

[1] Этот пример взят мною из очерка ненецкого (юрако-самоедского) языка Г. Н. Прокофьева, помещенного в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 50.

покупание мое старик озеро на том берегу живет. В таком ненецком построении трудно усмотреть наличие придаточного предложения, между тем в русском языке выделение придаточного предложения оказывается необходимым. Такое же придаточное предложение, но в ином его положении, выделяется и в казахском переводе: *мен өгізін ал.ан шал көлді арғы бетінде тұрады*.[1] Подлежащее главного предложения *шал* — «старик» связано с глаголом, стоящим в 3-м лице прошедшего времени, *тұра-ды* — «живет». Косвенное дополнение передано изафетным оборотом *көл-дің бет-і-н-де,* в котором *көл* — «озеро» стоит в родительном падеже (*-дің*), а *бет* — «сторона, лицо» имеет притяжательный суффикс 3-го лица *-і-* и окончание местного падежа *-де*. Между ним включено местоимение *арғы* — «тот». Придаточное предложение, состоящее из подлежащего *мен* — «я» и сказуемого в причастной форме *ал-ған* — «взявший», имеет прямым дополнением *өгіз* — «бык», стоящее в винительном падеже (*-н*) и снабженное притяжательною частицею *-і-,* указывающею на принадлежность быка третьему лицу. Это третье лицо в самом придаточном предложении не обозначено, но по контексту ясно, что им оказывается *шал* — «старик», т. е. подлежащее главного предложения. Такая конструкция отмеченным притяжательным показателем соединяет оба предложения, обращая первое в развернутое определение к подлежащему второго, хотя причастная форма *алған* — «взявший» относится вовсе не к нему, а к своему собственному подлежащему *мен* — «я». При таких условиях, придаточное предложение оказывается связанным с главным, но в то же время получает все данные для своего выделения как предложение со своим подлежащим и сказуемым. Его причастная форма, в этом ее положении, является формою сказуемого придаточного предложения, относящегося к своему подлежащему и связанного с ним, а вовсе не с каким-либо членом главного предложения. Поэтому, несмотря на свою причастную форму, такое сказуемое придаточного предложения передается в русском соответствии только личным глаголом, при котором требуется относительное местоимение. Положение остается тем же даже в том случае, когда прямое дополнение, как примыкающее к сказуемому, утрачивает свои форманты и придаточное предложение, тем самым, теряет свою притяжательную связь с главным. В результате этого ни одно его слово ни с одним словом главного предложения не согласуется, ср. *мен өгіз алған,* буквально *я быка взявший.* Все же и тут сохраняются те же отношения, так как причастная форма отмечает подчиненное положение оформляемого им предложения.[2] В противном случае, если бы здесь было не подчиненное, а самостоятельное предложение, в нем также появилась бы личная глагольная форма с соединительным союзом и без него: *мен өгіз алдым. Шал көлдің арғы бетінде тұрады* — «я быка взял. Старик на той стороне озера живет», или *мен өгіз алдым де шал көлдің арғы бетінде тұрады* — «я быка взял, а старик на той стороне озера живет». В данном случае исчезает подчинение и взамен его выступает сочинение с двумя самостоятельными предложениями, имеющими одинаковое оформление сказуемого, одного в 3-м лице прошедшего времени *тұра-ды* — «он живет», а другого в 1-м лице того же времени, *ал-ды-м* — «я взял». Следовательно, придаточное

[1] Перевод дан мне С. Жиенбаевым специально для его использования в приводимых сопоставлениях.

[2] Таким образом, причастие в тюркских языках является обычною и широко распространенною формою сказуемого придаточного предложения.

предложение и во втором приведенном его варианте *мен өгіз алған* сохраняет, благодаря причастной форме, подчиненное положение и относится к подлежащему главного предложения *шал* — «старик», занимая при нем обычную позицию определения, предшествующего определяемому слову. Оно и является таким определением, т. е. членом предложения, обратившимся, в свою очередь, в предложение.[1]

Здесь выступают различные виды членения предложения, но в каждом из них оказываются налицо те же самые составные части, подлежащее, сказуемое, косвенное дополнение и определение к подлежащему, получившее свое подлежащее и сказуемое. Даже в ненецком тексте сохраняется то же членение, так как притяжательный, своего рода тоже изафетный, оборот *быка для меня покупание мое* может быть понят только как определение к слову *старик,* хотя бы и не выделившееся в особое предложение. Таким образом, положение об основном членении предложения остается в том же виде, в каком оно было изложено выше.

14. ВВОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВВОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Мы рассмотрели разновидности членений предложения, выраженных одним словом, синтаксическою группою слов и даже целым предложением, но представляющих в своей совокупности одно связанное семантическое целое самостоятельного высказывания. Кроме этих членений выделяются еще семантически также к нему относящиеся, но формально обособленно стоящие слова и группы слов с особым смысловым выражением. Я имею здесь в виду такое обособление, которое содержит специальную, связанную со всем предложением, семантику. Такие обособленные вводные члены предложения не изменяют основных отношений между другими членами предложения. Они не входят в число тех его частей, из которых слагается основной его остов. Ими передается оттенок общего колорита всего высказывания в целом, его экспрессивность и т. д. Такими вводными (обособленными) частями передается субъективное отношение говорящего ко всему содержанию его высказывания или его эмоционально-волевое выражение. Они стоят по своему смысловому значению в непосредственных отношениях к основной мысли общего контекста приводимого отрезка речи. Первым из них может быть присвоено наименование вводного (обособленного) члена субъективного отношения, а вторым — вводного (обособленного) члена эмоционально-волевого высказывания, ср. *я, конечно, поеду в Москву; я, само собою разумеется, пойду сегодня на экзамен* и т. д. *Ах! как это хорошо* и др. Такие обособленно стоящие слова могут заключать в себе содержание законченного выражения даже и тогда, когда они ограничиваются одним словом. Но и в этом случае, смысловое их значение продолжает соответствовать основной части предложения, внося в нее оттенок, отвечающий общему ее смыслу и придающий предложению известную долю экспрессивности. С этой точки зрения такие вставляемые в текст или сопровождающие его дополнительные выражения являются, хотя и обособленным, но все же членом того же предложения.

[1] Разбору структурных особенностей сочинения и подчинения в казахском языке посвящаются особые исследования С. Жиенбаева, С. Кенесбаева и Н. Сауранбаева.

Такими вставленными словами и отрывками фраз, иногда заключающими в себе законченное содержание, вносится в предложение тот экспрессивный оттенок, который сопровождает его в живой речи. Говорящий, интонациею и помощью указанных вставных слов, оживляет передаваемое им высказывание, характеризуя его своим отношением к нему, сомнением, сожалением, подтверждением и т. д. Если такого рода дополнительные придатки не присоединяются к основному предложению и стоят совершенно самостоятельно, то они образуют собою отдельное предложение. В противном случае, они связываются с содержанием основного предложения и относятся к его основной части, которую характеризуют с отмеченной выше стороны, хотя бы и занимая обособленное место. Они не согласуются и вообще не связываются с каким-либо одним членом основного костяка предложения, а относятся ко всему предложению целиком. Поэтому, и выражения субъективного отношения и эмоционально-волевые выражения получают свое собственное оформление, не зависящее от членов основного предложения.[1] Такое их оформление выявляется в отдельном слове, в группе слов и даже в целом предложении. В последнем случае такие предложения получают внутри себя то же членение, которое свойственно предложениям вообще. Но и в этом случае семантическая связь со всем контекстом может не разрываться. Такое предложение остается в том же значении характеризующей все высказывание внешней к нему приставки, она получает развернутую форму, так же как ту же форму может получать и любой член предложения. Обращенный в предложение такой дополнительный к нему придаток не образует придаточного предложения только благодаря своему особому, отмеченному выше, смысловому содержанию. Он и не может быть придаточным предложением, так как, связанный с основным предложением по его смысловому значению, он все же содержит в себе самостоятельное высказывание, хотя бы и не оторванное от первого, а тяготеющее к нему как выразитель общего отношения ко всему содержанию предложения.

Развивая ту же мысль, мы одновременно с этим уточняем и наше понимание придаточного предложения. Последнее, независимо от путей его образования: внутри предложения, развитием одного из его членов, или извне, слиянием обособленно стоящих предложений, все же в основном соответствует членам предложения, но в развернутом виде. Оно сохраняет или получает именно этот смысловой оттенок в общем контексте всего предложения. Другими словами, придаточное предложение представляет собою член предложения, получивший структуру предложения. Как таковое, оно может иметь свое подлежащее и сказуемое и другие членения, свойственные предложению вообще. Как развернутый же член предложения, оно сохраняет такую же семантическую подчиненность и связь со всем составом осложненного предложения, какие имеет вообще каждый член предложения. Поэтому, те вводные члены предложения, о которых сейчас идет речь, не могут быть придаточными предложениями, поскольку они вовсе не являются разновидностью членов самого главного предложения, а представляют собою до известной степени самостоятельный, присоединяемый к основному предложению

[1] Поэтому же в таких вводных, обособленных членах предложения могут получить особое оформление и специально закрепившиеся за ними слова, ср. модальные слова и междометия, выделяемые на этом основании как части речи, синтаксически и лексически стоящие особо от других группировок слов с иным синтаксическим значением.

лишь вводный его член. Занимая такую своего рода обособленную позицию, эти вводные члены предложения по своему собственному значению стоят близко к отдельному содержанию самостоятельного высказывания. Говорящее лицо выражает ими свое отношение ко всему основному тексту и, тем самым, в конечном итоге, высказывает свое отдельное суждение, которое в силу этого может облечься в построение отдельного предложения. Его появление связано с основною мыслью главной части высказывания и семантически ее развивает, но все же оно и в этом своем виде не является придаточным предложением в приведенном выше понимании последнего. Даже развернутое в отдельное предложение, оно по своему смысловому оттенку продолжает относиться ко всему основному предложению в целом. Оно не развивает содержания отдельного его члена, что свойственно придаточному предложению, а придает характеризующий оттенок всему предложению целиком, что придаточному предложению, по его основной синтаксической функции, не может быть свойственным.[1]

Когда же вводный, обособленный член предложения не получает оформления предложения, то образующие его слова или группы слов обособляются как член предложения с особо приуроченным ему назначением. Они приобретают самостоятельную значимость, близкую к отдельному содержанию особого дополнительного высказывания, и в то же время сохраняют за собою свойства члена предложения. Как член предложения, хотя бы и вводный, он использует для своего выражения различные слова, наличные в данном языке, но, равным образом как член предложения, он же получает свои синтаксические признаки, которые могут закрепляться за обособляющеюся в этой синтаксической функции группою слов. Так, например, для выражения вводного члена может выделяться особая часть речи, которая в нем и формируется, так же как и другие части речи образуются в связи с распределением слов по основной их синтаксической функции в предложении. Субъективному отношению соответствуют модальные слова,[2] а эмоционально-волевым высказываниям — междометия,[3] хотя в их позиции, как и в позиции любого другого члена предложения, могут выступать разные части речи, идиоматические обороты и пр. Ср. выражения субъективного отношения: *Я, однакож, не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвиденного случая. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то чтоб не мирной, И точно, она была хороша: высокая, тоненькая..., Да-с, с большими странностями, и, должно быть, богатый человек;* выражения эмоционально-волевые: *Увы! он счастия не ищет и не от счастия бежит, Чу! в арьергард орудья просят;* они же отдельным предложением, но в тесной связи с общим контекстом: *Бывало, он ее никогда не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!*,

[1] Здесь предусматриваются мною два вида вводных (обособленных) членов предложения, имеющих отношение ко всему высказыванию в его целом. Следовательно, тут я не имею в виду то обособление второстепенных членов предложения, которые выделяются интонациею и паузами для усиления их смыслового значения без изменения их зависимого положения от одного из членов предложения, ср. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., 1938, стр. 371 сл.; Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, 2-е изд., 1937, стр. 308; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Русский язык, 1934, стр. 139; А. Б. Шапиро, Русская грамматика, II, 9-е изд., 1934, стр. 26; С. Г. Бархударов, Грамматика русского языка, II, 1938, стр. 95; и др. См. вводные слова или вводные предложения у А. А. Шахматова, ц. с., стр. 47, § 32.

[2] См. стр. 286 сл.

[3] См. стр. 291 сл.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий французы двинулись, как тучи, и все на наш редут; ср. отдельные предложения со своей самостоятельной семантикой: *Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом — чудо!* (примеры из М. Ю. Лермонтова).

Иногда такие вводные члены сближаются с текстом основного предложения до степени непосредственного участия в его содержании. Они выступают тогда в предложении его же членом, занимающим место наряду с другими. Иногда они отдаляются на свою более обычную обособленную позицию вставки, придающей колорит всему изложению, ср. *Ah, s'écria le pauvre enfant à la suite de ces meurtrières réflexions* — «Ах! воскликнул бедный юноша в результате своих убийственных размышлений» (Paul Bourget, Cruelle énigme, VII) [1] и *Te pardonner, dit elle, mon ange! Ah! Je t'aime trop!..*— «Тебя простить, сказала она, ангел мой! Ах! я тебя слишком люблю!...» (там же. IX).

Такие вставки особой семантики обычно именуются вводными словами. Этот термин недостаточно передает их синтаксическое значение. Вступая в синтаксические отношения со всем предложением целиком, они оправдывают свое наименование вводного члена предложения. По построению предложения, когда в нем самом недостаточно выражена экспрессивность, требуемая контекстом, присутствие таких вводных членов становится необходимым, ср. *avec quelle émotion ravie elle avait mesuré la pureté de ce coeur de jeune homme! Quelle inquiétude elle avait ressentie, et quelle crainte de ne pas lui plaire! Quelle crainte encore, sachant qu'elle lui avait plu, de se perdre dans son esprit!.. Comme elle avait joui de ses respects et comme elle les avait laissé se prolonger! Ah! ces deux journées à Folkestone...* (там же, VIII).

15. ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ: ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Все эти особенности синтаксического строя, детализируемые и разнообразящиеся по языковым системам, отражаются на словах, используемых в синтаксических построениях предложений. Отдельные слова выступают в той или иной синтаксической позиции. Ими выражаются члены предложения. Слова получают соответствующее морфологическое оформление, участвуя в образующихся связях слов или выступая с самостоятельным в предложении значением отдельного его члена. Таким образом, их форма непосредственно отражает устанавливаемые в предложении синтаксические отношения. Эта форма слова передает и те синтаксические приемы, которые получают действующую силу в строе языка. Здесь лексическая единица приобретает ту синтаксическую свою сторону, наличие которой необходимо для выделения частей речи. Следовательно, не только синтаксические свойства члена предложения, но и синтаксические показатели в частях речи не могут отличаться однообразием при сравнительном обзоре этих двух единиц, предложения и слова.

Каждый член предложения и каждая часть речи обладают своими их характеризующими свойствами. Ими они различаются как друг от друга (один член предложения от другого, одна часть речи от другой),

[1] В этом примере междометие *«ax!»* не только включается в основной текст предложения, но, по его содержанию, занимает в нем место прямого дополнения.

так и каждый в отдельности в своем выявлении в различных языках, т. е. в сравнительном обзоре по различным языковым системам. Один и тот же член предложения или часть речи получают в различных языках свои особенности и не оказываются вполне тождественными во всех своих показателях. Обладая общими свойствами, которые и являются основанием к выделению в различных языках тех же частей речи и членов предложения, последние в сумме своих признаков не представляют собою полнейшей аналогии. Каждый член предложения и каждая часть речи обладают в различных языках одинаковыми общими свойствами. Но, в то же время, они не отличаются единством внешнего выражения этих свойств в соответствующих своих признаках, выявляемых каждым языком в отдельности.

Эта сумма признаков, присущих члену предложения и части речи, оказывается вовсе не однородною.[1] Одни из признаков выделяются как основные, как те, по которым проводится членение предложения и лексического состава. Этим признакам присваивается определенное наименование, общее для всех языков, в которых проводится членение подобного рода. Другие признаки выделяются как сопутствующие первым, как их выразители в конкретном их выявлении в различных языках. Так, например, общим свойством подлежащего будет выражение субъекта высказывания отдельным членом предложения, общим свойством сказуемого является установление субъекта в его бытии, в объективной действительности, в обстановке не статики, а динамики, передаваемых также отдельным членом предложения. То же самое вскрывается и в основных свойствах, присущих частям речи. Так, имени существительному свойственно выражать предметность с обобщенным значением предмета и отвлеченного понятия, самостоятельных по своей семантике, а глаголу присуще выражать свойственные субъекту действие или состояние в их движении, в реальной обстановке жизни. Этими общими свойствами обладают всякое подлежащее, сказуемое, каждое имя существительное и глагол. Это — их общие для всех языков свойства, которыми они и выделяются. Если в каком-либо языковом строе не прослеживается членения по этим признакам, то в таком языковом строе нет соответствующих членов предложения или соответствующих частей речи (ср. приведенные выше примеры с инкорпорированием, с аморфным строем и др.). Если же такие свойства в языке выделяются, то они оказываются общими для всех языков, в которых прослеживается такого рода членение строя предложения и группировка словарного состава. Так, например, субъект, выраженный отдельным членом предложения, во всех языках окажется подлежащим, а выраженная

[1] А. А. Шахматов усматривает между подлежащим и сказуемым зависимую связь: «термин господствующее представление (о субъекте) указывает на то, что второе представление (о предикате) стоит к нему в зависимой или причинной связи» (ц. с., стр. 22, § 5), «соответствующие подлежащим субъекты являются носителями признаков, выраженных соответствующими сказуемым предикатам» (там же), «в мышлении представление о предмете будет всегда психологическим субъектом в отношении к представлению о признаке, которое мыслится при этом как психологический предикат» (там же, стр. 25, § 7), «сказуемое вызывает в нас... представление о признаке» (там же, стр. 160, § 159).

Применительно к языковому материалу термин — «признак» используется здесь мною в значении выразителя того свойства, которым обладает каждый член предложения и каждая часть речи и которым они выделяются в речи, ср. в том же значении у А. А. Шахматова: «существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, является связь каждой из них... с грамматическими категориями» (ц. с., стр. 420, § 489).

отдельным же членом предложения характеристика его в действии или состоянии везде оформляется сказуемым, ср. *пожар!*, где субъект и предикат представлены нерасчлененно и где, следовательно, нет отдельного выражения ни подлежащего, ни сказуемого. Но эти общие свойства члена предложения и части речи, каждого в отдельности, оставаясь общими по своему содержанию, получают в различных языках свое различное формальное выявление, без которого они не существуют и существовать не могут.

В одних языках эти общие, основные свойства выявляются в одном виде, в других — в ином. Такие общие свойства остаются, как мы видели, теми же самыми, но выражения их в том или ином языке разнообразятся, в чем и выявляются особенности того или иного языкового строя. Другими словами, эти общие признаки сопровождаются сопутствующими их внешними выразителями, которыми они выделяются в отдельных языках и которые, тем самым, оказываются им свойственными в определенном языке. Следовательно, любые член предложения и часть речи для выявления в каждом языке их общих свойств нуждаются в ряде их сопровождающих и в каждом языке устанавливаемых присущих им признаков, которые сопутствуют основному и ему свойственны в конкретном строе речи. Так, например, в одних языках подлежащему приурочивается именительный падеж (номинативный строй предложения в индоевропейских языках), в других, в которых различаются предложения переходного действия и безобъектные, поссесивные и аффективные, прослеживается постановка подлежащего в разных падежах, в активном, творительном, родительном, дательном, местных и абсолютном, так называемом «именительном» (яфетические языки Кавказа, чукотский и родственные ему языки Севера и др. [1]). Имя существительное в ряде языков делится на группы по родам (индоевропейские), в других наличествует классное деление имен (некоторые яфетические языки, банту и др.), в третьих нет ни родового, ни классного деления имен существительных (картвельские, лезгинский, тюркские и пр.); в различных языках прослеживаются различные падежные системы и т. д. Глагол в одних языках изменяется по лицам (индоевропейские, финно-угорские, тюркские, северные, банту, ряд яфетических языков и индейских Америки и пр.), в других глагол не имеет изменения по лицам (лезгинский, аварский, дагестанский и др.), и т. д. И все же имя существительное продолжает оставаться именем существительным, а глагол глаголом, несмотря на все только что отмеченное разнообразие их признаков, сопутствующих основному в отдельных языках.

Такие сопутствующие показатели члена предложения и части речи можно наименовать их грамматическими категориями. [2] Эти их грамматические категории обладают иными свойствами, чем упомянутые выше основные признаки. Поскольку основные признаки той или иной части речи и того или иного члена предложения оказываются общими для всех языков, постольку же их грамматические категории устанавливаются по тем особенностям, которыми они выделяются в каждом языке.

[1] См. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 169, 196 и др.

[2] А. А. Шахматов определяет грамматические категории «как представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом» (ц. с., стр. 420, § 489).

Мною под грамматическими категориями понимаются те признаки (отличительные свойства), по которым данный член предложения или часть речи устанавливаются в каждом отдельном языке и которыми они в нем формально выявляются.

И если, например, глаголу присуще передавать действие и состояние в их процессе, то выражение лица (числа, рода), вида, времени, наклонения и залога свойственны глаголу в русском языке и являются грамматическими категориями глагола в этом языке. В лезгинском же, в котором нет ни родового, ни классного деления имен, ни личного спряжения глагола, выражение лица не будет его грамматическою категориею и т. д.[1] Таким образом, одни и те же грамматические категории вовсе не общи всем языкам, наоборот, они варьируются в них и тем самым становятся характеризующими в каждом языке значение той части речи, которая привлекается к исследованию. По ним выясняется строй каждого языка. То же самое придется сказать и о грамматических категориях членов предложения. Их грамматические категории вырабатываются в каждом конкретном языке или языковой системе, ими же устанавливается значение данного члена предложения в синтаксическом строе данного языка.

Каждая языковая система, пользующаяся развернутым строем предложения, проводит его членение. А так как в каждом таком предложении содержится выражение его субъекта и предиката, этих его основных и обязательных понятий, то в каждом развернутом предложении субъект получает свое место, а предикат свое.[2] Таким путем во всех языках развернутый строй предложения дает подлежащее и сказуемое, выделяет дополнения и группирует остальные слова вокруг них. Это общее для всех языков явление обусловлено тождеством основной функции выделяемых членов предложения, передающих основные понятия высказывания, что составляет содержание основных признаков соответствующего члена предложения. Свойственное же каждому языку синтаксическое построение выделяющихся членов предложения устанавливает их грамматические категории, а проводимая группировка слов по их синтаксическому использованию в предложении ведет к выделению частей речи и к закреплению за ними их грамматических категорий. В результате, последние оказываются и у членов предложения и у частей речи.

Если в каком-либо языке не обнаруживается грамматических категорий, свойственных определенной части речи, то в данном языке этой части речи нет. Она или не выделилась за отсутствием в языке требуемых для того понятий, или же синтаксические ее функции выполняются общими грамматическими категориями с другой частью речи. Так, например, в ненецком языке и сближающихся с ним диалектах имена прилагательные не обладают грамматическими категориями, отличающимися от грамматических категорий имен существительных. Они не имеют своих специальных оформлений. Выступая определением, они, так же как и имена существительные, ограничиваются примыканием и т. д. На этих основаниях в соответствующих грамматиках выдвигается одна такая часть речи: имена существительно-прилагательные (правильнее, просто имена, различаемые внутри своей группы по

---

[1] См. П. К. Услар, Кюринский язык, «Этнография Кавказа», VI, 1896; Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 60 сл., 116 сл.

[2] См. Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, 1920, S. 124. Ср. А. А. Шахматов: «В каждом предложении (насколько впрочем оно не является предложением сокращенным) должны быть члены, соответствующие основным элементам коммуникации, выражающие словесное сочетание психологического субъекта и предиката» (Синтаксис русского языка, стр. 30, § 12). «В каждой коммуникации имеется субъект и предикат» (там же, стр. 28, § 11).

семантическим оттенкам).[1] То же самое придется сказать и о членах предложения. Если в отдельном языке какой-либо член предложения не имеет грамматических категорий, то и соответствующий член предложения в этом языке не выделяется. Например, определение передает признак предмета, выступает членом предложения и устанавливается в своих синтаксических отношениях к им определяемому ведущему слову. В ряде северных языков определение этими основными своими свойствами не выделяется, так как сливается с определяемым именем и отдельно в предложении не выступает. Поэтому, у определения, как члена предложения, в этих языках нет грамматических категорий и сам этот член предложения в названных языках отсутствует.[2]

Обе указанные разновидности грамматических категорий (члена предложения и части речи) близки друг к другу. Такая близость их объясняется тем, что части речи своим выделением в запасе слов языка в значительной степени обязаны своей синтаксической функции. Ею устанавливается их использование в значении того или иного члена предложения, и она же, затем, направляет их к преимущественному выступлению в определенном синтаксическом положении.[3] Так, например, глагол приобрел свойственные ему морфологические показатели от его выступления в положении сказуемого. Получившаяся же благодаря этому глагольная форма обособилась в отдельную часть речи, используемую в роли данного члена предложения. Поэтому ряд грамматических категорий последнего характеризует и соответствующую часть речи, попадая в число и ее грамматических категорий. Но все же полного тождества их не наблюдается. Так, например, грамматические категории члена предложения, сказуемого, могут выступать не в одном только глаголе, но и в других частях речи, используемых в предикативном значении, как-то в именных формах сказуемого, получающих характерные особенности того же члена предложения в данном же языке.[4] Кроме того, ряд признаков сказуемого в одних языках выявляется в глагольной форме, а в других передается иными частями речи, включаемыми в общий состав слов, связанных со сказуемым и образующих его единую по смысловому значению синтаксическую группу. Так, то, что в одних языках передается в самом глагольном оформлении, в других может выражаться наречиями и т. п.[5] В зависимости от этого ряд признаков окажется грамматическими категориями глагола, ряд же их

[1] В одну с ненецким языком группу входят нганасанский (тавгийский) и энецкий диалекты и селькупский язык. В первых двух, так же как и в ненецком, прилагательные и существительные входят в одну часть речи, в последнем прилагательное имеет свое оформление и потому выделяется в особую часть речи, см. Г. Н. Прокофьев, его статьи по этим языкам в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 19 сл., 59 сл., 79 сл., 109 сл. Отсутствие у прилагательных своих отличающихся от имени существительного грамматических категорий наблюдается и в монгольских языках, см. Г. Д. Санжеев, Грамматика бурят-монгольского языка, 1941, стр. 33; А. А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, 1849, стр. 52, 118, 174, 199 сл.; 265 сл.; Г. Д. Санжеев, Синтаксис монгольских языков, 1934, стр. 118—141; его же: Грамматика калмыцкого языка, 1940, стр. 27—38. За выделение прилагательных в бурят-монгольском языке высказывается Д. А. Алексеев, см. его: Части речи в бурят-монгольском языке. «Записки Бур.-монг. научно-исслед. Института языка, литературы и истории», V—VI, 1941, стр. 152 сл. Вместо имен существительных и прилагательных в бурят-монгольском языке Г. Д. Санжеев выделяет в нем имена предметные и качественные, см. его ц. с., стр. 26 сл.

[2] Примеры см. на стр. 26—30.

[3] Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., 1941, стр. 420, § 489 и др.

[4] Например, изменение по лицам всякого сказуемого в тюркских языках.

[5] См. стр. 280 сл.

останется в составе сказуемого, но вне глагольной формы, и будет относиться к числу грамматических категорий не части речи, глагола, а члена предложения, сказуемого.[1] Таким образом, грамматические категории сказуемого оказываются, в данном случае, шире грамматических категорий глагола. С другой стороны, части речи включают в число своих грамматических категорий ряд им присущих лексических признаков (например, род в именах существительных), которые могут не входить в число грамматических категорий члена предложения, и т. д.

Грамматические категории члена предложения можно было бы для точности называть синтаксическими грамматическими категориями, потому что все они зависят от смыслового значения и формального выражения члена предложения и им обязаны своим наличием. Грамматические же категории части речи имеют лексическую значимость, но в значительной своей части обусловлены тою же синтаксическою функциею, которую соответствующая словарная группа получает и выявляет в строе предложения. Поскольку эти категории формально выражаются в построении самого слова, их можно было бы наименовать морфологическими грамматическими категориями. При таких условиях более обычный термин «грамматические категории» остался бы общим для обеих указанных разновидностей формальных показателей в членении предложения и в групповом делении словарного состава языка.

Путем сравнения грамматических категорий соответствующей части речи с грамматическими категориями соответствующего члена предложения устанавливается положение данной части речи в синтаксическом строе предложения в пределах одного языка. Сравнение же грамматических категорий названных членений лексического состава и предложения одного языка с такими же других языков выявляет их отличающиеся друг от друга свойства, и тем самым устанавливаются схождения и расхождения в синтаксических построениях различных языков. Поэтому, как при изучении каждого языка в отдельности, так и при обзоре членов предложения и частей речи в разрезе межъязыковых сопоставлений, особое внимание обращается на их действующие грамматические категории. Они служат прекрасным подспорьем при исследовании языковой структуры вообще и при установлении особенностей всякой отдельной привлекаемой системы языка.

Грамматические категории члена предложения стоят в теснейшей связи с его собственным синтаксическим положением в предложении и им устанавливаются. Поэтому самостоятельные члены и зависимые имеют грамматические категории совершенно различного значения. Первые из них оформляются по своему синтаксическому положению в строе всего предложения и получают грамматические категории, отвечающие этому своему значению в предложении. Их синтаксические отношения раздваиваются. С одной стороны, они вступают в отношения с другими такими же самостоятельными членами предложения, с другой стороны, они же находятся в синтаксических отношениях с рядом к ним же самим относящихся слов.[2] Эти отношения обычно передаются синтаксическими приемами, внешне выявляемыми в оформлении зависимых членов.[3] Эти последние выступают в той или иной синтаксической группировке. Они находятся в зависимом положении от самостоя-

[1] О том же подробнее см. на стр. 139 и др.

[2] См. синтаксические группы, стр. 116—121.

[3] См. там же и в главе о способах выражения синтаксических отношений: согласование, управление, примыкание и замыкание.

тельных членов и являются, по существу, членами синтаксической группы.[1] Они выражают свои отношения к ведущему для них члену целым рядом соответствующих синтаксических приемов, которые и являются выразителями тех грамматических категорий, какие свойственны данному члену предложения и через него определенной части речи.

16. ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Все подобного рода разновидности форм члена предложения непосредственно смыкаются со свойствами, специально присущими частям речи.

Таким образом, и в членах предложения и в частях речи, представляющих собою различные языковые категории, выявляются свои формальные показатели, по которым выделяются и те и другие. Эти формальные признаки, выступающие в конечном итоге в грамматических категориях, являются отличительными показателями для проводимого членения предложения и словарного состава каждого языка. Но все эти формальные показатели имеют свое значение. Они семантически обусловлены. Ими передаются определенные языковые категории, осознаваемые как таковые в самом языке и формально в нем выделяемые.

Такое формальное выделение тех или иных языковых категорий является результатом того выделения, которое уже существует в отдельном их восприятии как особо воспринимаемых в сознании общественной среды. То, что осознается как единое целое, как единая категория, то и получает свои формально отличные показатели. И если эти последние, т. е. отличительные формальные показатели, выявляются в грамматических категориях, то лежащие в основе их семантически выделяемые в языке категории можно было бы назвать понятийными категориями.

Члены предложения, о которых уже шла речь, и части речи, о которых речь будет ниже, выявляются их грамматическими категориями. Грамматические категории устанавливаются по грамматическим формам, передающим те понятия, которые вкладываются в основу выделяемых грамматических категорий. Таким образом, грамматические категории не отождествляются с общим представлением о понятийных категориях. В грамматических категориях отображаются вовсе не все выявляемые в языке понятия, а только те, которые получают в языке свое формальное выражение средствами морфологии или синтаксиса. Грамматические категории имеют именно этого рода формальные показатели. Если они морфологическими показателями синтаксически и лексически не выделяются, то нет вообще почвы для выделения данной грамматической категории.[2]

Но вовсе не все выступающие в языке понятия выявляются только в формальной стороне грамматического построения. Они могут выступать и в семантике слова. Кроме того, грамматические категории ограничиваются формальною характеристикою выделяемых членений в предложении и в лексическом составе. Сами же эти членения, равным образом, выступают как формально характеризованные в языке понятия.

[1] Примеры см. на стр. 116—121, 139—151.

[2] При отсутствии формальных показателей отсутствует в языке и сама ими устанавливаемая грамматическая категория. При отсутствии же суммы грамматических категорий, выделяющих часть речи из числа других частей речи, отсутствует в том или ином языке и сама данная часть речи.

Значит, и они являются передатчиками понятийных категорий, формально выражаемых средствами грамматики. Таким образом, грамматические категории, о которых говорилось выше, во всех своих разновидностях остаются лишь частью тех грамматически выраженных понятий, которые наличествуют в языке. Все, что получает в языке свое грамматическое выражение, становится грамматическим понятием. Следовательно, грамматические категории входят как часть в общую схему действующих в языке грамматических понятий.[1] Таким образом, грамматические категории включаются в число грамматических понятий, которые, в свою очередь, оказываются грамматически выраженными понятийными категориями.

Вводя новый термин «понятийные категории», постараюсь кратко объяснить, что мною под ним подразумевается, и оправдать желательность включения его в общую схему лингвистических исследований.

Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся, как отмечалось выше, грамматическими понятиями.

Субъект и предикат (логические) будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого. Деление на мужчин и женщин остается в русском языке различением понятийным. Эти понятийные категории выступают в русском языке в лексике, в соответствующей семантике слов, но морфологического выявления в родовых показателях не имеют. Мужеский и женский роды являются грамматическими понятиями (им уделяется различная грамматическая форма), но не теми, которыми передаются понятийные категории мужчины и женщины (ср. *стол* в мужеском роде, ср. *женщина пришла* и *ночь пришла*). В кавказских же яфетических языках, различающих мужчин и женщин классными показателями, эти же понятийные категории выявляются в соответствующих грамматических понятиях, ср. абхазск. *u-t'soyt* — «ты [мужчина] идешь», *b-t'soyt* — «ты [женщина] идешь». В русском языке *ты идешь* не различает морфологическими показателями мужчину от женщины.[2] В том же абхазском языке выступает грамматическим понятием различие человека и не-человека, ср. d-ə-s-kup — «его [человека] я держу» и i-s-kup — «его [не-человека] я держу». В русском языке *я держу его* не проводит формального различия между человеком и не-человеком. Следовательно, в этом языке нет того грамматического понятия, которое наличествует в абхазском. Понятийные же категории человека и не-человека, мужчины и женщины существуют в обоих языках, и т. д. Таким образом, понятийные категории могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, и, лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями.

Выявляясь в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе предложения и в морфологическом оформлении слова, понятий-

---

[1] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 434, § 499. Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 1888, стр. 25—36, ср. ниже прим. на стр. 210.

[2] И в прошедшем времени глагола различие согласованием в роде отражает существующее в языке родовое деление, а не деление на мужчин и женщин.

ные категории остаются тем самым в числе языковых категорий, хотя и являются отразителями в языке действующих норм сознания. Поэтому они легче сопоставляются с отдельными грамматическими понятиями, их же формальными выразителями в грамматическом строе языка, чем привлекаемые психологическим направлением языкознания элементы логики и психологии.

С этой точки зрения известный пример акад. А. А. Шахматова *испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* не нуждается для непосредственной языковедческой работы в его параллельном лингвистическом и психологическом анализе. Он разбирается в пределах самих языковых категорий. В нем наличествует понятийная категория субъекта (действующего лица) и предиката (характеристики субъекта в бытии), причем понятие субъекта, переданное словами *испуганная нами ворона,* в свою очередь содержит в себе понятие аттрибута, в которое в данном примере включается понятие косвенного объекта (понятийные категории). Все они, в грамматическом построении предложения, представлены грамматическими понятиями подлежащего и определения с косвенным дополнением, имеющим свои грамматические формы. В абхазском *ab i-s-šweyt,* буквально «заяц его [не-человека]-я-убиваю», как и в русском *я убиваю зайца* наличествуют понятийные категории субъекта, предиката и объекта, но в русском они передаются подлежащим, сказуемым и прямым дополнением, а в абхазском прямым дополнением и сказуемым (грамматические понятия) и т. д.

Итог всему сказанному дает нижеследующую схему: 1) понятийная категория выявляется в семантике слов, в синтаксических построениях и в оформлении слова, 2) синтаксически и морфологически выявляемая понятийная категория становится грамматическим понятием, 3) грамматические понятия, выявляясь в синтаксическом строе и морфологии, должны получать в них свои грамматические формы, 4) грамматические формы, образующие в языке определенную систему, выделяют те грамматические категории, по которым проводится деление на члены предложения и части речи.[1] Каждые из них имеют соответствующие свои грамматические категории, выступающие в соответствующих грамматических формах. Следовательно, грамматическая форма для того, чтобы выделить ту или иную грамматическую категорию, должна образовать определенную систему. Такие грамматические категории, получающие систему формальных признаков, уже являются грамматическими понятиями. Они в формах синтаксиса или морфологии передают ту или иную понятийную категорию.

Субъект есть понятийная категория. Подлежащее является его грамматическим понятием. Оно выделяется синтаксическим положением, получает морфологическое падежное оформление и т. д. Предметность есть понятийная категория. Имя, в частности имя существительное, оказывается грамматическим понятием, передающим понятийную категорию предметности. Для того чтобы эта понятийная категория стала грамматическим понятием имени существительного, необходимо, чтобы последнее получило свои формальные отличия, которые, образуя определенную систему, характеризуют имя существительное в его грамматических категориях.

Понятийные категории, о которых идет речь, оказываются, при таких условиях, также и категориями сознания, в том или ином виде

[1] О грамматических категориях см. стр. 189 сл.

выражающимися в языке. В то же время они же оказываются и языковыми категориями, поскольку выявляются именно в языке. Без их выявления в языке они остаются в области сознания. Выявление же их в языке может итти различными путями как семантических различений, так и формальных (ср. *стол* и *итти*. Первое выражает предмет, а второе содержит в себе понятие действия. В русском языке они различаются и семантически и формально). Когда понятийная категория находит себе синтаксическое или морфологическое выражение, т. е. выражение в словосочетании или построении слова, последние становятся передатчиками грамматических понятий.[1] Так, аттрибутивность (признак предмета) есть понятийная категория, когда она выявляется в языке различными средствами семантики, синтаксиса и морфологии. В инкорпорировании аттрибутивность выражается слиянием слов. В монгольских, самоедских и ряде других языков аттрибутивность передается местоположением. Здесь выступает грамматическое понятие определения, выражаемое синтаксическими средствами. В индоевропейских языках аттрибутивность может передаваться морфологическим оформлением слова. В последнем случае выступает морфологически передаваемая грамматическая форма, и потому аттрибутивность в этих языках выявляется уже в грамматических категориях, выражаемых грамматическою формою слова. Здесь выделяются грамматические категории, свойственные прилагательным. Таким образом, для наличия грамматической категории требуется наличие грамматического понятия, передаваемого грамматическою формою. Последняя имеет место в словосочетании и в словопостроении, поэтому в основу деления на части речи ложатся свойства слова, поддающиеся разграничениям по формальным признакам синтаксиса и морфологии.

[1] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 434, §§ 498—499. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 2-е изд., 1888, стр. 25—36; Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 1920, S. 36, 78, 121—126, 352—359.

ГЛАВА III

ЧАСТИ РЕЧИ, СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Только что сделанный общий обзор основных членений предложения ставит в своем итоге задание провести такого же рода разбор выделяемых в языке группировок слов. Наличные в языке слова, распределяемые по частям речи, выступают в строе предложения и занимают в нем определенное синтаксическое положение. В связи с этим, и у членов предложения и у частей речи устанавливаются общие свойства, обнаруживаемые во всех языках, дающих членение предложения и членение лексического состава. Все же степень общности выступающих свойств у тех и у других различна. Члены предложения, как можно заключить по выводам предыдущей главы, ложатся в основу всякого членения законченного по содержанию синтаксического построения, поддающегося разбивке на составные части. Члены предложения ближе стоят к основным понятиям высказывания, чем части речи, и потому представляют собою более общую схему.

В положении членов предложения выступают распределяемые по частям речи слова, иногда словосочетания. Слово, выступая в синтаксическом его использовании, сохраняет и свои лексические особенности, которые учитываются в синтаксических построениях и, в отдельных случаях, даже оказывают на них свое влияние.[1] Поэтому, в каждом языке наличное в нем членение предложения неминуемо становится в теснейшую связь с проводимою классификациею по частям речи. На этом основном утверждении, вытекающем как следствие из всего предъидущего изложения, придется строить последующий обзор лексических группировок слов (частей речи).

Я вовсе не беру на себя задания выяснить и установить, какие части речи существуют во всех многообразных разновидностях языковых систем и какие части речи присущи каждой из них. Я вовсе не собираюсь также заняться пересмотром всех схем действующих грамматик, уже вошедших в школьную жизнь. Более того, я отнюдь не намерен оспаривать правильность для языков индоевропейской семьи той системы частей речи, которая устанавливается и в настоящее время детализируется подробным анализом материала этих языков. Лично я склоняюсь к тому, что выработанная и в последние годы уточненная схема группировок лексического состава по частям речи в индоевропейских

[1] См. приведенные выше на стр. 85 сл. примеры различного рода словосочетаний, непосредственно связанных со смысловым значением используемых в предложении слов.

языках, в основном своем построении, правильна. Отсылая, поэтому, интересующихся к соответствующей литературе, я перехожу к обзору того же вопроса в общей его постановке по разносистемным языкам.

Некоторые высказывания, конечно, продолжают оставаться спорными, в особенности когда речь идет о конкретном языке. Спорным может оказаться здесь по отношению к отдельным языкам даже вопрос о выделении таких частей речи, как прилагательные и наречия. Даже выделение глагола не везде ясно в одинаковой степени. В одних языках глагол выделяется среди остального состава слов, в других — для такого выделения нет еще достаточных данных.[1] Тем не менее, основные принципы деления по частям речи ни у кого не возбуждают сомнения.

Мое последующее изложение все же осложняется тем, что при общем обзоре частей речи в различных языковых системах отдельные утверждения, правильные для одного языка, могут оказаться неприемлемыми для другого. Приемлемыми остаются общие положения о членении предложения и о разбивке словарного состава на части речи, но и они нуждаются в уточнении. Приемлемыми будут также общие установки для выявления основных свойств каждой части речи. Но и здесь общий вопрос о том, что такое представляет собою данная часть речи, сталкивается как раз с вопросом о том, в каком виде эта часть речи выступает в каждом языке. Ставится вопрос о том, какими синтаксическими значениями она в нем уточняется и какого рода показателями выделяется в общей схеме проводимой классификации.

Части речи имеют свою историю. Они выделяются постепенно по мере осложнения языкового строя. Едва ли, при этом, можно считать, что их выделение уже окончательно завершено. И в современном состоянии любого языка удается прослеживать пути пополнения отдельных частей речи новым составом и, даже, возможно, пути становления прежде не обособлявшейся группировки слов.[2] Следовательно, в основе членения лексического состава лежит исторически развивающееся слово с его лексическим содержанием и синтаксическим значением. Слово имеет свою семантику и получает свое обычное синтаксическое использование. Свободным от него слово в речи не воспринимается. Нет такого слова, которое, имея свое отдельное значение, в то же время не выступало бы в составе высказывания. Слово входит в состав речи — этого необходимого средства коммуникации. Сам процесс создания слов, в особенности в глубокой древности человечества, нельзя себе представить как простой процесс наименования предмета, действия или состояния. Слова не создавались сами по себе, без их практического значения в речи. Наименование предмета было в то же время связано и с восприятием его в реальной действительности. Оторванно от такого восприятия наименование не могло даваться. Следовательно, сам процесс наименования был одновременно и процессом созидания предложений, хотя бы и выраженных одним словом.[3]

Дифференциация на слово и речь, на лексический состав языка и на синтаксический его строй, относится уже к более развитым периодам языкотворчества, когда выработались понятия и представления о

[1] См. стр. 241.

[2] Наиболее наглядно и ясно в путях своего образования выделяются новые лексические группы в младописьменных языках, создающих на наших глазах устои литературной письменной речи, ср. в северных языках и др.

[3] Различные высказывания по этому вопросу см. прим. на стр. 7, прим. на стр. 168.

предмете и в связи с ними выделились в составе языка их обозначения. Тем самым разбился строй языка на слова, которые образуют предложение, и на предложения, которые составляются из слов. Обе эти основные единицы речи стали одинаково необходимыми. Они тесно между собою связаны, хотя и обладают своими свойствами каждая в отдельности. По этим причинам строй языка изучается в двух направлениях: самостоятельное рассмотрение слова с его структурных и смысловых сторон (лексика) и всестороннее обследование строя предложения, включая используемые в нем слова (морфология и синтаксис). Выделяемые морфологические показатели в первом случае выступают выразителями лексической стороны слова, а во втором — выявляют его синтаксическое положение и лексическую его сторону, связанную с его же выступлением в предложении (слово в речи). Слово, при этих его характеризующих особенностях, понимается, конечно, в историческом разрезе его возникновения, развития и существования. Но все же, в данном отрезке времени слово выступает как бы в статичном состоянии, при уже сложившейся форме и закрепившемся содержании (ср. слово в словарях разговорного языка). В предложении же слово выступает не в своей статике, а в процессе, т. е. в действии или состоянии.

Слово, используемое в предложении, получает (если оно изменяемо) то или иное синтаксическое оформление в зависимости от того, в какой функции оно выступает, выполняя смысловое задание предложения. Когда семантика последнего выделяет в его составе отдельно выступающие части различного смыслового содержания, то они получают свое внешнее выражение в соответствующих членах предложения и синтаксических группировках. В их состав и попадают отдельные слова. Оказываясь в предложении представителями определенных его членений, слова, по этому своему синтаксическому положению, вступают между собою в синтаксические отношения, формально передаваемые различными синтаксическими приемами. Оставаясь, таким образом, носителями не только лексической, но и синтаксической значимости, слова, внутри самого лексического состава языка, распределяются по группам, именуемым частями речи.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЧАСТЯМИ РЕЧИ

Каждый язык имеет свои особенности, которыми в большей или меньшей степени отличается от других языков. Такие отличительные особенности выступают, главным образом, в ведущих, характеризующих свойствах частей речи. Членение предложения, с этой стороны, как мы видели, в основном более устойчиво. Подлежащие, дополнения, сказуемые и выразители их признаков, определения и обстоятельства, являются передатчиками в грамматическом строе предложения выделяемых понятийных категорий высказываний. Они детализируются лишь в устанавливаемых синтаксических между ними отношениях и в зависимости от них вариируются по языкам. В частях же речи отражаются не одни только эти оттенки, присущие членам предложения, которые передаются ими в словесной форме. Части речи, кроме того, разнообразятся и своими свойствами. Они, в зависимости от строя языка, то более аморфны, то в той или иной степени богаты морфологическими изменениями. В первом случае довлеет член предложения.

Выступающие в нем слова устанавливаются в своем синтаксическом положении в каждом конкретном их использовании, и части речи, при этих условиях, выделяются слабее. Во втором случае, при расширенном использовании средств морфологии, часть речи закрепляет за собою ряд формальных показателей, специально ей присущих, и тем самым получает свое более самостоятельное существование. Но и в этом случае взаимоотношения между членами предложения и частями речи вовсе не снимаются. Часть речи и тут продолжает выступать в предложении с определенным синтаксическим значением, занимая в нем место того или иного члена предложения. Образовавшись в итоге постоянного выступления в роли одного и того же члена предложения, часть речи вырабатывает в нем ряд своих морфологических показателей. Ими она устанавливается как лексическая единица. Часть речи уже выделяется, но все же не порывает своих связей с ее породившим членом предложения. Наоборот, она еще теснее связывается с ним, хотя и сохраняет свою долю самостоятельного значения. Аморфное слово менее связано с определенным членом предложения. В этом отношении оно более свободно. Носящее же морфологическое оформление ограничено возможностями своего постоянного выступления в различных членах предложения. Именно здесь и выступают наиболее интересные моменты взаимного сосуществования члена предложения и части речи и наибольшие возможности разнообразного выявления последними своих внешних признаков в различных языковых системах.

Слово, как мы только что видели, выступая в предложении, занимает место того или иного члена предложения или входит в состав его слагаемых частей. В связи с этим, слова получают синтаксическое оформление в зависимости от того, чем они выступают в предложении. С другой стороны, слова, по своей уже лексической семантике, выявляют способность к преимущественному использованию в составе одного определенного члена предложения или в определенном синтаксическом построении. Благодаря этому, одни слова начинают отличаться от других слов и своею лексическою формою. Так, например, имя, используемое в качестве подлежащего и дополнения, приобретает определенное падежное оформление, свойственное ему по его синтаксической позиции и закрепляемое за ним как за лексическою единицею. Тем самым выделяются имена существительные, изменяемые по падежам. Хотя такое изменение и происходит только тогда, когда имя попадает в состав предложения, но оно может грамматически рассматриваться и как характерное свойство данной выделившейся словарной группы. В некоторых языках, как то в западнокавказских горских яфетических и других, падежное оформление имен остается мало развитым. В этом случае выделение имен существительных проводится по другим синтаксическим же признакам, или же эти имена оказываются слабо дифференцируемыми по своим лексическим свойствам и устанавливаются в своем синтаксическом значении, главным образом, контекстом. При таких условиях, основным отличием для данной группы имен выдвигается лишь их лексическая семантика, и имя не приобретает резко отличительных граней для его внутреннего разделения на ясно обособившиеся группы имен прилагательных, числительных и отглагольных форм причастия.[1]

Иногда основным признаком для выделения данной группы имен

[1] Например, в ряде языков самоедской группы.

оказываются не ее собственные отличительные форманты, а другие, свойственные другим группам имен, выделяющие их в отличие от первой и тем самым обособляющие и эту первую. Нулевые, при этих условиях, показатели одной группы слов в противоположность морфологически оформленным показателям других являются, равным образом, положительным критерием для ее выделения.

Такую же зависимость части речи от члена предложения можно проследить и в глаголе. Слова, по своей семантике выражающие процесс действия или состояния, при их постоянном употреблении в роли сказуемого, снабжаются предикативными показателями времени, лица, наклонения, залога и пр. Эти показатели закрепляются за данною группою слов и становятся ее характеризующими грамматическими категориями. Тем самым выделяется часть речи — глагол.[1]

Таким образом, имя существительное выделяется своим выступлением членом предложения предметного значения (подлежащее и дополнение),[2] прилагательное образуется синтаксическим использованием слов в аттрибутивном члене предложения (определение), наречия выступают в обстоятельственном члене, глагол отделяется от других частей речи в результате своего выступления сказуемым (членом предложения, выражающим процесс). Здесь, в этом членении предложения, формируются лексические группировки.

Части речи, как мы видим, в отличие от членов предложения, относятся к делению лексического порядка, хотя в таком распределении по лексическим группам не меньшее значение, чем лексическая сторона слова, имеет и его синтаксическое использование. Поэтому, распределение лексического состава языка по группам, формальное их определение и характеристика, находятся в теснейшей зависимости от синтаксических особенностей строя каждого изучаемого языка и языковой системы в отдельности. В каждом языке предложения строятся синтаксическими сочетаниями слов или синтаксическим использованием отдельного слова. Вне синтаксического его использования слово остается выразителем отвлеченного представления о предмете или понятии и в значительно большей степени входит в словарь языка, чем в его разговорную речь. Оказываясь же в строе предложения, слово подчиняется действующему закону синтаксиса каждого языка и отражает на себе все многообразие внешнего его построения.

Весь наблюдаемый процесс образования частей речи стоит в тесной связи с развитием того языка или, вернее, той языковой группы, над которой проводится соответствующее исследование. Оказываясь таким образом, как впрочем и все остальные языковые элементы, историческою категориею, части речи в своем количестве и качестве не представляют собою постоянной и неизменяемой языковой группировки. Части речи формируются и исчезают, причем пути их образования и развития зависят от истории соответствующего языка.[3] Решающим, в данном случае, является действующая структура языка и идущие в ней смены.

Тем не менее лексические группы (части речи), как уже отмечалось

---

[1] Подробнее см. на стр. 240 сл.

[2] См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, 2-е изд., 1888, стр. 115.

[3] Ср. утверждения Ф. де-Соссюра о том, что в языке нет каких-либо постоянных признаков, не подвергающихся изменению. Неменяющихся признаков вообще не существует (Курс общей лингвистики. Русск. перевод, 1933, стр. 205).

выше, не отождествляются с членами предложения, а лишь вступают с ними в тесную взаимодейственную связь. Такой, уже сделанный нами, вывод остается в полной силе и теперь, после всех дополнительных наших высказываний. Нет сомнения в том, что такая связь действительно существует. Конечно, слово, относящееся к определенной части речи, занимает место члена предложения. Не приходится отрицать и того, что в языках с развитою морфологиею легче удается устанавливать, в каком синтаксическом положении обычно выступает данное слово. Но все же оно, при осложненном контексте высказывания, может вполне закономерно выступать и в ином синтаксическом значении. Поэтому, механическое отнесение какого-либо слова к той или иной части речи только по его синтаксическому положению в частных случаях его использования в строе предложения может привести к сбивчивому построению классификационной схемы и нередко приводит к этому. Между тем, не только члены предложения, но и части речи характеризуются своими грамматическими категориями и ими устанавливаются в своей принадлежности к группе слов, выделяемой по этим признакам. Выход из одной части речи и переход в другую влечет за собою изменение этих категорий. Так, прилагательное, переходящее в имя существительное, утрачивает ряд своих признаков и получает другие взамен их. В русском языке оно приобретает определенную родовую принадлежность как имя существительное и по родам не изменяется, в отличие от имен прилагательных, ср. *столовая* и *столовый нож, столовая ложка, столовое белье*. Имя, ставшее наречием, уже не изменяется по падежам и т. д.

Сохранение грамматических категорий, свойственных одной части речи, сохраняет слово в этой части речи, хотя бы оно выступало не в том членении предложения, в каком оно обычно выступает. Это выработавшееся языковою практикою положение расширяет фактические возможности синтаксического использования отдельных слов. Имя существительное может выступать не только подлежащим и дополнением, постоянным выразителем которых оно является, но и определением, обстоятельством, сказуемым и т. д. Обособившийся остов данной части речи тем самым не изменяется. Именно это далеко не всегда учитывается. Можно отметить, к сожалению нередко имеющие место, случаи, когда выступление отдельно взятого слова в синтаксическом значении определенного члена предложения признается достаточным основанием для отнесения этого слова к той части речи, для которой обычно выступление в этом члене предложения. Идя по такому шаткому пути, исследователь иногда перегружает состав выделяемых им группировок слов, включая целый ряд посторонних элементов. Так, например, в некоторых научных работах причисляется к наречиям и в особенности к модальным словам большая серия имен существительных только потому, что они выступают в строе предложения обстоятельственным или вводным его членом. В итоге получается непроизвольное, но весьма опасное отождествление члена предложения с частью речи.

Таким отождествлениям не должно быть места, но действующая сила взаимоотношений членов предложения и частей речи все же остается в полной мере. Прилагательное может субстантивироваться и переключиться в другую часть речи, в имя существительное, но может оставаться и прилагательным, субстантивируясь только в данном его синтаксическом употреблении. Тогда оно оказывается в необычном для него синтаксическом положении самостоятельного члена предложения.

Это положение оказывается общим для всех языков, имеющих морфологически выраженное членение слов, ср. лексически и синтаксически субстантивированные прилагательные в русском языке: *Русский поймал их настороженные взгляды* (Н. Тихонов, Клятва в тумане, рассказ второй). Ср. также субстантивирование, ограниченное рамками данного синтаксического использования: *Когда сам убийца приходит и громко говорит, что убил именно он, чтобы не подумали, что убитый просто жертва случайности* (там же, рассказ первый), *Ждите,— говорю,— вашего близкого.— И приходит так через два дня в сумерки близкий мужчина с палочкой* (там же, рассказ третий).

В некоторых языках не прослеживается такого четкого деления на части речи, которое устанавливается в других. Части речи могут быть слабо разграничиваемы, несмотря на ясное выделение членов предложения. В ряде языков распределение слов по частям речи отличается известною степенью подвижности, и слово легко переходит из одной группы в другую в зависимости от более широких возможностей его использования в различных синтаксических назначениях.[1] В некоторых языках, наоборот, вырабатывается большая стабилизация языковых группировок, и если слово, как мы только что видели, используется в синтаксической роли, не свойственной его группе, то оно уже выделяется в этом своем значении. Оно получает иное содержание, например предметное вместо аттрибутивного. С этим новым для него содержанием слово выступает в данном контексте. Оно может даже совсем перейти из одной части речи в другую, нередко без изменения своей формальной стороны, но все же с изменением содержания своих грамматических категорий, ср. русск. *учащаяся молодежь, учащиеся молодые люди* и *учащиеся средней школы,* при аналогичном по значению *ученики средней школы.*

Мы только что привели примеры субстантивирования прилагательных. Сейчас, после всего сказанного, становятся понятными пути и причины такого изменения в значении слова. Оно изменяется не само по себе. Взятое в отдельности, т. е. изъятое из контекста, оно остается неясным в своей принадлежности к другой части речи, если последней не отвечает формальная сторона слова, сохранившего старую форму,[2] ср. *русский.* Это слово может быть понято и как прилагательное и как имя существительное. Оно будет тем или другим в зависимости от своего выступления в том или ином члене предложения. В словосочетании *русский язык* мы имеем прилагательное, так как интересующее нас слово выступает в аттрибутивном члене предложения. В предложении *я русский* значение данного слова колеблется, так как оно использовано в сказуемом, именною формою которого может быть как имя существительное, так и прилагательное.

В предложении *Русский поймал их настороженные взгляды* (Н. Тихонов, ц. с.) имеется налицо имя существительное, потому что это же слово выступает предметным членом предложения, в данном случае

---

[1] Например в некоторых северных языках, в частности, в алеутском эскимосской группы, см. описание этого языка, даваемое В. И. Иохельсоном в статье «Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка». Изв. Ак. Наук, 1912, стр. 1040.

[2] Ср. даваемую акад. А. А. Шахматовым характеристику частей речи, как точно определенных и разграниченных категорий. Одни части речи, по его же утверждению, могут переходить в другие, не изменяя своей формы, «Синтаксис русского языка», 1941, стр. 423 сл., §§ 491, 492.

подлежащим. Следовательно, даже тогда, когда само слово приобретает предметное значение (ср. *столовая*), даже и тогда это его значение ассоциируется с его выступлением в члене предложения предметного содержания, ср. *столовая ложка лежит на столе в столовой*. Когда же прилагательное лексически не субстантивируется, не получает постоянного предметного значения, оно остается субстантивированным только в отдельном его использовании, ср. *Ждите,— говорю,— вашего близкого.— И приходит так через два дня в сумерки близкий мужчина с палочкой* (Н. Тихонов, ц. с.). Отсюда ясно, что субстантивирование прилагательных происходит оттого, что часть речи, установившаяся в своем синтаксическом положении аттрибутивного члена, попадает в положение другого члена предложения, имеющего, в приведенных примерах, предметное значение. Тем же путем проходит отделение наречий от имен. Те наречия, которые вышли из имен прилагательных и существительных, обязаны своим переходом в другую часть речи тому, что аттрибутивные и предметные по своему значению слова, т. е. выступающие обычно в предметных и аттрибутивных членах предложения, оказались в использовании обстоятельственного члена. Здесь взаимоотношения между членами предложения и частями речи выступают отчетливо. Не менее ясно различие постоянной связи между этими языковыми категориями и связи эпизодической. В последнем случае часть речи сохраняет свою самостоятельность. Прилагательное «близкий» субстантивируется лишь в приведенном выше и ему подобных контекстах. Таким образом, член предложения не подавляет часть речи, но последняя подчиняется первому. Именно поэтому я не спешу считать наречием всякое имя существительное, когда оно выступает обстоятельством, так же как прилагательное далеко не всегда становится именем существительным, хотя бы оно, в отдельных случаях, выступало подлежащим или дополнением. Даже в языках с четким делением словарного состава по частям речи, в том числе и в русском, сохраняется широкая возможность использования слова во внеобычном для его группы синтаксическом значении.

Часть речи выявляется в ее грамматических категориях. Грамматические категории устанавливаются по грамматическим формам, передающим те понятия, которые вкладываются в основу выделяемых грамматических категорий. Другими словами, в грамматическую категорию входят грамматические понятия и грамматическая форма, или, грамматическое понятие, выражаемое через грамматическую форму. А так как в данном случае мы имеем в виду не грамматическую категорию вообще, а грамматическую категорию части речи, то и выражение ее только что отмеченных отличительных признаков должно иметь место в той группе слов, которая составляет данную часть речи. Поэтому, в конечном итоге, грамматическая форма должна получать свое выражение в построении слова. Таким образом оказывается, что грамматические категории части речи выступают в грамматических значениях, сосредоточенных в слове и в его грамматических формах. Но не каждое слово выступает частью речи. Группа слов вовсе не всегда означает часть речи. Одно понятие перекрывает другое.

Когда лексический состав языка рассматривается замкнуто в своем собственном составе, группировка его проводится по узко формальным признакам лексических и синтаксических показателей в границах морфологии, т. е. строения самого слова. На этом основании выдвигаются

знаменательные, незнаменательные и служебные части речи.[1] Если же лексические группировки поставить в тесное взаимоотношение с членами предложения, где они и получают основание для своего выделения, то части речи получают несколько иное освещение.[2] Рассматривая часть речи в связи с членом предложения, придется иметь в виду также и специальные свойства последнего. Член предложения имеет законченное содержание в пределах возлагаемого на него синтаксического задания. Он может быть главным, второстепенным и зависимым.[3] Даже зависимый член (определение и обстоятельство) передает свое, ему присущее, содержание в более обширном членении предложения. Присоединяя свою семантику к семантике ведущего слова, и он все же закончен в рамках своего синтаксического задания зависимого члена. В то же время, каждый член предложения получает свое внешнее выражение в используемых словах. Поэтому, слово, выступая членом предложения, закончено в своем синтаксическом построении и, передавая требуемое членом предложения смысловое значение, должно быть само носителем законченного лексического содержания. Получая здесь свое оформление как часть речи, слово, естественным образом, сохраняет свою лексическую значимость и остается полноценным ее выразителем. Следовательно, частями речи могут быть только полноценные слова.

К этим же выводам приводит и сравнительный обзор разносистемных языков. Разнообразие языкового строя в отдельных языковых системах ставит проблему классификации частей речи многим яснее, чем более узкий материал одной избранной языковой семьи. Общий принцип деления частей речи везде остается тем же самым, но основания для их выделения далеко не тождественны. Больше сходных моментов оказывается в языковом материале одной семьи. Отдельно взятая семья языков, как общее правило, дает расхождения лишь в деталях. Резких расхождений в грамматических категориях в данном случае не наблюдается. Поэтому, пределы одной семьи не дают развернутой картины. Богатство языковых возможностей внешнего выражения частей речи вскрывается только сравнительным сопоставлением в расширенных границах изучаемых языковых систем.

Чем резче расхождения, тем легче разрешается основная постановка вопроса. В результате, то, что выше высказывалось в общих положениях, теперь может быть подкрепляемо конкретным материалом в сравнительном его обзоре.

Сравительный обзор, в данном случае, в значительной степени поможет более правильной постановке общего вопроса о частях речи, тем более, что, при современном состоянии языкознания, к сравнению могут быть привлечены языки самых разнообразных структур. Расширяя, таким образом, сравнительный подход, удастся многие неясные положения в одних языках уточнить материалами других и, что не менее важно, удастся войти в анализ отдельных вопросов с большим охватом своеобразных типов внешних построений совсем неродственных языковых семей. Общие во всех них свойства частей речи покажут многие разно-

[1] См. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 421—422, §§ 489—490.

[2] Ср. В. В. Виноградов, Современный русский язык, I, 1938, стр. 150—155. Частям речи В. В. Виноградов противопоставляет «частицы речи», связочные слова, в число которых входят частицы, предлоги и союзы (ср. Ф. Ф. Фортунатов, В. А. Богородицкий, А. А. Потебня).

[3] См. стр. 176 сл.

видности их выражающих грамматических категорий и крайнее разнообразие грамматической формы.

Положение частей речи в различных языковых структурах можно проследить на обширном материале современных языков. В них можно встретить нерасчлененность предложения и отсутствие четкой дифференциации частей речи (инкорпорированные формы в чукотском, юкагирском, алеутском и ряде других языков).[1] Можно найти ясно проводимое членение предложения при неясной группировке слов по частям речи (аморфные языки, в частности китайский и др.). Можно установить наличие членения предложения и членения лексического состава языка по частям речи при различной характеристике последних.

Начнем с тех, в которых членение по частям речи наименее ясно. Нам уже приходилось привлекать материалы инкорпорирующих языков, когда проводился разбор строя предложения.[2] Тот же материал придется затронуть и сейчас. Мы видели, что грамматический способ передачи высказывания может, в отдельных случаях, образовать такое построение, в котором грамматическая форма не дает ясно выраженного членения предложения. Так, например, синтаксические отношения передаются, при инкорпорировании, слиянием слов, при котором само слово грамматической формы получить не может. Грамматическую форму получает все инкорпорированное в своем целом составе слово-предложение.[3]

Части речи прослеживаются в других построениях предложения, параллельно существующих с инкорпорированием и получающих в последнее время господствующее в том же языке положение. В них слова уже используются в отдельности и в связи с этим появляются члены предложения.[4]

В развернутом построении предложения одни языки сводят до минимума морфологическое оформление, другие, наоборот, дают развернутый морфологический строй. В аморфных языках вся сложность стоящей перед исследователем задачи выделения частей речи заключается в том, что синтаксическое использование слова в этих языках дает определение его синтаксической значимости только в самом построении предложения. Слово же, взятое вне его, остается неоформленным. Оно не носит в своей формальной стороне никаких показателей, отражающих его основное синтаксическое значение, становясь тем самым, до известной степени, полисинтаксичным. Поэтому с такого же рода особенностями языковой структуры и с ними связанными затруднениями встречается исследователь во всех вообще языках аморфного строя.

Сам путь, по которому шли исследователи аморфных языков, оказывается в этом отношении весьма показательным. Здесь языковой материал, с которым пришлось столкнуться ученому, дал совершенно иную картину остова языка и его основных свойств, чем та, какую привык видеть исследователь, выросший на знании европейских языков. Необычная схема языковой структуры все же требует ее разбора. К ней надлежало подойти с определенным пониманием действующих норм. Отсюда идет целый ряд совершенно различных попыток охватить своеобразие материала, включенного в общую серию языков совершенно различного построения. Первая попытка в данном направлении, попыт-

[1] См. стр. 23 сл., 115 сл.
[2] См. там же.
[3] См. стр. 23—30.
[4] См. стр. 115.

ка подчинить многообразие единообразной схеме, потерпела, само собою разумеется, неудачу. Строй аморфных языков не укладывался в уже детально разработанную схему языков индоевропейской семьи.

Так, например, в китайском языке[1] пытались обнаружить те же части речи, которые имеются и в европейских языках. В первую очередь устанавливались выразители субстанции (имя) и выразители действия (глагол). При этом упускалось из виду, что части речи, как и всякие вообще категории языка, являются категориями, в первую очередь, историческими, и что поэтому вовсе не обязательно, чтобы они совпадали в различных языках. Наличие, например, в одном языке категории действия (глагола) вовсе не предполагает обязательного наличия той же части речи в другом языке. То, что свойственно одному языку, может оказаться вовсе не свойственным другому.[2]

Все проводимые в данном направлении попытки разобраться в строе китайской речи не могли дать положительных результатов. Китайский язык, не знающий склонения имен и ясно выраженного спряжения глагола, не поддается отождествлению с действующими нормами европейских языков, богатых морфологическим оформлением. Отсюда — попытки совершенно иного направления. Ряд крупных ученых пришел к полному отрицанию наличия в китайском языке каких бы то ни было частей речи.

3. ИМЕНА (СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ)

Когда слово не приобретает специально ему присущих синтаксических показателей и остается лишь при ему свойственном лексическом значении, то различные оттенки в его семантике служат основанием не столько для выделения частей речи, сколько для группировки внутри более обширной по своему охвату одной части речи. Так, например, Г. Н. Прокофьев, объединяя в ненецком (юрако-самоедском) языке имена существительные, прилагательные и причастия в одну часть речи, выделяет в ней по семантическому признаку и по суффиксальным оформлениям в общей сложности 24 группы.[3]

Еще сложнее вопрос о разделении имен на соответствующие группы в том случае, когда семантическое значение слова имеет место при его использовании в строе предложения, не разделяющем предметные члены предложения от аттрибутивных. В этом случае сохраняется общее представление о еще не дифференцируемом имени. Выделение здесь имен существительных в отличие от имен прилагательных становится невозможным.

Более конкретное восприятие предмета неразрывно с его качественным состоянием дали в языке упомянутые выше инкорпорированные комплексы, не разделяющие определителя от определяемого слова. Но и в этих комплексах уже ощущается обособленное представление о самих качественных определителях, не образующих с определяемым

[1] Я использую здесь общепринятое наименование «китайский язык» в единственном числе, не касаясь, за незнанием материала, вопроса о том, представляет ли этот язык Китая один язык или же ряд языков той же системы.

[2] Е. и А. Драгуновы, Части речи в китайском языке, «Советское языкознание», III, 1937, стр. 117.

[3] См. статью Г. Н. Прокофьева о ненецком (юрако-самоедском) языке в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 19—22. Перечень этих двадцати четырех групп см. на стр. 213 настоящей моей работы.

одного лексического целого. Они составляют с ним вместе синтаксическое построение, в которое качественный определитель входит как составной элемент, повторяясь в иных сходных же сочетаниях с другими именами, ср. гиляц. *пилаган* — «большая собака» и *пилабитгхы* — «большая книга», а иногда выступая и отдельным членом предложения: *тыдыф пилядь* — «этот дом велик». Самостоятельное представление о величине могло выработаться и в гиляцком языке, несмотря на восприятие слитности определяемого с его признаками, но весь вопрос и при данных условиях сводится к тому, каким синтаксическим путем передается такая уже лексически обособляемая единица. И если здесь нет прилагательного, то главным образом потому, что оно не получило в данном строе языка своего самостоятельного положения в предложении и своего самостоятельного морфологического оформления. Синтаксический прием, выраженный инкорпорированием, не дает особого оформления качественным именам, хотя бы представление о них и существовало. Не только отсутствие определения, как члена предложения, наблюдаемое при инкорпорировании, но и наличие представления об определении, как о синтаксической единице, само по себе еще не выделяет особой части речи.[1] Для этого требуется, чтобы обособившаяся группа слов получила специальные морфологические показатели или специальные лексические свойства, отличающие эту группу от других и полученные в результате специального синтаксического использования. Пока этого нет, нет и особой части речи.

На этом основании Г. Н. Прокофьев не находит достаточных данных для отделения прилагательных от имен существительных в языках самоедской группы.[2] В этих языках отсутствуют какие-либо оформители для имени прилагательного, нет согласования определения с определяемым, сравнительная степень может быть образована от любой именной, и даже от глагольной, основы, если это допускается по смыслу.[3]

Даже такие слова как *сава* — «хороший», *выва* — «худой», *н'ока* — «многочисленный» и т. п., служащие для обозначения свойства и количества, относятся в ненецком (юрако-самоедском) языке к именам существительным, ср. *савами йан'гу* — «добра моего нет», *н'оками йан'гу* — «множества моего нет» (*сава-ми, н'ока-ми* стоят в именит. падеже личнопритяжательного склонения), *саван тывигх* — «к добру (он) дошел», где *сава-н* поставлен в дательно-направительном падеже и т. д. При таком положении, именная основа, выступающая в предложении в значении определения к другому имени, устанавливается в этом своем синтаксическом значении местоположением, помещаясь всегда непосредственно перед определяемым. Поэтому, Г. Н. Прокофьев приходит к выводу, что «прилагательность» в самоедских языках, за исключением селькупского (остяко-самоедского), в котором она имеет свое оформле-

---

[1] Можно было бы сказать, что в названных инкорпорирующих языках аттрибутивные отношения не вышли еще окончательно из рамок понятийной категории. Грамматического понятия определения в этих языках нет, так как отсутствует выражающая их грамматическая форма, представленная морфологически или синтаксически выделением особого члена предложения.

[2] За исключением селькупского языка, в котором для выражения прилагательных существует особая грамматическая форма, см. стр. 213.

[3] См. Г. Н. Прокофьев, Языки и письменность народов Севера, I, стр. 17. Г. Н. Прокофьев выделяет в ненецком языке имена увеличительные, имена уменьшительные, среднеувеличительные, сравнительные, там же, стр. 19—20, 59—60, 79.

ние, является «синтаксическою категориею, а не морфологическою».[1] К тем же выводам приходят и исследователи монгольских языков.[2] Особое положение прилагательных прослеживается и в тюркских языках, в которых имя, примыкая к другому имени, выражает аттрибутивные отношения, например в казахском *тас түсіп кетті* — «камень упал», и *тас үй* — «каменный дом». Резкая граница между существительными и прилагательными оказалась неустойчивою и в английском языке. С одной стороны, прилагательные могут употребляться как существительные, ср. *the rich* — «богатый», *the poor* — «бедный», с другой — имена существительные, выступая в аттрибутивном значении, настолько сближаются с прилагательными, что Есперсен относит их к последним, тогда как Суит считает их существительными, причем оба отмечают, что такие «аттрибутивные существительные», при развитии аналитического строя, получают крайне широкое употребление.[3]

Таким образом, граница между именем существительным и другими частями речи оказывается далеко не всегда вполне ясною, и в целом ряде языков эти границы различны. В одних имя существительное расширяется в своем охвате, в других сужается. В некоторых языках с трудом прослеживается даже противопоставление имени глаголу (см. гиляцкий язык и многие из числа аморфных). Даже там, где основное различие проводится между именем, местоимением и глаголом, внутри самих имен может не оказаться достаточных данных для проведения дифференциации между ними. Там же, где имена, по своим лексико-синтаксическим формам, разделяются на группы, выделение имен существительных, в противовес именам числительным, причастиям и прилагательным, становится уже обоснованным.

Так, например, в индоевропейских языках, во многих яфетических и в целом ряде других прилагательные получают не одну только свою особую грамматическую форму, ставшую их отличительным лексическим признаком. Они, кроме того, в отличие от имен существительных, не принадлежат по своей семантике ни к одному классу или роду и получают классные или родовые показатели в порядке согласования с определяемым, т. е. синтаксическим приемом, выступающим только в синтаксическом построении. Такая особая формальная сторона лексического значения и особенности синтаксического использования именно данной группы слов выделяют ее, с полным в этом случае основанием, в самостоятельную часть речи, именуемую прилагательным в отличие от имени существительного. Русское *большой*, французское *grand* и др., взятые в отдельности как лексические единицы, не принадлежат ни к одному роду. Если же родовой признак начинает ощущаться и в них, то это является показателем их субстантивирования, т. е. перехода в другую часть речи, ср. *учащийся* и т. д. Прилагательные получают род или класс только в синтаксическом согласовании.

В своем оформлении падежом и числом прилагательные в индоевропейских языках зависят не от общего смысла предложения, а от согласования с другим словом, с которым они входят в одну синтаксическую группу. Установление присущих прилагательным отличительных признаков закрепляется именно за ними, а не за тем членом предложения,

[1] См. Г. Н. Прокофьев, ц. с., стр. 17.

[2] См. А. А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, 1849, Г. Д. Санжеев, Грамматика калмыцкого языка, 1940, стр. 27—38.

[3] См. разбор высказываний по этому вопросу у Б. А. Ильиша, Современный английский язык, 1940, стр. 74 сл., §§ 224—229.

именуемым определением, который дал основание к выделению этой части речи. Что это именно так, можно видеть из того, что определение выражается не только прилагательным, но и другою частью речи, например именем существительным. В последнем случае существительное не получает грамматических форм, присущих прилагательному, а сохраняет свои грамматические формы, свойственные существительному. При их синтаксическом употреблении используются различные синтаксические приемы, при прилагательных имеет место согласование, а при именах существительных выступает управление, ср. французск. *la porte de l'entrée,* русск. *входная дверь; парадная дверь*. В этих примерах ясно выделяется и лексическое и синтаксическое обособление имен прилагательных от имен существительных, как двух различных лексических групп, двух различных частей речи.

Как мы видим, положение с частями речи совершенно различно в различных языковых системах. Так, прилагательные ясно отделяются от имен существительных в одних языках (например в славянских, романских, германских за исключением английского), находятся в большей близости друг к другу в других (например в английском) и, наконец, сохраняют тенденцию к слиянию в одну часть речи, различаясь в своем синтаксическом использовании только в строе предложения (например монгольские и некоторые северные языки). При этом, четкое или менее четкое разделение частей речи зависит от степени лексического обособления больше, чем от синтаксического. Синтаксическое значение члена предложения, например определения, может оказаться одинаковым и в том и в другом случаях, т. е. при аттрибутивном использовании как прилагательных, так и имен существительных.

Следовательно, одного лишь выступления в позиции определения недостаточно для признания за выступающим словом значения прилагательного. Последнее есть часть речи, а не член предложения. Для того чтобы выделилась эта часть речи, требуется наличие у определенной группы слов своих лексических и синтаксических показателей, отличающих ее от прочих именных группировок. Это мы и видим в русском и других индоевропейских языках, в которых прилагательные подвергаются согласованию, а имена существительные, в позиции определения, подпадают под правила управления. Существительные принадлежат к определенному роду лексически, а прилагательные получают родовые окончания в порядке синтаксического согласования и т. д. На том же основании в селькупском (остяко-самоедском) языке выделяются прилагательные, которые, выступая в роли определения наряду с именами существительными, числительными и местоимениями, отличаются от них особым оформлением, ср. *къум* — «человек» и *къум-иль* — «людской», и особыми синтаксическими свойствами.[1] Между тем, в других самоедских языках, ненецком, нганасанском (тавгийском) и энецком, прилагательные, не имеющие таких же отличительных от других имен особенностей, сливаются в одну общую группу с именами существительными.[2] В итоге, последние разрастаются в своем охвате имен. Они могут делиться на группы по своим семантическим оттенкам и даже по суффиксальным показателям, но синтаксическая функция для них остается общею. Для примера сошлемся на группировку «имен сущест-

---

[1] См. стр. 213, 214.

[2] См. Г. Н. Прокофьев, Языки и письменность народов Севера, I, стр. 17—18, 19 сл., 59 сл., 79 сл.

вительных-прилагательных», проведенную Г. Н. Прокофьевым для ненецкого (юрако-самоедского) языка. В этом языке в одну часть речи входят различаемые по суффиксации следующие имена: 1) увеличительные, 2) уменьшительные, 3) ласкательно-сожалетельные, 4) пренебрежительно-сожалетельные, 5) средне-увеличительные, 6) сравнительные, 7) уподобительные, 8) уступительные, 9) обладания, 10) необладания, 11) принадлежности и местонахождения, 12) утвердительные, 13) ограничительные, 14) порядковые, 15) процесса действия, 16) места происшедшего действия, 17) места обычно происходящего действия, 18) орудия действия, 19) результата и назначения действия, 20) склонности к действию. Сюда же причисляются: 21) причастия совершающегося действия, 22) причастия совершившегося действия, 23) причастия действия, надлежащего совершиться, 24) причастия еще несовершившегося действия. Все эти имена получают падежные окончания, когда выступают подлежащим, прямым и косвенным дополнениями и обстоятельствами, и примыкают к определяемому слову, когда получают аттрибутивное значение, иногда оформляясь в последнем случае родительным падежом.[1]

Таким образом, не только инкорпорирование лишает возможности говорить о прилагательных как об особой части речи, но и другие синтаксические приемы, в частности примыкание, в некоторых языках оказываются в том же положении. Когда примыкание не сопровождается какими-либо другими приемами, например согласованием,[2] то определение остается неоформленным, и в таком неоформленном виде может в значении определения оказаться любое имя. В этом положении прилагательное ничем не отличается от существительного, если только первое в своем лексическом построении не содержит каких-либо специальных аффиксов, указывающих на его аттрибутивные функции, что и имеем в упомянутом выше селькупском языке, а в некоторых случаях и в тюркских. В последнем случае как раз и будет наличествовать один из признаков для выделения самостоятельной части речи.[3] Показателем прилагательного в селькупском языке служит *-ль*, к которому присоединяются еще другие показатели с семантическим оттенком, ср. *къа* — «береза», *къа-ль* — «березовый», *анти* — «челнок», *антиль* — «челночный», *кипа* — «малый», *кипальа* — «маленький», *тени* — «ум», *тенисимиль* — «умный», *иликъо* — «жить», *илинтиль* — «живущий», *антокъиль* — «в челноке находящийся», и др.[4]

Селькупский язык дает в этом направлении очень показательные примеры. Имя существительное в названном языке склоняется. Используемое в качестве подлежащего, оно стоит в неоформленном (именительном) падеже, в дополнениях получает ряд окончаний косвенных падежей: *анты нын'кынты* — «челнок стоит» (неоформленный, «именительный падеж»),[5] *анто-къыт-илисак* — «в челноке я жил» (местный

---

[1] См. Г. Н. Прокофьев, ц. с., стр. 19—22.

[2] В этом случае примыкание выступает как сопутствующий прием при согласовании и, следовательно, примыкания, как самостоятельного приема, здесь нет, см. стр. 64 сл.

[3] Ср. то же в отдельных случаях в тюркских языках, например, производные прилагательные в казахском, см. С. Кенесбаев, Грамматика казахского языка, 1941, стр. 40.

[4] См. стр. 214.

[5] Глагол *нын'кы-нты* стоит в 3-м (неоформленном) лице повествовательного (предположительного) наклонения, имея его суффикс *-нты*.

падеж).[1] Когда имя существительное, даже стоящее в косвенном падеже, выступает определением, оно получает суффикс прилагательного *-ль* и, так же как всякое прилагательное, не подчиняется согласованию с определяемым именем. Оно не оформляется ни падежом, ни числом, ср. *анты-ль омдырсӓ по* — «челночная скамья» (буквально, челночное для сидения дерево), *анто-къы-ль канак нын'кынты* — «в лодке находящаяся собака стоит». Если такое адъективированное имя существительное выступит самостоятельным членом предложения, то оно субстантивируется и начинает склоняться, ср. *анто-къы-ль-ныk къылип таттылӓп* — «в лодке находящемуся рыбу я принесу».[2]

Из приведенных примеров видно, что имена существительные в селькупском языке склоняются, потому что выступают подлежащим и дополнением, имя прилагательное не изменяется по падежам, так как выступает определением. Поэтому же прилагательные склоняются, когда самостоятельно занимают место подлежащего или дополнения. Части речи закрепляют за собою эти приобретенные ими свойства. Все же имя существительное, оказавшись определением, может сохранять свою именную форму. Тогда оно стоит в родительном падеже в порядке управления. В этом случае имя сохраняет свое значение имени существительного, ср. *ӓсӓнты мат* — «отца твоего чум» (*ӓсӓ-нты* родит. падеж лично-притяжательного склонения 2-го лица от основы *ыси* — «отец»).

В целях более наглядного показа выделения имен прилагательных сопоставим схемы определительных построений в селькупском и ненецком языках. Все перечисленные виды прилагательных в селькупском словоизменению не подвержены. Даже непроизводные прилагательные типа *сома* — «хороший», *кипа* — «малый», и др. изменяются по падежам только тогда, когда занимают самостоятельное положение, ср. *сома вынтип къыннап* — «хорошую нельму [я] добыл», *кораптӓль атӓми чӓн'ка* — «ездового оленя у меня нет». Между тем, имя существительное в роли определения принимает форму родительного падежа: *ӓсӓнты мат кунсн'а* — «отца твоего чум где». Здесь слово «отец» — *ыси* стоит в родительном падеже 2-го лица лично-притяжательного склонения. Все это дает основание к выделению в селькупском языке имен прилагательных.[3] Таких оснований нет в ненецком языке той же самоедской группы, в котором аморфное примыкание определения является основным способом выражения аттрибутивных отношений и в котором отсутствуют особые лексические форманты, выделяющие имена прилагательные, ср. *сава тьоньам хадам* — «хорошую лису [я] добыл», и *хасава пивам сыдан'гум* — «мужские пимы [я] сошью», где оба определения *сава* — «хороший, добро» и *хасава* — «мужчина» никакими особыми формантами друг от друга не отличаются и оба, равным образом, аморфно примыкают к определяемым словам.[4] В ненецком языке, как и в остальных самоедских за исключением селькупского, не оказалось

---

[1] Глагол *или-са-к* стоит в 1-м лице непереходного спряжения (*-к*) с суффиксом прошедшего времени изъявительного наклонения *-с-*.

[2] Косвенное дополнение стоит в дательном падеже (*-ныk*), прямое дополнение поставлено в винительном падеже (*-п*, *-м*), глагол оформлен 1-м лицом единственного числа будущего (повествовательного или предположительного) времени с его суффиксом *-л-*.

[3] См. Г. Н. Прокофьев, Языки и письменность народов Севера, I, стр. 109—111, 120.

[4] См. Г. Н. Прокофьев, там же, стр. 48.

достаточных оснований для выделения прилагательных в особую группу и они остались включенными в одну часть речи с именами существительными.

В том случае, когда особые морфологические показатели отсутствуют, единственным критерием для какого-либо выделения остается только семантика самого слова. Но семантическая сторона, не дающая формального выражения грамматического понятия, недостаточна для выделения особой лексической группы. Так, глаголу свойственно выражать действие или состояние, но отсюда вовсе не следует, что всякое слово, имеющее значение действия или состояния, оказывается глаголом. В частности, сами слова *действие* и *состояние* относятся, конечно, к именам существительным. Эти слова, выражая субстантивное понятие, остаются в группе имен существительных, так как получают соответствующее им оформление, изменяются по падежам, принадлежат к среднему роду и т. д. Для того, чтобы стать глаголом, нужно получить специально глагольное оформление. Если его нет, то и позиция слова в предложении не меняет существа дела. Имя, выражающее действие, может оказаться сказуемым, но одно это вовсе не обращает его в глагол, ср. русск. *сон — состояние, а не действие*. Оба слова, и *состояние* и *действие* получают в данном контексте предикативное значение, и тем не менее они остаются именами существительными. Слово *действие* обращается в глагол только тогда, когда получает специальные морфологические показатели, ср. *действую* и т. д. Следовательно, по семантике можно выделять среди имен существительных имена действия, но нет основания к выделению глагола при отсутствии его специфических оформителей. Действие и состояние остаются понятийными категориями, если не получают в языке своих грамматических форм.

Так же обстоит и с прилагательными. Можно по семантике выделять имена, выражающие признак предмета, его качество, состояние и пр., но нельзя только на этом основании говорить о прилагательных. Такие слова как *чернота, белизна,* остаются существительными и противополагаются *черному* и *белому* как именам прилагательным. Последние имеют в русском языке свою грамматическую форму, поэтому и выделяются в особую часть речи в отличие от предметного по своему содержанию имени существительного (*чернота* и т. д.). Но предметность и аттрибутивность могут передаваться членами предложения. Для того, чтобы они же выражались частями речи, требуется специальное внешнее выражение их основных свойств. Без формальных показателей последних и эти понятия предметности и аттрибутивности продолжают, равным образом, оставаться понятийными категориями. Эти понятийные категории могут передаваться в членах предложения, оставаясь непередаваемыми формальными признаками частей речи. В русском языке понятийные категории предметности и аттрибутивности получают свое выражение не только в семантическом значении члена предложения, но и в грамматических формах частей речи, ср. *белизна этого дерева меня поражает* и *это белое дерево меня поражает*. Подлежащее «белизна» в первом предложении и «дерево» во втором передают понятийные категории предметности и имеют грамматическую форму (падеж, род, число, неодушевленность и т. д.), относящую их к числу имен существительных. [*Этого*] *дерева* и [*это*] *белое,* выступая определением, содержат аттрибутивное понятие, но прилагательным из них оказывается только второе, потому что грамматическая форма первого относит его к именам существительным. Грамматические категории прилагательного

выражены только в аттрибуте второго предложения, так как только он носит грамматическую форму, свойственную этой категории. Наличие особых грамматических форм и тут необходимо. Без них выделения частей речи быть не может.[1]

Отсутствие грамматической формы оставляет отдельные свойства аттрибута в числе понятийных категорий и не дает грамматического понятия, выявленного в грамматической форме, что необходимо для грамматической категории. Так, например, одним из признаков прилагательного, как части речи, считается изменение его по степеням сравнения. Последние, сами по себе, вовсе еще не являются достаточным критерием для выделения прилагательных. Различение по степеням сравнения относится к числу понятийных категорий, обращающихся в грамматические понятия только тогда, когда получают свои внешние формальные показатели. Для этого степени сравнения должны получить специальную грамматическую форму, приуроченную к именам прилагательным. В противном случае, степени сравнения не играют никакой роли в классификационном разделении словарного состава по частям речи. Так, в русском языке степени сравнения имеют грамматическую форму, ср. *быстрый, быстрейший,* во французском, как увидим ниже, такую же грамматическую форму установить трудно. В этом языке степени сравнения выступают не в грамматической форме слова, а описательным оборотом типа русского *более быстрый,* который и в русском ошибочно относится к степеням сравнения прилагательных.

Таким образом, и в данном случае необходимо обратить особое внимание на то, каким образом и в каком виде понятийные категории получают свое выявление в том или ином языке. Так, например, в ненецком (юрако-самоедском) языке степени сравнения, в зависимости от смысла слова, могут быть образованы от любой именной основы. По этому принципу проводится деление имен на имена сравнительные с суффиксом *рка*: *сава* — «хороший», *саварка* — «более хороший», *сарьо* — «дождь», *сарьорка* — «более сильный дождь», на имена увеличительные с суффиксом *-г'йа: харад* — «дом», *хардаг'йа* — «домище», на имена уменьшительные с суффиксом *-ко: ньудьа* — «малый», *ньудьако* — «маленький», *мьаг'* — «чум», *мьадико* — «чумик» и др.[2]

Степени сравнения образуют, по существу, самостоятельные лексические единицы, если их рассматривать с семантической стороны, ср. *маленький, средний, большой, грандиозный* и др. Даже те степени сравнения, которые обычно приводятся в грамматиках, в значительной своей части были в прошлом, а до некоторой степени остаются и сейчас, отдельными лексическими единицами. Это свидетельствуется большим количеством супплетивных форм, ср. латин. *bonus, melior, optimus,* русск. *хороший, лучший* и др. Изменение по степеням сравнения и в современном состоянии языка носит более лексический характер, чем синтаксический, и образует новую лексическую единицу, содержащую количественное изменение качественного признака, ср. *умный* и *умнейший.* В этом отношении степени сравнения в некоторой мере сближаются с уменьшительными и увеличительными изменениями имен суще-

[1] Грамматическая форма может выражаться и нулевой морфемой. В этом случае нулевое оформление противопоставляется формальным показателям других частей речи. Если все части речи не имеют грамматической формы, то в таком языке установление частей речи сбивчиво, так как отсутствие грамматической формы не дает возможности установить грамматическую категорию. Тут грамматические понятия передаются средствами синтаксиса, а не морфологии, ср. аморфные языки.

[2] См. Г. Н. Прокофьев, Языки и письменность народов Севера, I, стр. 19—20.

ствительных, ср. *стол, столик, столище*. В синтаксическом использовании сравнение нередко передается описательным путем, ср. *это не дом, а целая крепость; это не музыкант, а сапожник* и т. д. Что же касается самих степеней сравнений в именах прилагательных, то если в русском языке образование степеней в именах прилагательных и именах существительных идет различными путями, ср. *темный, темнее, темнейший* и *темнота, наибольшая темнота,* то во французском языке можно проследить сходное образование сравнительных форм от тех и от других. Фердинанд Брюно, затрагивая этот вопрос в применении к французскому языку, приходит к выводу, что вместо положительной, сравнительной и превосходной степеней, заимствованных грамматикою в этой их последовательности из латинского, во французском имеются другие степени сравнения, а именно *bas degrés, moyens degrés, hauts degrés,* т. е. уменьшительная, средняя и высшая, ср. *un arbre moins grand qu'un autre* — «дерево меньшего размера, чем другое», *un arbre assez grand pour être coupé* — «дерево достаточных размеров, чтобы быть срубленным», *un arbre plus grand qu'un autre* — «дерево бо́льших размеров, чем другое». Он же приводит примеры, в которых степени сравнения от имен прилагательных, наречий и имен существительных имеют одинаковое образование:

«*Plus grand, plus souvent, plus nature, plus comme il faut, plus homme de bien*», ср. также: «*elle est très artiste*», «*on l'y sentait pourtant d'une coquetterie naturelle et fine,* très femme» (Zola, «Dr Pascal», 28) «*il n'existe pas pour moi d'autres noms qui conviennent mieux, qui soient* plus chat *que ces adorables: Mimi et Moumoutte*» (Loti, «Pitié», 53).[1] Но по отношению к именам существительным никогда не ставился вопрос о выделении их во всей совокупности, включая и исходную основу, в отдельную часть речи только по этому их свойству. К тому же, изменение по степеням свойственно не только прилагательным, но и наречиям, ср. *хорошо, лучше; быстро, быстрее* и др. Последние же выделяются в особую лексическую группу вовсе не по этому признаку, а по совершенно иному. Наречия выделяются по оформлению, полученному ими от выполняемой синтаксической функции выражения аттрибутивных отношений в сказуемом. Отсюда легко прийти к выводу, что и по отношению к прилагательным, для их выделения в особую часть речи, требуется наличие формальных показателей их синтаксического назначения в строе предложения.

Таким образом, мы вернулись к решающей роли синтаксического признака, о котором уже шла речь выше. Этот синтаксический признак, как тоже неоднократно уже отмечалось, не должен оставаться неотъемлемою принадлежностью одного только синтаксического построения и выявляться только в нем. Выражение синтаксической значимости слова становится его собственною характеристикою, и лишь в последнем случае выделяются части речи. Под это правило полностью подпадают и прилагательные. Если синтаксические показатели сохраняются за членом предложения и оформляют каждое слово, используемое в значении определения, не делая между ними никаких принципиальных различений, то имеются все основания для выделения определений как синтаксической категории, но нет достаточных оснований для выделения прилагательных как части речи. В этом случае выделяется член предложения, а не часть речи.

---

[1] См. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 682—694.

Может существовать очень развитое представление об отдельной синтаксической категории, в частности об определении, и язык может оказаться очень развитым по своему строю. Все же, применяя выработавшиеся синтаксические приемы и вполне ими удовлетворяясь, языковой строй может ясно передавать требуемые синтаксические выражения и в полной мере довольствоваться не тою разбивкою своего словарного состава, которая стала лингвисту привычною по пройденной им классической школе. Прилагательные имеются вовсе не во всех языках. Они выделяются в тех, в которых их основная синтаксическая функция выражения аттрибутивных отношений получила свое формальное отражение в самой данной лексической группировке. В таком случае выделяются имена прилагательные и вместе с тем сужается охват слов, остающихся за именами существительными.

4. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные, по своей семантике, выделяют свои особенности при синтаксическом их употреблении, но далеко не в одинаковой степени во всех языках. Порядковые числительные, обычно, подчиняются всем правилам, свойственным именам прилагательным, но количественные до известной степени обособляются среди других имен. Даже в гиляцком языке, выступая в составе инкорпорирования, они выявляют свои особые свойства. Уточняя в количестве какое-либо имя, количественные числительные соединяются с ним, вовсе не соблюдая полностью правила распределения слагаемых частей, наблюдаемые при сочетании определения с определяемым. Определение в названном языке всегда предшествует определяемому, числительные же, наоборот, как общее правило, занимают постпозиционное место по отношению к связываемому с ними имени, ср. *пиланивх,* — «большой человек», и *нивхньик* — «один человек», *нивхмик* — «два человека», *нивхтьех* — «три человека». Такое общее правило, которому подчиняются почти все числительные, отмечает особое восприятие числового обозначения, находящегося в иных отношениях к имени, чем его аттрибутивные показатели.

В гиляцком языке на последнее место ставится ведущий член инкорпорированного состава. Так, предикат помещается в конце, ср. *кехк'адь* — «чайку [*кех*] застрелил [*к'а-дь*]», определяемое получает свое место после определителя, ср. *пилагех* — «большая чайка» и т. д. Числительное же занимает, как общее правило, именно такое ведущее место по отношению к связанному с ним слову: *кэхтьорк'адь* — «три чайки застрелил», где числительное «три» — *тьор* стоит после относящегося к нему имени *кэх* — «чайка», ср. *пилагехк'адь* — «большую чайку застрелил», в котором определение «большой» — *пила* предшествует определяемому, получившему в инкорпорированном словосочетании озвончение первого согласного *гех.*

Оказываясь, при таких условиях, теснее связанным с именем, чем его определение, числительное выступает одновременно и как носитель признаков самого имени. Имена в гиляцком языке разделяются на 24 группы (класса), из которых каждой соответствует своя форма числительного. Последнее имеет различные обозначения для людей, рыб, прочих животных, лодок, нарт, неводов, сетей, снастей, корма для домашних животных (преимущественно собак), для парных предметов, длинных предметов, мелких, круглых и т. д.[1] Таким образом, числительные

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», III, стр. 202—203.

в гиляцком языке не только дают числовое обозначение имени, но и указывают, к какому классу принадлежат связанные с ними имена, сами по себе не выражающие своей классной принадлежности. Тем самым, даже в гиляцком языке, с его инкорпорирующим построением членов предложения, числительные оказываются обладателями таких свойств, которыми другие имена не отличаются. Нечто подобное и сюда же относящееся можно уловить и в индоевропейских языках, в которых носителем родового признака имени существительного оказывается числительное *один*, обратившееся в неопределенный член (артикл), ср. во французском *un chat* — «кот», *une chatte* — «кошка», где мужеский и женский род ясны и по семантике слова; *un vautour* — «коршун», *une panthère* — «пантера», где семантика слова не различает рода; *un tableau* — «картина», *une table* — «стол», где род семантически вовсе отсутствует, и в особенности колеблющиеся в роде имена типа *un automobile* и *une automobile*, принадлежность которых к роду устанавливается только артиклем.

В тех языках, в которых нет деления имен существительных на классы или роды, числительные, до известной степени, сближаются с существительными и прилагательными, но степень их сближения все же в различных языковых системах далеко не одинакова. Так, в селькупском (остяко-самоедском) языке, в котором, как мы видели, прилагательные отделяются от имен существительных, числительные занимают промежуточное между ними место. Они склоняются как имена существительные, когда занимают самостоятельное в предложении место, например *уккирми ен'а* — «один у меня имеется», где количественное числительное «один» — *уккир* стоит в именительном падеже притяжательного склонения 1-го лица (*-ми*). Но они же аморфно примыкают к имени, выступая в аттрибутивном значении, ср. *нак'ир атäп сарисап* — «трех оленей [я] запряг». Здесь в винительном падеже стоит только слово олень — *атä-п*, числительное же *нак'ир* остается морфологически не оформленным, что свойственно прилагательным, ср. *сома вынтип к'ыннап* — «хорошую нельму [я] добыл». На этих основаниях числительные в селькупском языке выделяются в особую часть речи. Сюда, кроме количественных числительных (например *нак'ир* — «три»), относятся еще распределительные (*нак'ир цьари* — «по три»), повторительные (*нак'ир пар* — «три раза»). Собирательные числительные, стоящие в творительном падеже (*нак'ир-сä* — «втроем»), сближаются с наречиями. Что же касается порядковых числительных, временных и дробных, то они снабжаются показателем имен прилагательных (*ль*) и смыкаются с этой частью речи. [1]

В ненецком (юрако-самоедском) языке, в котором имена существительные и прилагательные входят в одну часть речи, куда включаются также и причастия, числительные еще ближе подходят к этой же группе слов. Они склоняются, как имена существительные-прилагательные и, так же как последние, аморфно примыкают к определяемому слову, выступая в роли определения: *хасава пивам сыдан'гум* — «мужские пимы [я] сошью» (*хасава* — «мужчина» стоит неоформленным, *пива-м* — «пимы» имеет окончание винительного падежа); *сава тьоньам хадам* — «хорошую лису [я] добыл» (*сава* — «хороший, добро» не оформлено падежом, тогда как *тьоньа-м* — «лису» поставлено в винительном падеже); *ньахарг'тим сьарам* — «трех оленей [я] зарязал» (*ньахарг'* — «три»

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 106—107.

не оформлено, *ти-м* — «оленей» — в винительном падеже). Правда, в этом языке имена в притяжательном оформлении выступают не только в именительном, но и в родительном падеже, выражая аттрибутивное значение, например, *нисьани мьакана йилем* — «в чуме моего отца живу» (*нисьа-ни* стоит в родительном падеже 1-го лица притяжательного склонения). Это не свойственно числительным, так как притяжательность выражается не в них, а в связанных с ними именах, но все же это, само по себе, еще не дает тех синтаксических оснований, по которым выделяются отдельные части речи. И если тем не менее научная грамматика ненецкого языка обособляет числительные в особую часть речи, то это, повидимому, делается только по их семантике.[1]

В языках с более дифференцируемыми частями речи числительные яснее выделяются в особую лексическую группу. Числительные, по своей семантической значимости уточняющие предмет в его количестве, выступают как характеристика имени в числе, т. е. с аттрибутивным значением. Тем не менее, с синтаксической стороны, они вовсе не оказываются зависимыми от того имени, которое ими устанавливается в числовых показателях. Не они в своем оформлении зависят от имени, а наоборот, сама форма имени попадает в зависимое от них положение. Так, например, в ряде яфетических языков и в тюркских имя при количественном числительном не изменяется по числам, ср. казахское *кітаптың бағасы бір сом* — «книги цена один рубль», и *кітаптың бағасы он сом* — «книги цена десять рублей». В последнем примере имя продолжает оставаться в единственном числе, хотя речь идет о многих рублях и несмотря на то, что в тюркских языках множественное число имеет свой показатель (*лар*), которым имя и снабжается, когда оно не сопровождается числительным (в казахском: *-лар, -лер, -тар, -тер, -дар, -дер*), ср. *сомдар* — «рубли». Если вместо числительного в аттрибутивном положении выступает другая именная форма, то определяемое имя получает показатели множественного числа, например *тас үйлер* — «каменные дома», ср. *он үй* — «десять домов». Таким образом, синтаксическая связь имени с числительным получает иное оформление, чем такая же связь определяемого с его определением. Здесь числительное, тем самым, ясно выделяется в особую часть речи не только по своему семантическому значению, но и по синтаксическому использованию.

В том же положении находятся числительные во многих языковых системах. Количественные числительные в ряде языков управляют падежом и числом связанного с ними имени, ср. в русском *три человека, пять человек*. Несмотря на внешнее различие, тут прослеживается та же синтаксическая связь имени с числительным, что и в предыдущем случае. Там, в тюркских языках, числительное обусловливает числовую неоформленность имени, в русском, наоборот, оно же обусловливает падеж и число имени. Следовательно, в обоих случаях имя в своем оформлении зависит от числительного. При таких условиях, числительное, выступая в составе члена предложения, оказывается не подчиненною, а ведущею его частью, что, между прочим, выявляется также и в индоевропейских языках.

При обычном обособленном восприятии слагаемых частей синтаксической группы каждая из них понимается в отдельности. Даже определение в школьных грамматиках устанавливается не в роли компонента общего синтаксического построения, чем оно на самом деле является,

[1] «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 35.

а в качестве такого же, как и дополнение, второстепенного члена предложения. В то же время числительное никак не может быть понято самостоятельно в составе синтаксического построения. Оно настолько отвлеченно само по себе, что всегда сопровождается каким-либо именем, которое, в свою очередь, равным образом отвлеченно в своем выражении множественного числа и уточняется числительным, что в итоге дает вполне конкретное построение, ср. *дома* и *три дома*, *десять домов* и т. д. Имя всегда сопутствует числительному или ясно подразумевается при нем по контексту предложения, когда непосредственно его не сопровождает,[1] ср. в русском *сколько там домов? — три.* Здесь, конечно, имеется в виду не самое числительное *три,* а *три дома,* ср. *трое пришли,* где под тремя подразумеваются три человека и где числительное, в известной степени, субстантивируется и т. п. Даже в таких примерах, как *три раза*, содержится сопутствующее отыменное образование. И, что наиболее характерно для числительного, оно, ясно выступая в составе синтаксической группы, а не самостоятельно, занимает внутри этой группы ведущее место, чему не будет соответствовать наше понимание наличного словосочетания. Так, когда речь идет о постройке домов в определенном их количестве, то предметом действия будут дома, а не их количественный показатель. Между тем, судя по синтаксическому построению, получается наоборот: *дома* не будут стоять в падеже прямого дополнения, так же как и подлежащее, соединенное с числительным, не будет стоять в именительном падеже, ср. *дом стоит; три дома стоят; архитектор строил дом; архитектор строил три дома; архитектор строил пять домов.*

Если числительное связывается с именем в одном общем синтаксическом построении и само в отдельности не дает законченного содержания высказывания предметного характера, то в то же время числительное не снижается до роли служебного слова.[2] Оно, своим содержанием количественного признака, сохраняет свое собственное значение слова. Оно имеет свою грамматическую форму[3] и оказывает влияние на синтаксическое построение сочетающихся слов. Таким образом, числительное не является синтаксическим выразителем синтаксического положения других слов. Оно само имеет и морфологическое и синтаксическое выражение. В то же время, участвуя в словосочетании предметного содержания, числительное в себе самом предметного значения не содержит. Тем самым обусловливается синтаксическая связь числительного с именем. Последнее управляется в падеже первым, когда оно стоит в прямых (именительном и винительном) падежах. В косвенных падежах числительное и имя оказываются согласованными. Такая же тесная связь, повидимому, сохраняется и в предложных образованиях, где числительное, равным образом, склоняется, причем оба, и числительное и имя, ставятся в одном падеже. Имя уже не управляется числительным, а подчиняется общему согласованию в падеже, при котором, в связи с этим, исчезает двойственное число, заменяемое, по

[1] Числительное оказывается, в известной степени, уточнителем имени. Поэтому, в гиляцком языке, как мы видели, числительное передает классное членение имен. Оно же обратилось в неопределенный член, передавая в индоевропейских языках родовую принадлежность имени.

[2] Числительное, в отдельных случаях, может быть использовано и вне своего сочетания с существительным, например, при счете.

[3] В. В. Виноградов приходит к выводу, что числительные лишены грамматических форм числа (стр. 125), все же наличие у них грамматических форм не отрицается (стр. 119 и др.), см. «Современный русский язык», II.

общей схеме, множественным, ср. *три дома; пять домов; у трех домов; у пяти домов; под тремя домами* и т. д. Склоняясь, как и имя существительное, числительное все же имеет меньшее число падежей (*у трех домов; при трех домах* и др.). Кроме того, числительное в индоевропейских языках, в отличие от имен существительных, не принадлежит ни к одному роду (в русском — в счете от трех до девятисот девяносто девяти). Если же оно приобщается к родовой принадлежности, то переключается в имена существительные, ср. *тройка, сотня, тысяча* и т. д. Те числительные, которые в своем аттрибутивном значении подчиняются согласованию, приобретают все свойства прилагательного. Они изменяются в роде, числе и падеже, воспринимая их от определяемого слова, так же как и все остальные прилагательные (ср. порядковые числительные). За этим выделением остаются те числительные, которые не обладают синтаксическими свойствами ни существительного, ни прилагательного. Это, в основном, и будут количественные числительные. А. А. Шахматов усматривает близость числительных по их грамматической природе к местоимениям.[1]

5. МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимение прослеживается во всех доступных изучению языках, и, поскольку речь идет о личных местоимениях, роль их в истории развития языка весьма значительна, в особенности в образовании глагольных форм.

Местоимение, по самому своему наименованию (pronomina), указывает на признание его заместителем имен, что не вполне соответствует личным местоимениям. Последние, выражая первые два лица, не замещают имен, вовсе не имеющих своих представителей в этих лицах. Они именно этим и выделяются среди других имен своим лексическим содержанием, хотя как раз они же, среди остальных местоимений, ближе стоят к именам существительным, являясь pronomina substantiva. Синтаксическое их положение различно, но лексически они везде выделяются. Их выделение, хотя бы по лексическому своему значению, можно проследить даже в гиляцком языке, в котором они не участвуют в образовании глагола и обладают всеми основными свойствами имен. Они могут выступать в роли подлежащего, инкорпорируются в состав сказуемого, когда имеют значение объекта, и инкорпорируются в состав других имен, получая аттрибутивное значение, например: *ньи рыудь* — «я учу», *тхьи ньрыудь* — «ты меня учишь», *тхьвилаган* — «твоя большая собака». Тут местоимение выступает так же, как и любое имя, отличаясь только своим семантическим значением. Все же, этим значением (1-го и 2-го лица) они выделяются.[2]

В других языках местоимения разбиваются на группы, тяготеющие то к существительным, то к прилагательным. С первыми везде сближаются личные местоимения, но и они в большинстве языков выделяются своими синтаксическими особенностями. Так, в ненецком (юрако-самоедском) языке личные местоимения, в отличие от прочих имен, имеют сложное склонение: *мань* — «я», *мань сим[и]* — «меня», *мань ньан(и)* — «мне, ко мне», *пидар* — «ты», *пидар сит* — «тебя», *пида* — «он», *пида сита* — «его», и т. д. К личным местоимениям в самоедских языках присоединяются также и лично-указательные, имеющие те же

[1] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 499, § 580.
[2] «Языки и письменность народов Севера», III, стр. 204—210.

формы склонения, как и личные, ср. в ненецком *харн* — «я сам», *харт* — «ты сам», *харта* — «он сам»; *харн сим*[*и*] — «меня самого»; *харт сит* — «тебя самого», *харта сита* — «его самого» и др. Остальные местоимения, по своим синтаксическим свойствам, присоединяются к другим частям речи. Так, в том же ненецком языке безлично-указательные местоимения (*тьуку* — «этот», *тики* — «тот» и др.), вопросительные местоимения (*хибьа* — «кто», *амгы* — «что» и др.), неопределенные местоимения (*хибьахава* — «кто-то», *амгыхыва* — «что-то» и др.), уступительные местоимения (*хибьахарт* — «кто даже», *амгыхырт* — «что даже» и др.), определительные местоимения (*хирка* — «какой», *тарца* — «такой» и др.) — подчиняются тем же правилам склонения, как и имена существительные-прилагательные. Таким образом, в ненецком языке, по своим лексическим и синтаксическим особенностям, выделяются в особую часть речи личные и лично-указательные местоимения.[1] В селькупском (остяко-самоедском) языке часть местоимений имеет свои нормы склонения, часть склоняется, как имена существительные, часть же вовсе не склоняется, получая формант прилагательного (*ль*) и подчиняясь тем же как и они синтаксическим правилам. К первым относятся личные и лично-указательные местоимения, склонение которых отличается совпадением именительного и родительного падежей и флективным изменением основы в косвенных падежах, что не свойственно именам существительным, например *мат* — «я», *масьип* — «меня», *мäккä* — «мне». Ко вторым относятся безлично-указательные, вопросительные, неопределенные и отрицательные. Причем все эти местоимения, так же как и личные и лично-указательные, выступая в предложении в роли сказуемого, не получают суффиксальных окончаний, свойственных именам существительным, и спрягаются при помощи вспомогательных глаголов *ек'о* — «быть» и *есик'о* — «стать». Таким образом, все эти местоимения выделяются из числа прочих имен, и только определительные местоимения полностью относятся к прилагательным.[2]

Что касается индоевропейских языков, то и в них в первую очередь выделяются личные местоимения, которые ближе всего стоят к именам существительным и которые в то же время резко от них отличаются лексико-грамматическим признаком. Личные местоимения в одной общей форме содержат выражение мужеского и женского рода, выявляя это свое значение только в синтаксическом построении, ср. *ты сегодня хорошая*, что редко выступает в именах существительных при их строгом распределении по родам.[3] В том же отношении выделяются и вопросительно-относительные местоимения *кто, что*, франц. *qui, que*, немецк. *wer, was*, различаемые не по родам, а по одушевленности или неодушевленности предмета, с которым они связаны, а в некоторых языках — по классу имен, означающих людей и не людей, например в тюркских, ср. казахское *кім* — «кто», которое связано только с людьми, и *не* — «что», которое относится ко всем прочим одушевленным и неодушевленным предметам. Остальные местоимения, обычно выделяемые вместе с предыдущими в особую часть речи, как то притяжательные, указательные, вопросительные и относительные, в основном все относятся в современном состоянии индоевропейских языков к pronomina adjectiva.

---

[1] См. очерк этого языка Г. Н. Прокофьева, помещенный в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 35—36.

[2] См. там же, стр. 107—108.

[3] Ср. «Дитя умыт, причесан».

В связи со всем сказанным, основное внимание в том разрезе, который берется мною, приходится обратить на личные местоимения, привлекая указательные, поскольку они лежат в основе 3-го лица личных местоимений, и притяжательные, которые выделяются как своею близостью к личным местоимениям, так и проявляемыми в ряде языков особыми синтаксическими свойствами.[1] Выступая в виде аффиксов, их дериваты образуют притяжательное склонение имен и притяжательное построение глагольного спряжения, представляющее в своей основе именную форму.

Личное местоимение, имея первые два лица, служит ясным выражением данного говорящего и слушающего. В 3-м лице оно менее конкретно, поэтому в тех языках, в которых конкретизация резко выступает во всем языковом строе, местоимение 3-го лица детализируется в своем положении по отношению к говорящему. Оно может быть близким и далеким, к тому же видимым и невидимым, находящимся выше или ниже и т. д.[2] Все эти оттенки получают свое выражение в языке. Все же 3-е лицо и при такой его детализации далеко не вполне уточняет, кто именно имеется в виду. Оно, действительно, в этом отношении является, до известной степени, заместителем имени. Поэтому, в предложениях в значении подлежащего и дополнений чаще выступает само имя существительное.

В первых двух лицах местоимение получает в синтаксическом построении предложения совершенно иное значение. Оно не может быть заменено никаким именем существительным и само выражает субъект действия или состояния. Оно может представлять его или отдельным членом предложения и тогда выступает подлежащим или дополнениями, или же включается в одну синтаксическую группу с предикатом и в результате инкорпорируется с ним в одно построение глагола, образуя местоименный строй спряжения. Такими свойствами не обладает ни одно имя, которое и не может дать изменение глагола по лицам.

В тех языках, в которых сказуемое не изменяется по лицам, следовательно не содержит в себе субъектного выражения, субъект получает отдельное в предложении место, и выражающее его местоимение первого или второго лица занимает позицию подлежащего. Здесь местоимения первых двух лиц, в их синтаксическом использовании, выступают в том же значении, как и имена существительные, например в гиляцком языке *ньи хадь* — «я стрелял», *тхьи хадь* — «ты стрелял», *нивх хадь* — «человек стрелял». То же положение прослеживается и в лезгинском языке: *зун физва* — «я иду», *вун физва* — «ты идешь», *инсан физва* — «человек идет». То же самое можно отметить в современном строе английского литературного языка, в котором глагол не имеет обозначения лиц при помощи суффиксов, за исключением 3-го лица един. числа настоящего времени индикатива: *-(e)s*. Отсюда можно было бы прийти к выводу, что местоименное подлежащее при глаголе стало в английском языке как бы необходимой принадлежностью глагольной формы. При таких условиях оно может находиться на пути к тому, чтобы стать чем-то вроде префикса. К такому выводу и прихо-

[1] Ср. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, «Русская речь», новая серия II, 1928, стр. 11—13.

[2] Ср., например, в чукотском языке, см. «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 27, в кавказских яфетических языках, см. П. К. Услар, Кюринский язык, 1896, стр. 70 сл., его же, Аварский язык, 1889, стр. 100 и др. См. ниже на стр. 236.

дит проф. Б. А. Ильиш, усматривая в данных условиях использования местоимений зародыши дальнейших сдвигов в грамматическом строе языка.[1]

В тех случаях, когда личные местоимения не выступают отдельным членом предложения, а инкорпорируются в состав сказуемого (местоименное спряжение), первые два его лица входят в одно цельное глагольное построение.[2] В третьем же лице субъект и в местоименном строе спряжения получает свое выражение только в подлежащем, оставляя глагольную форму без местоименного уточнения. Такова структура языков, имеющих местоименный строй спряжения глагола, начиная с эскимосских и кончая такими развитыми, уже обладающими письменной литературой, языками, как финские и тюркские, ср. в алеутском (эскимосской группы): *игаку-къин'* — «лечу», *игакухъ-тхин* — «летишь» и в 3-м лице *игакухъ* — «летит» с формативом в виде неопределенного члена, изменяющегося в числе так же, как изменяется и имя: *сахъ игакухъ* — «птица летит», *сах игакух* — «две птицы летят», *сан игакун* — «птицы летят». В некоторых финских языках, в частности в мордовском, при личном оформлении первых двух лиц глагола, 3-е лицо получает причастную форму, ср. *нолди* — «пускающий [он пускает]». В тюркских языках 3-е лицо глагола или остается с нулевым показателем, или снабжается особым показателем, ничего общего с местоимениями не имеющим, например в казанском татарском *яса-м* — «пишу», *яса-сын* — «пишешь», *яса* — «пишет», ср. в казахском: *жаза-мын* — «пишу», *жаза-сын* — «пишешь», *жаза-ды* — «пишет», в котором *-ды* не соответствует 3-му лицу местоимения *ол* — «он» и является, по всем данным, остатком слившегося вспомогательного глагола (ср. *дур, тур*).[3] Аналогию именно такому образованию 3-го лица находим в яфетических языках, например в даргинском: *ну дуцукуй-ра* — «я побежал», *хIу дуцукуй-ри* — «ты побежал», *дудеш дуцукуй сай* — «отец побежал», *рурси дуцдукуй сай* — «девочка побежала», *урчи дуцбукуй сай* — «лошадь побежала». Глагол в приведенных примерах составлен из двух слившихся слов, а именно из *дуц* — «бег» и *укуй* — «отделяться». Перед второй составною его частью вставляется классный показатель: нулевой для класса мужчин, *-д-* для класса женщин и *-б-* для класса не людей. В 3-м лице глагол во всех случаях образован с помощью вспомогательного глагола *сай*, не получившего классных показателей.[4]

Эти особенности местоименного спряжения глагола в точности отражают особенности самих местоимений. Личное местоимение не имеет 3-го лица, что наиболее ясно выступает в языках с классным или родовым делением имен существительных. Так, например, в абхазском языке первое лицо вовсе не различается по классам (*sara*), во втором выделяется только класс женщин (*bara* для женщин и *wara* для всего остального, включая и мужчин), тогда как 3-е лицо весьма детализировано именно по классному своему распределению.[5]

Выделение 3-го лица местоимений имеет место и в индоевропейских

---

[1] См. Б. А. Ильиш, Современный английский язык, 1940, стр. 163 сл., §§ 475—477.

[2] Ср. языки с местоименным строем спряжения, например, тюркские.

[3] Ср. Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, 1940, стр. 185.

[4] См. П. К. Услар. Хюркилинский язык. «Этнография Кавказа», V, 1802. Примеры приводятся по П. К. Услару на урахинском диалекте даргинского языка.

[5] См. стр. 155 прим.

языках. В них первые два лица формально не различаются по родам, тогда как 3-е лицо имеет их: французское *moi, toi, lui, elle,* немецкое *ich, du, er, sie, es,* русское *я, ты, он, она, оно.* Такое обособленное положение 3-го лица по сравнению с первыми двумя объясняется тем, что 3-е лицо оказывается не личным, а указательным местоимением, по крайней мере в своем прошлом, а в некоторых языках и в своем современном состоянии, например в тюркских, ср. в казахском *ол* в значении личного местоимения 3-го лица («*он*») и ол — указательное местоимение («*тот*»). Подобного же рода примеры можно привести из целого ряда языков, в частности из яфетических и др. Таким образом, личное местоимение, в наиболее чистом своем виде, выступает только в первых двух лицах. Этим оно и отличается по своей семантике от имен существительных, отличаясь от них в некоторых языках, как мы видели, и по лексической форме (неразличение по классам или родам), а также по синтаксическим свойствам (особенности в образовании падежных форм, участие в местоименном спряжении глагола и пр.).

Некоторое отличие сохраняют местоимения и в формах склонения, о чем в нескольких словах уже приходилось упоминать. Эти отличительные свойства в значительной степени обусловлены семантикою самих местоимений. Так, например, в североамериканском индейском языке немепу (сахаптинской группы) в именах существительных имеется особое падежное окончание *-na,* оформляющее косвенное дополнение в направительном значении и объект неизвестной принадлежности. При таком совпадении различных значений одного и того же падежного форманта косвенное дополнение устанавливается своим местом в предложении. При наличии в нем прямого объекта косвенное дополнение занимает по отношению к нему постпозиционное положение, ср. *awnisa sikäm hamana* — «я даю лошадь человеку», где человек — *hama* стоит в падеже косвенного дополнения, которому предшествует объект *sikäm* — «лошадь». Ему же в глаголе *awnisa* отвечает начальный личный показатель «*a-*». В том же положении оказывается и местоимение в предложении *ä inisa sikäm imana* — «я даю лошадь тебе». В последнем примере местоимение *im* — «*ты*» поставлено в том же падеже, и ему соответствует стоящий перед глаголом глагольный же показатель 2-го лица *ä.*

Несколько в ином положении выступает тот же формант в местоимениях, когда им оформляется прямой объект. Предмет действия в языке немепу может занимать самостоятельное положение в предложении только тогда, когда он никому не принадлежит или когда он неизвестно кому принадлежит. Предмет, принадлежащий кому-нибудь, примыкает к глаголу, отражающему в своем показателе не сам предмет, а того, кому он принадлежит, например *hamanm ä hinpaysa sikäm* — «человек берет твою лошадь». Глагольный показатель 2-го лица *ä* указывает, что действие направлено на второе лицо, которому принадлежит лошадь *sikäm,* стоящая в неоформленном падеже, ср. *hamanm päänpsa sikämna* — «человек берет какую-то лошадь». Здесь глагольный показатель *pä* указывает, что третье лицо действует на третье же, которым в этом случае будет само *sikäm,* «лошадь», стоящее в отмеченном выше падежном оформлении (*-na*) потому, что принадлежность ее неизвестна. Поэтому объект устанавливается на самостоятельной позиции. Личные местоимения в этих же случаях

всегда занимают обособленное место, потому что *in* — «я», *im* — «ты» никому не принадлежат. При таких условиях эти местоимения, выступая в предложении прямым дополнением, всегда снабжаются падежным окончанием *-na*, оказавшимся в данном своем положении падежом прямого дополнения, а вовсе не оформителем объекта неизвестной принадлежности, что осталось за именами существительными, ср. *ä impisa imana* — «я беру тебя». Таким образом, семантика местоимений отразилась на закреплении за ними особого синтаксического построения.

Особенности в склонении местоимений наблюдаются и в индоевропейских языках, например в образовании именительного и косвенных падежей от разных основ, см. русск. *я, мой, мне, меня*, латинск. *ego, mei, mihi, me*, немецк. *ich, mein, mir, mich*, в широком использовании внутренней флексии, ср. *ты, твой, тебе, тобою* и т. д.

Участие местоимений в образовании формативов других частей речи не выяснено во всех подробностях, но предполагается значительным кругом ученых, и в отдельных случаях не подлежит никакому сомнению. Этот процесс, в основном, проходил синтаксическим путем. Местоимение использовалось не для лексического словообразования, а для выражения отдельных оттенков значимости слова в предложении. Местоимение получало в этом положении синтаксическую служебную роль, входя в состав соответствующей синтаксической группы. Служебная роль и частое использование местоимений для конкретизации предмета в одном и том же синтаксическом значении вели к превращению местоимений в служебные частицы с усечением местоименных форм и с последующим их переходом в аффиксы.

Возведение целого ряда служебных частиц к местоименной основе отмечает особую роль, которую в истории языка сыграли местоимения ввиду их отличительных лексических и синтаксических свойств. Такая особенность лексических и синтаксических свойств местоимений может быть легко прослежена на обширном языковом материале, в особенности тех этапов развития речи, когда конкретизация в оформлении синтаксически используемого слова выявляется еще в полной силе. Сюда относятся притяжательные частицы явно местоименного происхождения, отмечающие принадлежность предмета или действия и образующие притяжательное склонение в именах существительных (например ненецкое *нисьа-в* — «отец мой») и притяжательное изменение по лицам в переходном глаголе (ср. ненецкое *мада-в* — «срубил я», буквально «срубление мое»). Сюда же относятся, иногда усекаемые до однозвучного состава, местоименные оформления сказуемого в его именных и глагольных формах (ср. ненецкое *хасава-м* — «я мужчина» и *йиле-м* — «я живу», казахское *айта-мын* — «я говорю» и его же в том же значении усеченная форма *айта-м*). Сюда же придется отнести личные окончания спрягаемого глагола не местоименного строя, некоторые падежные окончания, артикли и т. д.

Подводя итог всему изложенному выше, придется признать исключительное значение местоимений самих по себе и их особую роль в формировании членов предложения. Синтаксическая функция местоимений приводит в отдельных случаях к переходу их в служебные частицы и в различные морфологические показатели. В последнем случае они перестают быть местоимениями, получают новое исключительно синтаксическое содержание и тем самым исключаются из частей речи.

Вокруг местоимений развернулась обширная научная литература, подвергшая их всестороннему изучению, хотя и на относительно узком материале привлекаемых к сравнению языков. Такой материал может быть значительно расширен. В каждой грамматике по отдельным языкам всегда выделяется особая глава, посвященная местоимениям. Обзор их делается более или менее полный, а иногда и с сравнительным экскурсом в пределах родственной языковой группировки. Таким образом, каждый язык, имеющий грамматику, может быть привлечен в исследовательских целях составления обзорного очерка по местоимениям. Все же и при таком возможном расширении круга языков приходится считаться с наличием громадного числа языков, вовсе еще не затронутых детальным изучением. При таких условиях, даже в настоящее время, приходится сужать рамки сравнительных сопоставлений. Не претендуя поэтому на полный охват даже изученного материала, я все же не лишаю себя возможности для некоторых выводов использовать языковые факты из различных языков, находящихся в той или иной степени в поле моего зрения.

По вопросу о происхождении личных местоимений существуют различные мнения, сводящиеся, в основном, к трем положениям. Одни выдвигают указательные местоимения как первичные и полагают, что личные местоимения произошли из указательных (Н. Я. Марр). Другие, говоря о местоименной аффиксации глагола, приходят к выводу, что она первоначально имела поссесивное значение и лишь позднее стала обозначать субъект действия. Таким образом, притяжательные местоимения дали основание к последующему выделению личных (Де-ла-Грассери). И, наконец, говоря о хронологическом приоритете в языке категорий притяжательности и созидания, Г. Шухардт приходит к выводу о вторичности первой, так как представление об обладании чем-либо могло возникнуть только после осознания созданного. Следовательно, сначала должно было быть осознано действие, направленное на созидание, а затем уже действие могло восприниматься как принадлежащее кому-либо. Отсюда — личные форманты в глаголе должны предшествовать поссесивным.[1]

Возникновение личных местоимений обусловлено одним из трех восприятий: во-первых, осознание лица в его действии, приведшее к выражению субъекта действия, представленного личными местоимениями. Отсюда — первичность личных местоимений. Во-вторых, осознание принадлежности чего-либо лицу, что в итоге привело к восприятию отдельного лица в коллективе как обладателя предмета и действия и к последующему в связи с этим оформлению личных местоимений из притяжательных. В-третьих, осознание лица в коллективе в связи с развитием института собственности и обозначение этого лица указательными местоимениями, из которых образовались личные.

Приступая к обсуждению данного вопроса, придется прежде всего иметь в виду, что местоимения во всех доступных изучению языках выступают уже как развитая лексическая группа. Последняя играет в строе предложения весьма существенную роль и имеет за собою длительный период исторического прошлого, в течение которого местоиме-

[1] R. de la Grasserie, De la catégorie des voix, Paris, 1899, p. 19; H. Schuchardt, Possesivisch und Passivisch. S. B. Preus. Akad. der Wissen. 1921, S. 657, Schuchardt-Brevier, 1928 глава VI, раздел: Possesivisch und Passivisch», стр. 300 сл.

ния не могли не подвергаться изменениям, иногда, может быть, и весьма существенным. В связи с этим, вопрос о происхождении местоимений, т. е. о том, что лежит в основе их формальной части, другими словами, из чего они образовались, будь то личные местоимения, притяжательные или указательные безразлично, этот вопрос оставляется мною открытым. Наличный языковой материал дает уже дифференцированные местоимения, ясно выделяя личные и притяжательные и детализируя третье лицо, которое и обособляется как указательное. Даже в таких языках, как эскимосские и самоедские, лишь недавно приобщенных к письменности, а частично и вовсе ее не имеющих по сей день, местоимения уже пережили длительный период своего существования и уже сыграли значительную роль в оформлении других членов предложения и других частей речи.[1] Они, в особенности притяжательные местоимения, участвуя в оформлении имени и глагола, подверглись процессу стирания до такой степени, что образовавшиеся из них показатели, главным образом синтаксического порядка, с трудом восстанавливаются в своей полной форме, а иногда и вовсе не поддаются такому восстановлению.[2]

Задачу настоящего очерка приходится, при таких условиях, ограничить сравнением личных, притяжательных и указательных местоимений, причем для полноты обзора придется брать их как выступающих в самостоятельной позиции в предложении (подлежащим и дополнением), так и как участвующих в оформлении другого имени и глагола. Таким образом, потребуется одновременное привлечение к анализу и самих местоимений, и их дериватов, обратившихся в местоименные приставки. Для уточнения же синтаксической роли последних необходимо сосредоточить внимание и на синтаксическом строе предложения в его целом. Структура предложения отражает в себе действующее или действовавшее при его формировании восприятие субъекта и предиката, а также отношения первого к действию и состоянию, выражаемым вторым. Оформление их в том или ином виде передает нормы этого восприятия и тем самым дает объяснение происхождению и развитию используемых предложением форм, в том числе и местоименных.

Строй предложения в его сравнительном сопоставлении по различным языкам дает много оснований к признанию поссесивного (притяжательного) построения наиболее древним из числа других прослеживаемых структур предложения. Выражение предложения переходного действия поссесивным оборотом, при котором сказуемое и подлежащее получают притяжательную форму, свойственно наиболее отсталым языкам бесписьменной речи, например эскимосским, самоедским, многим индейским Америки. Кроме того, пережитки поссесивного (притяжательного) строя, более или менее ярко выраженные, выступают в целом ряде языков как перестроенная подоснова совершенно иной синтаксической конструкции.[3] Подобного рода явление прослежено в финно-угорских языках. В тюркских языках в прошедшем совершенном времени (и в условном наклонении) глагол получает притяжательное спряжение, ср. казахское *мен келді-м* — «я пришел» (ср. *егіні-м* —

---

[1] См. описание этих языков в сборниках «Языки и письменность народов Севера», «Handbook of American Indian Languages».

[2] Ср. притяжательное оформление имен в самоедских, эскимосских, тюркских языках и др.

[3] См. подробнее в моей работе «Общее языкознание», 1940, стр. 127—152; H. Schuchardt, Possesivisch und Passivisch. S. B. Preus. Akad. der Wissen. 1921.

«мой посев»), *сен келді-ң* — «ты пришел» (ср. *егіні-ң* — «твой посев»), *ол келді* — «он пришел» (ср. *егіні* — «его посев»). В тюркских языках, в которых остальные времена идут по личному местоименному строю спряжения, прошедшее совершенное время, равным образом, не воспринимается как изменяемое по притяжательному, хотя оно по своей форме несомненно к нему восходит. В одном из представителей эргативной конструкции, в абхазском языке, предложение переходного действия, т. е. именно то, в котором эргативный строй выступает наиболее ярко, легко сводится к своему поссесивному прошлому. На это указывал еще П. К. Услар. Он берет переходный глагол *i-s-tvə-ир*— «его-я-имею» и дает его форме следующее объяснение: в основе лежит имя *tvə* — «собственность (ср. *ab* — «отец»). Это имя оформлено, притяжательно *s-tvə* — «моя собственность» (ср. *s-ab* — «мой отец»). Используемая в значении предиката, эта форма получает предикативный показатель *-ир* и, обозначая принадлежность первому лицу чего-то, снабжается в составе сказуемого соответствующим показателем объекта, например в 3-м лице *i*, что в итоге и дает разбираемую форму *i-s-tvə-ир* — «я имею», которая в прошлом сводится, таким образом, к поссесивной конструкции, *это моя собственность есть.*[1] В языках чукотской группы (чукотском, корякском и ительменском — камчадальском), более углубленное научное изучение которых проводится только в последние годы, равным образом прослеживаются значительные остатки притяжательного строя при их уже развитой эргативной конструкции, и т. д.[2]

Притяжательное спряжение глагола оформляется притяжательными приставками, дающими предикативную форму именного построения. По своей семантике эти приставки указывают на свое местоименное происхождение, но первичная полная их форма восстанавливается с большим трудом. Такая близость притяжательных окончаний имен и глагола к личным местоимениям ясно выступает в алеутском языке, в котором эти притяжательные окончания совпадают с конечным составом личных местоимений (ср. *тхин* — «ты», *тхидих* — «вы оба, вы двое», *ула-н* — «дом твой», *ула-дих* — «дом вас двоих», и т. д.[3]). Такие же совпадения в других северных языках прослеживаются в самоедской группе (примеры см. выше[4]). В хантыйском (остяцком) языке наблюдается близость лично-притяжательных окончаний имен к начальному элементу личных местоимений, ср. *евем* — «девочка моя», *ма* — «я», *евен* — «девочка твоя», *нан'* — «ты» *евел'* — «девочка его», *л'ув* — «он». Двойственное и множественное числа именных лично-притяжательных окончаний в том же языке совпадают с соответствующими окончаниями личных местоимений в дательном падеже, например: *евемин* — «наша (нас двоих) девочка», *минемин* — «нам двоим», *евев* — «наша девочка», *мун'ев* — «нам», *евел'* — «их девочка», *л'ивел'* — «им», и т. д.[5] В абхазском языке, как мы уже видели, притяжательные префиксы имен в

---

[1] См. П. К. Услар, Абхазский язык, 1887, стр. 73. О притяжательных формах глагола см. также v F. N. Finsk, Die Haupttypen des Sprachbaus, «Aus Natur und Geisteswelt», Band 268, 2 Auflage, 1923, S. 35—36; ср. H. Schuchardt, ц. с. и др.

[2] Прослеживанию притяжательных оформлений в этих языках посвящена еще неопубликованная работа Г. М. Корсакова.

[3] См. стр. 237.

[4] См. стр. 227.

[5] См. в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 208, 210—211.

первых двух лицах, совпадая с начальным согласным личного местоимения, указывают тем самым на использование личных местоимений, в их усеченном виде, в значении притяжательного оформителя имен (примеры см. выше [1]).

В абхазском языке связь притяжательных местоимений с личными обнаруживается наиболее ясно не только в первых двух лицах, где собственно и выступают личные местоимения. Еще яснее выступает эта связь при сопоставлении первых двух лиц с третьим. В 3-м лице личные местоимения, указательного происхождения, обособляются от личных же местоимений притяжательного происхождения. Первые закрепляются за обозначением пассивного субъекта состояния и непереходного действия. Это будут местоименные показатели *-d-* для класса людей (ср. *d-t'soyt* — «он идет», *d-bzyoyp* — «он хорош») и *-i-* для класса не людей (ср. *i-t'soyt* — «он идет», *i-bzyoyp* — «он хорош»). Вторые обозначают активный субъект в сказуемом предложения переходного действия, как то *-i-* для класса мужчин (*s-i-goyt* — «меня он берет», *y-ab* — «его отец»), *-l-* для класса женщин (*s-l-goyt* — «меня она берет», *l-ab* — «ее отец»), *-a-* для класса не людей (*s-a-goyt* — «меня он берет», *a-ab* — «его отец»). Таким образом, там, где выступают собственно личные местоимения, то есть в первых двух лицах, мы имеем в абхазском языке отождествление личных и притяжательных местоимений. Так же, где для обозначения лица выступают указательные, то есть в третьем лице, происходит дифференциация на показателя состояния и на показателя действия, причем притяжательные показатели связаны с действием, отмечая его принадлежность деятелю, а указательные с состоянием. Последние оформляют как глаголы состояния и непереходного действия, так и именное сказуемое. [2].

В североамериканском языке немепу, при его более сложной системе аффиксации, используются личные показатели, которые выступают уже настолько выветрившимися, что не поддаются возведению к местоименной основе. Все же и эти личные показатели выявляют те же черты притяжательности во всех лицах. И в этом языке имеются следы притяжательного построения предложения, проводящего грань между предложениями безобъектными и предложениями переходного на объект действия. В связи с этим особый интерес приобретают и личные показатели в своем выражении лица и принадлежности ему. Наличие притяжательного строя предложения в этом языке подтверждается постановкою подлежащего в поссесивном (родительном) падеже на *-m* в предложениях переходного действия и в абсолютном (именительном) падеже в безобъектных предложениях, ср. *hamanm päänpsa tomanina* — «человек берет яблоко», и *hama hitamtaytsa* — «человек рассказывает». В языке немепу имеются особые притяжательные местоимения, явно образованные от личных и снабженные тем же формантом падежа на *-m*, которым снабжаются и имена существительные, стоящие в поссесивном (родительном) падеже, ср. *in* — «я», *inim* — «мой», *im* — «ты», *imim* — «твой», *ipi* — «он», *ipnim* — «его» и т. д. Эти притяжательные местоимения, не сливаясь с определяемым именем, сохраняют полную свою форму, например *imim tsiq'amqal* — «твоя собака». Если же они сливаются, то утрачивают свою падежную форму,

[1] См. стр. 155, 230.

[2] См. П. К. Услар, Абхазский язык, стр. 15 сл., 43 сл., 55 сл., 70 сл.

и в слитном сочетании остается одно личное местоимение, выступающее уже в притяжательном значении, ср. *imtsiq'amqal* — «твоя собака».

Более древний вид притяжательности выявляют не эти притяжательные местоимения или притяжательный (родительный) падеж местоимения, а сами личные показатели. Последние в языке немепу, сохраняя одну и ту же форму, могут обозначать и субъект состояния (тут же субъект непереходного действия) и действующее лицо и притяжательность. Так, например, показатель второго лица *ä*, равно как и другие, за исключением субъектного показателя 3-го лица *hi-*, выступает во всех этих значениях, ср. *ä kusa* — «ты идешь», *ä sikämna anpisa* — «ты лошадь [какую-то] берешь», *hamanm ä hinpaysa sikäm* — «человек твою берет лошадь». Такое схождение различной значимости в одном и том же показателе получает свои объяснения. Если переходность действия выражается притяжательно, то оформление действующего лица в предложениях переходного действия должно совпасть с выразителем притяжательности. Следовательно, тут в обоих случаях выступают личные показатели в притяжательном значении. Такие показатели (ср. упомянутое *ä*) не меняются, выступая и в поссесивном построении переходного действия и в лично-местоименном построении безобъектного предложения (с подлежащим в неоформленном именительном падеже), ср. *imim ä was* — «ты имеешь» и *im ä was* — «ты существуешь [ты еси]». В приведенных примерах подлежащее (*imim, im*) стоит в разных падежах, несмотря на то, что глагольный показатель лица *ä* остается тем же самым. Такое совпадение в одной форме притяжательных и личных показателей в сказуемом указывает на их тождество.

Этому тождеству притяжательных и личных показателей не противоречит только что отмеченное образование притяжательных местоимений от личных. В том же языке немепу оно может быть без особых затруднений отнесено к числу явлений более позднего порядка. На это, в первую очередь, указывает сама форма притяжательных местоимений, представляющих собою в названном языке не что иное, как использование родительного падежа личного местоимения, в котором по его собственной падежной семантике уже содержится поссесивное значение. В частности, в языке немепу эта форма, не поддающаяся последующему склонению, остается формою родительного падежа личного местоимения и не обращается в притяжательное местоимение. Когда же, в других языках, такой родительный падеж личного местоимения начинает сам склоняться, то он выходит из общей парадигмы склонения личного местоимения и становится на самостоятельное место притяжательного. Таким образом, процесс выделения последнего, как вторичное явление нового образования, исторически прослеживается с достаточной точностью. Но это наблюдение касается далеко не всех языков. Вовсе не везде притяжательные местоимения вторичного происхождения.

В языках, сохранивших более чистую форму притяжательного спряжения глаголов переходного на объект действия (эскимосских, самоедских и др.), т. е., как мы пытались доказать выше, имеющих наиболее древнюю из сохранившихся форм сказуемого в предложениях переходного действия, притяжательные местоимения в самостоятельном виде вовсе не используются. Их функцию выполняют притяжательные пока-

затели, выступающие как при имени, так и при глаголе. В этих языках в единичных случаях притяжательные местоимения получают свою особую форму и то для использования только в предикативном значении, например, в хантыйском (остяцком) языке личные местоимения, получая лично-притяжательные окончания, образуют притяжательные местоимения, выступающие крайне редко, и то лишь в сказуемом, например *нан'* — «ты», *нан'ен* — «твой», ср. *евен* — «твоя девочка», *л'ув* — «он», *л'увел'* — «его», ср. *евел'* — «его девочка», *там л'ан'ки муй нан'ен муй л'увел'* — «эта белка или твоя или его?».[1] Во всех остальных случаях притяжательные местоимения или вовсе отсутствуют или в их значении выступают обычные личные местоимения, сопровождаемые именем в лично-притяжательном оформлении, ср. в селькупском (остяко-самоедском) языке *мат* — «я», *мат äсäп* — «мой отец», в ненецком (юрако-самоедском) *мань* — «я», *мань ньисьами* — «мой отец» и др.[2]. Такое же совпадение форм личных и притяжательных местоимений мы видели в абхазском языке. В эскимосских языках, в частности в алеутском, притяжательные местоимения, равным образом, самостоятельно не выступают. Они входят в оформление соответствующего имени, поэтому трудно судить об их полной форме. Оказавшись уже суффиксами, они подверглись усечению, получившаяся же усеченная форма связана с личною местоименною (примеры см. выше). В 3-м лице особого притяжательного суффикса в алеутском языке не имеется, но в третьем лице нет и личных местоимений, что еще раз подтверждает теснейшую связь личных и притяжательных местоимений.[3] Выяснению этой связи до известной степени содействует и то, что притяжательное спряжение глагола в тех же языках вовсе не является единственным видом оформления сказуемого. Одновременно с ним существует и другая форма спряжения глагола.

В тех же северных языках параллельно притяжательному спряжению глагола в предложениях переходного действия применяется личное спряжение глагола в безобъектных предложениях состояния и непереходного действия. Последнее имеет общую форму с именным сказуемым и тоже стоит, таким образом, на грани перехода от именной к вербальной форме, ср. в ненецком языке притяжательные формы: *мада-в* — «я срубил», *мада-р* — «ты срубил», *мада-да* — «он срубил»; *ньисьа-в* — «мой отец», *ньисьа-р* — «твой отец», *ньисьа-да* — «его отец»; личные формы: *йиле-м* — «я живу», *йиле-н* — «ты живешь», *йиле* — «он живет»; *хасава-м* — «я мужчина», *хасава-н* — «ты мужчина», *хасава* — «он мужчина».[4] Эти личные показатели в ряде языков тоже стерлись до неузнаваемости их первоисточника (самоедские языки), в некоторых же сохранились в полном своем виде личных местоимений, ср. в алеутском *тхин* — «ты», *къакухъ-тхин* — «ты ешь» и др.

Эти две разновидности глагольного построения в действующем строе языков разошлись в значительной степени, что, очевидно, произошло в связи с развивавшимся языковым процессом, приведшим к различению отмеченных выше двух типов предложения. Из них более архаичным оказывается строй предложения действия, по крайней мере на это указывает более стершаяся форма притяжательных местоименных по-

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 211—212.
[2] См. там же, стр. 107 и 36.
[3] Примеры см. на стр. 225.
[4] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 31, 40.

казателей, привлекаемых для оформления сказуемого именно в этом типе предложения. Получились ли эти усеченные формы также из практиковавшегося когда-то присоединения тех же местоимений, которые ныне оформляют личное спряжение, еще полностью не выяснено. Если процесс их усечения шел именно по такому пути, то это могло быть следствием только слитного восприятия личных местоимений с притяжательными. Во всяком случае, при разрешении этого вопроса приходится считаться с тем, что непосредственная близость их по форме, а иногда и совпадение в одной форме подтверждается обширным материалом целого ряда языков.

Я не привлекаю здесь примеров из индоевропейских языков, в которых притяжательные местоимения образуются от родительного падежа личных, используемого как именительный падеж притяжательных, ср. русск. *я, мой, мне...* и *мой, моего, моему...* Если в параллель привлечь те языки, в которых родительный падеж личных местоимений не получил своего собственного склонения, т. е. не прибавил к своим падежным формам еще новых падежных окончаний (ср., например, в языке немепу), то такого нового образования притяжательных местоимений в этих языках вовсе и не получилось. Следовательно, раньше должны были создаться формы родительного падежа личных местоимений, затем означенные формы, благодаря своей поссесивной семантике, должны были выделиться из схемы личного склонения. Только тогда мог получиться этот, упоминаемый нами сейчас, вид притяжательных местоимений, синтаксически выделяемый по своей аттрибутивной функции и потому смыкающийся с прилагательными и носящий в себе все следы производной формы. Этот вид образования притяжательных местоимений имеет явно вторичный характер и потому ничего существенного не представляет для разрешения поставленного вопроса о первичном характере местоименных форм. Материал других, уже привлеченных выше, языков дает совершенно иную картину и имеет в виду не этот, уже производный, вид местоимений. Таким образом, притяжательные местоимения в живых языках идут по двум путям своего образования. Имеются явно более позднего образования производные формы от родительного падежа личных местоимений. Имеются и более архаичные, первичные образования, отождествляемые с личными местоимениями.

Что касается связи указательных местоимений с личными, то в научной литературе в настоящее время не возникает никаких сомнений не только в близости, но даже и в отождествлении их с личными местоимениями 3-го лица, ср. упомянутое выше местоимение в казахском языке *ол* — «он» и *ол* — «тот». Указательные местоимения, как общее правило, повидимому, для всех языков, заняли в парадигме склонения личных местоимений положение его 3-го лица. В первых двух лицах указательное местоимение не выступает и выступать не может, так как оно по своей собственной семантике по лицам не изменяется. Оно изменяется не по лицам, а по родам или классам, или по признакам пространственных отношений, а иногда и по тем и по другим. Поэтому, сюда не относятся те, изменяемые по всем трем лицам, местоимения, которые в ряде северных языков выделяются как личноуказательные. Эти последние и по своей семантике, ср. в ненецком *харн* — «я сам» и др., и по своему оформлению, например падежному, вполне соответствуют личным местоимениям и являются их же семан-

тическою разновидностью.[1] Сейчас речь идет не о них, а об указательных местоимениях в более узком и обычном их понимании как именной формы, по своей синтаксической функции сближающейся с другими именами, в частности с прилагательными, и потому используемой только в 3-м лице.

Нам уже приходилось говорить о том, что в тех языках, в которых конкретизация выступает достаточно сильно во всем языковом строе, личным местоимениям первых двух лиц резко противополагаются многообразные разновидности третьего лица. Называть во всех языках эти разновидности указательными местоимениями, как это обычно и делается, можно только весьма условно.[2] Они не столько указывают, сколько обозначают 3-е лицо, не уточненное в его предметном состоянии. За ними скрывается какое-нибудь имя предметного значения. В этом и заключается их смысловое своеобразие, ставящее их в особое положение в системе личных местоимений, куда они в конце концов включаются. Во всяком случае, их структурные особенности и по лексическому оформлению, и по склонению, отделяют их от местоимений 1-го и 2-го лиц.

Указательные местоимения, используемые в значении 3-го лица личных местоимений, не в достаточной степени предметны по своему собственному содержанию. Например, лезгинское *атIама* — «тот [более далекий]», т. е. далеко находящийся от говорящего лица, субстантивируется только контекстом высказывания или контекстом всего произносимого выражения, сопровождаемого иногда указательным жестом, и т. д.[3] Эти местоимения могут сближаться с именами существительными, когда выступают самостоятельным членом предложения. Они в этом положении подчиняются в ряде языков, в том числе в том же лезгинском, тем же нормам склонения, как и имена. Все же, в тех языках, в которых имеются роды или классы, указательные местоимения выражают род или класс лишь как представители определенного имени предметного содержания. В таком своем положении названные местоимения, действительно, замещают имя существительное, относящееся к тому или иному роду и классу. Такие свои свойства указательные местоимения сохраняют и тогда, когда используются в значении личных местоимений, выступая в предложении подлежащим или дополнением. И в этом своем положении те же местоимения становятся ясными в своей принадлежности к тому или иному роду и классу только в своей тесной связи с точно определенным именем. Поэтому указательное местоимение, и личное 3-го лица, может быть заменено соответствующим

---

[1] Ср. названные местоимения в ряде северных языков, в ненецком, нганасанском (тавгийском) диалекте, энецком (енисейско-самоедском) диалекте, селькупском языке, мансийском (вогульском), см. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 36, 69, 86, 108, 179.

[2] Такие местоимения, как *он близкий* и т. д. (о них см. ниже), не содержат обычного смыслового значения указательных местоимений.

[3] В дальнейшем изложении придется проводить некоторое различие в разнообразиях указательных местоимений. Обычное понимание их как *тот, этот*, противополагаемое местоимению *он*, вовсе не во всех языках проводит столь же четкое различение между указательными местоимениями и 3-м лицом личных, какое выступает, например, в индоевропейских языках. В последних, по существу, выявляются лишь два пространственных оттенка, которые воспринимаются в смысловом содержании местоимений *этот* и *тот*. В ряде других языков (самоедских, эскимосских, яфетических и т. д.) те же местоимения в пространственных отношениях крайне детализованы, и в них 3-е лицо *он* смыкается с остальными разновидностями того же лица.

именем, место которого оно заступает. В первых же двух лицах имя существительное не столько замещается ими, сколько выражается в них, так как и эти лица не являются чем-то отвлеченным. Все же, заменить личное местоимение именем существительным, без нарушения всего строя предложения, невозможно. На этой почве и происходит отделение личных местоимений.

Местоимение 3-го лица, как бы его ни называть (личным, указательным, безлично-указательным), во всех языках, имеющих деление существительных на роды или классы, подчиняется, в той или иной мере, этому же делению. В ряде языков оно же резко различается и по другим признакам. Так, в лезгинском, как и ряде других яфетических языков (горских), развито выражение пространственных отношений, ср. лезгин. *ими* — «он [этот]», *ама* — «он [более близкий]», *атIама* — «он [более далекий]», *гьама* — «он [прежде упомянутый]», *винима* — «он [верхний]», *агъама* — «он [нижний]».[1] Сходную схему тех же местоимений имеет ненецкий (юрако-самоедский) язык, ср. *тюку* — «он более близкий [этот]», *техыюмгх* — «он [наиболее отдаленный]», *талиюмгх* — «он [менее отдаленный]»[2] и т. д.

Когда 3-е лицо, по аналогии с первыми двумя, тоже включилось в общую схему личных местоимений, оно сохранило за собою свои отличительные свойства, используя для своего выражения местоимения другого порядка, более близкие к указанным именным формам, а иногда смыкаясь с ними. Так как из этих же форм образовались указательные местоимения, то и 3-е лицо личных местоимений стало в непосредственную близость к ним, в связи с чем не без основания усматривается общность их основ. В ряде языков выделение указательных местоимений могло предшествовать включению 3-го лица в число личных. В этом случае первоисточником последнего является уже само указательное местоимение, ср. в индоевропейских языках французск. *il* — «он», из латинского указательного местоимения *ille*, русск. *он*, при полной форме — *оный* и т. д.

Таким образом, ставить вопрос об общем источнике личных местоимений всех трех лиц, не приходится. Указательные местоимения, вне сомнения, стоят в непосредственной близости, а в некоторых языках являются и непосредственными предшественниками упомянутых выше разновидностей выражения 3-го лица личных местоимений. Последнее вышло из них или из общего с ними первоисточника. С последним, следовательно, в конечном итоге и с указательными местоимениями, как его разновидностями, связано включенное в схему личных местоимений 3-е лицо.

Что же касается первых двух лиц, то, как мы видели, вопрос об их происхождении остается окончательно не выясненным, кроме одного, а именно, что они теснейшим образом связаны с притяжательными местоимениями. Что личные местоимения встречаются еще в инкорпорированных комплексах, это подтверждается достаточно обильным материалом,[3] но имели ли они в этих комплексах значение личных местоимений или притяжательных, это продолжает еще оставаться не ясным. Весьма возможно, что и те и другие, т. е. и личные и притя-

---

[1] См. Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 101, § 86.

[2] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 35. Объяснением значения этих местоимений я обязан А. П. Пырерка.

[3] См. стр. 23 сл., 114.

жательные местоимения, вышли из общей для них основы, из местоимения, одновременно выражавшего и лицо и принадлежность ему. Только при этих условиях становится объяснимым нередко наблюдаемое схождение их форм даже в рамках того ограниченного материала, который был мною затронут. Дифференциация между ними могла образоваться тогда, когда действие стало противополагаться состоянию и когда предложения действия обособились от предложений состояния, дав отмеченные выше разновидности притяжательного оформления в одном случае и личного местоименного в другом.

6. ПРИЧАСТИЯ

Что касается причастий, то их близость к прилагательным по их синтаксической функции, при наличии некоторых показателей, свойственных и глаголу, ставит их в ряде языков на особую позицию среди остального лексического состава. Поэтому они некоторыми исследователями и выделяются в этих языках, например в индоевропейских, в отдельную часть речи. Лингвистическое изучение причастий склоняется к признанию их за весьма древнюю языковую форму, развивающуюся, повидимому, параллельно глагольной, а может быть, даже и предшествующую ей. При таких условиях древнейшую форму причастия трудно считать за отглагольное образование, хотя не подлежит сомнению, что нынешняя форма причастия подверглась значительной модернизации, благодаря которой ряд причастных оформлений мог получить вид производного образования именно от глагола.[1]

Наличный языковой материал, весьма разнообразный и в части причастных форм, дает возможность с разной точки зрения подойти к оценке положения причастий в различных языковых структурах. Так, например, в ряде языков причастные формы, в нашем обычном их понимании, вовсе отсутствуют. Эти формы близки к причастиям только тем, что носят именные форманты, но синтаксически они используются в предикативном, а не аттрибутивном значении. Они изменяются по лицам, так же как изменяются имена в их притяжательном оформлении, но, выступая в роли сказуемого, они тем самым включаются в особую схему спряжения, параллельную существующему в том же языке глагольному спряжению. Например, в алеутском языке эскимосской группы нет причастий, но выделяются два различных строя спряжения глагола. Один из них имеет явное местоименное образование и изменяется по лицам субъектным спряжением: *ануку-къин'* — «я бросаю», *анукухъ-тхин* — «ты бросаешь», *анукухъ* — «он бросает». Другой же выражает принадлежность действия действующему лицу и оформляется притяжательными частицами, указывая в то же время на объект в его числе: *ануку-н'* — «мое бросание его», *ануку-н* — «твое бросание его», *ануку* — «его бросание его», *ануку-ки-н'* — «мое бросание их двоих», и т. д. В связи с этим и само действующее лицо ставится в притяжательном оформлении поссесивного падежа на *-м*: *ада-м ануку* — «отца бросание его», т. е. отец бросает [кого-то третьего]. Объект, на который содержится указание в этой форме, устанавливается контекстом. Он наличен или в этом же предложении, но с другим сказуемым,

[1] Ср. В. В. Виноградов, ц. с., стр. 248 сл. «Причастия как скрещенная глагольно-прилагательная категория».

оформленным личным местоименным спряжением, и является по отношению к нему прямым дополнением, или же стоит в другом, соседнем предложении, равным образом, в позиции прямого дополнения. Например, можно встретить два различных построения предложения, как-то: *нухъ сукухътхин. Адам анукӯ* — «камень берешь ты. Отца бросание его», т. е. отцу принадлежит акт бросания кого-то третьего, каковым и оказывается камень, который ты берешь. Те же два предложения можно построить и в форме одного предложения: *нухъ адам анукӯ сукухътхин* — «камень отца бросание его [т. е. камня] берешь ты».[1] Русский литературный перевод использует здесь или развернутое придаточное предложение, или причастный оборот: *ты берешь камень, который бросил отец; ты берешь камень, брошенный отцом.* В русском переводе всплывает причастная форма, но едва ли следует, по аналогии, усматривать ее и в алеутском языке.

По всем данным здесь, в алеутском языке, нет причастий, как отдельной части речи, но имеется особый предикативный оборот. Этот предикативный оборот является действующим и широко применяемым в алеутском языке. Он настолько связан с функциею сказуемого, что исследователи (В. И. Иохельсон) не колеблясь относят его к разновидностям глагольных построений. В последнем можно сомневаться, так как мы имеем тут не глагольную, а именную конструкцию, но отнесение ее к одной из форм сказуемого подтверждается всем наличным материалом. К тому же, данный именной оборот образуется от той же основы, которая дает явно глагольное построение. Он, используемый в сказуемом, тем самым резко отличается от других притяжательных же оформлений имен, которые в предложении выступают в позициях подлежащего и дополнений, ср. *ула-н'* — «мой дом», *суку-н'* — «мое взятие» (в предикативном значении «я-беру-его»), ср. глагольную форму *суку-къин'* — «я беру». Этот своеобразный предикативный оборот связан с особою семантикою сказуемого и происхождение его, само собою разумеется, не связано с глагольною формою. Мы имеем в алеутском языке две параллельно существующие предикативные конструкции, одну — именную, а другую — уже глагольную.[2]

Материал других языков позволяет проследить разновидности использования таких же притяжательных оборотов. Так, в самоедских языках изменение по лицам всякого переходного глагола, выражающего субъектно-объектные отношения, носит притяжательное оформление и включается Г. Н. Прокофьевым в глагольную парадигму, ср. в ненецком *ньисьа-в* — «мой отец», *ньисьа-р* — «твой отец», *ньисьа-да* — «его отец» и *мада-в* — «я срубил», *мада-р* — «ты срубил», *мада-да* — «он *срубил*».[3] В некоторых языках, например в тюркских, подобного же рода притяжательная форма сохраняется лишь в отдельных временах, ср. в казахском в прошедшем совершенном: *жазды-м* — «я написал», *жазды-ң* — «ты написал», *жазды* — «он написал», в сослагательном наклонении *жазса-м, жазса-ң, жазса*, ср. *колы-м* — «моя рука», *колы-ң* —

[1] См. В. И. Иохельсон, Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка. Изв. Ак. Наук, 1912, стр. 1031 сл.; его же, Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова, Изв. Ак. Наук, 1919, стр. 133 сл., 287 сл., его же очерк того же языка, помещенный в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 129 сл.

[2] См. мою работу «Общее языкознание», 1940, стр. 112—137.

[3] См. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», III, 1937, стр. 31, 40.

«твоя рука», к*олы* — «его рука» и др. В параллель можно сослаться еще и на русский язык, в прошедшем времени которого, вместо глагольной спрягаемой формы, выступает причастная: *я написал; ты написал; он написал*, изменяемая по родам, а не по лицам.

В русском языке, как и других индоевропейских, причастие может выделяться в особую часть речи.[1] В тюркских языках наблюдается такая же тенденция к выделению причастий, существующих независимо от указанных выше притяжательных форм глагола. Что касается самоедских языков, то в них, равным образом, притяжательные обороты субъектно-объектного спряжения глагола отличаются от причастных форм, имеющих свое именное оформление,[2] тогда как в алеутском языке причастия вовсе не выделяются, сливаясь с отмеченным выше притяжательным построением сказуемого, т. е. с предикативным оборотом.

В эскимосских языках, в число которых входит и алеутский, определение не выделяется из инкорпорированных комплексов, в которые входят определяемые слова, соединяясь аморфными своими основами. Поэтому синтаксические особенности выражения аттрибутивных отношений не могли выработать имен прилагательных, следовательно и именные формы сказуемого не могли получить аттрибутивной значимости. Оставаясь, по основной своей функции, в составе сказуемого, эти притяжательные конструкции, образуемые от любой основы с семантикою действия, также вошли в общую парадигму спряжения, сохраняя именную форму, но не выделяясь в особую часть речи — причастия.

Если впоследствии из такого рода именного предикативного оборота образовалось причастие, то последнее, в этом случае, не является отглагольным образованием. В то же время становится понятным, почему такая неглагольная форма содержит в себе ряд общих с глаголом признаков, например временные. Эта общность некоторых показателей объясняется тем, что причастие, при таких условиях, образовалось из именной предикативной формы, тогда как и глагол получил ряд общих с ним показателей по своей предикативной же функции. Отсюда можно было бы, в пределах материалов эскимосских языков, прийти к выводу о том, что ни причастие не вышло из глагольной формы, ни глагол не вышел из причастной, но что оба они являются позднейшей дифференциацией «именной» предикативной формы.[3]

Когда такой именной оборот оторвался от своего основного предикативного значения, он сблизился по своему измененному синтаксическому использованию с прилагательными, так как по своей семантике приведенное выше предикативное построение уже содержало в себе аттрибутивный оттенок. Рудиментом такого предикативного значения осталось за причастием его выступление в образовании сложных глагольных временных форм, а также участие в оформлении 3-го лица спряжения глаголов в некоторых языках, например в мордовском: *нолд-*

---

[1] Ср. А. А. Шахматов: «причастие является глагольным прилагательным; это такая форма (часть речи), которая совмещает грамматические свойства глагола и прилагательного», ц. с., стр. 470, § 536.

[2] См. стр. 212 сл.

[3] Сохраняя ряд общих с глаголом грамматических категорий (время и залог), причастия во всех языках окончательно не порывают своих с ним связей. В виду наличия у причастия ряда предикативных свойств, общих с глаголом, я условно продолжаю именовать причастия отглагольною формою.

ан — «я пускаю», *нолд-ат* — «ты пускаешь», *нолди* — «он пускает [пускающий]», в чукотском языке *нытъылкин* — «больной, он болеет» и пр. С другой стороны, причастия, по своей аттрибутивной функции, в ряде языков подпали под общее положение прилагательных. Так, например, в самоедских языках, за исключением селькупского, причастия, отличаясь от других имен своими суффиксами, но не синтаксическим использованием, влились вместе с прилагательными в одну часть речи, в имена существительные, ср. в ненецком (юрако-самоедском) языке, в котором в одной группе с именами существительными оказались: причастия совершающегося действия с суффиксами *-на, -да*: *тенева-на* — «знающий, знаемый, знакомый», причастия совершившегося действия с суффиксом *-ви: то-ви* — «пришедший, пришелец», и т. д. В селькупском (остяко-самоедском) языке к прилагательным, отличающимся от имен существительных своим особым суффиксом (*-ль*) и отсутствием словоизменения, присоединяются также и причастия, снабжаемые тем же суффиксом и отличающиеся теми же синтаксическими свойствами: например, *къä* — «береза», *къä-ль* — «березовый», ср. *тй-къо* — «прийти», *тй-пса* — «назначенный для прихода» (имя существительное назначения действия), *тй-пи-ль* — «пришедший» (причастие) и др. Выступая определением, имена существительные и имена прилагательные, тут же и причастия, получают в селькупском языке различные синтаксические оформления, первые из них управляются в падеже, а последние (прилагательные и причастия) примыкают без словоизменения, ср. *äсäнты мāт кунен'а* — «твоего отца чум где», в котором определение *äсä-нты* стоит в родительном падеже 2-го лица притяжательного склонения; *тйпиль къуп къынна* — «приехавший человек ушел», где *тй-пи-ль*, причастная форма, примыкает к определяемому, не подвергаясь словоизменению.[1]

В тех языках, в которых причастия отличаются от имен существительных и от имен прилагательных, они выделяются в особую часть речи. Например, в индоевропейских языках причастия отличаются от имен существительных тем, что обладают свойствами прилагательного, а от последнего отличаются своим изменением по временам и участием в образовании сложных глагольных форм. Так, в немецком причастие может соединяться с любым временем вспомогательного глагола, ср. *«ich habe, ich hatte, ich werde haben», «ich habe gelobt, ich hatte gelobt, ich werde gelobt haben»*, ср. *«der gelobte Schüler»* — «похваленный ученик».

7. ГЛАГОЛ

Местоимение играет значительную роль в образовании другой части речи — глагола. Глагол выступает в предложении в значении предиката, следовательно, используется в сказуемом. Но не всякое сказуемое выражается глаголом. Даже в индоевропейских языках, в которых verbum finitum считается наиболее характерным представителем предиката в номинативном строе предложения, используются в позиции сказуемого также и именные формы. В языках других систем вопрос о форме и положении глагола значительно осложняется. Для многих языков даже ставится под сомнение само наличие в них глагола.

[1] См. стр. 214 сл.

Наиболее остро вопрос о нем становится не только в ряде инкорпорирующих языков, но и таких, в которых слово выступает составною частью предложения. Когда составные части предложения сами по себе не оформлены и когда синтаксическое значение их устанавливается строем самого предложения, тогда эти составные части, слова, с большим трудом распределяются по группам. Выделение частей речи, в данном случае, крайне затруднительно. Таковы в значительной степени все аморфные языки.

Выделение глагола в аморфных языках представляет значительные затруднения. Внешний, формальный показатель морфологического порядка, по которому можно было бы судить о наличии этой части речи, в аморфных языках в значительной степени, а иногда и вовсе, отсутствует. В них, вместо морфологических показателей, выступают синтаксические. Но синтаксический показатель, сам по себе, в большей степени характеризует член предложения, чем часть речи. Поэтому в аморфных языках с достаточною ясностью выступает сказуемое и с наименьшею ясностью вырисовывается глагол.

Используя в максимальной степени средства синтаксиса, аморфные языки, в том числе и китайский, в значительной степени ослабили ясность выступающих в них грамматических категорий частей речи. В связи с этим наименее отчетливо выступают грамматические категории глагола и, наоборот, с наибольшей ясностью выделяются грамматические категории сказуемого. Таким образом, стоящий перед нами вопрос о возможности проведения классификационной схемы словарного состава языков подобного рода переносится в другую плоскость. Из сферы морфологических признаков в аморфных языках мы переходим в сферу синтаксических признаков, и тем самым от частей речи мы переходим к членам предложения. В итоге, говоря о грамматических категориях, нам приходится больше говорить о грамматических категориях последних, чем о грамматических категориях первых.

В подтверждение таких выводов ограничусь несколькими примерами, заимствуя их из цитированной выше работы Е. и А. Драгуновых. В китайском языке выражение видо-временных отношений свойственно сказуемому вообще, без особого выделения по данному признаку вербального его представителя: *ta zou* — «он идет», *tianki leng* — «погода холодна», *ta zoula* — «он ушел», *tianki lengla* — «погода стала холодной». Здесь решающею становится семантика члена предложения, а не части речи. Семантика члена предложения придает соответствующее значение лексической семантике слова в его определенном синтаксическом положении, ср. *leng tianki* — «холодная погода», и *tianki leng* — «погода холодна».[1] Одно и то же слово *leng* в одном случае выступает определением, а в другом сказуемым. В последнем своем использовании оно может получать и видо-временное выражение в самой своей форме, без привлечения связки. При таких условиях едва ли следует отрицать то, что значительное количество слов может в одном и том же китайском языке выступать и с предметным значением и со значением признака как аттрибутивного, так и предикативного. То или иное их значение выявляется в строе предложения. Таким образом, едва ли допустимо, в пределах материалов китайского языка, говорить об устойчивости грамматических категорий глагола, а в связи с этим и

[1] См. Е. и А. Драгуновы, Части речи в китайском языке. «Советское языкознание», III, 1937, стр. 119—124.

о самом глаголе, как о четко выраженной категории речи в данном языке.

Но не в одних только аморфных языках может встать тот же вопрос. Он становится во всех тех случаях, когда имеются отступления от общепризнанного понимания глагола. Глаголом обычно считается та часть речи, которая по своей семантике выражает действие или состояние, а по своей форме передает лицо, время, залог, вид и наклонение. Всем этим требованиям не отвечают все глаголы различных языковых систем. Следовательно, придется или признать, что в ряде языков, число которых может оказаться весьма значительным, нет вовсе глагола, или же считать данное определение глагола недостаточно уточненным. В последнем случае придется дать другое определение глагола.

Так например, изменение глагола по лицам свойственно далеко не всем языкам. Между тем, для привычного взгляда специалиста, работающего в основном над материалами индоевропейских языков, именно изменение глагола по лицам, спряжение его, является одним из характернейших его признаков. Этим признакам совершенно не соответствует, например, глагол в лезгинском языке. В нем глагол вовсе не изменяется по лицам: *за чар кхьизва* — «я письмо пишу», *ва чар кхьизва* — «ты письмо пишешь», *бубади чар кхьизва* — «отец письмо пишет» и т. д. Но другие показатели предикативности, временные, модальные и пр., закрепляются и в этом языке за определенною группою слов, которую, несмотря на отсутствие спряжения по лицам, все же придется называть глаголом.[1] С другой стороны, во многих языках из числа северных, яфетических, монгольских, тюркских и др. любая часть речи, оказываясь в предложении сказуемым, может приобретать личные окончания, например, в казахском: *мен студентпін* — «я студент», *сен студентсін* — «ты студент», *ол студент* — «он студент»; *мен осындамын* — «я здесь», *сен осындасын* — «ты здесь», *ол осында* — «он здесь», и др. Все же эти имена существительные, наречия и др., попадая в сказуемое, не обращаются в тюркских языках в глагол. Глаголу в тюркских языках свойственны свои показатели, как то присоединение местоимений не к самой основе, а к деепричастной форме, придающей временное значение с оттенком длительности, многократности или единичности действия, его завершенности и незавершенности, и пр., ср. казахское; основа *кел* — «приходить», деепричастие *кел-е* и глагол в настоящем времени *кел-е-мін* — «прихожу, приду». В юкагирском языке глагол изменяется по лицам, но не имеет временного выражения. В нем времена передаются наречиями, тогда как глагол отмечает только результативность действия, ср. *меть кудеде* — «я убил, я убиваю [с достижением результата]», *меть кудедеть* — «я убью, я убивал [без результата]».[2] В алеутском языке имя, попадая в сказуемое, может получать временные показатели, ср. *къахъ* — «еда», *къа-къа-хъ* — «прежняя еда».[3] Все же имя, в его предикативном использовании, не изменяется в этом языке по наклонениям, тогда как глагол не только изменяется по временам и по лицам местоименным строем спряжения,

[1] См. П. К. Услар, Кюринский язык, «Этнография Кавказа», VI, 1896; Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941. За ознакомление со строем лезгинского языка я весьма признателен студенту Лен. Гос. университета З. С. Магомедову и окончившему Казахский пед. институт М. Азимову.

[2] См. «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 169.

[3] См. В. И. Иохельсон, Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка, Изв. Ак. Наук, 1912, стр. 1040.

но и по наклонениям. В самоедских языках имя в предикативном значении изменяется и по лицам и по временам, но и тут имеются свои отличия. Так, в селькупском языке имя существительное, изменяясь по лицам, получает только форму аориста, не содержащего в этом языке какого-либо определенного временного понятия, второе же наличное в этом языке время, прошедшее, образуется в именной форме сказуемого при помощи вспомогательного глагола *екъо* — «быть», а не обычным глагольным суффиксом — *са*, ср. от основы *къум* — «человек», *мат къум-а-к* — «я человек» (аорист), *мат къум-а-к е-са-к* — «я был человек» (прошедшее время); от основы *или* — «жить», *мат ил-а-к* — «я живу, я жил» (аорист), *мат или-са-к* — «я жил» (прошедшее время).[1] В ненецком языке имя в положении сказуемого изменяется по обоим временам и по всем трем лицам так, как это свойственно всякому сказуемому безобъектного предложения, ср. от основы *ньудьа* — «маленький», *пидар ньудьа-н* — «ты маленький» (аорист), *пидар ньудьа-н-а-сь* — «ты был маленький» (прошедшее время), *пидар хасава-н* — «ты мужчина», *пидар хасава-н-а-сь* — «ты был мужчиной»; от глагольной основы *йиле* — «жить», *пидар йиле-н* — «ты живешь» (аорист), *пидар йиле-н-а-сь* — «ты жил» (прошедшее время).[2] Все же имена существительные-прилагательные и при этом сближении с формами глагола остаются именами. Они отличаются от глагола в ненецком языке тем, что в своем предикативном использовании не получают глагольных видов и форм наклонений, что остается свойственным только глаголу, в свою очередь, не изменяющемуся по падежам, как это свойственно именам. Таким образом, и тут получаются различия по частям речи, хотя и не по всем тем признакам, которые были отмечены выше как характерные вообще для глагола.[3]

Следовательно, не один какой-либо признак, а совокупность их является основанием для выделения данной части речи, причем такие признаки вариируются по языкам. Как мы только что видели, единства в этом отношении в разносистемных языках не имеется, хотя все же в различных языках вырабатываются свои группировки признаков, ложащиеся в основу деления по частям речи. Эти признаки будут и лексическими и синтаксическими, со значительным преобладанием последних. Так например, в одних языковых системах глагол, в отличие от имени, характеризуется изменением по лицам, временам, наклонениям, видам и залогам (индоевропейские языки). В других языках изменение по лицам оказывается свойственным и имени и глаголу, причем имя изменяется также и по временам. Глагол в этих языках выделяется изменением по видам и наклонениям (самоедские языки). Даже внутри языков, объединяемых в общей языковой группе, могут быть прослежены такие же различия, например в северных; так, в хантыйском (остяцком) языке финно-угорской группы глагол характеризуется личным спряжением, временными и залоговыми изменениями, тогда

[1] См. Г. Н. Прокофьев, Селькупский (остяко-самоедский) язык, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», 1, 1937, стр. 100, 106, 114 сл.

[2] См. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык, в том же сборнике, стр. 16, 34, 39 сл.

[3] Как увидим ниже, временной показатель в языках самоедской группы не является подлинным выразителем временного понятия. Поэтому времена в глаголе могут лишь условно и с большими оговорками включаться в грамматики этих языков. Такое же условное значение сохраняю и я в данном случае, когда говорю о временах в самоедских языках.

как склоняемое имя этими же свойствами не обладает.[1] В саамском (лопарском) языке той же финно-угорской группы северных языков получают предикативную суффиксацию не только глагол, но и прилагательные, ср. предикативный показатель прилагательных в этом языке *-ы, -е, -ас, -ес: кыс кылт* — «толстая палка» и *кылт лыий кысс-ы* — «палка [есть] толста». Тем самым, прилагательные в этом языке отличаются, с одной стороны, от имен существительных, которые в положении сказуемого, соединяясь со связкой, сами не получают никакой предикативной суффиксации, а, с другой стороны, от глагола, изменяющегося по двум временам (аористу и прошедшему) и сохраняющему личное спряжение, ср. *сарн-а(м)* — «я говорю», *сарн-ак* — «ты говоришь», *сарн* — «он говорит».[2] Отсутствие этой особенности в упомянутом выше хантыйском языке приводит к объединению имен существительных и прилагательных в одну часть речи, имеющую общую норму склонения, тогда как наличие той же указанной выше особенности в саамском языке приводит к выделению прилагательных в особую часть речи. Таким образом, предикативный признак повлиял в данном языке не только на выделение глагола в особую часть речи, но и на выделение прилагательных из общей группы имен.

Различие в использовании предикативных показателей прослеживается и внутри самоедских языков. Так например, в селькупском (остяко-самоедском) языке имя существительное спрягается, как и глагол, но только в одном времени (в аористе), чем и отличается от глагола, который спрягается в обоих временах (аористе и прошедшем), и от имени прилагательного, которое, попав в сказуемое, вовсе не изменяется по лицам.[3] Если сопоставить селькупский язык с упомянутым выше саамским (лопарским), то ясно выступит особое значение предикативных признаков в выделении частей речи в обоих языках. Но в одном из них, в саамском, наличие предикативных показателей в именах прилагательных, при отсутствии их в именах существительных, привело к выделению первых в особую часть речи, тогда как в селькупском, наоборот, отсутствие предикативной суффиксации в прилагательных, при наличии ее в именах существительных, привело к такому же их разделению. Что же касается глагола, то приурочение к нему во всех перечисленных языках особых предикативных показателей (отличающиеся от имени формы спряжения и пр.) ставит его на самостоятельное место среди остальных частей речи. Но и эти признаки, различие форм спряжения для глагола и имени в его предикативном использовании, могут в отдельных языках отсутствовать, тогда для выделения глагола выступают иные предикативные показатели. Так например, в ненецком (юрако-самоедском) языке, как мы видели выше, имена изменяются по лицам во всех временах так же, как и глагол в безобъектном предложении, но имена не образуют видовых основ глагола и не изменяются по наклонениям, что остается отличительным свойством глагола.

Оказывается, таким образом, что при определении глагола как особой части речи решающую роль играют синтаксические его свойства. Синтаксические показатели, по которым можно было бы выделить глагол, весьма разнообразны в своих сочетаниях и одной общей для всех

[1] См. упомянутый выше сборник, стр. 203.
[2] См. там же, стр. 138, 147, 153 сл.
[3] См. там же, стр. 100, 106, 109.

языков исчерпывающей по своей полноте схемы не дают. Все, что можно было бы извлечь из краткого просмотра приведенного выше материала — это то, что при всем разнообразии своих сочетаний в различных языках все же синтаксические признаки в пределах каждого языка дают в своей совокупности определенные группировки. Они закрепляются за отдельными лексическими группами и тем самым выделяют их в отдельные части речи. Выяснение их проводится уже на самом материале отдельных языковых систем и даже отдельных языков внутри этих систем (см., например, различную роль предикативных показателей среди самоедских языков, устанавливаемую сравнением селькупского языка с ненецким, и т. п.).[1]

Такая совокупность признаков не может быть случайною, она должна опираться на основную функцию исследуемой лексической группы. А так как основною функциею глагола является выражение предикативности, то и совокупность признаков глагола может состоять только из предикативных показателей. И если последние, выявляясь в глаголе, могут быть, как мы только что видели, далеко не однообразными, то все же и они во всех языках имеют свой единый источник, которым и будет выражение сказуемости. Следовательно, предикативные показатели, при всем их разнообразии, входят в одну систему. Если бы эта система была стабильною и если бы выступающая в сказуемом часть речи всегда и везде была бы единою, то предикативные показатели члена предложения (сказуемого) оказались бы тождественными с показателями части речи (глагола). Но, во-первых, сама система показателей сказуемости вовсе не стабильна. Она изменяется на различных этапах развития языка. Вместо одних показателей появляются другие, на основе видового признака вырабатывается временной[2] и т. д., тем самым предикативные показатели вариируются в различных языках и даже в различные периоды развития одного языка. Кроме того, в положении сказуемого могут выступать не только глагол, но и имена, получающие различные предикативные показатели и различные способы их выражения, а сами предикативные показатели могут отдельно стоять в составе сказуемого, представленные другими словами или служебными частицами и вовсе не выраженные в глаголе. Так например, в юкагирском языке время выражается наречиями, которые входят в состав примыкающих к сказуемому слов как выразители его предикативных признаков; следовательно, временной оттенок оказывается выраженным, но не в глаголе, который остается без временного обозначения.

Таким образом, отдельные элементы, которые мы привыкли видеть в сказуемом, могут оказаться представленными и вне его. Это прежде всего касается выражения самого субъекта. Если субъект и предикат, т. е. носители действия и состояния и выразители их, являются основными элементами высказывания и если они должны быть представлены в предложении и обычно в нем передаются, то отсюда вовсе еще не следует, что выражение субъекта отдельным членом предложения без повторного его выражения в сказуемом делает предложение менее полноценным. В последнем случае, т. е. когда сказуемое не содержит в себе выражения субъекта, оно продолжает быть носителем предикативных функций и должно содержать в себе соответствующие предика-

[1] См. выше, стр. 243.
[2] См. ниже, стр. 246.

тивные показатели, хотя бы и не изменяясь по лицам. И если в аварском дагестанском, лезгинском и других языках глагол не имеет форм спряжения по лицам, ср. в аварском *дица чу босула* — «я лошадь беру», *дуца чу босула* — «ты лошадь берешь», *васс чу босула* — «брат лошадь берет», то отсюда отнюдь не следует, что субъект в самом предложении представлен не полностью. Наоборот, субъект полностью представлен в предложении, но только в одном подлежащем без его же выражения в сказуемом, которое, в свою очередь, представляется законченным в своем построении согласно действующим в языке нормам.[1] Следовательно, в этих и им подобных языках выражение субъекта также и в сказуемом, т. е. изменение его по лицам, не относится к числу обязательных предикативных признаков. Поэтому наличие других предикативных показателей и закрепление их за глаголом, в данном случае не изменяемым по лицам, не лишает возможности видеть глагол и в этих языках.

Временной показатель, как уже отмечалось выше, также не оказывается постоянным свойством предикативности, но, несомненно, становится им при известных условиях развития языка, когда выражаемое в нем действие или состояние начинает характеризоваться во временном разрезе. В работах, затрагивавших вопрос о временных отношениях, неоднократно указывалось на связь времени и вида, на выражение самого времени с оттенком результативности действия. В особенности в последние годы усиливается интерес к этой проблеме, и категория времени в глаголе начинает получать всестороннее историческое освещение. Все с большею и большею убедительностью доказывается, что времена, вышедшие из видов, представляют собою сравнительно новое образование, прослеживаемое в своем начальном состоянии даже по письменным памятникам индоевропейских языков.[2] Что касается языков других систем, то по ним это же положение можно проследить и на материалах живой речи. Не только в юкагирском языке, который приводился выше как пример для подтверждения того же положения, но и в ряде других языков дифференциация действия по времени представляется далеко не достаточно развитою. Так, в языках самоедской группы наблюдается аналогичное с юкагирским явление. В этих языках устанавливается только два времени, из которых одно, называемое аористом, вовсе не содержит в себе временного понятия, другое же, именуемое прошедшим, отмечает отдаленность самого акта действия по времени его совершения от переживаемого говорящим лицом момента.[3] Зато виды в этих языках крайне развиты.

Виды в глаголе характеризуют процесс самого действия, взятого отвлеченно, без указания на отношение к нему действующего лица. Ими оттеняется ход действия с его начала до конца, его интенсивность, результативность и т. д. Виды глагола, характеризуя действие само по себе, оставляют выражение отношения к нему субъекта за

---

[1] См. П. К. Услар, Аварский язык. «Этнография Кавказа», III, 1889, стр. 38, 118 сл.

[2] См. А. Лескин, Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Русск. перевод Н. М. Петровского, Казань, 1915, стр. 234, 274; Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte. 5 Auflage, 1920, S. 274; Ferd. Brunot. La pensée et la langue, 1936, p. 435—447. В. М. Жирмунский, Развитие строя немецкого языка. Изв. Ак. Наук, 1935, № 4, стр. 370 и др.; Вандриес, Язык. Русск. перевод. 1937, стр. 99 сл.

[3] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 38 сл. и др.

контекстом предложения или за другими глагольными формантами. Так, в ненецком языке выделяются следующие виды глагола: неначатого действия, длительного действия, начинательного действия, повторного многократного действия, обычного действия. Времена же в этом языке, как только что указывалось, ограничиваются безвременным аористом, прошедшим и только.[1] Характеризуя само действие, виды характеризуют глагол не с одной только синтаксической его стороны, но и по вкладываемому в него содержанию. Поэтому в ряде языков видовое деление становится не столько синтаксическим, сколько лексическим, и виды глаголов начинают сближаться с семантическими разновидностями самих глаголов, ср. в русском глаголы совершенного и несовершенного действия *брал* и *взял*, от разных глагольных основ: *брать* и *взять*, а также и в самом ненецком, в котором виды представлены с помощью особых основообразующих суффиксов, например вид повторно-многократного действия: *тось* — «притти, приехать», и *турць* — «приходить, приезжать», и др. При таких условиях и сам видовой показатель может в ряде языков в отдельных случаях исключаться из числа характеризующих глагол предикативных показателей тогда, когда им определяется не сказуемость, а видовая семантическая разновидность глагола (ср. в именах *ход*, *приход*, в глаголах *ходить, приходить* и др., в ненецком *турць* — «приходить», *тось* — «притти», и *това* — «приход», *хыва* — «уход» и пр.).[2]

Видовые различия в современных языках достигают иногда значительного разнообразия. Но если виды ложатся в основу деления по временам, на чем придется особо остановиться ниже,[3] то, очевидно, что первоисточником трансформации во временные признаки послужили лишь некоторые видовые различия. Сами виды получили затем свое дальнейшее развитие, параллельно установившейся временной системе. И при образовании времен виды продолжают сохранять с ними органическую связь. Так например, в гиляцком языке имеется деление на времена: аорист с безвременным содержанием *ньи ра-дь* — «пью», будущее *ньи ра-ны-дь* — «я буду пить», прошедшее *ньи ра-гхыт-ть* — «я выпил», будущее совершенное *ньи ра-гхыт-ны-дь* — «я выпью». Выступающие тут временные оттенки сводятся, по существу, к видовым результативным, а именно к безвременному аористу, к которому прибавляются или показатель «-ны-», или показатель «-гхыт-», или оба вместе. Первый из них означает незаконченность действия и получает значение будущего времени, а второй ограничивается выражением завершенности действия. Иначе не могло бы иметь место сочетание обоих показателей в будущем совершенном времени. В этих примерах видовые оттенки выступают с явно синтаксическим содержанием. Времена же, в особенности аорист и прошедшее, выделяются лишь в своем противопоставлении друг другу и будущему и получают свое временное значение, главным образом, по смысловому содержанию самого предложения.

Таким образом, говорить о постоянных предикативных признаках члена предложения (сказуемого) не приходится. Эти признаки варируют по языкам.

Оставаясь при этом утверждении, придется все же несколько укло-

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 38 сл.
[2] Там же, стр. 21, 39.
[3] См. стр. 251.

ниться в сторону, так как само понимание предикативной значимости требует некоторого уточнения. Выше мы уже говорили о том, что субъект может и не быть представленным в самой глагольной форме. Кроме того, если обычно субъект и наличествует (подлежащее) или ясно устанавливается дополнительно при его формальном отсутствии в предложении, то все же в отдельных случаях и субъект не получает никакого выражения в предложении. В таком бессубъектном положении он улавливается только по содержанию, передаваемому другим предложением, или реальной обстановкой. Отсутствие субъекта и в глагольной форме и в виде отдельного члена предложения вовсе не ставит под сомнение наличие предложения в такой бессубъектной конструкции. Предложение остается, но формальное его построение получает несколько необычный вид. Вместе с тем, иное положение получает и само предикативное выражение.

На нем придется несколько задержаться, поскольку здесь получается уже резкое отступление от обычной вербальной формы, и это отступление, само по себе, дает основание к более точному усвоению предикативной функции.

Когда предикативные показатели, передающие восприятие предикативного содержания, прослеживаются в глаголе или именной форме сказуемого, тогда выделение предикативной функции из числа иных синтаксических проводится сравнительно легко. Но когда в предложении нет глагола и когда одночленность предложения, сведенная к тому же к однословному его построению, затрудняет понимание этого единично использованного слова как сказуемого, тогда, естественным образом, свойственные ему признаки устанавливаются с трудом. Между тем, они и тут устанавливаются, хотя бы и не формально, а только по содержанию, по смысловому значению этого слова, представляющего собою законченное предложение.

Когда отдельно взятое слово передает лишь одно лексическое содержание, например *пожар*, *пастух*, *окно* и т. д., то подобного рода слово остается в составе словаря и не образует предложения. Когда же оно выступает в процессе речи, то, даже сохраняя ту же форму, приобретает совершенно иную значимость. Слово из статики приходит в движение. Оно становится передатчиком не только предмета (субстанции), но и его бытия, хотя бы это было выражено одним словом: *Пожар*! обращается в выражение данного факта объективной действительности; это слово приобретает конкретную значимость в той реальной обстановке, которая передается речью. Слово, имеющее в словаре более общее содержание, становится вполне конкретным, когда выступает в предложении хотя бы в одном своем собственном составе. Такая его конкретизация введением его в динамику бытия и есть предикативность.

Следовательно, признаки предикативности вовсе не обязательно выражаются только в глаголе, хотя он и является наиболее ярким носителем предикативных свойств. Глагол оказывается им исключительно потому, что он, единственный из всех частей речи, приурочен к выступлению лишь в сказуемом. Все же не только в глаголе и не только в сказуемом может быть передано содержание предикативности. Оно выявляется в сказуемом, когда предложение сосредоточивает предикативность в одном своем члене, оно же выступает в глаголе, когда для преимущественного выражения сказуемого выделяется особая часть речи. Но даже и в развитых языках, где имеются и сказуемое и гла-

гол, вовсе не устраняются случаи сосредоточения признаков предикативности в одном слове односоставного, не глагольного, предложения. Сюда, например, могут относиться некоторые слова типа закрепившихся оборотов, как французск. *debout*! (переводимого по-русски глаголом *встать*!), русск. *вперед*!, *стоп*! и др., в которых вовсе нет глагола, нет подлежащего и сказуемого, хотя наличествует предложение. Предикативность здесь все же выражена, так как действие или состояние представлены в самом содержании данного слова, но установить, какие тут имеются предикативные показатели, весьма затруднительно. Формальных морфологических показателей здесь нет. Предикативность в данном случае передается содержанием высказывания и во внешней форме выражается интонацией. Содержание же таких предложений легче анализируется в их смысловых эквивалентах, представленных в развернутом виде, ср. французск. *au lit*! — «в постель!», означающее *allez vous coucher* — «идите спать», и др.[1]

Если такое предикативное содержание передается в предложении в развернутом виде выделением в предложении особого его члена, то последний получает все возможности формального выражения в себе предикативных показателей. Они окажутся такими, какие соответствуют наличному восприятию действия и состояния. Поэтому они и разнообразятся по языкам. Если же в языке выделяется особая часть речи, которой оказывается свойственным выступать только в сказуемом, то и она закрепляет за собою соответствующие предикативные показатели, обращаемые в выразителей грамматических категорий глагола. Отсюда ясно, что такими предикативными показателями, в основном, будут те, которые характеризуют вид и оттенок действия или состояние, отношение их к субъекту и объекту, устанавливают их в движении, следовательно, в пространственном, а затем и во временном, отношениях, а вовсе не выражение самого субъекта, который может быть представлен и отдельным членом предложения. В связи с этим предложения, выраженные даже глагольною формою, могут оказаться безличными. Выражение субъекта в глаголе не обязательно, постановка же субъекта отдельным членом предложения может быть опущена. Как в единичной именной форме, в отмеченных выше случаях, само высказывание содержит в себе субъектное и предикативное суждение в его едином, нерасчлененном выражении, так и в отдельно стоящий безличный глагол, равным образом, может включаться слитное представление об овеществленном действии.

В научной литературе имеются высказывания о том, что многие безличные в современных языках обороты вышли из личных. Утверждается, что сама такая безличная глагольная форма, в значительной степени отвлеченная, представляет собою языковое явление нового порядка, связанная и объясняемая усилением выражения в языке абстрактных понятий за счет уменьшающейся конкретизации их. Еще А. Мейе доказывал, что такие выражения, как «дождит» и им подобные, были в древности вполне личными. Французский ученый ссылается на пример, взятый им из Гомера — «но Зевс дождил», и в то же время указывает, что безличных оборотов типа «*дождит, холодно*» и т. д. у Гомера не встречается.[2]

---

[1] См. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 210.

[2] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 256.

Возможно, и даже вероятно, что безличные обороты типа французского *il pleut* — «дождит» и др. представляют собою более позднее явление. Все же само понимание безличных оборотов может получить некоторое уточнение. Их, прежде всего, можно сопоставить с упомянутыми выше однословными предложениями *Feuer*! — «пожар!», или с повелительным оттенком, сохранившимся и в современных однословных оборотах вроде *au lit*! Такие предложения, не дифференцированные в отдельном выражении субъекта и предиката, безличны с формальной стороны, но едва ли следует считать их безличными и по содержанию. Кроме того, безличные обороты стоят в 3-м лице, которое, как общее правило, или лицом вовсе не оформляется, или же, если и оформляется, то передает слишком отвлеченное о нем представление. Поэтому, если такой глагол ставится без подлежащего, то конкретизация лица, в конце концов, отсутствует. Если же в безличном обороте участвует не глагольная форма (ср. *холодно* и т. д.), то она сопоставляется с приведенным выше однословным предложением *Feuer*! и др. Все это приводит к тому, что поиски мифологического субъекта, как первичного выразителя нынешних безличных оборотов, придется признать не достаточно убедительными.[1] Что же касается безличных оборотов с личным построением глагола типа *il pleut* — «дождит», то последний тип уже современного построения содержит в себе субъект, скрытый в семантике самого глагола: *дождь дождит*. Во французском *il fait froid* — «холодно» личный показатель *il* легко может быть понят как заменитель соответствующего имени существительного: *le froid fait froid*.[2]

Сходные примеры можно привлечь и из других современных языков, в которых соответствующий глагол лично оформлен. Так, в бесписьменном языке немепу выражение «было холодно» передается личным оборотом *hiyawtsana*, в котором начальное *hi-* указывает на действие 3-го лица (ср. *hi-kusa* — «он идет»). И в русском выражении «дождит» имеется окончание 3-го лица. Сюда же в параллель привлекается французск. *il fait froid* — «холодно», тоже с личным показателем (*il* — «он»). И оно вполне сюда же относится, если только личная здесь форма не оказывается вторичным явлением, вызванным общею тенденциею индоевропейских языков к использованию в предложениях *verba finita*. Всякое сказуемое в романских языках имеет тенденцию к личному оформлению. В этом случае выступающее здесь личное построение безличного выражения обязано своею формою господствующей в языке норме. И если сказуемое, как общее правило, спрягается, то тем самым изменение по лицам в индоевропейских языках обращается в предикативный показатель, хотя бы этот показатель появлялся в безличных выражениях, вовсе не передающих действующего лица. Учитывая эти нормы, придется признать, что в строе речи индоевропейских языков изменение по лицам является одним из предикативных показателей. Этот предикативный показатель закрепился за глаголом, имена же в позиции сказуемого не изменяются по лицам (такому изменению подвергаются не имена, а сопровождающие их вспомогатель-

[1] В связи со всем сказанным, восприятие безличного действия, как связанного с Зевсом (духом или божеством), в свою очередь относится к числу явлений вторичного порядка.

[2] При этих условиях ярко выраженным безличным глагольным оборотом будет немецкое *es regnet*, ср. A. Meillet, La méthode comparative en linguistique historique, 1925, p. 92.

ные глаголы и связка, также глагольного происхождения). Все же распространять это утверждение на все другие языковые системы, как мы видели выше, не приходится.

Таким образом, те предикативные показатели, которые до сих пор были затронуты нами, вовсе не принадлежат к числу обязательных для всех языков предикативных показателей. Изменение по лицам, конечно, выделяется как грамматическая категория, свойственная глаголу в широком охвате языков, но и оно не является обязательным предикативным показателем для всех без исключения языков. Субъект, выступающий вне глагола, может не иметь в нем своих показателей, кроме того, в языках с развитым строем спряжения может оказаться безличная форма сказуемого, даже изменяемая по временам, ср. русское *холодно, было холодно, будет холодно*. Равным образом, и время в тех языках, в которых оно тесно связано с глаголом, может в отдельных случаях не передавать никакого временного понятия. Брюно приводит такой пример из французского языка, как *la terre tourne autour du soleil* — «земля вращается вокруг солнца», где глагол, поставленный в настоящем времени, вовсе не указывает на то, что данным своим свойством земля обладает только в настоящий момент, ср. *рыба плавает, и т. д.*[1] Кроме того, время, даже в тех языках, в которых оно отделилось от вида, например, в индоевропейских, тюркских, яфетических и др., все же продолжает оставаться в такой тесной с ним связи, что в большинстве таких языков само временное деление распределяется по видам.[2] Так, в грузинском выделяется группа настоящего времени, группа аористных времен, группа прошедшего совершенного времени. С другой стороны, видовое деление в значительной степени заключает в себе лексическое содержание, которое могло бы служить основанием и для деления внутри самих имен.

Так например, если в самоедских языках выделяются имена процесса действия, то можно было бы выделить и разновидности этих имен: имена процесса начинающегося действия, совершенного действия и пр. И если, тем не менее, виды в названных языках считаются глагольною категориею, то не сами по себе, а в связи с наличием других признаков, с которыми они входят в сочетания.

Наклонение является наиболее распространенным предикативным признаком в языках различных систем. Предикат, выражая действие или состояние в их процессе, передает также и оттенки их (модальность). Последние зависят не от содержания глагола, а от сопричастности к ним субъекта действия или состояния, от тех или иных форм проявления его участия в совершаемом действии или переживаемом состоянии. Наклонения, равным образом, варьируются в своем количестве и содержании по различным языковым системам. Так например, в самоедских языках выделяются следующие наклонения: изъявительное (*живу, прихожу*), повелительное (*живи, приди*), просительное (*живи-*

---

[1] Ferd. Brunot, o. c., p. 210.

[2] На основании видово-временных отношений в их грамматическом выявлении акад. А. Г. Шанидзе выдвигает новое деление, именуемое им рядами или скривами, см. А. Г. Шанидзе, Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка, Изв. Инст. языка, истории и матер. культуры Груз. Ак. Наук, X, 1941, стр. 209—229; его же, Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия, Сообщ. Груз. Ак. Наук, III, № 9, 1942, стр. 953—958, ср. G. Deeters, Das kharthwellsche Verbum, 1930, S. 138—141.

ка, отдай-ка), сослагательное (*ты пришел бы*), предположительное (*он должно быть живет*; *надо полагать, что он живет*), предположительно-долженствовательное (*тебе придется притти*), вопросительное (*где ты жил?*), побудительное (*давай пойдем*), условное (*если* или *когда я приду*).[1] Такому разнообразию наклонений в самоедских языках противополагается в хантыйском (остяцком) языке только два наклонения: изъявительное и повелительное.[2]

Эти наклонения, хотя ими и выражается действие или состояние в их процессе, т. е. несмотря на то, что они по своей предикативной функции, казалось бы, наиболее тесно связаны с глаголом, все же не всегда получают глагольную форму. Так, в селькупском (остяко-самоедском) языке выделяется особое глагольное наклонение, аудитивное, выражающее действие, о процессе совершения которого говорящий слышал.[3] Это наклонение в селькупском языке образуется в глаголе при помощи суффикса *-кун-* и личных глагольных окончаний непереходной формы, например во 2-м лице *-нти*, ср. *сьер-кун-ӓ-нти* — «ты вошел», в значении «я слышал, что ты вошел». В ненецком языке то же содержание передается именною формою. К суффиксу *-вон-* прибавляются окончания именительного или родительного падежей лично-притяжательного склонения имен, ср. *пида лахана-вон-да*, что по-русски можно перевести лишь глагольным построением «он, слыхать, разговаривает».[4] Такая именная форма сохраняет явно предикативный признак, но глагола в ней все же нет. В ней нет глагола потому, что глагол в ненецком языке не склоняется (у него не может быть форм косвенного падежа). Совпадение глагольных личных окончаний с лично-притяжательными именными ограничивается только именительным падежом. Об этом уже приходилось упоминать выше, когда шла речь о притяжательном построении переходных глагольных форм. Между тем в ненецком аудитиве суффиксируется окончание родительного падежа, что и обращает его в отглагольное имя.

Отсюда мы видим, что показатели предикативности получают различные способы своего выражения. Ими может оформляться и имя и глагол, т. е. каждая часть речи, выступающая в синтаксической функции сказуемого. В том случае, когда сказуемое оказывается глаголом, эти предикативные показатели вовсе не все обязательно включаются в его состав. Часть их может быть выражена в составе примыкающих к сказуемому слов, не попадая в форму глагола. Глагол, как часть речи, нельзя отождествлять со сказуемым, как членом предложения. Глагол является лишь одним из выразителей сказуемого и может оказаться только одною из составных частей целой синтаксической группы слов, хотя бы и главной.

Когда мы подходим к сказуемому как к главному члену предложения, с которым и семантически и синтаксически могут быть связаны зависимые члены, другими словами, когда мы признаем, что развернутое содержание сказуемого может быть представлено целою группою слов, то это положение становится вполне ясным. Сказуемое может содержать в себе все ему необходимые предикативные признаки, но ряд

---

[1] См. сборник «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 43 сл., 89—90, 115—117.

[2] Там же, стр. 216—220.

[3] Там же, стр. 117.

[4] Там же, стр. 44.

их может занять место аттрибутивно входящих в состав сказуемого слов (обычно наречий). Этими словами передаются признаки сказуемого, глагол же, в зависимости от строя языка, может включать в свой состав не все эти признаки, а только некоторые из них. Более того, если ко всей сложной схеме служебных слов и служебных частиц, входящих в состав сказуемого, подойти с исторической перспективой, то процесс образования глагольных суффиксов выразится, примерно, в следующем виде: все подобного рода предикативные показатели можно представить себе как выраженные отдельными словами в составе синтаксической группы сказуемого. Часть этих слов слилась с ведущим словом синтаксически объединенной группы сказуемого, выделив часть речи — глагол и войдя в его состав как закрепившиеся за ним предикативные показатели. Ими выражаются, между прочим, и наклонения. Все же, часть тех же признаков сохранилась в самостоятельной позиции отдельных слов внутри группы сказуемого, образуя другую часть речи (наречия), разной значимости служебные слова, служебные частицы и пр. Тем самым объясняется различное число наклонений в различных языковых системах. Все зависит от того, какие предикативные показатели и в каких языках вошли в глагольную форму.

В ряде языков показатели предикативности включаются в один общий состав сказуемого, образуя агглютинативное построение. В других языках они выделяются, но семантически объединяемые со сказуемым продолжают тяготеть к нему и составляют с ним вместе одну синтаксическую группу. Части этого комплекса, приобретая самостоятельное значение, могут даже выделяться из него, получая независимое место в предложении (см. отмеченные выше случаи с выражением субъекта). Все это зависит от особенностей строя каждого языка и от степени восприятия слитности и раздельности слагаемых в предложении частей. Так например, в алеутском языке в состав сказуемого входят такие показатели, которые в русском передаются лишь отдельными словами, ср. алеутск. *сигъутасигакакухътхин,* в котором использованная здесь в предикативном значении основа *си* — «делание, делать», уточняется присоединением целого ряда суффиксов: *гъута* (повторность действия), *сига* (интенсивность действия), *ка* (потенциальность), *ку* (время), *хъ* (именной формант в значении неопределенного члена), *тхин* (выражение субъекта местоимением 2-го лица). Мы имеем в такого рода синтаксическом построении накопление целого ряда показателей, как то лица, времени, вида и нескольких выразителей модальности. Все образовавшееся целое придется назвать глаголом, стоящим в настоящем времени аористного типа с выражением 2-го действующего лица и с характеристикою его отношения к действию в виде сложного сочетания с итеративно-интенсивно-потенциальным значением, и все это в одной форме глагола. В алеутском языке такие сочетания разнозначимых показателей вариируются, давая разнообразные соединения видовых и модальных оттенков действия в одной глагольной форме.[1] При таких условиях, в алеутском языке наличие видов и наклонений стоит вне сомнения, и в то же время трудно учесть все возможные их сочетания. Когда глагол разгружается от такого накопления видовых и модаль-

[1] См. В. И. Иохельсон, Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка. Изв. Ак. Наук, 1912, стр. 1040 сл.; его же, Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова. Изв. Ак. Наук, 1919, стр. 133 сл., 287 сл. См. также в настоящей моей работе, стр. 280.

ных оттенков или получает их в одиночном количестве, тогда виды и наклонения выступают каждое более отчетливо и поддаются более систематизированной классификации.

В последнем случае подобного рода показатели вовсе не обязательно включаются в глагол. Они могут быть переданы и наречиями, ничуть не нарушая цельности всего сказуемого. Представленные не в глаголе, а наречиями, оттенки модальности все равно остаются в составе расширенного выражения сказуемого. Вся разница заключается только в том, как построена грамматическая передача предиката, выражает ли он свои показатели в одном слове или в нескольких. Поэтому, приведенное выше построение алеутского глагола поддается переводу и на русский язык, не отличающийся такими же свойствами нагромождения предикативных показателей в одной форме глагола. Русский перевод передает содержание алеутского глагола рядом отдельных слов: *ты снова можешь сейчас старательно работать* [делать]. Здесь местоимение выделилось на самостоятельную позицию подлежащего, содержание же предиката передано целым сочетанием слов, в которое входит и глагольная форма. Из всех предикативных признаков в последнюю включились только показатель субъекта, представленного личным спряжением глагола, и временная характеристика. Ряд же остальных предикативных показателей, выраженных наречиями, входит в состав комплекса сказуемого, но не включается в состав самой вербальной формы.

Последняя, как мы видим, разнообразится в языках разных систем в своем выражении признаков сказуемости. Если в языке передается понятие времени, то оно может быть представлено или в глаголе, или вне его особыми наречиями (юкагирский язык). Понятия повторности и интенсивности могут быть переданы тоже наречиями (см. приведенный выше русский перевод алеутского глагола) и т. д. Так как все эти показатели воспринимаются как предикативные, то они все попадают в состав сказуемого, где и оформляются разными путями, в том числе аглютинацией. В последнем случае они включаются в глагольное построение (см. в алеутском примере). Если же они представлены отдельными словами, то все равно остаются в одной общей группе сказуемого, и оно продолжает оставаться полноценным.

В числе грамматических категорий глагола выделяется также залог. И он в своем положении подчиняется тем же отмеченным выше свойствам сказуемого. Залогом называется такое оформление глагола, при котором один и тот же глагол изменяется в своей форме в зависимости от своих отношений к другим главным членам предложения. В этом заключается основное отличие залогов от упомянутых выше глагольных видов и наклонений. Виды глагола зависят от семантики самого глагола и потому оказываются менее синтаксичны, чем другие грамматические категории глагола. Наклонения находятся в зависимости от тех оттенков действия, которые обусловлены не семантическими изменениями самого глагола, а теми изменениями в характеристике действия, которые вносятся говорящим лицом. Изменениям здесь подвергается сам глагол, а не синтаксические его отношения к другим членам предложения, ср. русские *я убил оленя; я убил бы оленя; убей оленя* и т. д. Залоговое же изменение глагола отражает изменение синтаксических связей в предложении. Оно зависит от тех изменяющихся отношений глагола к другим членам предложения, которые обусловли-

ваются смыслом предложения. Так например, в самоедских языках выделяются переходный и непереходный залоги глагола, связанные не с наличием или отсутствием в предложении прямого дополнения, а с тем, как воспринимается его отношение к глаголу. Если предмет действия воспринимается в тесной связи со сказуемым и представляет вместе с ним одну синтаксическую группу, то глагол получает непереходную форму, ср. ненецк. *тим хада-м* — «оленя убил я». Если же предмет действия отделяется от сказуемого и занимает самостоятельное положение прямого дополнения, то глагол оформляется переходно, ср. в том же языке *тим Иван высако хада-да* — «оленя Иван-старик убил». Непереходный залог получает глагол в ненецком языке и тогда, когда действие направлено на неопределенный объект (на какого-то оленя), в переходном же он ставится, когда имеется в виду определенный объект (мой олень). И тут залоговое оформление зависит от восприятия отношений глагола к объекту: неопределенный объект осознается в органической связи с действием, в отличие от определенного, воспринимаемого самостоятельно. В переходном же залоге глагол ставится и в том случае, когда объекта вовсе нет в предложении, но он точно восстанавливается контекстом предыдущего предложения, ср. ненецк. *тим хада-м, ханхани пын'а-в* — «оленя убил я, на свою нарту положил я его». В первом предложении объект *ти-м* стоит в винительном падеже, а глагол *хада-м* в 1-м лице непереходной формы, во втором имеется косвенное дополнение *хан-хани* в местном падеже 1-го лица лично-притяжательного склонения, глагол же *пын'а-в* стоит в 1-м лице переходного спряжения.[1] В северо-американском индейском языке немепу выделяются те же два залога, но с несколько иным их содержанием. В основу ложится деление самого предложения на два типа: безобъектное и переходного действия. Глагол в них ставится в разных залогах, причем в последних выражается и действующее лицо, и предмет действия. Предмет действия передается в глаголе не сам, а тем лицом, которому он принадлежит. Поэтому, если субъект направляет свое действие на ему же принадлежащий предмет, то получается вид возвратного действия, и глагол оформляется непереходно, а подлежащее ставится в именительном падеже, ср. *ipi hakitsa sikäm* — «он видит свою лошадь»: *ipi* — «он» и *sikäm* — «лошадь» поставлены в неопределенном (именительном) падеже, глагол *hakitsa* имеет префикс 3-го лица, *h-*(*hi-*). Если же субъект действует на чужой предмет или на предмет, неизвестно кому принадлежащий, то глагол получает переходную форму, а подлежащее ставится в поссесивном (родительном) падеже: *ipnim ä haxnaysa sikäm* — «он видит твою лошадь», где глагол снабжается тем же субъектным префиксом и, кроме того, получает перед ним стоящий показатель 2-го лица: *ä*, поскольку действие направляется на предмет, принадлежащий 2-му лицу. В этом примере выступает уже переходная глагольная форма. Такое же залоговое деление, зависящее от смыслового значения безобъектного и переходного предложений, прослеживается в яфетических языках Кавказа. Здесь решающую роль носит не семантика глагола, а смысловое содержание самого предложения. Так например, в абхазском языке в предложении «мой отец меня берет [несет]» — *sab sara s-i-goyt* глагол оформлен переходно, содержа в себе показатель объекта *s-* и активный субъектный показатель класса

[1] Объяснение этих форм следующее: в первом случае имеется в виду какой-то олень, а во втором точно определенный (тот, которого я убил).

мужчин *-i-*. Когда же объект по смыслу предложения не требуется и действие воспринимается более отвлеченно, то глагол получает только один субъектный показатель, но уже не активного субъекта действия, а субъекта состояния (*d-*), как это свойственно непереходным формам, ср. *sab d-gout* — «мой отец берет [несет]».[1]

В индоевропейских языках устанавливается совершенно иная схема залогов. В них ни присутствие или отсутствие в предложении прямого объекта, ни отношение к нему глагола не отражаются на формах последнего. Построение одного и того же глагола меняется в зависимости от смыслового содержания подлежащего, от того, выражает ли оно субъект действия или субъект состояния, одинаково оформляемых именительным падежом в номинативном строе предложения, ср. *архитектор построил дом* (субъект действия — действительный залог глагола) и *дом построен архитектором* (субъект состояния — страдательный залог глагола), и т. д. Взаимный залог при таких условиях должен быть исключен из числа залогового деления, так как он обусловлен семантикою самого глагола, а не смысловыми изменениями в предложении. Таким образом, для разносистемных языков можно установить общие принципы залогового деления, но нельзя установить единую для всех языков залоговую схему.

Определение глагола, при всем сказанном выше, ставится в зависимость от характеристики сказуемого как члена предложения и от выяснения того положения, которое занимает в нем глагол как часть речи. Сказуемое, выраженное различными способами, именными и глагольными формами, с участием или без участия служебных слов и служебных частиц и т. д., должно удовлетворять тем требованиям, которые предъявляются ему смыслом предложения, и всегда удовлетворяет им. Но когда именно полноценным оказывается глагол — это уже другой вопрос, основанный на взаимоотношениях члена предложения (сказуемого) и части речи (глагола). Относительно степени полноценности построения глагола придется высказываться с большою осторожностью. Правильнее будет постановка этого вопроса совершенно в другой плоскости, а именно, с наименьшим упором на теоретически выявленные особенности глагола, которыми он должен обладать. Степень полноценности глагола зависит вовсе не от научно устанавливаемых общих для него норм (таких вовсе нет), а от строя данной речи, от выработанных в нем требований построения глагола. В этой плоскости вопрос ставится так: где мы имеем глагол и где его нет. Ответ на этот вопрос может быть выражен только общею формулировкою: когда за определенною группою слов, выступающих в позиции сказуемого, закрепляются предикативные показатели согласно нормам данного языкового строя и тем самым эта группа слов отличается от других, выделяется особая часть речи, именуемая глаголом. Какие именно предикативные признаки закрепились за названною частью речи, это уже разрешается на конкретном материале соответствующих языков.

---

[1] См. то же в ряде других северо-кавказских языков, например в адыгейском см. Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, 1941, стр. 34: *редакторы-р ма-тхэ* — «редактор пишет» (вообще), *редакторы-м статья-р е-тхы* — «редактор статью пишет». В именах: *-р* — показатель прямого (пассивного) падежа, *-м* — показатель активного падежа. В глаголе: *ма-* — префикс 3-го лица непереходного действия, *е-* — префикс того же лица переходного действия. Непереходный залог имеет гласную основу глагола на *э*, переходный залог ту же основу на краткий гласный *ы*.

Становление глагола в путях его исторического развития может представить собою прекрасную тему для отдельного исследования. Все же, в виду всего изложенного выше о сказуемом как члене предложения, можно заранее предвидеть, что будущее исследование не установит одного только пути становления глагольной формы. Так, например, включение местоимения в состав сказуемого для выражения в нем субъекта действия могло дать местоименный строй спряжения и тем самым образование глагола. Но все же едва ли можно с полною решительностью утверждать, что глагол в тех языках, в которых он в современном их состоянии вовсе не изменяется по лицам (ср. лезгинский, аварский, дагестанский и др.), когда-то был носителем местоименного строя спряжения и лишь впоследствии его утратил.

Некоторые языки могли не иметь личного спряжения в прошлом и не выработать его в ходе своего развития, некоторые — наоборот, могли его иметь и перейти затем на иную систему выражения лица в спряжении глагола и т. д. Все эти вопросы исторического порядка разрешаются на конкретном материале каждого языка, вскрывающего по выработавшимся и пережиточно сохранившимся формам идущий процесс языковой перестройки. И если лезгинский язык не дает достаточных данных для утверждения о потере им личного спряжения, то другие языки могут дать свидетельство о движении именно в этом направлении, или в обратном — к позднейшему приобретению различительных между лицами форм (ср. закатальский аварский диалект).[1]

Исторические исследования приходят к выводу, что французский язык имел личные окончания, но затем утратил их до такой степени, что из шести спрягаемых форм сохранились только две. Отпавшие в произношении флексии всплывают только в отдельных случаях при liaison, и то, когда глагол и соседящее слово представляют собою одно семантическое целое. Если такого семантического единства нет, то отсутствует и liaison, например *tu rends hommage à mes intentions*; *il voit arriver sa mère*, ср. *je rends aujourd'hui mes comptes*; *il voit à côté de lui sa mère*, где liaison не употребительно, хотя следующее слово, равным образом, начинается с гласного. Отпадение личных окончаний в 3-ем лице обоих чисел и в первых двух лицах единственного числа шло в тесной связи с формированием личных префиксов. Перенос функции выражения лица на рядом стоящее местоимение вел, с одной стороны, к отмиранию флексий, а с другой,— к трансформации местоимений в личные показатели, что свидетельствуется самою их формою, явно указывающею на местоименное их происхождение. Эти показатели закреплялись за обозначением лица, по крайней мере *je* получало значение первого лица вообще, вне зависимости от чисел, что до XVI века давало возможность построения такой формы, как *j'avons*, не привившейся в литературном языке.[2] В меньшей степени подверглись указанному процессу трансформации только первые два лица множественного числа, где они сохранились в своей местоименной форме, в связи с чем сохранились в тех же лицах и соответствующие флексии, ср. *nous parlons, vous parlez*. Отделяясь тем самым на более самостоятельные позиции, эти местоимения не получили своих объективных разновидностей. Они образуют общую форму именительного-винительного падежа, что свойственно местоимéниям и именам вообще, но не свойственно остальным

[1] См. мое «Общее языкознание», стр. 241 сл.

[2] См. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 253.

местоименным показателям, обратившимся в глагольные префиксы. Таким образом, французский язык вовсе не отошел от общей для индоевропейских языков нормы глагольного образования, характеризуемого спряжением глагола, хотя это спряжение выражается не флексией, а помощью личной глагольной префиксации.

Процесс отпадения флексии и переноса выражения лица на местоимение, превращающееся в личный префиксальный показатель, имеет свою историю. Затрагивая тот же вопрос, Фердинанд Брюно указывает, что во французском языке глагол сам своею флексиею мог один передавать лицо, так же как и время и наклонение. Еще в XVI веке, говорит он, можно встретить такие построения как *si voulez venir avecques moi...* — «если хотите притти со мною...», в которых глагол *voulez* не сопровождается местоимением. Местоименные же показатели лица уже имелись, но использовались только в отдельных случаях, а именно, когда субъект в предложении особо подчеркивался или когда предложения начинались с глаголов *avoir, faire, être* — «иметь, делать, быть». Начиная с XVII века, личный местоименный показатель прикрепляется ко всякому глаголу и обращается в его префикс, образуя с самим глаголом одно фонетическое целое, ср. *ch'chante; je-chante* — «пою». [1]

То же отношение между местоимением и личным окончанием глагола наблюдается и в других индоевропейских языках. В них прослеживается одно общее направление идущего процесса развития глагольной формы, но различное положение местоимений и личных окончаний. Исторический обзор этих языков приводит к выводу, что местоимение во всех этих языках идет к тесному сближению с глаголом, получающим иногда оформление, весьма близкое к местоименному строю спряжения. Глагол в современном строе некоторых языков сохраняет развитую систему личных окончаний, несмотря на которую все же роль местоимений в выражении субъекта ничуть не ослабевает. Так, например, в немецком языке местоимение остается в тесной связи с глаголом, несмотря на имеющееся выражение лица в глагольной флексии: *ich sag-e, du sag-st, er sag-t* — «я говорю, ты говоришь, он говорит». [2] В английском языке, при почти полном отпадении личной флексии, выражение лица всецело переносится на местоимение, которое тем самым становится обязательным спутником глагола и начинает приобретать свойства местоименного показателя-префикса. Исторический ход развития английского глагола, равным образом, весьма показателен. Краткую и в то же время ясную схему путей этого развития дает проф. Б. А. Ильиш. По его словам, уже в древнеанглийскую эпоху лица в глаголе различались только в единственном числе; во множественном существовала единая форма для всех лиц. В новоанглийском языке, в связи с тем, что формы 2-го лица единственного числа на *-st* вышли из употребления, отпал еще один элемент различия в личных окончаниях глагола. В результате в современном языке сохранилось только окончание 3-го лица единственного числа настоящего времени индикатива *(-e)s* и в поэтическом и архаическом стиле *-(e)th*. Таким образом, за этим единственным исключением, английский глагол не знает обозначения лиц при помощи суффиксов. В некоторых случаях у глаголов, про-

[1] Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, стр. 259.
[2] См. B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen, Grundriss, Band III, Theil I, 1893, S. 460.

исходящих из категории praeteritopraesentia, вспомогательных или полувспомогательных, отсутствует и это окончание: *I can, he can.* [1] Личные местоимения, закрепляемые за глаголом, тоже начинают в английском языке обособляться от самостоятельных местоимений. Последние выступают отдельными членами предложения, первые же стоят на пути слияния с глагольной формой, что видно из таких оборотов, как *it is me* вместо *it is I,* ср. французск. *c'est moi* — «это я». Получается схема, близкая к французской, ср. *je lis* — «я читаю» и *c'est moi* — «это я», англ. *I read* и *it is me,* в которых личные местоимения при глаголе уже перестраиваются на личные местоименные глагольные показатели. [2] Таким образом, английский глагол, когда-то флективный, вовсе не обращается в настоящее время в аморфный, а приобретает свойства, близкие к местоименному строю спряжения.

В связи со всем сказанным, к числу грамматических категорий глагола в индоевропейских языках должны быть отнесены не только изменения по временам, наклонениям и залогам, но также и изменения по лицам. Последние, наличествуя во всех языках этой системы, получают различные формы своего выражения. Так, в одних языках флексия отпадает и выражение лица переносится на местоимение, которое прикрепляется к глаголу и начинает перестраиваться в глагольный префикс (английский язык). В других языках флексия в большинстве форм спряжения отпала, в связи с чем передающее лицо местоимение слилось с глаголом, став его личным показателем (французский язык). В некоторых современных литературных языках и флексия, и местоимение оба тесно связаны с глаголом, давая схему двойного выражения лица (немецкий язык). В русском литературном языке личные местоимения, сохраняющие полную свою форму, сопутствуют глаголу, оформленному личными окончаниями. Все же, в нем такое двойное выражение лица ставит местоимение в более самостоятельное положение члена предложения и поэтому местоимение может в отдельных случаях опускаться, оставляя выражение лица только за глагольною флексиею.

Характеристика глагольных показателей в индоевропейских языках сохраняется, как мы видели, только за языками этой семьи. Другие же языковые системы могут давать такую же схему, но могут выделять иные сочетания грамматических глагольных категорий.

8. ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Общим основанием к выделению деепричастий служит, в известной степени, формальная сторона, в частности то, что деепричастия, в отличие от глагола, не спрягаются по лицам. Это, действительно, может давать повод к выделению деепричастия из общей схемы глагола в тех языках, в которых глагол, в противоположность имени, изменяется по лицам. В данном случае деепричастие оказывается лишенным основного глагольного признака и становится отглагольною формою. Но мы видели выше, что далеко не во всех языках глагол одинаково спрягается. Имеются языки (ср. лезгинский и др.), в которых глагол не изменяется по лицам. В таких языках деепричастие по этому своему признаку вовсе не становится отглагольным именем. Таким образом, то, что в

[1] См. Б. А. Ильиш, Современный английский язык, 1940, стр. 163, § 475.
[2] См. там же, стр. 89, § 270.

одних языках служит основанием к признанию наличия в деепричастии признаков именной формы, это же в других языках вовсе не является поводом к отделению деепричастия от глагола.

Признание деепричастия отглагольным именем влечет за собою вывод, что деепричастие приобрело ряд именных показателей и утратило ряд глагольных. Это, равным образом, не представляет собою общего для всех языков явления, так как само взаимоотношение между именем и глаголом далеко не везде одинаково. В индоевропейских языках имя склоняется, глагол спрягается, а наречия и деепричастия сохраняют неизменяемость формы, что и дает некоторым исследователям повод к сближению последних.[1] Между тем, в самоедских языках имя спрягается, как и глагол. Что же касается деепричастия, то оно в так называемой неопределенной форме не имеет личных окончаний, но и не получает никаких падежных форм. Не подчиняясь нормам спряжения по лицам, на что имеются свои вполне ясные причины (см. ниже), деепричастие в ненецком языке отделяется тем самым от глагола, так как не получает данного его признака. В то же время деепричастие не подпадает, равным образом, и под нормы склонения, на что также имеются свои причины явно синтаксического характера. Деепричастие не приобретает и этого именного признака. Следовательно, выходя в ненецком языке из схемы глагола, оно не входит и в схему имен, ср. в ненецком (юрако-самоедском) языке, где обстоятельством места выступают имена в дательно-направительном, местном, отложительном и продольном падежах, а в значении обстоятельства времени используются имена в неоформленном падеже: *мьат хантам* — «в чум пойду», *мьаканан йилем* — «в чуме своем живу», *мьакадани том* — «из чума своего [я] пришел», в которых от одной и той же основы *мьаг'* — «чум» использованы различные падежи, в первом примере дательный — направительный един. числа (*мьа-т*), во втором — местный падеж 1-го лица един. числа лично-притяжательного склонения (*мьа-канан*), в третьем — отложительный падеж того же лица, числа и склонения (*мьа-кадани*).[2] Деепричастие же в том же языке не имеет склонения. Оно получает свой формант, который и сохраняется в неизменяемой форме, выступая иногда в таких сочетаниях с глаголом, которые в соответствующих переводах на другой язык даже утрачивают деепричастный оборот, ср. ненецкие *хысь тара* — «итти надо», *хось тара* — «найти надо» и др.[3]

Такое же обособленное от имен положение деепричастия наблюдается в целом ряде других языков. Так, в саамском (лопарском) языке деепричастия, в отличие от имен, не склоняются и имеют специальные суффиксы, ср. *сарни-нць* и *сарн-ма,* оба в одном и том же значении «говоря, говоривший» (эти же деепричастия могут быть использованы и в качестве причастия «говоривший, говоренный»).[4] И здесь деепричастия, не подчиняющиеся нормам склонения, ближе стоят к наречиям, чем к именам существительным и прилагательным, склоняемым как те, так и другие. Близость между деепричастиями в этом языке и наречиями свидетельствуется также и тем, что в значении обстоятельства образа действия выступают только наречия и деепричастия. Поэтому они с

[1] Так например, В. В. Виноградов, считая деепричастия смешанной глагольно-наречной категорией, сближает их с наречиями, см. «Современный русский язык», I, стр. 152, II, стр. 300 сл.

[2] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 47.

[3] См. там же, стр. 22—23.

[4] См. там же, стр. 141.

еще большим основанием могли бы быть объединены в одну часть речи, если бы деепричастия не обладали более близкой к глаголу функцией, чем наречия. В хантыйском (остяцком) языке деепричастие, равным образом, получает неизменяемую форму с суффиксом *-ман*, ср. *хыл'-ман* — «слушая» и т. д. [1]

Весь подобного рода материал имеет близкие параллели в языках других систем, не исключая и индоевропейских. Этот материал свидетельствует о значительном расхождении между деепричастиями, с одной стороны, и склоняемыми именами и спрягаемыми глаголами, с другой. Казалось бы, что при таком положении у деепричастия имеется больше общих черт с наречиями, по крайней мере с формальной стороны. Все же полному их сближению препятствуют, как увидим ниже, синтаксические расхождения.

Деепричастие сопоставляется с наречиями не с одной только морфологической стороны, но и по некоторым общим особенностям их использования в строе предложения. Так, и деепричастие и наречие оба выступают в положении обстоятельственных слов и оба, благодаря этому, синтаксически связаны с глаголом. Но связи деепричастия с глаголом больше и разностороннее, чем у наречия с глаголом же. С последним деепричастие сближается в ряде языков не одною только общностью основы, что само по себе еще не может служить основанием для их объединения в одну часть речи. Общность основы еще не решает дела. Такая общность основы прослеживается в большей или меньшей степени также и между именами и глаголами. У них даже может оказаться ряд общих морфологических показателей. Деепричастие сопоставляется с глаголом не только единством основы, но и близостью форм. Так, например, в русском языке оформление несовершенного вида деепричастия приводится в параллель к 3-му лицу множеств. числа настоящего времени глагола, ср. *говоря-т*, *смотря-т*, *терпя-т* и др. В тюркских языках, в частности в казахском, деепричастная форма лежит в основе местоименного спряжения глагола. В этом положении выступают в упомянутом языке две деепричастные формы: одна с суффиксом *-а*, *-е*, *-й* в значении настоящего, одновременно происходящего, незаконченного действия, и другая с суффиксом *-п*, *-ып*, *-ип*, выражающая предшествующее, законченное действие, ср. *ал-а* — «беря», *алып* — «взяв». Эти же деепричастные формы выступают и в глаголе, например, в настоящем-будущем времени *ал-а-мын* — «беру», в давнопрошедшем времени *ал-ып-пын* — «я взял», и т. д. Такая связь с глаголом прослеживается также и в ряде общих синтаксических признаков, которые закрепились за глаголом как его грамматические категории и которые в том же положении могут выступать в деепричастиях. В индоевропейских языках общими грамматическими категориями являются выражения вида, залога и, в известной степени, времени. В тюркских языках общими грамматическими категориями выступают временные и видовые отличия, и т. д.

Сближение деепричастий с глаголом по общности основы ведет за собою привлечение к такому же с ними сравнению и причастных форм, равным образом сохраняющих ряд глагольных признаков (вида, времени и залога). Оба они, и деепричастие и причастие, нередко считаются отглагольными именными формами, в противоположность вербальным. Все же между ними имеются весьма существенные расхождения, выяс-

[1] См. в том же сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 205.

нение которых в значительной степени содействует более точному установлению ведущих признаков как тех, так и других. Причастие ближе к имени, чем деепричастие.[1] Оставаясь носителем ряда глагольных признаков, причастие приобретает и ряд именных показателей в значительно более ясной степени, чем деепричастие. Так, причастия в ряде языков получают нормы склонения, подчиняются классному или родовому делению и используют те же приемы выражения синтаксических отношений, как и прилагательные.

В тех языках, в которых резче проводится разграничение между именем и глаголом, чем между различными видами самих имен, деепричастие все же не примыкает к именам в такой же степени близости, как причастия. Когда причастия, при их использовании в предложении, не выделяются особым, только им свойственным, синтаксическим приемом и не отличаются особым приемом морфологического оформления, то они без особых колебаний причисляются к общему составу одной части речи. Они могут причисляться к именам существительным-прилагательным (ср. в самоедских языках) или присоединяются к прилагательным, когда последние выделяются из общего состава имен.[2] Такому включению причастия в более расширенную часть речи, в объединенные существительные-прилагательные или в выделившихся прилагательные, содействует не одна только формальная сторона, сближающая их с последними, например, согласование в индоевропейских языках. Их сближает также и синтаксическая значимость в предложении, ставящая причастия в такую же аттрибутивную позицию при имени, какую занимает и прилагательное, ср. «хороший человек» и «пришедший человек».[3] С деепричастием обстоит совершенно иначе. Деепричастие выступает членом синтаксической группы сказуемого, тогда как причастие, по основному своему синтаксическому положению, является аттрибутивным определением имени, а не глагола, и по этому своему основному признаку не всегда входит в синтаксически связанную группу сказуемого.[4] Таким образом, у деепричастия может оказаться ряд общих с причастием грамматических категорий (время, вид, залог). Все же основная синтаксическая функция разъединяет их. Она их разъединяет даже в большей степени, чем отдельные расхождения в области синтаксического и морфологического оформления, например, согласование, которому в ряде языков подчиняется причастие и не подчиняется деепричастие. Последнее, будучи показательным с формальной стороны, само является результатом выступающего функционального различия между названными двумя лексическими разновидностями.

Синтаксически деепричастие используется как обстоятельственное слово, но не сливается с остальными обстоятельственными словами и занимает среди них обособленное место. Даже в тех языках, в которых нормы склонения оказываются общими для широких разновидностей имен (как то существительных, прилагательных и даже причастий) и в которых синтаксическое использование имен в разных

---

[1] Все же и причастия не порывают своих связей с глаголом. Они могут участвовать в образовании сложной глагольной формы и т. д.

[2] Ср., например, в селькупском языке при сравнении его с другими самоедскими, см. стр. 213 сл.

[3] Прилагательное все же отличается от причастия. Последнее и в положении аттрибутивного члена сохраняет ряд предикативных признаков.

[4] Кроме отдельных случаев использования в сложных глагольных формах, когда причастие членом предложения не выступает.

позициях, в том числе и в значении обстоятельственных слов, не дает между ними расхождений (ср. в северных языках), деепричастия все же резко выделяются. Они, получая или не получая особого форманта, остаются и в том и в другом случаях неизменяемыми. В таком неизменяемом виде они попадают в предложение, противополагаясь склоняемым именам, выступающим в группе сказуемого в значении обстоятельств. Такое отсутствие у деепричастий связи с именем обнаруживается во всех тех языках, в которых имена изменяются по падежам. Если же само деепричастие подчиняется нормам склонения, то оно перестает быть деепричастием и на тех или иных правах включается в состав имен существительных как именное отглагольное образование. Даже в тех языках, в которых имя не склоняется или имеет крайне неразвитое склонение (ср. северо-западные горские языки Кавказа),[1] деепричастия все же отличаются от имен своими особенностями синтаксического положения в составе сказуемого (см. ниже).

Если деепричастие не поддается нормам склонения, то оно же не подчиняется и нормам спряжения по лицам. Поэтому, когда в некоторых языках выделяется спрягаемое деепричастие, то это всегда вызывает большие сомнения, хотя бы наличные у него формы спряжения и отличались от обычных глагольных. Так, например, в ненецком языке на ряду с неизменяемыми деепричастными формами, называемыми неопределенными, существуют еще другие, именуемые условно-деепричастными формами, которые спрягаются. Они не причисляются к глаголу лишь на том основании, что получаемые ими форманты лица резко отличаются от обычных глагольных и именных предикативных форм, ср. *йиле-м* — «я живу», *йиле-н* — «ты живешь», *йиле* — «он живет»; *хасава-м* — «я мужчина», *хасава-н* — «ты мужчина», *хасава* — «он мужчина»; *то-бнан* — «если [когда] я приеду», *то-бнанд* — «если ты приедешь», *то-бнанда* — «если он приедет» (последние формы считаются условно-деепричастными).[2] Как мы видим, деепричастия в ненецком языке своей неизменяемою формою ближе стоят к наречиям, чем к именам, а своими изменяемыми по лицам формами отличаются как от наречий, которые не спрягаются, так и от глаголов, которые получают другие личные окончания. Все же в этом языке глагольные личные окончания, хотя и оказываются общими глагольными, но не для всех наклонений, так как повелительное выделяется своими особыми нормами спряжения, ср. в переходных формах глагола *мада-д* — «сруби», *мада-мда* — «пусть он срубит». Поэтому и условно-деепричастные формы можно было бы также причислить к глагольным в качестве условного наклонения, за что говорит и близость их окончаний к только что приведенным формам повелительного наклонения, ср. 1-е лицо условно-

[1] Например, в кабардинском языке, см. Н. Ф. Яковлев, Краткая грамматика кабардино-черкесского языка, I, 1938, стр. 92—94, 126—130; Г. Ф. Турчанинов и М. Цагов, Грамматика кабардинского языка, I, 1940, стр. 51 сл. В последнем труде, вместо падежей, выделяются формы имен: эргативная, абсолютная, орудийная, направительная, выделительные, притяжательная, превращательная, уподобительная. Ср. падежи в адыгейском языке: абсолютный (прямой пассивный), эргативный (косвенный активный), орудный, превратительный, см. Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, 1941, стр. 381—392, ср. также неразвитую парадигму склонения в абхазском языке, П. К. Услар, Абхазский язык, 1887, стр. 80 сл.; К. В. Ломтатидзе, Проблема склонения в абхазском языке. Изв. Инст. языка, истории и мат. культуры Груз. Ак. Наук, XII, 1942, стр. 183 сл.

[2] См. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий язык, Языки и письменность народов Севера, I, стр. 22—23, 34, 40.

деепричастного наклонения с одним суффиксом «*-бнан*» при отсутствии 1-го лица повелительного наклонения и совпадение 2-го и 3-го лиц с их суффиксами *-д*, *-да* (*бнан-д*, *бнан-да* в условно-деепричастных формах).[1] При таком переключении условно-деепричастных форм в глагольную парадигму, не изменяемые по форме деепричастия сблизились бы с наречиями по признаку неизменяемости формы или с глаголом по своим особенностям синтаксического порядка, о чем речь будет итти ниже, или же выделились бы отдельно от тех и от других.

При всей близости деепричастия к глаголу, все же и у них нет полного схождения. От глагола деепричастие отличается, главным образом, своей синтаксическою функциею, которая установила неизменяемость его формы. Оно не подчиняется всем нормам глагольного спряжения. Когда же деепричастие начинает спрягаться, то оно, равным образом, перестает быть деепричастием. Оно переходит в схему общего глагольного спряжения, иногда сохраняя свои особенности (ср. только что приведенные примеры из ненецкого языка), а иногда и вовсе утрачивая их. Например, в тюркских языках, как мы видели выше, от деепричастия образуются различные глагольные времена, но это никому не давало и не дает никакого основания усматривать в спряжении тюркских глаголов спряжение деепричастия, хотя формально к такому выводу и можно было бы прийти. Мы видели выше, что в тюркских языках от глагольной основы образуется деепричастие, а к последнему добавляются местоименные окончания. Но это всеми, и с полным к тому основанием, признается за спряжение глагола, а вовсе не за спряжение деепричастия. Такое различие между деепричастием и глаголом до известной степени стирается в тех языках, в которых сам глагол по лицам не спрягается (ср. в лезгинском, дагестанском аварском). Здесь неизменяемость формы уже не выступает отличительным признаком деепричастия. Оно, как и глагол, не изменяется по лицам и может обладать рядом общих с глаголом грамматических категорий. Но все же и тут деепричастие не сливается с ним окончательно. Оно сохраняет свой формант, получив который остается неизменяемым, например в лезгинском *-з: ккун* — «жечь, гореть», деепричастие *ккуз* и др.[2]

Таким образом, все попытки дать определение деепричастия по его формальной стороне сводятся в конечном итоге к выяснению деталей того синтаксического назначения, которое получает деепричастие в строе предложения. Одна формальная сторона не дает ожидаемого ответа. Мы видели, что один формальный показатель — неизменяемость слова, приводит к сближению деепричастия с наречиями, отличающимися тем же признаком. Мы видели также, что другой формальный показатель, а именно общность основы, давал повод относить наречия к глаголу. Мы видели даже, что изменение деепричастия по лицам не служило препятствием к сохранению за ним того же наименования.[3] Наконец, то, что деепричастие выступает в предложении как обстоятельственное слово, привело к включению его в число наречий уже по этому основанию. В результате накопился самый разнообразный материал, приводящий к различным выводам.

---

[1] Ср. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 23 и 40—42.

[2] См. Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 75—76. П. К. Услар, Кюринский язык, 1896.

[3] В данном случае, по моему мнению, ошибочно, см. стр. 263.

Ограничивая на этом обзор формальной стороны, которая, как мы видели, не дает исчерпывающего представления о деепричастии, перейдем к деталям его синтаксического положения. Эти детали наиболее ясно выступят при параллельном рассмотрении основных функций деепричастия и других слов, выступающих в смежной синтаксической позиции. Так, наречие характеризует глагол в его действии. Оно может передавать время, место, условия и другие оттенки совершаемого действия. Деепричастие же вовсе не выражает этих оттенков действия глагола. Наоборот, оно само нуждается в той же характеристике и потому получает, так же как и глагол, выражения времени, места и пр., передаваемые частично в самом оформлении деепричастия, а частично соответствующими наречиями. Последние сопровождают деепричастие в такой же мере, в какой сопутствуют и глаголу, ср. *быстро идет* и *быстро идя, громко говорит* и *громко говоря* и т. д.

Деепричастие, по основному своему значению в предложении, тесно связано со сказуемым, так же как и наречие, но в отличие от последнего деепричастие выражает само действие и состояние, чем резко выделяется в составе других обстоятельственных слов. Выражая действие и состояние, деепричастие, наравне с глаголом, может, как только что говорилось, уточняться наречиями, характеризующими выражаемый в них процесс. Этим деепричастие отличается от наречий. И если, тем не менее, деепричастие все же обособляется и от глагола, то это зависит от особенностей синтаксического использования с одной стороны глагола, а с другой деепричастия. Оба они занимают в предложении различное положение и являются выполнителями различных функций.

Наличие у деепричастия ряда общих с глаголом грамматических категорий объясняется особенностями их синтаксического использования и основным назначением самого деепричастия. Оно выделяется по своей значимости в предложении, в котором оно выступает в составе комплекса сказуемого. Эти основные свойства деепричастия устанавливают, с одной стороны, его отношение к глаголу, а с другой, его же отношения к остальным словам, составляющим по своему предикативному значению одну синтаксическую группу, в которую входит и само деепричастие. С остальными обстоятельственными словами деепричастие смыкается общим их второстепенным значением в составе группы сказуемого, в противоположность ведущему значению глагола, но отделяется от них своим синтаксическим положением, сближающим его с глаголом при сохранении второстепенной значимости. С глаголом же расхождение у деепричастия будет в коренном и весьма существенном различии их синтаксического положения в предложении.

Деепричастие является выразителем одной из сторон основного значения сказуемого, но не имеет своим заданием уточнение последнего во времени совершаемого действия, виде, модальности и т. д. Деепричастие выражает не оттенок действия, что передается глагольными аффиксами, наречиями и пр., а сопутствующее главному и его характеризующее другое действие или состояние. Поэтому. деепричастие оказывается близким к глаголу, поскольку и оно передает действие и состояние, хотя бы и не основное, а только сопровождающее глагол. По той же причине деепричастие обычно совпадает с глаголом своею основою. Но все же деепричастие не является в полной мере глаголом, так как последний образовался по своей синтаксической функции выражения стержневого элемента сказуемости, какого назначения деепри-

частие, по своей основной значимости, не выполняет и не призвано выполнять.

Когда основное синтаксическое назначение деепричастия, а именно выражение сопутствующего действия или состояния, переходит в выражение основного действия, тогда деепричастие принимает глагольную форму и перестает быть деепричастием, меняя при этом семантику предложения, ср. *он спал ходя и кланяясь* (Лесков «Однодум») и *он соскочил с коня и схватился за винтовку*.

Можно полагать, что спряжение глагола в тюркских языках в основном дает ту же схему взаимоотношений деепричастия и глагола. Деепричастию в этих языках не свойственно занимать ведущее место сказуемого главного предложения, последнее же всегда оформляется глаголом, если оно не представлено именною формою. Глагол в тюркских языках, хотя и сохраняет в ряде временных форм деепричастную основу, все же не является спрягаемым деепричастием.[1] Тут же можно привести и упомянутые выше, возбудившие сомнения, условно-деепричастные формы ненецкого (юрако-самоедского) языка.[2] По своему положению в предложении эти формы приобретают значение основного сказуемого, а не обстоятельственных слов, например, *сьертабнан тара* — «мне надо сделать», «я должен сделать», *хы-бнанда тара* — «ему надо уехать», «он должен уехать [уйти]», *пидар то-бнанд мань мьакани хантам* — «ты если [когда] приедешь, я в свой чум пойду» и т. д. Таким образом, и здесь свое значение имеет также и формальная сторона, но не сама по себе. Она обусловлена определенным синтаксическим содержанием, которое и передает. Поэтому, если в ненецком языке имя спрягается, то только в том случае, когда оно выступает основным элементом сказуемого. Оказываясь же в положении обстоятельственного слова, имя не изменяется по лицам, но может получать падежное окончание, что и присуще именам, ср. *сава-вна йилем* — «хорошо (буквально: по-хорошему) живу», где имя *сава* — «хороший, добрый, добро» стоит в продольном падеже, или *сава йилем* — «хорошо живу», где то же самое имя остается падежно неоформленным. В связи с этим и деепричастие не изменяется по лицам, пока сохраняет свое основное положение второстепенного элемента группы сказуемого и передает действие, сопутствующее другому, главному действию, выражаемому в предложении, ср. ненецкое *йаха варувна мин-зь тьуку тубкам хов* — «реки по берегу (*вару-вна,* продольный падеж) идя (деепричастие), этот топор я нашел» ср. также хантыйское (остяцкое): *немил'ти ант хыл'ман йел'и шышис* — «ничего не слушая дальше шел» и др.[3] Когда же деепричастие становится основным элементом сказуемого и потому спрягается, то оно перестает быть деепричастием или не становится деепричастием, оставаясь глаголом, ср. приведенные выше «условно-деепричастные» формы в том же ненецком языке.[4]

Характер хотя бы и подчиненного, но все же действия всегда остается за деепричастием, внося соответствующий оттенок в само предложение, ср. *он молча сидел* (два действия, выраженные глаголом и деепричастием) и *он молчаливо сидел* (одно действие, передаваемое

---

[1] См. стр. 264.
[2] См. стр. 263—264.
[3] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 205.
[4] Там же, стр. 17, 22—23, 37, 48.

глаголом и наречием). Именно поэтому деепричастие теряет свои основные свойства не только тогда, когда оно получает значение ведущего в предложении действия, а не сопутствующего ему, но и в том случае, когда оно же, наоборот, ослабляется в своем собственном выражении такого дополнительного действия. В последнем случае деепричастие, продолжая сохранять связь с глаголом, начинает уточнять его оттенки в его собственном действии, без детализации сопутствующего. Тогда смысловое различие между деепричастием и наречием начинает стираться, и деепричастие, утрачивая свои отмеченные выше отличительные свойства, идет к сближению с наречием, ср. *спеша писать* и *спешно писать*; *он молчаливо сидел* и *он молча сидел* и т. д.

Деепричастные формы синтаксически тесно связываются с глаголом и в этом своем синтаксическом значении отдельно от него не используются. В тех же случаях, когда строй речи допускает употребление деепричастного оборота в значении главного сказуемого, т. е. когда мы ожидали бы глагольную форму, а не деепричастие, мы имеем построение, в котором форма не соответствует содержанию деепричастия. Такого рода обороты уходят глубже в историю языка, чем те периоды уже сложившихся деепричастий и глаголов, о которых сейчас идет речь.[1]

Выражая дополнительное действие, деепричастие получает показатели вида, залога, времени и пр., характеризуя ими свое собственное действие, а не действие стержневого в сказуемом слова (глагола). Этим деепричастие ближе стоит к глаголу, чем к другим обстоятельственным словам, ср. казахск. *ол түрлі мәліметтерді ал-а келді*; *ол түрлі мліметтерді ал-ып аудан-а келді*, русск. *он разные сведения беря* [имея] *пришел*; *он разные сведения взяв* [собрав] *в район пришел*. Сохраняя такую же связь с глаголом, деепричастие может выступать оформителем отдельной части сложного предложения, представляющей собою развернутое построение одного из слагаемых элементов сказуемого основной части того же самого предложения. В этой отделившейся от группы сказуемого составной его части, обращающейся в развернутый комплекс, деепричастие выступает уже основным выразителем действия. Оно получает в ней иногда даже значение самого сказуемого, но только в пределах такой выделившейся части. В построении же всего сложного предложения сохраняются прежние отношения деепричастия к глаголу. Деепричастие и тут, в выделившейся части предложения, не получает вполне самостоятельного и законченного содержания, продолжая уточнять действие, выражаемое глаголом основной части предложения. Такое значение сохраняется за деепричастием и в том случае, когда оно выступает в придаточном предложении. Подобными свойствами не обладают другие обстоятельственные слова, чем деепричастие резко среди них и выделяется. В таком положении деепричастие выступает в языках различных систем, ср. уже приведенное выше ненецкое предложение *йаха варувна минзь тьуку тубкам хов* — «реки по берегу идя, этот топор я нашел», ср. также казахск.

[1] В русском языке деепричастие признается за более новую производную от причастий форму. Такое же утверждение применительно к ряду других языков, например тюркских, едва ли приемлемо. В русских диалектах деепричастие может выступать и сказуемым главного предложения. Возможно, что в этом его употреблении выступает деепричастие еще вполне глагольного содержания, т. е. не выделившееся в противоположность глаголу.

Асан оқуды бітіріп, әкесі қуанды — «Асан учение окончив, отец радовался». Здесь в придаточном предложении выступают свои подлежащее и сказуемое. Последнее стоит в деепричастной форме, так как по смыслу предложения передает подчиненное действие.

В строе развернутого предложения глагол выступает в основном значении сказуемого, и все другие, входящие в состав последнего слова, находятся в зависимом от глагола положении. В таком же зависимом от глагола положении находятся и деепричастия. Помещаемые в составе группы сказуемого, они характеризуют выражаемое в нем основное действие, передаваемое глаголом. Такая с ним подчиненная связь, как мы уже отмечали, сохраняется деепричастием и в том случае, когда оно попадает в развернутый синтаксический оборот типа придаточного предложения. Мы видели, что и в этих условиях деепричастие не порывает своих семантических и синтаксических отношений к глаголу главного предложения. Вся синтаксическая группировка слов, включающая деепричастие, продолжает оставаться в том же подчиненном отношении к глаголу, как развернутое при нем обстоятельство. Поэтому деепричастие может выступать сказуемым придаточного предложения (ср. в тюркских языках), но не выступает в положении основного сказуемого, где мы имеем глагол. Следовательно, оно не может быть названо глагольною формою в полном значении этого слова. Деепричастие не выступает в той же синтаксической функции, какую имеет глагол. В этом и заключается основное от него отличие деепричастия.

Такое определение грамматического значения деепричастия обусловливает признание его формы вторичной и производной от глагола. За это говорит ряд исследований, посвященных анализу деепричастных образований в некоторых языках, где они действительно оказываются производными.[1] На таком утверждении можно было бы остановиться, если бы не возникало сомнения в первичности самой глагольной формы. Между тем, такого рода сомнения имеются и находят себе подкрепление в ряде достаточно веских данных.

Против первичности глагола говорят многие факты даже живых и в значительной степени развитых языков. Так, например, в тюркских языках сама глагольная форма образуется от деепричастия, а не наоборот.[2] Схема построения глагола в тюркских языках указывает на то, что глагол образовался от деепричастия или от той формы, которая позднее получила синтаксическую функцию деепричастия. Это, в свою очередь, указывает на то, что само оформление, которое сохранилось за деепричастием, предшествовало в этих языках глагольному образованию и что, следовательно, деепричастие в своем первоисточнике древнее ныне действующих форм глагола.[3]

Как бы ни разрешился этот вопрос, все равно отношение деепричастия к глаголу будет и близким и в то же время обособленным. В одном случае, когда от деепричастия образуется глагол, деепричастие само по себе не становится глаголом, а в другом случае, когда деепричастие образуется от глагола, оно перестает быть глаголом. И в том, и в другом своем положении деепричастие, не присоединяющееся к именам, отделяется и от глагола. Но и в том, и в другом по-

[1] Ср. в русском.
[2] См. стр. 242, 264 сл.
[3] Здесь, конечно, не имеются в виду деепричастия явно вторичного образования.

ложении оно продолжает тяготеть к глаголу. Деепричастие, обозначая действие и состояние, ближе к глаголу, чем к имени того же содержания, так как, сформировавшись в составе сказуемого, оно заключает в себе выражение процесса, не свойственного именам. Деепричастие тяготеет к глаголу по своему синтаксическому назначению выступать второстепенным членом группы сказуемого в простом и развернутом его виде; оно тесно связано с глаголом своим участием в сложных глагольных формах; оно же сближается с глаголом и по общей с ним лексической семантике.

В то же время, выступая в составе сказуемого со значением обстоятельственного слова, деепричастия занимают здесь свое место на ряду с наречиями, к которым они ближе, чем к именам, по своей неизменяемой форме. Но наречия являются признаком действия, не выступая в значении самого действия, тогда как деепричастие сохраняет выражение самого действия в его процессе. Когда оно его утрачивает и лишается выражения времени и вида, то только в этом случае оно может получать свойства наречия и может включаться в их состав (ср. русск. молча, шутя и др.). Во всех остальных случаях только что отмеченный основной глагольный признак за деепричастиями сохраняется.

Вопрос о генезисе деепричастных форм нуждается в специальном исследовании с привлечением материалов не одних только индоевропейских языков. Грамматические категории деепричастия, установление которых в этом направлении работы требуется в первую очередь, далеко не одинаковы в различных языковых системах. В некоторых языках число общих с глаголом грамматических категорий будет больше, чем в других. Так, например, в тех языках, в которых нет изменения по лицам (лезгинский, дагестанский аварский и пр.),[1] это отличительное свойство глагола, по его сравнению с деепричастием, отпадает. Число расходящихся грамматических категорий оказывается, в таком случае, меньше и т. д. В некоторых языках деепричастные формы выступают как производные от других (ср. в русском), в некоторых же вторичность этих форм вызывает сомнения. Деепричастия сами могут ложиться в основу образования целой серии грамматических форм даже самого глагола. Нам уже представлялся повод отметить, что ряд языков, например тюркские, указывает на значительную давность деепричастных форм. Они лежат в основе 3-го лица глагола, ср. в казанском татарском *яз-а* — «он пишет», и от них же образуются остальные формы местоименного спряжения: *яз-а-м* — «я пишу», *яз-а-сын* — «ты пишешь» и т. д. Таким образом, в тюркских языках не деепричастие выходит из глагола, а глагол образуется на деепричастной основе.[2]

Близость деепричастий, с одной стороны, к глаголу по семантике и по наличию некоторых общих грамматических категорий, а с другой стороны, с наречиями, по неизменяемости формы, ставит их в то же время в обособленное от тех и от других положение. В зависимости от степени этой обособленности деепричастия, в отдельных языках ставится вопрос об отношениях его к той или иной части речи. К глаголу деепричастия причисляются по общности некоторых грамматических категорий и по участию их в образовании глагольных форм (ср. тюркские языки).[3] При менее ясной связи деепричастия с глаголом, по тем

[1] См. стр. 242.
[2] См. стр. 242, 264 сл.
[3] См. стр. 264.

же признакам его иногда относят к именам (ср. самоедские языки).[1] По неизменяемости формы их сближают с наречиями.[2] В отдельных языках, при большей самостоятельности грамматической формы и менее ярко выраженной общности грамматических категорий, может стать вопрос даже о выделении деепричастий в особую часть речи.[3] Разрешение этого вопроса стоит в связи с основными свойствами того или иного языкового строя и положения в нем деепричастных форм. Это положение, как отмечалось выше, разнообразится по языковым системам.

9. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

а) Безлично-предикативные формы

Значительно сложнее обстоит дело с выделяемыми в сказуемом словами категории состояния. Последние, выступая только в сказуемом, отличаются от спрягаемого по лицам глагола своею грамматическою формою. Они или не изменяются по форме, являясь безлично-предикативными, или же изменяются в роде и числе в порядке согласования с подлежащим, оказываясь в известной степени предикативно-аттрибутивными. Первые из них сближаются по грамматической форме с наречиями, вторые же с прилагательными, краткою (нечленною) формою которых они и являются. При этом как те, так и другие, выступая лишь самим сказуемым, передают грамматическое понятие, отличающее их как от наречий, занимающих в предложении место признаков сказуемого, так и от прилагательных в их аттрибутивном значении.

Если деепричастие отличается от глагола тем, что не изменяется в форме, как и наречия, то все же оно не сливается и с ними, так как получает свою грамматическую форму, ср. *-сь*, *-зь*, *-ць* в ненецком языке, *-а*, *-я*, *-в*, *-ши* в русском и т. д. Кроме того, деепричастие имеет ряд грамматических категорий, которые чужды наречию (ср. вид, время, залог), но которые общи с глаголом. Таким образом, деепричастия и оформлением и смысловым значением отделяются от имен и наречий, не совпадая и с глаголом ни по своему синтаксическому положению, ни по оформлению. Именно этого и нельзя сказать про категорию состояния. Безличные предикативные формы, относимые к категории состояния, могут иметь с наречиями общие грамматические формы. Основное отличие безлично-предикативных форм категории состояния от наречий будет, при таких условиях, заключаться в том, что из общего числа наречно оформленных слов, ряд их с теми же грамматическими формами используется только в значении сказуемого и не выступает в значении его признаков. Выражение признаков глагола остается основным свойством по тому же типу построенных слов, за

[1] В этих языках выделяются две формы деепричастий: неопределенная и условная. Последняя из них, как уже говорилось выше, может быть в связи с ее изменяемостью по лицам, отнесена к глагольным формам (см. стр. 263—264). Что же касается первой формы, то она никаких падежных форм не образует, чем она и отличается от имен. Не изменяясь по лицам, она же отличается и от глагола. Имея свою грамматическую форму (суффикс *-сь*), она же в известной степени самостоятельна. В связи с этим, причисление ее к именам, как это делает Г. Н. Прокофьев, вызывает сомнения, см. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 22.

[2] Деепричастия в русском языке В. В. Виноградов относит в общий раздел с наречиями, считая их смешанной глагольно-наречной категорией, см. «Современный русский язык» II, стр. 300—303.

[3] Ср. предыдущее примечание о деепричастиях в самоедских языках.

которыми сохраняется наименование наречия. Следовательно, безлично-предикативные формы категории состояния тяготеют по грамматической форме к наречиям, передавая иное, чем они, грамматическое понятие (сказуемого, а не признака его). В то же время они же по выражаемому ими грамматическому понятию сближаются с глаголом, но резко от него отличаются грамматическою формою.

Таким образом, в сказуемом выступает группа слов, отличающаяся от других слов, получающих ту же синтаксическую функцию. В позиции сказуемого могут, кроме глагола и наречия, выступать также имена. С глаголом выделяемая исследователями категория состояния сближается, как мы только что видели, только по синтаксическому ее назначению.[1] Оба они выступают лишь сказуемым. Но глагол получил свои грамматические формы, тогда как слова, относимые к категории состояния, резко обособились от глагола, не имея ни всех его грамматических форм, ни, следовательно, всех его грамматических категорий (ср. спряжение по лицам). От имени те же слова безлично-предикативной формы не менее резко отличаются отсутствием в них тех грамматических категорий и форм, которые свойственны именам (ср. склонение, род, число). Оказывается, таким образом, что по своей грамматической форме неизменяемая безлично-предикативная разновидность категории состояния не расходится только с наречием. Но в то же время она не выступает в той же синтаксической позиции, какая в основном свойственна именно наречиям (предикативно-аттрибутивная позиция при глаголе и отглагольных образованиях).

Таким образом, лексическое обособление слов, которым явилось бы выделение этой части речи, и здесь покоится на синтаксической основе, что и оказывается еще одним лишним доказательством синтаксического первоисточника всякой вообще группировки по частям речи. Но синтаксическая основа получила в данном своем применении лишь синтаксическое выражение. Морфологическое же выражение остается общим с другою синтаксическою позициею — обстоятельством. Таким образом, грамматическое понятие сказуемости ограничилось в этом случае синтаксическим выявлением. Оно не дало необходимых грамматических форм и, следовательно, не дало тех грамматических категорий, какие в отличие от других лексических групп могли бы лечь в основу данной выделяемой части речи.

В безлично-предикативных формах категории состояния мы имеем или глубокий архаизм, утративший свои собственные грамматические категории, обратившиеся в общие с группою обстоятельственных слов, именуемых наречиями, или же новое явление, еще не породившее свои собственные грамматические формы. При таких условиях, данная разновидность категории состояния оказалась синтаксически выдвигаемою, но морфологически задерживаемою в своем обособлении. Поэтому отнесение ее к той или иной части речи (наречиям или категории состояния) продолжает оставаться спорным: А. А. Шахматов оставляет ее в разделе наречий, В. В. Виноградов относит к категории состояния,[2]

[1] См. Л. В. Щ е р б а, О частях речи в русском языке. «Русская речь», новая серия, II, 1928, стр. 16—18; В. В. В и н о г р а д о в, Современный русский язык, I, стр. 148—153; II, стр. 309—330. Тут же приведена литература по данному вопросу.

[2] Само наименование «категории состояния» требует некоторого уточнения. Здесь имеется в виду общая языковая категория, а не грамматическая категория (ср. категория вида, времени, лица и т. д.), что желательно отразить и в самом вновь устанавливаемом термине.

Л. В. Щерба выделяет их, но с большими оговорками.[1] Их можно именовать или безлично-предикативными наречиями, оттеняя несвойственное прямому назначению наречий грамматическое понятие категории состояния (сказуемость), или же «категориею состояния», отмечая тем самым шедший или идущий процесс выделения их в особую часть речи.

В исследованиях последних лет, посвященных категории состояния и ограниченных, главным образом, материалами русского языка, не имеется еще полной договоренности. В частности, выступление не склоняемого по падежам и не изменяемого по лицам предиката, при господствующем предикативном положении спрягаемого глагола, объединило собою воедино две отмеченные выше разновидности, формально сближаемые одна с наречием, другая с прилагательными. Сходство синтаксического использования обоих привело к их отнесению в одну общую для них группу, хотя грамматическое их оформление говорит против этого. Равным образом, и пути их исторического развития должны были быть различными.

В основе выделения данной группировки слов лежит, конечно, их синтаксическое использование. Выступая в предложении сказуемым, эти слова получают особое синтаксическое значение, или становящееся постоянным, или же остающееся переменным, придавая слову предикативное значение только в данном контексте. Так, например, в первом случае имена существительные, выступающие в положении сказуемого, начинают утрачивать свое лексическое значение имени существительного, ослабевают в обозначении предметности и усиливаются в обозначении свойств сказуемости. Во втором случае имена существительные остаются именами существительными, хотя бы и получали в построении предложения предикативное значение, ср. *мне лень вставать*, где выступает имя существительное, приобретающее некоторую семантику сказуемости не само по себе, а только в данном его синтаксическом использовании; ср. с другой стороны *мне пора вставать*, где имя существительное приобретает уже настолько значительное содержание сказуемости, что до известной степени отрывается от своего именного значения. Оно дает как бы две параллельно существующие формы, одну склоняемую — для имени существительного, и другую неизменяемую — для его использования в сказуемом. Имя существительное в этом последнем случае идет к утрате присущих ему грамматических категорий.

Равным образом, ряд наречий может, независимо от своего использования в значении обстоятельства, выступать также и сказуемым, ср. *весело играют* (признак действия) *и мне весело* (сказуемость). С другой стороны, ряд наречий выступает только обстоятельством, ср. *лениво играют,* при невозможности образования самостоятельного сказуемого, например *мне лениво*. Тем наречным формам, которые по своей семантике допускают различное синтаксическое их употребление, противополагается ряд слов того же оформления, которые получают лишь предикативное значение, ср. *сегодня морозно*, при невозможности использования *морозно* в значении обстоятельственного слова. В том же, примерно, предикативном употреблении встречаются такие

[1] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 502, § 583 сл.; В. В. Виноградов, Современный русский язык, II, стр. 309 сл.; Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, стр. 16—18.

слова как *можно, надо, нельзя* и др. Этого рода слова выступают сказуемым самостоятельно или же в сочетании с инфинитивом. В первом случае они предикативны, но и во втором не утрачивают предикативности. Такое сочетание с инфинитивом дает одно цельное, хотя и составное сказуемое, ср. *можно читать* и т. д. В подобных словосочетаниях безличные по своему оформлению слова не выражают признака сказуемого. Они сами входят в его состав, придавая всему содержанию сказуемого своего рода модальный оттенок. Здесь модальный оттенок передается в самом сказуемом, так же как в упомянутом выше алеутском глаголе *сикакухъ* — «он может делать» агглютинативною приставкою *-ка-* выражается потенциальность в самом глаголе и тем самым в самом сказуемом. В русском примере передается словосочетанием то, для чего в алеутском используется агглютинация.[1]

Эти безлично-предикативные формы не могут сочетаться с подлинно глагольными формами, изменяемыми в индоевропейских языках по лицам. Если бы они входили с ними в сочетания, то выражение сказуемого осталось бы только за глаголом, полноценным его представителем. При нем безличные формы уже утрачивают свое основное значение сказуемого и становятся в зависимое от глагола положение обстоятельства (ср. наречия). Поэтому соединение безлично-предикативных форм допускается лишь с другими отглагольными формами, с которыми, как отмечалось выше, они составляют одно семантическое и синтаксическое целое сказуемого. За пределы последнего они и в этом своем положении не выступают, сохраняя тем самым за собою значение сказуемого, хотя бы и в составной его части. Здесь, в своем соединении с отглагольною формою, эти слова, формально безличные и предикативные по своему содержанию, через них и только благодаря им могут в общем комплексе сказуемого связываться и с выражением действия,[2] ср. *мне стыдно брать у него деньги* и др. Само по себе слово *стыдно* не содержит семантики действия. Оно ограничивается выражением состояния и потому при нем, когда оно одно выступает сказуемым, не может быть прямого дополнения.

Выступая лишь в значении сказуемого и образуя в нем единое построение, такие словосочетания как безлично-предикативной формы с инфинитивом ни в одной своей части не относятся к числу обстоятельственных слов. Они не используются в общем построении с другими глагольными формами, где могли бы выступать в значении признака сказуемого, ср., с одной стороны, *мне хорошо, хорошо играю, хорошо играющий* [музыкант], *хорошо играя, хорошо играть,* в которых мы имеем наречие в различном его использовании, даже вне состава сказуемого, и, с другой стороны, *мне надо, надо играть,* где выступает предикативное выражение. *Надо* и другие того же типа слова ясно противополагаются наречию *хорошо* и ему подобным. Последние передают признак глагола, причастия, деепричастия и могут выступать в простых и сложных формах сказуемого, ср. *ему хорошо, ему будет хорошо, хорошо сказать.* Первые же только в этих последних значениях и могут иметь свое место. Они предикативны так же как и глагол, и так же как и он только предикативны. Но в то же время безлично-

[1] См. стр. 253, 280.

[2] Когда это допускается собственною семантикою безлично-предикативных форм, последние могут сочетаться с инфинитивом, требующим прямого или косвенного дополнения.

предикативные формы, взятые в отдельности, не охватывают всех тех понятий, которые могут передаваться глаголом. Глаголу свойственно передавать и действие и состояние. Безличные же предикативные формы могут выступать только в последнем значении. Следовательно, они не обнимают всей широкой области, которая доступна глаголу по его семантике. Безлично-предикативные формы по своему значению ограничиваются выражением состояния, ср. *мне стыдно* и т. п.

Такие слова, в первую очередь, и выделяются в особую лексическую группу по их основному предикативному использованию. Эти слова, повидимому не столь обширные по своему количеству, предикативны своею передачею сказуемого, но не всякого, а только с семантикою состояния. Поэтому они могли бы быть выделены в языковую категорию, связанную с выражением этого понятия (категория состояния).[1] Они уже не соответствуют наречиям по передаваемому грамматическому понятию предиката, а не его признака, хотя, как уже отмечалось, иногда и сохраняют общую с ними грамматическую форму, ср. *стыдно* и *больно; стыдно сказать* (безлично-предикативная форма) и *он больно ударил* (наречие).

Таким образом, менее спорным остается выделение безлично-предикативных форм только в том случае, когда они употребляются лишь в значении самого сказуемого, простого, чаще сложного, ср. *мне нужно, мне будет нужно, мне было нужно, нужно сказать* и т. д. Наречие же, как мы видели, используется в основном своем значении как признак глагола или любой глагольной и отглагольной формы *(хорошо говорю, хорошо говорящий)*. Наречие используется и отдельно в значении сказуемого *(мне хорошо)*. Оно в этом случае оказывается синтаксически двузначимым и не утрачивает возможности выступления в своем основном содержании обстоятельственного слова, хотя в отдельных контекстах и выступает сказуемым. В положении сказуемого могут выступать не только глагол, но и другие группы слов, не перестающие от этого оставаться другими частями речи. Если имя существительное остается им же и в позиции сказуемого, ср. *липа — дерево*, то и наречие не перестает быть наречием, когда самостоятельно выступает сказуемым, ср. *мне хорошо.*[2]

Безлично-предикативные формы выступают в противоположность лично оформленному глаголу. Поэтому в тех языках, в которых нет личного спряжения глагола, эта группа слов, по данному ее признаку, выделяться не может. Сам глагол в таких языках безлично-предикативен. Все же и в этих языках может оказаться ряд наречий, используемых исключительно в сказуемом. От лично неизменяемого глагола они могут отличаться особыми способами передачи временных отношений и пр. Положение их, при таких условиях, окажется близким к той категории состояния, о которой только что шла речь. Они сближаются по своей синтаксической функции с глаголом, отличаясь от него различными признаками. В одних языках они неизменяемы в лице при лично изменяемом глаголе, сами не имеют временных показателей и т. д. В других языках они же лично неизменяемы как и глагол, но образуют времена с помощью вспомогательного глагола при выражении временных отношений в самом глаголе суффиксами и пр. Если,

[1] См. оговорку относительно этого термина, сделанную в прим. на стр. 271.

[2] В этом и аналогичных ему примерах легче видеть не категорию состояния, а наречие, получившее в данном построении предложения значение сказуемого.

например, обратиться к лезгинскому языку, не имеющему личного спряжения глагола, то в нем наречия предикативного значения все же явно выделяются. Они отличаются от глагола, в первую очередь, тем, что получают ту же грамматическую форму как и наречия (суффикс *-з*), ср. *хъсан-з* — «хорошо», *кIан-з* — «желанно», *чи-з* — «известно». Последние две формы только предикативны. В этой своей синтаксической функции сказуемого они получают в лезгинском языке также и отличающую их от наречий и сближающую с глаголом грамматическую форму, а именно специальный глагольный префикс отрицания *-т, -д*, ср. *такIанз, течиз.*[1] Здесь грамматическое понятие предиката уже соединено с особыми грамматическими формами, отделяющими указанные предикативные наречия, с одной стороны, от самих наречий (общий с глаголом префикс отрицания), а с другой стороны, от глагола (общий с наречиями суффикс *-з*). Отсюда можно было бы заключить, что если бы в лезгинском языке эта группа наречий не имела бы свои отличительные грамматические формы, то не было бы и основания к их выделению из числа наречий. Оказывается, таким образом, что безличные по своей форме наречия яснее выделяются в своем предикативном обособлении в лезгинском языке при лично неизменяемом глаголе, чем в русском при личном спряжении глагола. Этой большей ясности в лезгинском языке содействует наличие особой, отмеченной выше, грамматической формы, отсутствующей в русском. В лезгинском языке такая выделяемая специальною грамматическою формою группа слов, повидимому, крайне незначительна.[2]

б) Нечленные прилагательные и причастия

В категорию состояния в последнее время включаются также краткие (нечленные) прилагательные и причастия страдательного залога, утратившие склонение, но сохранившие изменения по родам и числам. ср. *твой уход вреден*; *твои замашки вредны*; *твоя затея вредна.* Отличие кратких прилагательных от своих же полных форм выступает в отсутствии у первых аттрибутивных при имени свойств за счет увеличения в них свойств сказуемости. Тогда как полное прилагательное, получая значение сказуемого, сохраняет в то же время и оттенок аттрибутивности, в кратком прилагательном налично превалирующее предикативное значение, ср. *красивая чаша* с аттрибутивным значением прилагательного, *эта чаша красивая, а та нет,* с аттрибутивно-предикативным значением, *эта чаша красива,* с преобладающим предикативным значением. С тем же предикативным значением выступают также краткие формы причастий страдательного залога, ср. *прочитанная книга лежит на столе* и *книга прочитана.* В обоих примерах предложение закончено.

Исследователи обратили особое внимание на синтаксические различия в положении только что упомянутых полных и кратких форм. Первые аттрибутивны, но могут выступать и в предикативном значении, вторые же выступают только сказуемым. Последнее и послужило основанием к их отделению от первых. С другой стороны, это же ока-

[1] См. П. К. Услар, Кюринский язык, 1896, стр. 177; Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 107 и примечание редактора на той же странице.

[2] Вероятно по этой причине и по малой обследованности наречий в лезгинском языке, отмеченные выше предикативные наречия не только не выделяются исследователями в особую группу слов, но даже не выделяются и внутри самих наречий, см. Л. И. Жирков, ц. с., стр. 107—111.

залось основанием для сближения кратких прилагательных с приведенными выше безличными предикативными формами. Это сближение переходит местами в смешение их. Между тем, при установлении частей речи существенное и даже основное значение приобретает выступающая грамматическая форма. Она у тех и у других различна и в то же время сближается с грамматическими формами других частей речи. Так, безличные формы не спрягаются по лицам и вообще не изменяют своей формы при их синтаксическом использовании (ср. наречия), краткие прилагательные изменяют форму по родам и числам, тогда как глагол изменяет ее по лицам. Все три выступают предикатом и основное их значение остается предикативным. Но, с другой стороны, все три, как мы видели, отличаются друг от друга по тем или иным формальным признакам. Следовательно, исходя из синтаксической функции, их можно было бы рассматривать в одном разрезе, опираясь же на формальную сторону, приходится проводить между ними различие. С этой точки зрения А. Х. Востоков был более последовательным, когда, стоя на синтаксической основе и на оформлении слов, причислял краткие прилагательные среднего рода и безличные слова к глаголу, как безличные его формы.[1] Менее последовательными оказались те, кто по тем же основаниям, учитывая также и формальную сторону, выделили категорию состояния от глагола, но объединили в категории состояния как безлично-предикативные выражения, так и краткие прилагательные, формально резко различающиеся. В итоге, ясной постановки в проведении классификации по частям речи в данном случае не получилось. Поэтому, признавая, что части речи, отражая грамматические понятия, приобретают свои грамматические формы, мне пришлось в предыдущем изложении отделить безлично-предикативные формы от изменяемых по родам и числам кратких прилагательных. Это же вызывает и сейчас необходимость рассмотрения последних самостоятельно от первых.

Краткие (нечленные) прилагательные и причастия страдательного залога, как мы видели, синтаксически и формально отделяются от полных прилагательных и причастий, но по последнему признаку не смыкаются и с глаголом. Такое же различие синтаксической значимости и формы сохраняется за ними и в тех случаях, когда взятые нами построения осложняются включением имени существительного, управляемого в своем падеже в обоих случаях. Связываясь с ними управлением, имена существительные получают в соединении с одними аттрибутивное значение, а в своем соединении с другими — предикативное, ср. *достойный похвалы ученик,* где *достойный похвалы* выступает определением к слову *ученик,* и *ученик достоин похвалы,* где слово *похвалы* включается в синтаксическую группу сказуемого, ср. также *малый ростом* и *он мал ростом* и др.[2]

Что особенности морфологического оформления не могут быть

[1] См. А. Х. Востоков, Русская грамматика, 1831, стр. 204—206, § 88. А. Х. Востоков относит к числу безличных глаголов и такие формы, как *можно, должно, скучно,* и даже *жаль, лень.* Выделяя усеченные формы прилагательных, он же противополагает им спрягаемые формы типа *добр, зол, светел, ясен* и т. д., там же, стр. 53, § 32 и стр. 79, § 42. Причастия страдательного залога и краткие прилагательные среднего рода причисляются к безличным глаголам, см. стр. 205, § 88, 4, а.

[2] Основную постановку, послужившую поводом к выделению особой «категории состояния», см. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке. «Русская речь», новая серия, II, 1928, стр. 16—18; В. В. Виноградов, Современный русский

устранены и при выяснении границ и свойств категории состояния, это ясно из общего принципа, которым до сих пор приходилось руководствоваться при рассмотрении остальных частей речи. Если поэтому морфологическую сторону учитывать и в анализе слов категории состояния, то некоторую схему ведущего направления удастся установить и здесь. Прежде всего, все ранее сказанное о синтаксических и морфологических особенностях кратких прилагательных касается вовсе не всех языков, а в настоящем моем изложении только русского. На его материалах и делаются соответствующие выводы. Более того, в основу этих выводов ложатся не материалы русского языка вообще, а материалы современного русского литературного языка. Даже выход за его пределы, оставаясь в границах русского языка, уже дает иную картину. Так, краткие (нечленные) прилагательные в народных говорах русского языка могут не выделяться своим выступлением исключительно в предикативном значении. Они могут быть используемы и в обычной аттрибутивной функции прилагательного, меняясь в роде, числе и даже падеже.

Если полные прилагательные, выступая сказуемым, не причисляются к категории состояния на том основании, что они и в позиции сказуемого сохраняют свои грамматические формы, свойственные прилагательному в его основном аттрибутивном значении, то и краткие формы прилагательных в указанных народных говорах, равным образом, не могут быть отнесены к категории состояния по тем же основаниям. Следовательно, в современном литературном языке краткие (нечленные) прилагательные и краткие формы причастий страдательного залога переносятся в другую часть речи не только потому, что они синтаксически обособляются от полных прилагательных и причастий, но, главным образом, потому, что, выражая только сказуемое, они сохраняют свою грамматическую форму. Эта последняя в современном строе литературного языка уже расходится с грамматическими формами полных прилагательных и полных причастий.

Подходя к категории состояния с указанной стороны, можно, мне кажется, притти к выводу, что в современном русском литературном языке нечленные прилагательные и причастия страдательного залога имеют больше данных для выделения их в особую часть речи, чем упомянутые выше безличные предикативные выражения, сохранившие грамматическую форму наречий. Синтаксическое положение обеих разновидностей категории состояния сходно. Можно сказать, что синтаксические выражения передаваемого ими грамматического понятия близки, но степень морфологического выражения этого же понятия различна. Специальная грамматическая форма у предикативных наречий отсутствует, тогда как она же у нечленных прилагательных и причастий наличествует. Все сказанное относится к русскому современному литературному языку. И в индоевропейских языках нечленные прилагательные предикативны. Они получают даже возможность спрягаться, ср. приведенный Шухардтом и упомянутый В. В. Виноградовым пример из немецкого языка der Himmel blaut.[1]

язык, II, 1938, стр. 309—330; ср. также высказывания о кратких формах прилагательного А. Х. Востокова, ц. с. и А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 491—492, § 567, ср. там же, стр. 471, § 537 (нечленные формы причастия страдательного залога).

[1] H. Schuchardt-Brevier, 1928, VI—III Prädicat, Subjekt, Objekt), S. 275—276; В. В. Виноградов, ц. с., стр. 311.

Выделяемая особая грамматическая форма нечленного прилагательного исторически за ним закрепилась в предикативном его значении, когда аттрибутивное выражение получило у прилагательного иное оформление. В итоге произошло раздвоение в самих сказуемых-прилагательных. Одно из них выступает в форме, характеризующей признак субъекта, и в том же оформлении может выступать его определением. Другое же сократилось почти до исключительно предикативного использования. Получилась специальная грамматическая форма предикативной значимости для спрягаемого имени, не ставшего глаголом (ср. немецк. blaut).[1]

Причастные формы оказались в русском языке, примерно, в том же положении, но, как отглагольные по своему образованию, они стоят ближе к глаголу. Из двух типов причастия один выступает в аттрибутивном значении, сближаясь с прилагательными, а другой, сохранив краткую форму архаичного причастия, используется только в сказуемом, ср. *упавший человек,* с аттрибутивным значением, и *человек упал*, с предикативным значением. Последняя форма не вошла в выделяемую категорию состояния. Краткие причастия указанного вида включились в парадигму спрягаемого глагола в значении прошедшего времени. Они сохраняют категорию рода и числа, но не получают глагольной категории лица. Нечленные же прилагательные, равным образом, передают род и число, но не входят в строй спряжения глагола, оставаясь спрягаемою формою имени.[2]

Когда группа слов, выступающая в предложении, приурочивается к передаче определенного понятия (например аттрибута или предиката), она получает соответствующее синтаксическое выражение (определения или сказуемого) и может получать или не получать соответствующего морфологического выражения (свойственного аттрибуту или предикату). Например, в китайском языке имеется синтаксическое выражение в ущерб морфологическому. Поэтому в нем вовсе снимается вопрос о раздвоении прилагательных по аттрибутивной и предикативной функции, о выделении особой группы состояния по признаку безличного оформления и т. д. Этот вопрос имеет место лишь в тех языках, в которых наличествует не только синтаксическое построение, но и грамматическое оформление средствами морфологии. Следовательно, в основе классификации слов по группам лежит соответствующее грамматическое понятие, выраженное в грамматической форме. По таким формальным признакам слова относятся к той или иной части речи (к прилагательным, существительным, наречиям, глаголу и т. д.). Это же положение остается в силе и при разрешении поставленного сейчас вопроса о поводах и основаниях к выделению особой группы слов категории состояния.

Таким образом, те данные, которые ложатся в основу выделения разбираемого вида категории состояния, указывают на то, что в названную группу включаются вовсе не все слова, выступающие в предложении с соответствующим синтаксическим значением сказуемого при их оформлении по именным признакам рода. Сюда попадают только те, которые и по своей форме выделяются в особую группировку. Но и в их числе в этой группе происходит, в свою очередь, свое отделе-

[1] Ср. А. А. Шахматов, ц. с., стр. 491—492, § 567 (нечленная форма прилагательного), стр. 502, § 584.

[2] См. там же, стр. 83, § 71, стр. 189, §§ 213—214, стр. 213, § 253, стр. 492, § 567.

ние слов. Выражая в сказуемом действие и состояние, эти слова разбиваются на группу действия причастного образования[1] и на группу состояния, восходящую в большей своей части к именам существительным, прилагательным и причастиям страдательного залога. Обе эти группы выделившихся имен и причастий становятся особыми формами сказуемого. Исключая архаичные краткие причастия, давшие в современном состоянии литературного языка глагольные формы прошедшего времени, за категориею состояния остаются не вошедшие в глагольную парадигму и не могущие войти в нее нечленные прилагательные и причастия страдательного залога (передающие состояния субъекта, а не его действие).

Привлекаемый исследователями материал свидетельствует о том, что процесс отмечаемого отделения представителей данной группы слов от состава других частей речи имеет в русском, и вообще в индоевропейских языках, глубокие корни.[2] История их возникновения спускается, может быть, даже к периоду основного формирования ныне действующей группировки лексического состава. В нем всплывают архаизмы причастного оборота, не содержащие полной и законченной глагольной формы и выступающие взамен ее. Но в этот период говорить о категории состояния, в современном ее лексико-синтаксическом значении, естественным образом, еще не приходится. Поэтому все сказанное выше вовсе не подрывает мнения о позднейшем выделении данной части речи, в которую, как мы видели, не входят причастные дериваты с их сохранившеюся глагольною семантикою действия. Таким образом, за выделяемою частью речи остается только группа слов, по своей семантике выражающая состояние.

Естественно, что прослеживаемый в русском языке процесс выделения особой части речи, при отмеченных выше свойствах сказуемого в этом языке, в его действующих вербальных и именных формах, не может иметь точных соответствий во всех языках. Для этого, прежде всего, требуется подходящая почва в самих их структурах. Такая почва слаба, например, в тех языках, в которых всякая часть речи в положении сказуемого спрягается как глагол, ср. самоедские языки (за исключением селькупского) и др.

10. НАРЕЧИЯ

Предикативные признаки в сказуемом, как мы уже отмечали выше при обзоре глагольных форм, могут в составе сказуемого получать отдельное от глагола словесное выражение. В этом случае они не включаются в глагол и остаются вместе с ним в общей семантически объединенной группе этого члена предложения. К числу таких выделяемых слов принадлежат аттрибутивные носители предикативного значения, обычно именуемые наречиями.

Что собою представляют наречия как лексическая единица и носителями какой синтаксической функции они являются, легче всего выясняется на отдельных примерах. Обратимся к уже затронутым нами со-

[1] Действие передается глаголом, поэтому и в данной форме сказуемого, выражающего действие, используется отглагольная форма причастия. Имя и наречие сюда же включиться не могут, как выражающие состояние.

[2] См. B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen, Grundriss, Band III, Theil I, S. 409—420.

поставлениям конструкций одного и того же содержания в алеутском и русском языках. В первом из них преобладает агглютинативная система оформления слов, наиболее ярко выступающая в глаголе, передающем требуемые детали описываемого действия или состояния. Во втором — в тех же заданиях используется флексия.

В алеутском языке (эскимосской группы) высказывание передается развернутым предложением. Возьмем его в 3-м лице субъекта, при котором действующее лицо выделяется на позицию подлежащего, оставляя в глаголе свой показатель. Предложение в этом строе языка обособляет слова, которые по его семантике, т. е. по смысловому содержанию предложения, нуждаются в выделении. Эти слова оформляются агглютинативными приставками, например: *адан' икъйахъ сигъутакъали-какухъ* — «отец мой байдарку делать опять снова может сейчас он».[1] В первом, алеутском, тексте мы видим три члена предложения, в одном из которых, в сказуемом, выступает глагол в весьма сложном оформлении, с целым рядом агглютинативных прилеп: *си-гъута-къали-ка-ку-хъ*. В русском же соответствии этому алеутскому предложению выделяются равным образом те же три самостоятельных члена предложения: подлежащее, прямое дополнение и сказуемое, причем выступающий в составе последнего глагол ограничен в своем выражении всех требуемых по смыслу предложения оттенков действия. Последние передаются уже отдельными словами: *байдарку делать опять* [повторно] *снова* [т. е. с самого начала] *может сейчас он*. Такие отдельные слова, как *опять, снова, может* и т. п., сохраняют ту же тесную связь со сказуемым, которую имеют агглютинативные приставки, передающие те же оттенки в построении одного алеутского слова. Они передают в предложении те же детали действия, той же значимости, но иными средствами, не агглютинативными приставками, а самостоятельно оформленными словами. Поэтому, при всей общности содержания, все же в обоих рассматриваемых приемах выражения той же смысловой стороны, в русском и алеутском, содержатся свои резко противоположные особенности, в значительной степени выявляемые в формальной части построения самого сказуемого. Можно было бы сказать, что сказуемое, по своему содержанию, остается одним и тем же, почему и перевод с одного языка на другой сохраняет безукоризненную точность, но само построение сказуемого идет неодинаковыми путями.

Разница, как мы видим, заключается в том, что в эскимосских языках такого рода показатели оттенков выражаемого в сказуемом действия оказались формативами глагола, тогда как в индоевропейских языках, в частности в русском, они не включаются в глагол, хотя и находятся в зависимом положении от всего состава сказуемого. Они получают в нем соответствующее оформление и в этой форме закрепляются за специальною функциею выявления при сказуемом оттенков того действия, которое передается глаголом, но не заключается в самой его форме. В алеутском, при таких условиях, сказуемое сосредоточивает выражение всех своих требуемых в данном случае признаков в самом глаголе. Он выступает в предложении единственным представителем сказуемого, тогда как в русском соответствии глагол и отдельно стоящие уточнители оттенков его действия представляют то же содержание сказуемого не каждый в отдельности, а лишь в общей своей совокупности. В ней все же выделяется ведущая, основная, часть, выражающая

[1] Ср. тот же и аналогичные примеры на стр. 253, 273.

само действие и представленная глаголом. Таким путем устанавливаются границы слов, связанных со сказуемым. В алеутском, в только что приведенном нами примере, они совпадают со структурою глагола, тогда как в русском они же охватывают как глагол в данной сложной его форме *может делать*, так и семантически связанные с ним и к нему же относящиеся обстоятельственные слова *опять* и *снова*. Вместе с ними упомянутая сложная глагольная форма образует одно смысловое и синтаксически связанное целое, чему и соответствует сказуемое алеутского языка, выраженное одним глаголом. Последний не имеет в этом предложении никаких при себе обстоятельственных слов.

В сказуемом русского предложения передается действие, характеризуемое выражением лица, времени, итеративности и потенциальности, т. е. теми же признаками, что и в алеутском языке, но в русском из них грамматическими категориями глагола оказываются только лицо и время. Остальные грамматические категории алеутского глагола переданы в русском соответствии наречиями, т. е. другою частью речи. Следовательно, у глагола в русском языке оказывается меньше грамматических категорий, чем в алеутском.

Эти категории, как в членах предложения, так и в частях речи, устанавливаются, конечно, не на отдельно взятых примерах, а по общим признакам, характеризующим соответствующий член предложения и часть речи в каждом языке. Тем самым уточняются основные свойства наличного в нем глагола и основные функции выделяемых наречий.

В такой передаче одного и того же содержания предложения двумя резко друг от друга отличающимися приемами имеют большое значение господствующие в языке нормы синтаксического построения. В алеутском ярко выступает агглютинативный строй, тогда как в русском в значительной степени преобладает флективный. Флексия, при ее многозначимой приставке, не обладает теми широкими возможностями, какие выявляет агглютинация. Каждая агглютинативная приставка с ее однозначным содержанием ведет к их нагромождению, насыщая тем самым содержание слова различного рода оттенками, требуемыми контекстом излагаемой речи. Одна приставка передает интенсивность определенного значения, другая итеративность, третья разного рода характер потенциальности и т. д. В итоге, агглютинация ведет к обогащению единой формы сказуемого многообразием выражаемых в нем оттенков действия, в связи с чем обрастание сказуемого иного рода словами сокращается. Сокращается в том числе и привлечение обстоятельственных слов, что влечет за собою менее развитые формы наречий. В языках аморфных (корневых или изолирующих), наоборот, сказуемому свойственны минимальные возможности передачи одним словом разнообразных подробностей действия. Поэтому границы синтаксически тяготеющих к сказуемому слов оказываются в аморфных языках максимально расширенными. Все же, если в этих языках, при отмеченных выше условиях, имеется наиболее благоприятная почва для развития обстоятельственных слов, последние, тем не менее, в наименьшей степени поддаются дифференциации по частям речи. В данном положении более ясно выделяются обстоятельства, как член предложения, и менее ясно наречия, как часть речи. Их роль обстоятельственных слов устанавливается почти исключительно контекстом каждого фразеологического их употребления. Сами же они, взятые в отдельности, не носят специфического морфологического оформления, по которому можно было бы их отнести к той или иной части речи. Поэтому, ни в алеутском язы-

ке, представителе агглютинативного строя, ни в китайском, представителе аморфного, не будет такого разнообразного и такого частого использования наречий, как, например, во флективных языках. В последних, морфологическое оформление слов, выступающих в значении сказуемого и входящих в единый с ним комплекс, дает совершенно иное выражение взаимоотношениям между теми частями речи, которые могут включаться в состав группирующихся при сказуемом слов.

В затронутой нами теме, посвященной наречиям, в первую очередь обращает на себя внимание только что отмеченная дифференциация предикативных показателей и закрепление их за различными лексическими группами. Такое выделение морфологически представленных предикативных показателей может иметь место только в тех языках, в которых разделение по частям речи уже значительно. В таких языках, благодаря этому, точно выделяются грамматические категории каждой обособившейся части речи с ее отличительными лексическими и синтаксическими признаками. Установление точной семантики члена предложения, представленного во всем составе объединяемых им слов, а также установление функции последних, ведущей к приурочению им специальных по этой функции морфологических показателей, обусловливают контур изучаемой части речи.

Этим и объясняется то положение наречий, о котором только что говорилось. Наречия выделились по основной функции обстоятельственных слов, в значении которых они и выступают в предложении. Обстоятельственное слово есть спутник глагола, но не его составная часть.[1] Глагол и сопутствующее ему обстоятельство образуют, как мы видели, остов передаваемого сказуемым содержания. Поэтому, если обстоятельственные слова обусловили собою обособление наречий в словарном составе языка, то сами наречия, по своей главной функции в предложении, остались в тесной связи с глаголом. Они оказываются до такой степени носителями предикативного содержания, что даже сохраняют связь с другими словами, содержащими в себе ряд предикативных свойств при своем использовании и вне сказуемого, например с причастиями. Таким образом, наречия остаются по основному своему свойству выразителями отдельных признаков предикативности.

Все же, выступая в составе группы сказуемого вместе с глаголом, наречия не оказываются в равноправном с ним положении. Наречия характеризуют действие в его процессе, уточняют модальные его оттенки, указывают на место, время, условия его совершения и т. п., но не обозначают самого действия.[2] Поэтому, сопровождая глагол, они выступают выразителями тех признаков, которые отмечаются в сказуемом и остаются без особого выражения в самом глаголе. Предикативные признаки могут быть выражены не одними только наречиями, но и именами, выступающими в значении обстоятельственных слов, которые, тем не менее, остаются именами. Не всегда обстоятельство выражается только наречиями, и потому не всякое обстоятельство есть наречие. Наречие, как лексическая группировка, выделяется только в том случае, когда оно само становится по своей грамматической форме обособленным от прочих частей речи, выступающих как вне сказуемого, так

---

[1] Обстоятельство, в этом его понимании, есть член предложения, но зависимый, см. стр. 128 сл.

[2] Кроме тех случаев, когда наречие смыкается с категориею состояния, выступая сказуемым, см. стр. 273 сл.

и в его составе в том же синтаксическом значении, как и наречия. Для выделения последних, таким образом, требуются свои соответствующие данные, которые и находятся в действующем строе языка.

Обособление наречий от других лексических групп прослеживается на обширном материале древнеписьменных и живых языков. В отдельных случаях можно даже установить переходный момент к выделению этой части речи на самостоятельную позицию из прежнего общего с другими состояния. Можно проследить, например, как имя в определенном оформлении, сохраняя последнее, отрывается от основного массива имен. В этом отношении наречия являются, пожалуй, наиболее показательными. Они на примере своего выделения в особую лексическую группировку ясно указывают причину такого выделения и пути его. Причиною является отмеченная выше синтаксическая функция выражения обстоятельства при сказуемом. В языке устанавливаются определенные признаки предикативного содержания, которые сопутствуют основному значению сказуемого, а именно выражаемому им действию или состоянию. Эти действие и состояние представлены в сказуемом не в статике, а в процессе. Поэтому, в составе сказуемого требуется особое выражение оттенков этого процесса во времени, месте его совершения, в отдельных определениях модальности и т. д. Те предикативные признаки, которые не получили своего выражения в ведущем слове сказуемого, представляются особо в виде обстоятельственных слов, управляемых в своем синтаксическом оформлении сказуемым. Семантика этих предикативных признаков выделяет для своего выражения соответствующую по семантике группу слов, которая и оказывается обычным носителем данных категорий предикативности. Эта группа обособляется среди остального лексического состава языка, застывая в своей падежной или иной форме и выделяясь тем самым из парадигмы склонения соответствующего имени или парадигмы спряжения глагола. Например, такая застывшая падежная форма, при изменении самой системы склонения имени, нередко сохраняет в себе падежное окончание, когда-то существовавшее и затем переставшее существовать в языке. Тем самым выделяется и формальная сторона, по которой нетрудно отличить наречие от других имен. Но такое положение наречий выступает в различных языках в различных моментах своего движения к лексическому обособлению, что, наоборот, уже затрудняет определение всякого отдельно взятого слова, как уже ставшего наречием.

Так, например, в ненецком (юрако-самоедском) языке целый ряд обстоятельственных слов относится к числу наречий весьма условно, так как они склоняются как и имена существительные, отличаясь лишь тем, что имеют неполное склонение. Эти обстоятельственные слова сохранили дательный, местный, отложительный и продольный падежи, утратив именительный, родительный и винительный, т. е. как раз те, которыми не передаются функции обстоятельственных слов.[1] Уже одним этим последние выделяются из состава остальных имен, хотя и продолжают оставаться именами. Многим яснее выделяются те наречия, которые превратились в неизменяемые слова, вовсе утратив систему склонения. С другой стороны, трудно видеть наречия в том случае, когда имя устанавливается в своем значении обстоятельственного слова только синтаксически. Оно или получает падежное окончание, обычное для имени, например продольного падежа, ср. *сава-вна теньевам* — «по

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 17, 36—37.

хорошему знаю», ср. *то-вна хантам* — «по озеру поеду», или вовсе не оформляется падежом, ср. *сава хасава* — «хороший мужчина» и *сава теньевам* — «хорошо знаю». [1]

Яснее выделяются наречия, когда падежное изменение дает различные наречные же формы, соответствующие семантике обстоятельственного слова, причем сами падежные окончания получают иную форму, чем та, которая свойственна именам, ср. в нганасанском (тавгийском) диалекте: наречия в дат. падеже *банди-н'* — «наружу на улицу», местн. падеж *банти-ну* — «снаружи на улице», отложит. падеж *банти-да* — «снаружи с улицы», ср. те же падежи в именах дат. падеж *турку-йа* — «к озеру», местн. падеж *турку-тану* — «в озере», отложит. падеж *туркугата* — «с озера». [2] Теми же свойствами отличается наречие в мансийском (вогульском) языке, ср. падежные окончания в именах: направит. падеж *-н*, местн. падеж *-т*, отложит. падеж *-нил*, окончание наречий от имени *али* — «верхний по реке [южный]»: *ал-г'аль* — «вверх по течению» (направит. падеж), *ал-н* — «вверху по течению» (мест. падеж), *ал-ил* — «сверху по течению» (исходн. отложит. падеж), и др. [3] Еще отчетливее выделяются наречия в хантыйском (остяцком) языке, в котором они выступают в застывших архаичных формах, возводимых к именным и местоименным основам без возможности установления их падежного форманта, ср. *тата* — «здесь», *тив* — «сюда», *сив* — «туда», и т. д. [4]

В некоторых языках наречия получают специальные форманты, которые не возводятся к падежным окончаниям и, в некоторых случаях, явно к ним не восходят. Так, в селькупском (остяко-самоедском) языке, наряду с наречиями падежного образования, встречаются и такие, которые оформляются специальными суффиксами, не соответствующими нормам склонения, например суффикс *-к*, ср. *сомак* — «хорошо» от прилагательного *сома* — «хороший». [5] Что касается индоевропейских языков, то в них наречия непадежного образования встречаются весьма часто. В английском языке наречия делятся на первичные, вовсе не поддающиеся морфологическому анализу, и вторичные, которые образуются при помощи особой суффиксации, например — *-ly*, ср. *easily*, или префиксациею, ср. *to-day*, или путем словосложения, ср. *sometimes*. [6] Во французском языке обычное наречное окончание *-ment* возводится не к падежу, а к латинскому слову *mente* — «ум», превращенному в суффикс со значением образа действия. [7]

Процесс образования наречий в отдельных случаях достаточно ясен. Можно проследить, как одно и то же слово, в зависимости от контекста, то сохраняет значение косвенного дополнения, то оказывается обстоятельственным словом. Оба они имеют отношение к сказуемому, но в различной степени связи с ним. Первое из них дополняет сказуемое, уточняя условия действия согласно смыслу всего предложения, поэтому может выступить отдельным его членом. [8] Второе же, обстоятельство, характеризует детали основного значения сказуемого, оттеняет характер действия, указывая, как оно совершалось, и потому

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 17, 26, 36—37.
[2] См. там же, стр. 62, 70.
[3] См. там же, стр. 175, 180.
[4] См. там же, стр. 214.
[5] См. там же, стр. 109.
[6] См. Б. А. Ильиш, Современный английский язык, 1940, стр. 115, № 352.
[7] Ferd. Brunot, La pensée et la langue, p. 596.
[8] См. стр. 144 сл., 151 сл.

включается в синтаксическую группу этого члена предложения. Так, например, *я стрелою примчался* гораздо ближе стоит к *я быстро прибежал,* чем к *я стрелою ранил.* Это синтаксическое различие обусловило выделение наречий, как играющих весьма существенную роль в построении сказуемого, что и привело к лексическому обособлению наречий, получивших свое формальное выражение. Так *бе́гом* (творит. падеж имени существительного) и *бего́м* (наречие) различаются ударением, причем последнее (наречие) несомненно вышло из первого, т. е. из падежного оформления имени. Наречия *вечером, утром,* представляющие собою имя существительное в творительном падеже, вышли из парадигмы именного склонения и заняли самостоятельную позицию, перестав быть именами существительными. В том же по отношению к ним положении находятся такие ставшие наречиями предложные, следовательно тоже падежные образования, как *вверх, вниз* и др. Некоторые, сохранив форму творительного падежа имени, вошли в строй речи, тогда как сама падежная форма вышла из употребления, ср. *плашмя,* стоящее в творительном падеже двойственного числа, ныне не употребительном, *воочию, верхо́м,* производимое от слова *верх* с особою семантикою, и т. д.

Эти падежные окончания закрепляются за отдельными наречиями, придавая им различное значение и обращаясь в каждом отдельном случае в неизменяемые форманты. Таким путем, т. е. различными падежными изменениями, может от одной основы образоваться ряд наречий. Такое падежное изменение вовсе не является склонением наречий. Оно было падежным изменением в прошлом, когда наречие еще не было наречием, а выступало обычным склоняемым именем в синтаксическом значении обстоятельства. Но когда падежные формы уже закрепились за наречием, они обратились в его формант, утратив значимость падежного окончания. Таким путем в русском языке получился ряд наречий падежного и предложно-падежного образования от одной основы, ср. *верхом, наверху, сверху* и т. д. Очевидно, в том же положении, или в переходном к нему состоянии, находятся и указанные выше формы неполного склонения в северных языках. Они, по существу своему, представляют вовсе не формы склонения наречий, а отдельные выделяемые по своему значению наречия падежного образования от одной общей основы, или же имя в его значении обстоятельственного слова. Это имя сохранило за собою только те падежи, которые ему необходимы для этого его синтаксического выступления в строе предложения, и утратило другие, ненужные в указанных целях, падежи. Тем самым такое имя, выступая уже в односторонней синтаксической функции, сохраняет за собою из числа своих именных свойств только то, что требуется для закрепившейся за ним синтаксической роли и само закрепляет за собою как за лексическою единицею только эти признаки. При таких условиях, указанные имена неполного склонения выделяются как неполноценные имена существительные. Тем самым они отделяются от остальных имен и переходят в лексическую группу наречий или стоят на пути к такому переходу.

Наречия падежного и непадежного образования, каких много и в русском языке, ср. *хорошо, тепло, быстро,* выступая обстоятельственными словами, резко противополагаются другим в этой же роли выступающим именам, хотя бы они генетически к ним и восходили. Представляя в большинстве случаев производное образование, наречия обязаны своим выделением в особую группу слов синтаксическому их зна-

чению. Характеризуя действие или состояние, они оказываются носителями одного из предикативных признаков, но не являются сами по себе выразителями предиката, поэтому в предложении им свойственно выступать при сказуемом, но не самим сказуемым. Только в отдельных случаях, в связи с особым контекстом предложения, наречия выступают и в этой роли, так же как и любое имя в необычной его синтаксической позиции. Выступая обстоятельственным словом, наречие трудно отличимо от имени только тогда, когда имя в соответствующей падежной форме часто выступает в положении обстоятельственного слова и начинает прикрепляться к этой синтаксической функции. Когда же имя не отличается таким свойством или когда обстоятельственным словом выступает застывшая его форма, тогда выделение наречий сомнения не возбуждает, ср. саамское (лопарское) *талв-ас* в омертвевшей падежной форме [1] и русское его соответствие *на зиму,* представляющее собой действующую падежную форму. С другой стороны, ср. русские *поездом приехал* (имя существительное в значении обстоятельственного слова) и *пешком пришел* (наречие в том же значении), и др.

Таким образом, вопрос о наречиях тесно смыкается с общим, уже не раз затрагивавшимся нами, вопросом об использовании определенной части речи в синтаксическом значении определенного члена предложения. В частности, говоря о наречиях, мы говорим в то же время об обстоятельствах. Наречие есть одна из разновидностей выражения обстоятельственных слов в составе группы сказуемого, т. е. является тою частью речи, которой свойственно занимать в предложении место обстоятельства. Выступая в таком синтаксическом положении, наречие отличается среди остальных обстоятельственных слов тем, что получает свои особые формально их выделяющие показатели. [2] Синтаксическое использование наречий закрепило за ними специальные лексические свойства, полученные в результате длительной практики их синтаксического служения. Тем самым наречия выделяются в особую часть речи, когда их синтаксическая функция придает им специально им свойственное лексическое оформление.

11. ВВОДНЫЕ (МОДАЛЬНЫЕ) СЛОВА

В последнее время особое внимание уделяется исследователями особой группе «модальных слов». [3] Это — те слова, которые в известной своей части выступают в вводных членах предложения и потому не входят в синтаксические отношения с отдельными словами предложения, а относятся ко всему высказыванию целиком. [4] Такие слова и выделяются в одну довольно обширную и по своему составу весьма

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 150. Форма наречия *талвас* устанавливается как омертвелый латив, в живой речи уже не существующий, ср. наречие в том же языке *тальва* (зимой), стоящее в дательно-направительном падеже от имени существительного *тальв* (зима), от которого тот же падеж в живом языке будет *талва* (к зиме), и т. д.

[2] Неоформленность, застывшая падежная или иная морфологическая форма, отсутствие словоизменения и т. д.

[3] В. В. Виноградов считает модальные слова за «части речи» (в кавычках) и утверждает, что они не входят в систему частей речи, см. Современный русский язык, I, стр. 154; II, стр. 551. С. И. Абакумов определяет их как части речи и почему-то считает, что впервые их признал таковыми В. В. Виноградов, см. С. И. Абакумов, Современный русский литературный язык, 1942, стр. 109.

[4] О вводных членах предложения см. стр. 186 сл.

разносортную группу. Отдельными исследователями сюда включаются и частицы, ср. *-де, я-де сказал,* и самостоятельные слова типа *несомненно, говорят,* даже словосочетания вроде *по словам такого-то, как утверждает исследователь, чорт возьми* и т. д. Все, что в том или ином виде выступает в предложении с оттенком индивидуальной характеристики высказывания или эмоциональной экспрессии, получает тенденцию ко включению в названную группу слов. Поэтому объем данной группы разрастается до необычных размеров. Формальный же, морфологический признак, при этом, местами почти совершенно опускается. В основу ложится семантический оттенок, который слово или словосочетание получают в отдельно взятых контекстах высказывания. Этим, главным образом, и руководствуются.

Даже из этого ограниченного числа примеров видно, что в состав модальных слов попадают самые разнообразные представители речи, и при том с самым разнообразным синтаксическим значением и построением. Здесь имеются даже целые предложения и словосочетания, которые уже в силу одного этого не могут быть включены в части речи. На самом деле, *как утверждает исследователь,* есть вводное предложение со своим подлежащим и сказуемым.[1] Ни оно целиком, ни каждое его слово в отдельности не относится к группе модальных слов. Здесь выступают союз, глагол и имя существительное. Что же касается отдельных слов, используемых не в словосочетании, а самостоятельно для выражения данного члена предложения, то такие, как *говорят* и т. п., представляют собою не особую часть речи, а уже хорошо известную и богато представленную в языке. В частности, *говорят* есть глагол в 3-м лице множ. числа с неопределенно-личною семантикою, ср. *мне говорят, что этот вывод имеет свои основания.* Таким он остается и в позиции вводного члена предложения. Здесь (ср. *он, говорят, долго работал*) глагол получает семантический оттенок общей характеристики всего высказывания. Но этим своим оттенком он обязан не своему переходу в другую часть речи, а синтаксическому положению в строе предложения. Он получает такой оттенок не потому, что обращается в модальное слово, а потому, что выступает вводным членом предложения.

Включаемые сюда же частицы *-де, -то* и др. являются только частицами и отдельного существования не имеют. Они присоединяются к другим словам, сближаясь с суффиксами. Так например, в *я-де сказал* нет даже и вводного члена предложения, а имеется одно подлежащее с соответствующим семантическим оттенком отрицаемого предположения, и т. д.[2] Тут мы имеем служебные частицы, оформляющие другие слова и придающие им требуемое контекстом выражение, а вовсе не модальные слова. *Чорт возьми,* равным образом, вызывает сомнение в возможности включения его в число модальных слов. Это словосочетание представляет собою синтаксическое построение. Правда, оно, в отличие от других тут же приведенных слов и оборотов, застыло в данном своем сочетании слов. Оно уже цельно по своему содержанию и дальнейшему морфологическому изменению не подлежит. Получив определенное морфологическое оформление, оно закрепило его за собою. В своем словосочетании эти два слова становятся синтаксически уже однофункциональными. Но они передают эмоциональное высказывание

[1] См. вводные члены предложения, стр. 186 сл.

[2] Ср. *он-то может это сделать.* Здесь, при положительном утверждении, также нет модального слова.

и с этим своим содержанием законсервированы. Они по своему смысловому содержанию стоят ближе к междометиям, чем к модальным словам, хотя и к междометиям не относятся.[1] О них следовало бы говорить в особом разделе идиом, а не в рубрике модальных слов. Идиомы могут быть использованы в различном синтаксическом положении. Они могут выступать в качестве вводного члена, и обычно именно в нем и выступают. Но все же и в этом случае они остаются идиомами и не обращаются в отдельные слова, только которые и можно иметь в виду, когда дело касается членения лексического состава на части речи, ср. *Вот не ожидал! он, как мне сказали, уехал в Москву.* Здесь вовсе не имеется междометия, хотя *вот не ожидал*! передает эмоциональную экспрессию. Равным образом, *как мне сказали,* являясь безличным оборотом, вовсе не является модальным словом. Все подобного рода построения относятся к области синтаксиса, а не морфологии. Они, в первую очередь, касаются члена предложения, а не части речи.

Все слова и обороты, вплоть до предложений, занимающих вводное положение по отношению ко всему высказыванию, нельзя объединять в одну лексическую группировку. Едва ли все только что приведенные и им подобные словосочетания и слова следует относить в единую общую рубрику «модальных слов», и, во всяком случае, их не следует сопричислять к особо выделяемой части речи.[2] Можно говорить, что вводный член предложения может быть представлен отдельными частями речи, словосочетаниями и т. д., но относить все то, что свойственно члену предложения, в одну лексическую группу «модальных слов» весьма рискованно.[3] Это может привести и привело только к затруднениям в разрешении и без того крайне сложного вопроса.

Субъективное отношение и эмоционально-волевое выражение могут или стоять обособленно, или же присоединяться к составу предложения. В первом случае они выступают самостоятельным предложением, получая вполне законченное содержание, а во втором — образуют вводный его член, ср. *я, вероятно, туда пойду* и *ты пойдешь туда? — Вероятно.* В значении таких отдельных предложений и вводных членов предложения могут выступать представители различных частей речи, ср. *конечно, я этому очень рад* и *признаюсь, я этому очень рад.* В последнем примере в значении вводного члена предложения выступает обычная глагольная форма в 1-м лице, которая и остается глаголом, а вовсе не обращается в вводное (модальное) слово, ср. *позвольте, вы ведь не урядник, не староста,— разве это ваше дело народ разгонять?* (Чехов «Унтер Пришибеев»), где нет вовсе эмоционально-волевого выражения, и *Позвольте! За непорядками есть кому глядеть. На это есть урядник, староста, сотский* (там же), в котором тот же глагол *позвольте* получает это выражение, не обращаясь в междометие, ср. также приведенный выше пример *но, мне кажется, такое предположение не более как гадательное,* где *мне кажется* остается глагольным оборотом и не превращается в модальные слова, хотя в них и выражается отношение говорящего к излагаемому им контексту предложения.

---

[1] См. стр. 291 сл.

[2] Ср. С. И. Абакумов, ц. с., стр. 109.

[3] Сам по себе термин «модальные слова», «вводные слова» особых сомнений не вызывает, поскольку он, так же как и термин «обстоятельственные слова», указывает на синтаксическое положение этих слов в предложении, а не на принадлежность их к особой части речи. Но когда модальные слова понимаются как часть речи (ср. С. И. Абакумов), тогда все сомнения, касающиеся охвата этих слов, всплывают наружу (см. прим. к стр. 271).

В составе вводных членов используются разные части речи, но в них может выделяться речевою практикою особая лексическая группа, приуроченная к специальному выступлению именно в данном синтаксическом положении. Слова, семантически наиболее подходящие к выступлению в указанной синтаксической позиции, прикрепляются к этому их синтаксическому использованию. Это может отражаться на их внешней форме и это же ведет к их выделению среди остального запаса слов. За такою лексическою группою устанавливаются свои, ей присущие, формальные показатели. Тем самым могут вырабатываться в языке обособленные группировки слов, о которых сейчас и идет речь.

К числу таких выделяемых в особую часть речи вводных (модальных) слов, при всем сказанном выше, можно присоединить только такие слова, которые получили специальное назначение выступать в вводном члене субъективной оценки и закрепляются за этим членом предложения. Внешним их отличием является неизменяемость формы, застывшая форма падежного и всякого вида аффиксального образования, вплоть до сохранившихся архаичных образований. Неизменяемостью формы они, до известной степени, сближаются, с одной стороны, с наречиями, а с другой, с категориею состояния, резко в то же время отличаясь и от тех и от других своею только что отмеченною синтаксическою функциею.[1]

От наречий и тем более от категории состояния вводные (модальные) слова отличаются тем, что не входят в состав группы сказуемого, что характерно для первых. Если они и связываются со сказуемым, то семантически, а не синтаксически. Они не выступают и не могут выступать сказуемым главного предложения, как это присуще категории состояния. Если же они приобретают значение сказуемого в том вводном члене предложения, который сам разворачивается в форму предложения, то они перестают быть модальными словами или же оказываются использованными не по их прямому назначению.

Очевидно, эта синтаксическая функция и обусловила их отделение от других частей речи, так как генетически они в большинстве случаев связаны с другими словами, выступая как производные от них формы, ср. *мол* (от *молвить*), *дескать* (от *дей* и *сказать*) и др. Тем же путем, повидимому, образовались и сюда же включаемые идиоматические обороты типа *собственно говоря, так сказать* и пр., равным образом, застывшие в данном своем построении и обратившиеся в одно цельное выражение: *Наполеон, можно сказать, строил на новом месте* (Е. В. Тарле). Такими вводными (модальными) словами изобилует разговорная речь, в особенности народные сказки, ср. в саамском (лопарском) языке: *тыль йилльень калльесь оакеньесь* — «вот, жили старик со старухой»,[2] см. в русских народных сказках, и т. д.

Вводя в предложение выражение того смыслового оттенка, который придает всему предложению говорящее лицо, эти слова и обороты приобретают весьма широкое употребление. Вместе с тем они получают самое различное содержание, передающее детали субъективного выражения во всех его возможных смысловых разновидностях многохарактерной речевой экспрессии. Тот оттенок, который придается смыслу предложения,

[1] А. А. Шахматов считает их «редуцированными по своему смыслу предложениями» и причисляет их, главным образом, к наречиям, ц. с., стр. 265, § 353. Ср. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, 1912, стр. 297 сл.

[2] См. «Языки и письменность народов Севера», I стр. 155.

в этих заданиях получает свое весьма разнообразное внешнее выявление. Иногда для его передачи достаточно одного слова, иногда приходится прибегать к целым оборотам, примеры которых уже приводились. В этой роли легко используются представители различных частей речи, существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Из них, как мы видели, далеко не все переходят в модальные слова. Наоборот, большинство из них выполняет данную функцию только в данном построении предложения. Лишь сравнительно незначительная часть попадает в постоянное использование в этих вводных членах предложения и в них приобретает свое особое и уже стабильное оформление. С ним она выступает в языке как оформленная лексическая единица специального назначения и специального построения. Исключая из состава вводных (модальных) слов все те слова, которые еще не обратились в специальных носителей их же функции и сохранились в составе других частей речи, мы тем самым проводим более четкое различие между синтаксическим выступлением и лексическим обособлением.

Остающийся запас слов, явно тяготеющих к вводным (модальным) словам, не попадает, как мы видели, ни в одну из перечисленных ранее лексических групп. Не являясь выразителями обычных предикативно-аттрибутивных отношений и не имея непосредственной связи со сказуемым основного остова высказывания, вводные (модальные) слова не имеют достаточных данных для причисления их ни к наречиям, ни к выделяемой категории состояния. Оставаясь в то же время в словарном составе языка и занимая в нем определенное место, эти слова, выступающие отдельным членом предложения, а иногда и со значением целого предложения, оказываются в современной классификации по частям речи далеко не всегда учтенными. Иногда их относят к наречиям по признаку неизменяемости формы, некоторые из них считаются неполноценными словами, а некоторые даже признаются служебными частицами.[1] Между тем, как мы только что видели, они имеют свое лексическое содержание и свое особое синтаксическое использование, отражающееся на их формальной стороне, что и дает все основания для постановки вопроса о выделении их в обособленную языковую группу.[2] По крайней мере за это говорят материалы самых разнообразных языковых систем.

Все же и в вводных членах предложения выступают лексически обособленные слова со специальным оформлением, полученным в итоге данного синтаксического их употребления. Если слово, выступающее в позиции вводного члена, сохраняет грамматическую форму определенной части речи, то оно и остается в этой части речи. При выходе из нее слово изменяется, или получая новую форму или сохраняя старую, но уже в омертвевшем виде. По своему грамматическому оформлению, имеющему свое историческое прошлое, такие слова в современном строе языка не находят никаких соответствий в других частях речи. Такие слова не могут быть причислены ни к именам, ни к глаголу, ни к наречиям, так как, прежде всего, они не выступают ни предметным членом предложения, ни предикатом и не выражают признаков кого-либо из

[1] См. вводные частичные слова у А. М. Пешковского, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., 1938, стр. 66—69, 159—161, 371 сл.

[2] Являясь по своему смысловому содержанию редуцированным предложением, модальные слова сохраняют в отдельных случаях построение словосочетаний, что и затрудняет отнесение их к самостоятельным частям речи. Но и такие словосочетания объединяются содержанием не столько синтаксического, сколько сложного лексического оборота.

них, ср. *Чай, заждался? Небось, бранил дядю за то, что не едет?* (И. С. Тургенев, «Дворянское гнездо»). Здесь *чай* и *небось* грамматической формою резко выделяются, и синтаксическое положение их тесно связано с вводным членом, о котором сейчас идет речь.[1] Такие слова отделяются от прочего лексического состава. Они ни в одну другую часть речи не входят. Но все же число их, повидимому, незначительно.

12. МЕЖДОМЕТИЯ

Что касается вводного члена эмоционально-волевого высказывания, то он не обратил на себя внимания в связи с вопросом о возможности приурочения также и ему специальной части речи. Между тем, определенная группа слов, явно обособленная от других, выступает с ярко выраженным семантическим содержанием именно этого члена предложения. Таковы междометия.

Междометия прослеживаются во всех языках. Они занимают в них различное положение в зависимости от строя речи и характера высказывания. Наиболее обособленное место они занимают в инкорпорирующих языках, в которых они не входят в состав инкорпорированного комплекса, стоят обособленно, но всегда имеют социальную значимость и вовсе не случайны в своем использовании. Стоя обособленно, они, в отличие от сложного построения инкорпорирования, представляют собою краткую форму с определенным законченным смысловым содержанием. Междометия в этих условиях выступают со значением целого предложения, хотя бы и выраженного одним словом. Здесь они не могут занимать места обычного члена предложения, даже обособленного.

В языках, в которых вместо инкорпорирования выступает словосочетание, междометия занимают иное положение. Они включаются в общий поток речи, то выступая отдельным предложением, то входя в состав другого предложения, продолжая все же сохранять в нем самостоятельное место. Исключением бывают только те случаи, когда они используются не по прямому своему назначению. При отрывочных фразах младописьменных и тем более языков, вовсе не имеющих письменности, междометия вставляются в последовательно идущие одно за другим краткие предложения, выделяясь в них лишь особенностями своей семантики. Для примера повторяю отрывок в дословном русском переводе из уже раньше приводившейся хантыйской (остяцкой) народной сказки: *Огонь зажег. Котел повесил. Заметил: старик идет. Белобородый старик. Гей ну-ка, что делаешь? Пищу делаю я ну-ка! Гей, говорит, ты пищу делаешь...*[2]

Междометия выступают здесь в составе передаваемой разговорной речи. Они дополняют вопросы и ответы, не изменяя их содержания, но придавая им соответствующий оттенок аффекта и волевого изъявления говорящего лица. Междометия не выступают тут отдельными предложениями и остаются связанными со всеми основными предложениями, входя в их состав. Междометия сопутствуют им и подкрепляют их, оставаясь при этом обособленными. Они не стоят в общей цепи членов предложения, подлежащего, сказуемого, дополнений и не входят ни в какую синтаксическую с ними группу. Они присоединяются со стороны, но все же не случайно и не идя вразрез со всем смыслом высказыва-

[1] См. В. В. Виноградов, ц. с., стр. 559, 562.
[2] См. стр. 181—182.

ния. Наоборот, они добавляются к предложению в полном соответствии с его содержанием и, следовательно, находятся в связи с ним. Такое положение можно было бы определить как положение вводного члена предложения эмоционально-волевого значения.[1]

В положении такого вводного члена предложения, в особенности в развитых литературных языках, могут выступать слова, относящиеся к различным частям речи, ср., например, в русском: *Это — уже целое научное открытие... Да здравствует наука и долой охоту!* (И. Д. Папанин, «Жизнь на льдине», 56), *Вот радость! Эрнст принял поздравительную телеграмму* от *Шмидта* (там же, 27), *Посмотрел на себя в зеркало: ужас! Ведь мы с нового года не мылись* (там же, 220), *Конечно, сказал он, можно экономить* (там же, 18), *Да, сказал я, Женя прав* (там же, 24), *Солнце! Наконец-то!* (там же, 198), *Ага, голубчик, скажут в Москве, подать сюда Петра Петровича* (там же, 36). В первом примере в интересующем нас положении выступает целое предложение с глаголом в повелительном наклонении: *да здравствует наука и долой охоту*. Затем выступают имена существительные — *радость, ужас* с тем же оттенком экспрессии. *Да* и *конечно* относятся к вводным (модальным) словам и получают эмоционально-волевое содержание только потому, что оно придается им занимаемою ими синтаксическою позициею члена предложения, выражающего не субъективную оценку произносимого предложения, а эмоциональный оттенок, ср. *Женя, конечно, не терял времени и на дежурстве обрабатывал материалы своих наблюдений* (там же, 16) и *Конечно! сказал он, можно экономить*. Оказавшись в позиции другого члена предложения, вводные (модальные) слова не переходят в междометия, так же как приведенные выше имена существительные, оказываясь в таком же положении, остаются именами существительными. В противном случае мы придем к отождествлению члена предложения с частью речи и имя существительное окажется то именем, то глаголом, то междометием и т. д. Все это будет зависеть от синтаксического его значения, от того, в положении какого члена предложения оно выступает, ср. *ужас напал на них; это — ужас; посмотрел на себя в зеркало: ужас!* Положения не меняет и то, что имя, выступая в значении междометия, сохраняет определенную форму, так как и выступая в сказуемом, имя получает определенное оформление. Встречающиеся в тех же примерах слова *наконец, наконец-то* относятся к числу наречий, но они же, в зависимости от контекста, получают и эмоциональную окраску, ср. *Наконец-то прилетел Мазурук. Теперь все в сборе. Разгружается последнее имущество нашей станции* (там же, стр. 15) и с другой стороны: *В полдень я вышел из палатки и не удержался от радостного восклицания.— Солнце! Наконец-то!* (там же, 198). Таким образом, во всех приведенных примерах только *ага* оказывается несомненным междометием.

Таких междометий много. Часть их обычно возводится к непроизвольным эмоциональным выкрикам. Но даже и тогда, когда такое утверждение соответствует действительности, что несомненно может иметь место, оно получает в значительной степени лишь значение исторической справки. Выкрик, не попадающий в широкое общественное использование и не получивший общественного признания за ним определенного социального значения, остается эмоциональным выкриком и вовсе не включается в состав речи. Получивший же общественное признание,

---

[1] См. стр. 186—189.

обращается в слово и перестает быть выкриком. Все же и при наличии колебаний в определении места междометий, последние обращают на себя особое внимание. В частности, ряд специалистов усматривает в них даже древнейшие элементы, позволяющие судить чуть ли не о глубочайших периодах истории развития слова.[1] При этом обычно упускается из виду, что эмоциональные выкрики современного человека, даже повторяющего старые образцы, но обладающего развитою разговорною и тем более литературною речью, конечно, не могут быть тождественны с эмоциональными выкриками первобытного человечества. Между тем за междометиями, в значительной степени благодаря этим исследованиям специалистов, закрепилось понимание их вообще как эмоциональных выкриков, а не слов.

Воспринимаемые под этим аспектом междометия с натяжкою включаются в словарный запас языка, тогда как на самом деле являются его представителями, тесно связанными с остальным словарным составом. Даже те междометия, которые легче всего возводятся к выкрикам, попадают в повествовательный текст, хотя и с оттенком эмоциональности, но без всякого момента случайности и эмоции; наоборот, они вполне сознательно и умышленно включаются в повествование. Так, например, крайне трудно те междометия, которые использованы в приведенном выше остяцком рассказе, признать за независящие от воли рассказчика случайные выкрики, ср. *заметил: старик идет, белобородый старик. Ей таха, что делаешь? Пищу делаю я таха. Ей, говорит...*[2] И, само собою разумеется, нельзя видеть выкрик в записях И. Д. Папанина *Ага, голубчик, скажут в Москве...*, где *ага*, вне всякого сомнения, не является каким-либо непроизвольным выкриком.[3]

Появление междометий и их последующее развитие вовсе не относится к одному только какому-либо периоду истории человечества. Междометия могли создаваться и продолжают создаваться при развитой речи вовсе не как случайные выкрики, а как слова, притом создаются они под непосредственным влиянием соответствующего языка и с использованием его наличного словарного состава и в тесной связи с ним, ср. *баста!* (из тюркских языков), *ба!* (из французского *bah*), *марш!* (из французского *marcher*, откуда и глагол *маршировать*), и др.; тут же и идиоматические выражения типа *к чорту! вот тебе раз!* и т. д. И обратно: *ухнуть* от междометия *ух!; бухнуть* от *бух!; фукнуть* от *фу!* и пр.

Такие междометия превалируют в своем числе по сравнению с возводимыми к непроизвольным выкрикам. Они создаются в языке, потому что этого требует строй языка, а вовсе не под непосредственным влиянием каких-либо эмоций. Но создаются они для передачи эмоционального оттенка, требуемого речью, а не выкриком. Для передачи этого оттенка используются различные синтаксические средства, в том числе и выделение в предложении особого для того члена. Выступающие в нем слова могут, как мы видели, принадлежать и не к числу междометий, так же как и последние могут выступать в роли других членов предложений, ср. *ага! сказал я* и *я сказал ага; Ура! прокри-*

[1] Обзор различных высказываний о звукоподражательном и междометном происхождении слова см. у O. Jespersen, Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung, Heidelberg, 1925 (Language, its nature, development and origin, London, 1934), Kapitel XXI, § 2.

[2] См. стр. 182, 291.

[3] Ср. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке. «Русская речь», новая серия, II, 1928, стр. 9.

чали мы и *мы прокричали ура; раздалось громкое ура; не говори гоп, пока не перескочишь* и т. д. Те же отмеченные выше пути развития междометий прослеживаются в той или иной степени во всех языках, причем случаи их производного образования увеличиваются по мере развития языка, так например, в казахском междометии *бәрекелді* — «ой молодец!» наличествует вспомогательный глагол *кел* — «ходить, приходить», и др. Производные междометия прослеживаются и в таких языках, как северные, ср. в ненецком (юрако-самоедском) *ньакан'ы!* — «эй брат!», образованное при помощи суффикса *-н'ы,*[1] ср. в саамском (лопарском) языке явно не звукоподражательного происхождения междометия *льанць* — «будет, довольно», *йеск* — «стой, перестань», и т. д.[2]

Все это указывает на то, что междометие представляет собою вовсе не вымирающую категорию слов и не только уцелевший в языке рудимент, сохранившийся от его далекого прошлого. Междометия имеют свою вполне действующую силу и продолжают развиваться, что, несомненно, обусловливается их связью с синтаксическим построением предложения. Выражая переживаемые ощущения и волеизъявление, междометия образуются в составе той синтаксической единицы, которая, выступая отдельно и получая самостоятельную значимость, сближается по своему содержанию со значением обособленно стоящего предложения. Выступая же на ряду с другим предложением, междометия становятся в связь с ним, сохраняя в то же время здесь свою обособленность и синтаксически не соединяясь с другими словами. Смысловому содержанию всего высказывания междометия не только не могут противоречить, но, наоборот, находятся в явной с ним связи. Тем самым вырабатывается их формальная сторона, лексически и синтаксически отделяющая их от других слов.

Попадая в словарь языка, междометия не могут быть отнесены ни к наречиям, ни к категории состояния, ни к модальным словам, формально наиболее к ним близким, но ясно от них отличаемым синтаксически и семантически. То, что многие слова находятся еще в промежуточном положении между этими частями речи, синтаксически используемые в значении и тех и других, это касается всех названных лексических групп и свидетельствует лишь об их активной роли в практике живого языка. Если формально и семантически выделяемый член предложения придает приурочиваемой к нему группе слов такой же характер обособленности, то эти выступающие в нем слова, именуемые междометиями, получают все данные для своего выделения. Они обычно и выделяются. Только не всеми признается такое их выделение равноправным выделению частей речи. Так например, Г. Н. Прокофьев в обзоре ненецкого языка самоедской группы рассматривает междометия особо, но вне частей речи, а в обзоре селькупского языка той же самоедской группы уже находится в некотором колебании и готов считать междометия восьмою, выделяемою в этом языке, частью речи.[3]

Если не исключать междометий из состава слов или не ставить их в какое-то исключительное положение, как слова, не связанные с выражением своих собственных грамматических категорий, то их придется выделить в особую часть речи. Исключать же их из состава словаря или помещать в приложении с отдельными оговорками крайне трудно, хотя они и имеют свои особенности.

---

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 45.
[2] См. там же, стр. 155.
[3] См. там же, стр. 45, 100, 117.

Они передают эмоции, настроение, волеизъявление и т. д., поэтому их обычно и отделяют от других слов, так же как отделяют само экспрессивно-интонационное высказывание за рамки предложения. Между тем они теснейшим образом связаны с основным высказыванием, так как само предложение вовсе не чуждо таких оттенков переживаний, настроений и ощущений говорящего. В живой речи они яснее всего передаются интонацией, но интонация слабо учитывается лингвистикой, очевидно поэтому и ее экспрессивно-интонационные выразители в речи, междометия, остаются недооцененными. Подходя со стороны интонации и экспрессии, такое предложение, как *c'etait un brave homme!*— «[Вот] это был бравый человек!», оказывается все настолько проникнуто оттенком экспрессии, что оно целиком может быть понято как выступающее в той же роли, в какой выступает и междометие. Но интонация и экспрессия, легко передаваемые в разговорной речи, слабо улавливаются в письме. Поэтому в письменной речи они восполняются обособлением члена предложения, особыми фразеологическими и синтаксическими оборотами и использованием междометий и т. п. Ср. *non, laissez-moi! laissez-moi! fichtre!* — «нет, оставьте меня, оставьте меня! фиштр!» (Флобер).[1] Следовательно, и междометия не только не отделяются от предложения как что-то более живое от чего-то более сухого, но, напротив того, связываются с ним еще теснее, почему и крупнейшие представители классической литературы вовсе не чуждаются междометий, ср. у Гоголя, у Альфреда де-Мюссе и др.: *une fille belle comme le jour!... Que de journées j'ai passés, moi, assis sous les arbres, Ah! quelle tranquillité* — «девушка, прекрасная как день... Сколько дней я провел, я, сидя под деревьями; Ах! какое спокойствие».[2] Трудно при таких условиях сохранять традиционную точку зрения о междометиях как о словах, стоящих особняком в общем лексическом составе и совершенно изолированных в предложении.

13. ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

В ином положении, чем перечисленные выше категории слов, находятся предлоги, союзы и разного рода служебные частицы, в том числе артикли. Предлоги и союзы ни по своей лексической семантике, ни по своей синтаксической функции не выделяются среди лексического состава языка в той же степени и на тех же основаниях, по которым проводилось выделение поименованных групп слов. Прежде всего, ни предлоги, ни союзы не являются носителями выражений понятия или наименования предмета и потому самостоятельного лексического значения не имеют. Вместо лексического значения они содержат в себе указание на синтаксическую связь между членами предложения. Так, по своему содержанию предлог «перед» означает, что кто-то или что-то находится впереди кого-то или чего-то, а союз «и» выражает чисто синтаксическое понятие о том, что два или несколько слагаемых имеют внутри предложения взаимную связь. Синтаксически ни союз, ни тем более предлог никогда не занимают самостоятельной позиции и никогда не могут выступать самостоятельным членом предложения или составною его частью со своим цельным лексико-синтаксическим содержа-

[1] См. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 539—550.
[2] См. там же, стр. 542.

нием. При таком положении они, уже став предлогами и союзами, никогда не были и не могли быть частями речи.

Этого положения отнюдь не меняет их историческое прошлое. Они могли образоваться из более или менее полноценных и даже из вполне полноценных слов. Не только эти служебные слова, но и отдельные аффиксы иногда прослеживаются в своем более полном виде слова, когда они еще не были аффиксами.[1] Поэтому когда в отдельных грамматиках, например северных языков, хотя бы хантыйского (остяцкого), частями речи выделяются имя, глагол и неизменяемые частицы, с отнесением к числу последних также и таких лексически и синтаксически совершенно различных категорий, как наречия и послелоги, глагольные приставки, союзы, отрицательные частицы и междометия, то это можно считать лишь недоразумением. Такая классификация построена на односторонне взятом внешнем признаке без всякого учета лексической значимости и синтаксической функции.[2]

Что касается предлогов, то их синтаксическим назначением оказывается выражение синтаксического положения другого слова в построении предложения. Определяя с этой стороны имя существительное, предлог устанавливает, чем оно выступает в контексте предложения, т. е. осуществляет те же задания, что и падежное склонение. Таким образом, предлог по основной своей функции оказывается не чем иным, как одним из падежных формантов имени, увеличивая тем самым число падежей до значительного количества даже в индоевропейских языках (ср. в английском). Между тем, рассматриваемые отдельно как самостоятельные слова и даже как представители обособленной части речи, предлоги искусственно отрываются от синтаксически связанных с ними имен. Предлоги в этом случае рассматриваются не в их синтетической связи с именем, а в синтаксических взаимоотношениях двух слов, из которых одно управляет падежом другого. Такое их обособление ведет к аналитическому восприятию их же взаимоотношений, тогда как даже в русском языке, при его развитой флективности, предлоги, по совершенно правильному замечанию В. В. Виноградова, могут быть по своей основной функции определены как агглютинативные префиксы косвенного объекта.[3]

Такое аналитическое восприятие связи предлога с именем в особенности ярко выступает в исследованиях структуры английского языка. В этом языке предлоги, равным образом, не могли не обратить на себя особого внимания. Вокруг них развернулась весьма активная дискуссия между сторонниками и противниками признания предлога за падежного оформителя, давшего построение предложного падежа. Одни из них видят в предложных построениях формы предложного падежа (Дейчбейн), а другие — вид предложного оборота (Суит, Есперсен). Но ни те, ни другие не отрицают служебного положения предлогов и признают движение их к утрате собственного значения предлога и к обращению в формальный элемент речи, идущий по пути к префиксации.

---

[1] См. Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 1920, S. 293, 353.

[2] «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 204, 221—222.

[3] См. В. В. Виноградов, Современный русский язык: частицы речи, связочные слова, лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем (I, стр. 153); «по основной своей функции предлоги могут быть определены как агглютинативные префиксы косвенного объекта, в большей части случаев еще не утратившие в русском языке лексической раздельности и собственной семантической характеристики» (II, стр. 510); ср. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 274.

Б. А. Ильиш, примыкающий к точке зрения Суита и Есперсена, подчеркивает в то же время тенденцию английского языка к дальнейшим коренным сдвигам в грамматическом строе. Признавая, что местоимения при глаголе находятся на пути превращения в глагольные префиксы, он не оспаривает также и движения предлогов в сторону превращения в грамматический формант.[1] Становясь на эти вполне оправдываемые материалом высказывания и развивая их дальше, можно притти к выводу, что местоимения при глаголе, утрачивающем флексию, обращаются в лично-местоименные приставки, образуя местоименный строй спряжения глагола, а предлоги при именах превращаются в падежные префиксные показатели, заменяющие и тут отпадающую флексию.[2] При утрате флективных личных форм глагола и флективных падежных форм имени, что и наблюдается в английском языке, этот процесс ускоряется.

Основным препятствием к признанию идущего процесса развития английского языка именно в этом виде является, с одной стороны, общее утверждение о наличии в нем аналитического строя, а с другой — само понимание аналитического строя речи. Остановимся на последнем. Аналитический строй определяется как такой, в котором слово в предложении разгружается от выражения своих формально-грамматических функций. Оно сохраняет за собою номинативное значение, выражение же своих синтаксических отношений переносит на служебные слова и служебные частицы. Такая характеристика аналитического строя, как мне кажется, во-первых, соответствует не ему, а аморфному строю, например китайского языка, а, во-вторых, не подходит к самому английскому языку.

Если стать на точку зрения А. Мейе, который признает движение индоевропейских языков к аналитическому строю и в то же время характеризует структуру их предложений как такую, в которой отдельно выступающие слова получают свое оформление не от связи их с другими словами, а по своему собственному значению, зависящему от смысла всего предложения, то понимание аналитического строя речи будет совершенно иным.[3] Под аналитическим строем будет пониматься такой, в котором члены предложения в своем оформлении зависят не от их связи с другими членами предложения внутри его, а непосредственно от содержания всего предложения. Этим аналитический строй будет противополагаться синтетическому, в котором, наоборот, построение каждого слова связано с его синтаксическими отношениями с другими словами внутри предложения.[4] При таком понимании аналитического строя английский язык, конечно, окажется ярким его представителем. Но при этих условиях вовсе не требуется аморфности наличного в предложении слова. Наоборот, слова продолжают оформляться, но сама их форма уже не синтетична, а аналитична. Здесь слово получает свое самостоятельное и независимое от других слов оформление, которым устанавливается его синтаксическое значение, придаваемое ему смыслом предложения.[5]

Подходя с этой точки зрения к английскому языку, можно будет

[1] См. Б. А. Ильиш, Современный английский язык, 1940, стр. 82 сл., §§ 248, 271 и др., стр. 89, § 270; стр. 164, § 477.

[2] Ср. во французском языке, стр. 51, 57, 73, 88, 97 сл.

[3] См. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод, 1938, стр. 359—367.

[4] См. стр. 33, сл.

[5] Ср. выше на стр. 30—31.

признать, что при его развивающемся аналитическом строе выражение лица в глаголе переносится на местоименную префиксацию, а падежа в имени на предложную префиксацию. В таком же положении находятся предлоги и во французском языке. В русском, так же как и в немецком, предлог сочетается с развитою падежною флексиею. Все же и тут тесная связь предлога с именем выступает в том, что они приемом замыкания выявляют соответствующую синтаксическую группу, ср. *перед домом, перед большим и хорошим домом,* и др.[1] При таком положении предлог, естественным образом, не может быть рассматриваем как самостоятельная часть речи.[2]

По своей основной синтаксической функции предлог в точности соответствует послелогу. И тот, и другой служат показателями синтаксических отношений. Основное различие между предлогами и послелогами заключается в том, что последние проявляют бо́льшую тенденцию к формальному объединению с именем, чем первые. Это находит свое объяснение в чисто внешних особенностях языкового строя. В большинстве языков определители локализируются перед определяемым словом. Поэтому между именем и его послелогом, занимающим постпозионное по отношению к нему положение, не могло оказаться определения. При предлогах же, наоборот, оно, занимая препозиционное положение, попадает между именем и предлогом, в связи с чем последний оказывается оторванным от имени при появлении его определений и обращается в подвижной префикс. Поэтому предлог занимает более самостоятельную позицию, чем послелог, который иногда до такой степени сближается с именем, что в свою очередь превращается в падежное окончание.

Положение послелогов в этом отношении весьма сложно. Устанавливая синтаксическое значение имени в предложении, послелог оказывается постоянным сопроводителем имени, в особенности при характеристике места действия, его направления и т. д., когда это уточняется соответствующею именною формою. При агглютинации (например в яфетических языках) послелоги тесно связываются с остальными именными формантами, а в том случае, когда они утрачивают свое собственное послеложное содержание, они просто сливаются с именем, образуя производные падежные формы. Послелог, как и предлог, может управлять падежом имени, поэтому, сливаясь с ним, он присоединяется к соответствующей падежной форме, давая вторичное падежное образование. В таких случаях установить разделительную грань между послелогом и падежом бывает иногда весьма затруднительным. Так например, в даргинском дагестанском языке абсолютный («именительный») падеж противополагается родительному и творительному (инструментальному). Все же остальные падежи образуются от творительного, ср. абсолютный («именит.») падеж *ваца* — «лес», родит. *ваца-ла,* творит. (он же активный) *ваца-ли.* Дательный падеж присоединяет к творительному суффикс *-с,* который, очевидно, представляет собою остаток послелога, утратившего свое самостоятельное послеложное значение и обратившегося в падежное окончание, ср. *ваца-ли-с* — «лесу». Направительный падеж (сближения) образуется тем же порядком, но помощью друго-

---

[1] См. стр. 51 сл.

[2] Предлог может соединяться и с глаголом, но уже не по синтаксической функции, а с лексическим значением, ср. свободное адвербиальное соединение предлогов с глаголами в немецком языке: *aufstehen, ich stehe auf* и др. В славянских языках такое соединение уже в доисторические времена сделалось прочным, см. А. Лескин, Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Русск. перевод Н. М. Петровского, 1915, стр. 276.

го суффикса *-зи*: *ваца-ли-зи* — «в лес». Здесь вопрос о послелоге ставится в другую плоскость и обращение его в падежное окончание вызывало бы сомнение, если бы эта форма в свою очередь не давала бы других, уже производных от нее. Такою, в первую очередь, является местный падеж (падеж покоя), прибавляющий к форме направительного свой суффикс *-в*: *ваца-ли-зи-в* — «в лесу». Этот падеж, повидимому, представляет собою также выветрившийся послелог, так как и от него, опять-таки, образуются другие падежные формы, а именно три падежа удаления: удаления вообще *ваца-ли-зи-в-сад* — «из лесу», удаления снизу *ваца-ли-зи-в-ад* — «из лесу вверх» и удаления вниз *ваца-ли-зи-в-хад* — «из лесу вниз». Таким образом, например, падеж удаления *ваца-ли-зи-в-сад* — «из лесу» образуется при помощи послелога *-сад*, требующего местного падежа, суффикс которого *-в*, в его прежнем послеложном значении, требовал направительного падежа, суффикс которого *-зи*, в свою очередь, в том же порядке управлял творительным падежом имени, и т. д.[1] Где мы имеем в приведенных примерах послелог и где падеж — судить крайне трудно. Но все же одно обстоятельство выступает достаточно ясно, а именно: в таких сложных построениях, какие представляют собою падежи удаления, вопрос о послелоге или падеже сводится только по отношению к последним суффиксам *-сад, -ад, -хад,* так как предыдущие, наличия которых они требуют, очевидно, уже воспринимаются как падежные форманты. Они управляются последним из присоединяемых суффиксов-послелогов, которые и сами в настоящее время могут и не восприниматься как послелоги. То же самое наблюдается в аварском дагестанском языке, в котором от творительного падежа (он же активный), например *вассас* — «брат, братом», образуются дательный *вассас-е*, родительный *вассас-ул* и местный *вассас-да,* а от последнего образуется падеж удаления *вассас-да-са,* и т. д.[2]

В только что приведенных примерах послелоги выступают уже в значительно видоизмененном состоянии. Они частично переходят, а частично уже перешли в служебные форманты — суффиксы. Такое положение, когда трудно бывает установить, с чем мы имеем дело, с послелогом или падежным суффиксом, встречается часто, но в ряде языков все же сохранение послелогами своего самостоятельного значения выступает достаточно ясно. Очевидно, все подобного рода сомнения в отнесении рассматриваемого построения к послеложному или простому падежному сводятся к установлению того качественного состояния, в котором нами застигается изучаемая форма.

Послелоги, как и предлоги, по широко распространенному мнению исследователей, восходят в своем прошлом к отдельным значимым лексическим единицам, к словам.[3] Равным образом, не подлежит сомнению, что ряд послелогов, так же как и значительная часть предлогов, переходит в служебные морфологические показатели. Они в этом случае сначала теряют значимость полноценного слова и становятся служебными частицами, а затем утрачивают свою самостоятельность синтаксического показателя и прикрепляются к соответствующим полноценным словам, получая содержание грамматического форманта.[4] При таком

---

[1] См. П. К. Услар, Хюркилинский язык. «Этнография Кавказа», V, 1892 (урахинский диалект даргинского языка), стр. 16 сл., 33.

[2] См. П. К. Услар, Аварский язык. «Этнография Кавказа», III, 1889, стр. 37, 66; Л. И. Жирков, Аварско-русский словарь, 1936, стр. 163—173.

[3] См. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 409, 443.

[4] См. Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, S. 293, 353,

положении весь вопрос сводится к тому, в каком состоянии находится в данный момент та или иная форма анализируемых нами служебных показателей. Что многие из них выступают в языке со значением служебного элемента, сохраняющего в самом себе известную долю синтаксического выражения, которое лишь в совокупности с другими словами придает последним содержание их синтаксической значимости в строе предложения, в этом не может быть никаких сомнений. Они не имеют самостоятельного лексического значения, но сохраняют значимость самостоятельного форманта с самостоятельным синтаксическим содержанием без какого-либо предметного обозначения. Эта их особенность находит себе отражение как в собственном их оформлении, так и в занимаемом ими положении среди других словосочетаний предложения.

Так например, в тюркских языках послелоги управляют определенным падежом и сами могут, изменяясь по падежам, образовывать новые послелоги с новым значением.[1] По существу, здесь нет склонения послелога. Каждая его падежная форма представляет собою самостоятельный послелог. Они занимают в синтаксическом построении место служебной частицы с самостоятельным значением, т. е. такой, которая имеет только служебное назначение. Они сохраняют в то же время свою формальную сторону отдельного слагаемого в наличном словосочетании. Послелоги в таком их положении не являются полноценными словами, но и не сливаются с другими синтаксически ими характеризуемыми словами в одно морфологически выраженное единство. Такие послелоги сопровождают основное слово, устанавливают его синтаксическое значение в предложении, для чего получают свое собственное оформление, с которым и выступают в предложении. Они сами в себе содержат то синтаксическое выражение, которое придают другому слову. Передавая такого рода смысловые оттенки, послелоги и предлоги, в зависимости от деталей этих оттенков, получают соответствующее видоизменение свой формальной стороны. Они, при таком их содержании, выступают в строе предложения как служебные частицы, не превращающиеся в служебные прилепы агглютинативного типа, хотя нередко и стоят весьма близко к последним.

Так, в казахском языке послелог *аст* — «под» в форме дательного падежа *астына* обозначает направление, а в форме местного падежа *астында* отмечает местонахождение. Обе эти формы двух уже различных послелогов указывают на общность их происхождения от одной основы и на пути их образования падежным изменением этой основы. Здесь мы имеем склоняемое оформление послелога, но не склонение самого послелога. Склоняется полноценное имя, так как изменение его по падежам выявляет его синтаксическое значение в предложении. Служебная же частица, к числу которой относятся и предлог и послелог, сама оказывается передатчиком тех синтаксических отношений, которые выступают между словами предложения, а потому выполняет ту же функцию, какую несет склонение. Следовательно, сам послелог, так же как и предлог, склоняться не могут. Уцелевшая же их падежная форма переносит нас в их до-послеложное или до-предложное состояние, когда они были служебными словами, а не служебными частицами. Склонялось это служебное слово, так как оно еще участвовало в сочетании слов предложения как равноправный его сочлен. Тут оно получало раз-

[1] Послелоги в казахском языке ясно отделяются от агглютинативных приставок тем, что они не подчиняются действию гармонии гласных и согласных, ограничиваемому пределами слова.

ные падежи, хотя бы и неполной парадигмы склонения, а лишь те, которые требовались для передачи того или иного синтаксического его положения. Когда же оно утратило лексическую значимость и тем самым обратилось в синтаксическую служебную частицу, то оно, сохранив падежную форму своего прошлого состояния, дальнейшему склонению уже не подвергается и подвергаться не может. Это мы и видим в только что приведенных примерах из казахского языка: склоняемое имя дало два послелога с различным значением. Оба они управляют родительным падежом, ср. *қазанның астына* — «под котел», *қазанның астында* — «под котлом». Здесь выступает не склонение послелога *аст* — «под», а два уже различные послелога с двумя различными синтаксическими значениями.

В том же положении оказывается большое число послелогов. Они нередко сами стоят в определенном падеже, который они получили для выражения своего синтаксического содержания. В этом падежном оформлении они остаются уже неизменяемыми, так как данное синтаксическое содержание за ними закрепилось. Имея застывшую падежную форму, такие послелоги управляют падежом синтаксически связанного с ними имени. Так например, в том же казахском языке послелоги в форме дательного падежа *бойына* и *бойынша* управляют тем же родительным падежом в изафетном построении *колхоз устабы бойынша* [*бойына*] — «по колхозному уставу». Послелог *шейін* с направительным значением, отмечающим предел движения, требует дательного падежа *қалаға шейін* — «до города» и т. д. Все эти послелоги уже утратили значение лексических единиц. Они ясно выступают лишь в своей синтаксической функции, хотя их происхождение, их трансформация из полноценных слов не менее ясна. Связь таких послелогов с их прошлым состоянием самостоятельного слова подкрепляется многими примерами. Имеются даже такие случаи, когда полноценное слово, например наречие, одновременно используется и в значении послелога, ср. русское *раньше*, казахское *бұрын*, наречие и послелог с исходным падежом: *сенен бұрын* — «раньше тебя», ср. *мен бұрын келдім* — «я раньше пришел».

Если, с одной стороны, приведенные выше примеры из даргинского и аварского языков ставят послелоги в крайне близкое положение к именным суффиксам, в которые они, несомненно, частично и переходят, [1] то, с другой стороны, только что привлеченные примеры из тюркских языков указывают на более самостоятельное в них значение послелогов, выступающих в синтаксической служебной роли. Все зависит от строя того или иного языка, от степени большей или меньшей спаянности составных частей выступающих в нем послеложных оборотов. Все же, как бы ни близки были послелоги к переходу в именные суффиксы, они не только в тюркских языках, но и в яфетических Кавказа сохраняют свое послеложное положение. В них еще в значительной степени ощущается их прошлая именная основа. И эта близость их к имени, от которого они и произошли, сохраняет за ними известную долю той самостоятельной значимости, которая препятствует их обращению в агглютинативную приставку. [2] Последняя носит в себе определенное ей присущее синтак-

[1] См. стр. 298—299.

[2] См. Н. К. Дмитриев, Служебные имена в турецком языке, «Советское языкознание», III, 1937, стр. 134: «Если турку нужно сказать: «за деревом», он будет говорить «в спине дерева», используя конкретное и предметное слово спина в чисто грамматической, абстрактной функции; если надо выразить такой оборот, как «около

сическое значение, но и послелог обладает тем же свойством. Различие между ними сводится в основном к тому, что суффикс утрачивает подобие самостоятельного слова и потому обособленно не выступает, тогда как послелог, равным образом отдельно не выступающий, еще окончательно не потерял своей лексической основы, хотя и лишается лексического содержания самостоятельного полнозначного слова.

Связь послелогов с именами существительными и иными частями речи, дериватами которых они являются, выступает и в других языках не менее ярко, чем в яфетических Кавказа и тюркских. Еще яснее процесс перехода от лексически значимого слова к синтаксически значимому послелогу выступает в языках менее развитого состояния, в особенности в языках, еще не подвергшихся воздействию письменной литературной речи. Например, в хантыйском (остяцком) языке значительная часть послелогов, даже в современном состоянии разговорного языка, представляет собою не что иное, как синтаксически использованные в значении послелогов имена с полными формами склонения, так к слову *хот* — «дом» присоединяется другое слово *л'ипи,* означающее «нутро, внутренность, посуда». Последнее используется в послеложном значении по отношению к первому, *хот л'ипийа* — «в дом» (в дательном — направительном падеже); *хот л'ипини* — «в доме» (в местном — творительном падеже); ср. также *хуват* — «долгота» и *йӧхан хуват* — «вдоль реки»; *мар* — «время» и *л'ун' мар* — «за лето» и др.[1] Здесь нет еще послелогов, вместо них выступают обычные имена, синтаксически используемые в служебном значении. Они, в зависимости от своего синтаксического положения, выступают то самостоятельным словом, то служебным. Но даже и в этих языках наблюдается отрыв служебных слов от их полноценных эквивалентов и обращение первых в служебные частицы. Так например, некоторый отрыв от такого тождества с именем наблюдается в том же хантыйском языке в части тех послелогов, которые сохраняют падежную форму своего прошлого состояния, ныне уже архаичную. Так, к слову *с'ып* — «половина» присоединяется окончание направительного — дательного падежа *-и,* вместо ныне используемого *-а.* С этим архаичным падежным окончанием данное имя выступает только в значении служебного слова, например *и хан с'ыпи* — «через реку», ср. в том же положении *пати* — «за», образованное тем же порядком от имени *пат* — «дно», *ити* — «как» *от ит* — «один», и др.[2] В данном случае мы имеем уже формально выделившиеся служебные слова, архаичные падежные окончания которых придают им застывшую форму служебных частиц.

Образование таких служебных слов и частиц от падежно оформленных имен не вызывает никаких сомнений. Они были когда-то в том же положении, как и приведенные выше имена, получающие служебное значение лишь в определенном синтаксическом построении. Но они же отделились от этих имен, получив синтаксическое служебное назначение. Это их новое состояние выступает наиболее отчетливо тогда, когда падежные окончания имен получили новую форму и когда их падежные форманты, уже вышедшие из употребления в разговорной речи, сохра-

---

дома», то по-турецки скажут: «в боку дома», применяя в служебном значении обыкновенное имя бок, и т. д.». Ср. в лезгинском языке *кIвалин кьулухъ* — «позади дома»: *кIвал* — «дом», в родит. (поссесивном) падеже, *кьулухъ* — «зад, сзади» (*кIвалин кьулухъ* букв. «дома сзади»), и др. См. Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 112.

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, 1937, стр. 212—214.

[2] См. там же, стр. 212, ср. стр. 207.

нились как архаизмы лишь за служебными словами и частицами. Такое сохранение архаичных форм склонения за служебными частицами, очевидно, находит себе объяснение в том, что последние уже и тогда начали синтаксически обособляться от полноценных слов. Это могло произойти только при наличии тесной синтаксической связи между ними и другими ими обслуживаемыми словами. Это же привело к сохранению старой падежной формы, уже воспринимавшейся как формант не полноценного, а служебного слова, обращающегося тем самым в служебную частицу. Такой переход в новое качественное состояние обусловлен потерею лексической значимости, потерею словом собственного предметного значения, что, в свою очередь, оказывается следствием установления более тесной связи между словами, из которых одни получают функцию синтаксического обслуживания других. Это могло иметь место лишь внутри определенных синтаксических группировок.

Такая связь между синтаксически обслуживаемым словом и его синтаксическим уточнителем прослеживается также и в именах, выступающих в служебной роли, но изменяемых по общим нормам склонения. В том же хантыйском языке подобного рода имена, выступающие в служебном положении при личных местоимениях, хотя и остаются оформленными именами, но принимают на себя, кроме того, и соответствующие последним лично-притяжательные окончания. Вместо того чтобы оформляться самостоятельно, т. е. получать только свои собственные показатели, они, таким образом, снабжаются связующими частицами, включаемыми в них по связи с ведущим словом, в данном случае с местоимением. Соединяясь с ним к нему относящимися показателями, такие имена получают вид изменяемого служебного слова, ср. *сай* — «задняя часть», местный — творительный падеж *сайны*: *хот сайны* — «за домом». При наличии же местоимения то же слово *сай*, кроме своего падежного окончания, получает еще притяжательный суффикс, относящийся к местоимению: *ма сай-ем-ны* — «за мной», *нан' сай-ен-ны* — «за тобой», *мун' сай-ев-ны* — «за нами», ср. притяжательное оформление одних имен: *хоп* — «лодка», *хоп-ем* — «моя лодка», *хоп-ен* — «твоя лодка», *хоп-ев* — «наша лодка».[1]

Весь приведенный материал, начиная с яфетических языков Кавказа (даргинский и аварский) и кончая северным языком финно-угорской группы (хантыйский), свидетельствует о том, что послелоги, тесно связанные с характеризуемыми ими именами, получают в некоторых языках тенденцию к переходу в падежные форманты (см. дагестанские даргинский и аварский языки). Но послелоги могут сохранять и самостоятельное значение служебных частиц (см. примеры из тюркских языков, в частности из казахского). Эти послелоги вышли из служебных слов, специально приуроченных к несению той же функции, что и послелоги, а потому в них и обращающихся (примеры из казахского языка в параллель к хантыйскому). Такие служебные слова обособились из общего состава имен, которые выступали в предложении как в самостоятельной позиции его члена, так и в служебном положении, устанавливающем синтаксическое значение другого слова (ср. примеры из хантыйского языка). Таким образом, процесс в данном случае идет от лексической единицы к синтаксической, и послелоги, так же как и предлоги, характеризуются уже как выразители только синтаксической функции. Они вышли из частей речи, генетически с ними связанные, и, утратив

[1] См. «Языки и письменность народов Север», I, стр. 208, 212—213.

предметность в своем содержании, обособились от прочего лексического состава.

В этом процессе обособления громадную роль сыграли изменения, имевшие место в синтаксическом положении служебного слова. Имена, к которым в своем прошлом восходят предлоги и послелоги, претерпели коренное изменение не только в своем содержании как лексическая единица, но и в своем синтаксическом значении в предложении. Материалы тех языков, в которых послелоги близки к именным формам и в которых они выступают чаще всего в роли не столько послелогов, сколько служебных слов, указывают на то, что последние когда-то имели в предложении совершенно противоположное назначение тому, которое придается служебным словам и частицам, в том числе предлогам и послелогам. Они выступали в качестве не служебного слова, а, наоборот, основного по своей синтаксической значимости, т. е. такого имени, которое оформляется как ведущее и от которого зависит оформление другого слова, относящегося к нему как зависящее от него. Обратимся к примерам из хантыйского (остяцкого) языка.[1] В нем послелог *сат* — «во время» прибавляется к имени (причастной форме) с лично-притяжательным суффиксом: *л'етал' сат* — «во время его еды», *мантем сат* — «во время моего хождения». Здесь послелог *сат* присоединяется к причастной форме, носящей лично-притяжательные суффиксы, в данном случае 3-го лица *-л'* и 1-го лица *-ем*. Эти причастные формы и сам сопровождающий их послелог полностью подчиняются тем же правилам, которые в языке установлены для выражения взаимоотношений между определяемым и его определением, но здесь положению определяемого соответствует вовсе не положение того слова, которое сопровождается послелогом, а того, которое стало восприниматься как служебное и из которого затем образовался послелог. По действующим нормам хантыйского языка определение ставится в неоформленном падеже и не согласуется ни в числе, ни в падеже, причем суффиксы числа и падежа принимает только определяемое, ср. *л'ув вынт хот верис* — «он лесной [охотничий] дом сделал». Определение *вынт* — «лес» стоит в неоформленном падеже, ср. далее *л'ув йам йасин'ни лэпис* — «он хорошим словом обмолвился», где определение *йам* — «хороший» не оформлено, а определяемое поставлено в местном — творительном падеже на *-ни*, как это требуется смыслом предложения. Такое положение прослеживается в хантыйском языке и в конструкциях синтаксических оборотов имени с послелогом или соответствующим ему служебным словом. Имя в данном случае, так же как и определение в приведенных выше примерах, ставится неоформленным, тогда как служебные слова или послелоги, так же как и определяемые в тех же примерах, могут в этом языке стоять и неоформленно (ср. пример с послелогом *сат* и пример с определяемым *хот* — «дом») и в соответствующем падежном оформлении (см. пример с определяемым *йасин'ни* — «словом» и нижеследующие примеры с послелогами и служебными словами). Привлечем примеры с падежным оформлением послелогов — служебных слов в хантыйском языке: *хот л'ипини* — «в доме», *хот пун'ил'ни* — «около дома». В обоих примерах в местном — творительном падеже стоят послелоги — служебные слова, тогда как предшествующее им имя *хот* — «дом» остается неоформленным, что в точности соответствует упомянутым выше отношениям определения к определяемому. Такое внешнее схождение означенных по-

[1] См. там же, стр. 207, 212—214, 224.

строений далеко не случайно. От слов *л'ипи* — «внутренность» и *пун'ил'* — «сторона» образован местный — творительный падеж *л'ипини* — «во внутренности», *пун'ил'-ни* — «на стороне». Оформленные таким образом слова, выступая определяемыми, получили свой определитель *хот л'ипини* — «во внутренности дома», *хот пун'ил'ни* — «на стороне дома». Представляя одну семантически связанную синтаксическую группу, эти построения получили послеложное осмысление: «в доме», «около дома». Такое новое понимание подобного рода конструкций привело к отрыву служебного слова от своего первоисточника, в частности к сохранению за ним архаичной формы падежа, например дательно-направительного в уже упомянутом выше *пати* вместо *пата* и к изменению содержания самого слова. Таким путем в хантыйском (остяцком) языке от слова *пат* — «дно» получился послелог *пати* со значением «за».

В тех языках, в которых определяемое управляет падежом определения, как-то в индоевропейских и др., можно проследить такое же взаимоотношение между предложною и послеложною конструкциею, с одной стороны, и определительными построениями, с другой. Так, например, в русском языке определение, выраженное прилагательным или местоимением, согласуется с определяемым, ср. *мое хождение*, а определение, передаваемое именною конструкциею, управляется в падеже тем же определяемым, ср. *время моего хождения*. Определяемое, получив предложное управление, может обращаться целиком в предлог, как, например, русское: *накануне воскресенья; вместо предисловия; вокруг дома,* ср. приведенный выше хантыйский послелог *сат: мантем-сат* — «во время моего хождения». В последнем случае, как мы видим, определяемое превратилось из ведущего слова в синтаксический показатель, в предлог или послелог, характеризующий другое связанное с ним слово в его синтаксическом значении в предложении.

Получившаяся инверсия объясняется тем, что основное значение в синтаксическом построении перешло на управляемое имя, в связи с чем второй компонент получил служебное значение, изменившее его форму и обратившее его в предлог или послелог в зависимости от его синтаксической позиции. Таким образом, имя оказалось стоящим в косвенном падеже, а предлог оказался требующим определенного падежа. Послелог находится в том же положении. В тех языках, в которых имеется склонение имен и в которых послелог почти сливается, а иногда и фактически сливается с именем, он нарастает на имя, стоящее в определенном требуемом им падеже, давая форму послеложного падежа, образовавшегося от другой падежной формы.[1] Иногда, как мы уже видели, и послелоги сохраняют более или менее самостоятельное место, т. е. не подвергаются слиянию с именем, оставляя за собою свое собственное содержание послелога. Но и в этом случае они остаются с именем в теснейшей связи, иногда образуя с ним даже одно фонетическое целое, что, равным образом, прослеживается и в предлогах, непосредственно примыкающих к имени.[2] Падежные формы имен с после-

[1] См. приведенные выше на стр. 299 примеры из даргинского и аварского языков.

[2] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 35, § 16; Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 2-е изд. 1939, стр. 78 сл., §§ 91—99; ср. с другой стороны, сингармонизм в казахском языке, под действие которого не подпадает послелог при его сочетании с другим словом, см. стр. 300 сл.

логами и тем более с предлогами, которые занимают более самостоятельную позицию, чем первые, могли позднее измениться. Вместо одних падежей в именах, управляемых предлогами, могли получиться другие уже по новой семантике не служебного слова, а предлога или послелога. Могли сохраниться и старые, вышедшие из употребления или переменившие свое значение падежи. Поэтому в современном состоянии тех языков, в которых предложная или послеложная система глубоко укоренилась, далеко не всегда ясно, почему именно данный предлог или послелог требует при себе тот, а не иной падеж.

Что касается предлогов, синтаксически несомненно тесно связанных с именем, при котором они стоят, то их расклинивание с ним при появлении определений к последнему имеет, конечно, свои исторические причины. О них уже приходилось говорить, когда в параллель к хантыйскому *сат* был привлечен его русский эквивалент *во время*. Можно полагать, что это разобщение предлога с именем, никогда не нарушающее целостности синтаксической группы, шло следующим путем: когда предлог не получил еще своего служебного значения и даже не был служебным словом, а выступал в предложении как основной компонент синтаксического словосочетания, он управлял падежом связанного с ним имени и стоял в начале, как и надлежит стоять определяемому при именном определении, ср. *место дома*. Когда же к управляемому имени присоединились его собственные определения, поставленные по действующим правилам синтаксиса перед ним, основное слово стало управлять уже целым синтаксическим словосочетанием, поэтому оно и заняло место впереди его, ср. *место большого хорошего дома*. Подвергшись затем синтаксическому переосмыслению, это же основное слово, оставаясь в той же синтаксической группе, обратилось в служебный показатель синтаксической значимости того слова, которое в прежней позиции оказывалось управляемым, а теперь стало уже ведущим членом всего сочетания слов. Предлог, при этих условиях, остался стоящим не перед им характеризуемым в падеже словом, а перед всем относящимся к последнему синтаксическим оборотом, что и дало его замыкание: *вместо большого хорошего дома*. Такого положения не могло получиться с послелогом в том случае, когда определения предшествуют ими характеризуемому слову, и послелог, благодаря этому, оказался в более тесном внешне выраженном отношении к последнему.

14. АРТИКЛИ

К числу видоизмененных по своему значению форм, вполне сохранивших действующую силу в современном строе речи, относятся артикли. Происхождение их сводится к широкому использованию числительных и местоимений, а также из них образовавшихся местоименных показателей, в синтаксическом построении слов. Еще П. К. Услар, исследуя в середине прошлого столетия нормы абхазского языка, утверждал, что в нем имя существительное всегда сопровождается соответствующим местоимением или числительным.[1] К тем же выводам придется прийти и при ближайшем ознакомлении со строем речи весьма большого количества языков. Так, например, в алеутском языке имя существительное или обозначается в своей принадлежности кому-либо,

[1] См. П. К. Услар, Абхазский язык, 1887, стр. 76—77.

и тогда получает притяжательную приставку местоименного происхождения (ср. *ула-н'* — «мой дом», *ула-н* — «твой дом» и т. д.), или же, когда принадлежность его кому-либо вовсе не указывается, снабжается показателем *-хъ* (ср. *ула-хъ* — «дом»). Названный показатель, при этих условиях, оказывается не чем иным, как неопределенным членом.[1] Равным образом, в индейском языке немецу объект в именной форме или определяется в его принадлежности кому-нибудь, и тогда получает соответствующий показатель в глаголе, или же снабжается особым показателем *-па* (примеры приведены выше), в котором, при таком положении, можно также усмотреть значение неопределенного члена, а не падежного окончания и т. д. Примеры можно продолжить до бесконечности, захватывая даже такие языки, как индоевропейские.

Использование артиклей подобного рода в своем историческом прошлом представляет собою полную аналогию и находится в неразрывной связи с использованием не обратившихся в артикли местоимений и числительных. Последние теснее связываются с именем предметного значения, чем обычные его аттрибуты, и получают иное грамматическое оформление, ср. хотя бы в яфетических языках Кавказа, северных и др. В этих языках местоимения и числительные, сопутствующие именам существительным, находятся еще в такой неразрывной связи с самим именем, что отдельно от него в этом синтаксическом сочетании не воспринимаются, а потому и отдельно не оформляются. Так, в гиляцком языке числительные содержат в себе выражение классной принадлежности имени существительного, с которым тем самым связываются теснейшим образом, инкорпорируясь в одно синтаксическое построение, ср. *кех-тьор* — «чайки — три».[2] Местоимения же в ряде языков настолько соединяются с именами, ими характеризуемыми в их принадлежности, что переходят в усеченный вид уже местоименных показателей, ср., например, приведенные выше притяжательные показатели в абхазском, ненецком, алеутском языках и т. д.[3]

Приблизительно сходное положение занимают и переродившиеся из местоимений и числительных артикли в индоевропейских языках. Постоянное использование числительных и местоимений при именах существительных получило в индоевропейских языках свое преломление.[4] Числительное закрепилось за обозначением более общего, неопределенного значения предмета, о котором говорится в предложении, и получило наименование неопределенного члена. Артикль слился в своем семанти-

[1] См. В. И. Иохельсон, Изв. Ак. Наук, 1919, стр. 138. Сам В. И. Иохельсон не устанавливает за суффиксом *-хъ* значение неопределенного члена, но это достаточно убедительно вытекает из приводимого им материала. Данный суффикс прибавляется к именам, когда последние не устанавливаются в их принадлежности другому лицу. Этот же суффикс исчезает при появлении притяжательных показателей, ср. *да-хъ* — «глаз», *да-н'* — «глаз мой», *да-н* — «глаз твой», *да* — «глаз его» и т. д. (таблицу притяжательно оформленных имен см. В. И. Иохельсон, ц. с., стр. 144).

[2] В гиляцком языке числительные даже сливаются с именем в ином порядке, чем сливаются с ним же определители обычного аттрибутивного значения, см. стр. 218 сл.

[3] См. стр. 227, 230 сл.

[4] См. Otto Behaghel. Geschichte der deutschen Sprache, Paul's Grundriss 3, 1915, S. 374; Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 161; B. Delbrück, Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen, Grundriss, III Band, I Theil, 1893, S. 507; А. Лескин. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка, русск. перевод Н. М. Петровского, 1915, стр. 192; М. В. Сергиевский, История французского языка, 1938, стр. 65; Б. А. Ильищ. История английского языка, 1938, стр. 40, 61, 113; В. М. Жирмунский, История немецкого языка, 1939, стр. 177 и др.

ческом значении с самим именем, перестав восприниматься как числительное и обратившись в выразителя родовой принадлежности имени. Он подвергается вместе с ним падежным изменениям, или принимает эти изменения на себя, ср. французск. *un, une,* немецк. *ein, eine,* буквально означающие *один, одна,* ср. *j'aime à voyager dans une automobile* — «я люблю путешествовать в автомобиле».

Местоимения в тех же индоевропейских языках и в том же разрезе оказались использованными не для установления принадлежности предмета лицу, указываемому местоимением, а для характеристики собственного значения данного предмета. Поэтому местоимения первых двух лиц, имеющие личное и притяжательное значение, остались не привлеченными. Что же касается 3-го лица личных местоимений, то оно, по своей основе, относится к указательным местоимениям и по этому своему свойству оказалось использованным в служебной роли обозначения различных оттенков предметности характеризуемого им имени. Указательное местоимение и обратилось в артикль, придавая имени своим семантическим содержанием оттенок большей определенности, в связи с чем оно получило наименование определенного члена, ср. французск. *j'aime à voyager dans l'automobile de mon oncle* — «я люблю путешествовать в автомобиле моего дяди».

Происхождение определенного члена из указательного местоимения с достаточною степенью ясности выступает в романских и германских языках. Так, английское *the* возводится к древнеанглийскому указательному местоимению *sē* — «этот». Французское *le* выводится из латинского *ille,* в том же значении. Объясняя его происхождение, Фердинанд Брюно противополагает субъектное использование латинского местоимения *ille* аттрибутивному: *ille videt* — «он видит» и *ille murus* — «эта стена». От первого произошло французское местоимение 3-го лица *il* — «он». Выступая в значении подлежащего и обособляясь тем самым от глагола, это местоимение *ille* было акцентировано на первом слоге, в связи с чем отпало его окончание. Во втором же случае местоимение *ille* оказалось постоянным спутником имени существительного и настолько тесно к нему примкнуло, что образовало с ним вместе одно фонетическое целое с общим ударением, падающим на имя. В результате такого слияния отпал начальный слог местоимения и из *ille murus* получилось *li murs, le mur.*[1] Немецкий определенный член *der* в точности повторяет форму указательного местоимения *der, dieser* — «этот».

Тесная связь упомянутых артиклей с характеризуемыми ими именами не вызывает никакого сомнения. Тем не менее, особенности более сложного синтаксического построения с включением согласуемых определений, особое морфологическое оформление которых лишает возможности говорить об инкорпорировании, выделяет и артикль на отдельную позицию. Все же и при таком выделении не нарушаются непосредственные отношения и тесные связи артикля с именем, к которому он относится. Когда артикль ничем не отделяется от связанного с ним имени, он сливается с ним и общее для них ударение падает всегда не на артикль, а на само имя. Если же в их единую схему включается определение, то оно нередко помещается между артиклем и именем. В результате получается упомянутое выше размыкание имени и его артикля, включение между ними согласуемых или управляемых именем

[1] Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1936, p. 161.

определений и обратное их замыкание артиклем и именем, свидетельствующее о единстве синтаксической группы.[1]

Артикли, в их разновидностях определенного и неопределенного членов, утратили свое прежнее значение числительного и местоимения и, тесно примыкая к имени, обратились в служебные частицы, имеющие синтаксическое значение. Все же их явно синтаксическая функция в прошлом, когда они еще не были артиклями, получила в их настоящем состоянии, когда они уже стали артиклями, также и лексическое содержание. Ими может выражаться родовая принадлежность соответствующего имени существительного, что, конечно, относится к его лексической стороне.

Все сказанное выше об артиклях говорит за то, что они образовались из соответствующих числительных и местоимений, т. е. из представителей двух различных частей речи. Но сами артикли, обращенные в служебные частицы лексико-синтаксического содержания, утратили качество самостоятельного слова. Поэтому в своем действующем состоянии они не только не могут быть выделены в самостоятельную часть речи, но и не могут быть включены в состав какой-либо другой выделившейся части речи. Все же роль артиклей в некоторых языках, например в греческом, настолько выделяется, что основоположники действующей классификации лексического состава языка, Аристотель и Дионисий Фракийский, включили их в ту группировку, которая обычно именуется частями речи. Они выделили особую группу, в которую отнесли носителей падежного выражения имени, передаваемых отдельным элементом предложения и занимающих по отношению к этому имени пре- или постпозиционное положение. К первым отнесены артикли, ко вторым — относительные местоимения с релятивным значением.

15. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Служебные элементы, утратившие значение самостоятельных слов и занимающие препозиционное или постпозиционное положение, могут сочетаться не только с именами, но и с другими частями речи, а иногда и с целыми группами слов. В грамматиках им обычно присваивается наименование служебных частиц, или просто частиц. Эти частицы имеют широкое распространение как в синтаксическом оформлении слов, так и в образовании новых лексических единиц. К числу последних относятся такие словообразования, как, например, с отрицательною частицею *не: недруг* от слова *друг, нехороший* от слова *хороший, нехорошо* от слова *хорошо* и т. д. Взятые здесь для примера новые словообразования с отрицательною частицею *не* и все им подобные лексического значения не имеют никакого отношения к синтаксису и участвующие в них словообразовательные элементы, обратившиеся в аффиксы, не принадлежат к числу тех частиц, о которых сейчас идет речь.

Непосредственное отношение к синтаксису имеют те частицы, которые присоединяются к словам для выражения особого оттенка их синтаксического значения в предложении. Положение таких служебных элементов крайне разнообразно. Они в одном и том же языке могут выступать и служебными словами (тогда они еще не становятся служебными частицами и примыкают к соответствующей части речи) и

[1] См. стр. 50 сл.

служебными частицами и аффиксами. В последнем случае они перестают быть служебными частицами и обращаются в грамматические форманты. Таким образом, служебные частицы в точном понимании этого термина стоят между служебными словами и аффиксами.

Круг служебных показателей не ограничивается только предлогами, послелогами и артиклями. Имеется еще целый ряд служебных частиц различного происхождения, различной значимости и различной синтаксической функции. В языках с агглютинативным строем число их ограниченнее, так как, содержа специальную синтаксическую значимость, они легко сливаются с другими словами. Они увеличивают разновидности агглютинативных приставок, отличающихся тем же свойством. В языках же флективных число их значительно больше, потому что, заключая в самих себе определенное синтаксическое содержание и сохраняя его в любом словосочетании, они не отвечают основным свойствам флексии. Они занимают свое особое место, выступая в сочетании слов как слагаемая служебная их единица, все же лишенная предметного обозначения.

Служебные частицы могут выступать при любой части речи и в составе любого члена предложения, ср. русск. *я ли буду читать, книгу ли буду я читать, буду ли я читать, хороший ли человек, хорошо ли* и т. д. Сама по себе частица *ли* не носит лексического, так называемого предметного, содержания. Она получает свое смысловое выражение только в составе предложения, когда характеризует в нем значение того или иного слова. Такая частица близка к аффиксу. Все же, придавая смысловой оттенок колебания связанному с ним слову, она сохраняет за собою этот оттенок, общий для каждого слова, к которому она присоединяется, а не только для слов одной какой-либо части речи. Следовательно, частица подобного рода не может быть понята как выразитель грамматической категории, свойственной какой-либо части речи. Такая частица оказывается как бы выразителем универсальной грамматической категории, что, до известной степени, препятствует обращению ее в аффикс (ср. *я ли*, при недопустимости слитного написания *яли*). В том же положении находится ряд других частиц: *же, то, бы* и пр. Этими своими особенностями частицы отделяются от предлогов и послелогов, которые являются такими же служебными частицами, но приуроченными лишь к падежному выражению грамматических отношений имен.

Связь служебных частиц с служебными словами, как носителей одной и той же функции, ясно выступает в целом ряде языков, в особенности в их сравнительных сопоставлениях. То, что в одних языках передается служебными частицами, может в других выражаться привлечением служебных слов. Так, например, в ненецком (юрако-самоедском) языке отрицание передается рядом вспомогательных глаголов, как-то: *нись* — «не быть», *вунись* — «ведь не быть», *ханьась* — «как не быть», *хацьась* — «чуть не быть», ср. *ним харваг'* — «не хочу», *нин харваг'* — «не хочешь», в которых глагол *нись* спрягается по лицам, и *мань высаком ним* — «я не старик», *пидар высакон нин* — «ты не старик», в которых, кроме того же вспомогательного глагола, изменяется по лицам также и само имя, оказавшееся в предикативном положении. В ненецком языке, как мы видим, для передачи отрицания как при глаголе, так и при имени в положении сказуемого, используются вспомогательные глаголы, выражающие лицо, время и накло-

нение, как это свойственно вербальной форме.[1] Такого рода служебные слова остаются глаголами. Между тем в русском языке ту же функцию выполняет отрицание *не*, которое утратило всякую связь со служебным словом, обратилось в частицу и, в данном случае, еще не переходит в аффикс. Оно не сливается со словом *старик* так, как сливается в слове *недруг*. В прошедшем и будущем временах оно стоит уже не при имени, а при вспомогательном глаголе: *я не старик, я не буду стариком,* ср. *я недруг, я буду недругом,* и, с другой стороны, *я не друг, я не буду другом*. В этих примерах ясно выступает синтаксическое значение частицы *не* в отличие от лексического значения отрицания как словообразовательного элемента, когда оно оказывается не частицею синтаксического назначения, а словообразующим префиксом.

Положение таких частиц крайне разнообразно не только в сравнительном обзоре разносистемных языков, но и в пределах одного и того же языка. Иногда они сливаются с ими характеризуемыми словами, занимая в них место наряду с другими синтаксическими показателями и тем самым перестраиваясь в аффиксы. В таком виде выступают глагольные отрицания в тюркских языках, например, отрицательная частица, обратившаяся в аффикс *-ма-, -ме-* в казахском языке, ср. *кел-ме-й-ді* — «не приедет», в котором к основе *кел* прибавлен аффикс отрицания *-ме-* и после него еще два аффикса: деепричастности *-й-* и 3-го лица *-ді*, что и образует форму настоящего-будущего времени с отрицанием. В данном примере отрицательные приставки слились с другими синтаксическими показателями и оказались перекрытыми ими в общей последовательности агглютинативных прилеп. Говорить здесь о самостоятельном значении частицы *-ме-*, конечно, не приходится. Это — просто аффикс агглютинативного построения, такой же как и все подобные аффиксы модальности. Такими же модальными показателями оказываются и те частицы, которые, выражая оттенок действия, нередко признаются за служебные частицы только потому, что глагол, к которому они присоединяются, уже снабжен другими показателями наклонений. Так, например, в селькупском (остяко-самоедском) языке к глагольной форме присоединяются частицы *енӓ* и *сӓ,* которые придают глаголу, стоящему в определенном наклонении, еще другой дополнительный модальный или временной оттенок. Так, *енӓ* присоединяется к формам прошедшего времени изъявительного наклонения и придает значение сослагательного наклонения: *тат тӱсанти енӓ* — «ты пришел бы», а частица *сӓ,* прибавляемая к будущему времени предположительного наклонения, указывает на более отдаленное будущее *тат тулӓнтисӓ* — «ты потом придешь». В обоих случаях к основе *ту* — «приходить» перед показателем 2-го лица *-нти* добавлены показатели соответствующих наклонений и времен *-с-, -са-* и *-л-, -лӓ-*. К ним присоединяются еще отмеченные выше приставки *енӓ* и *сӓ,* являющиеся аффиксами и подлежащие поэтому слитному написанию как в первом, так и во втором примерах.[2] Такое скопление в одном слове показателей нескольких синтаксических оттенков весьма характерно для языков агглютинативного строя, ср. неоднократно приводившийся пример из алеут-

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 44—45.

[2] См. там же, стр. 118. Исследователь селькупского языка Г. Н. Прокофьев считает *енӓ* и *сӓ* не агглютинативными приставками, а частицами, см. указанную страницу.

ского языка *си-гъута-сига-ка-ку-хъ* — «делать опять старательно может теперь он», где в одной глагольной форме отражены интеративно-интенсивно-потенциально-временные отношения.[1] Тут показатели таких отношений передаются, конечно, не служебными частицами, а агглютинативными частицами, т. е. аффиксами.

В параллель к указанным выше отрицательным формам глагола в казахском языке, представляющим собою прием аффиксации, можно привести отрицание в том же казахском языке при других частях речи, при именах, местоимениях и наречиях. Здесь одна и та же частица *емес*—«не» выступает уже в более самостоятельном значении служебного элемента, ср. *ақ емес* — «не белый», *жақсы емес* — «не хороший», *анда емес* — «не там», *бұл емес* — «не это», и т. д. Тут мы имеем служебную частицу, близкую к агглютинативному аффиксу, но, по всем данным, все же не обратившуюся в него.[2] Еще большую самостоятельность выявляет отрицание в прошедшем времени глагола того же самого казахского языка. Здесь отрицание выступает в виде служебного слова, принимающего на себя формы глагольного (вернее именного) спряжения и сопровождающего основной глагол, стоящий в причастной форме, ср. *мен ал ған жоқпын* — «я не взял», *сен алған жоксын* — «ты не взял», и т. д. Таким образом, в одних и тех же тюркских языках одни и те же по функции служебные элементы выступают в совершенно различных положениях. При глаголе в прошедшем времени вместо служебной частицы выступает служебное слово, изменяемое по лицам как и всякая спрягаемая форма сказуемого. При именах выступает неизменяемая служебная частица, при глаголах же в ряде времен (в простом прошедшем, во II и III давнопрошедших и в настоящем-будущем) те же по функции показатели включаются в общую серию аффиксов.

В последнем случае нет служебных частиц. Равным образом, их нет и в первом случае, когда выступают служебные слова со своим еще не утраченным лексическим содержанием. Последние и при своем служебном значении все же сохраняют возможность склоняться или спрягаться. Служебная же частица лишается значимости полноценного слова и его свойств морфологического изменения. Служебные частицы уже не имеют предметного содержания и выступают лишь с синтаксическим значением, которым они устанавливают не свое собственное положение в предложении, а оттенок в значимости другого слова, к которому синтаксически примыкают.

Этою своею синтаксическою функциею служебные частицы ясно отличаются от упомянутых выше модальных слов.[3] Оба они не самостоятельны в своих отношениях к другим словам предложения, выступая оттенителями их смысловой стороны в контексте высказывания. Но служебные частицы придают смысловой оттенок синтаксическому положению одного из слов предложения, тогда как модальные слова оттеняют смысловое значение всего предложения. Поэтому модальные слова более самостоятельны. Сохраняя отношение к предложению в его целом, они не входят в формальную связь с каким-либо его словом.

[1] См. стр. 253, 273, 280.

[2] В казахском языке здесь выступает словосочетание, не подчиняющееся закону сингармонизма.

[3] Под модальными словами понимаются мною слова, специально приуроченные к выступлению в вводном члене предложения и уточняющие смысловую направленность высказывания, придаваемую ему говорящим лицом.

Модальные слова в этой их функции обречены оставаться обособленными. При таком их использовании они близко стоят к редуцированному предложению и легко получают содержание отдельного высказывания. Частицы же, наоборот, выступают в служебном положении по отношению к отдельным словам предложения, ближе стоят к служебным показателям морфологически оформленного слова и получают возможность в них же и превращаться.

Занимая такое синтаксическое положение, служебные частицы не могут не только получать содержание отдельного высказывания, но даже выступать отдельным членом предложения. Этому препятствует прежде всего то, что они лишены предметного значения. Их собственное содержание сводится к характеристике другого слова. Поэтому они могут выступать членом предложения только вместе с этим другим словом и благодаря ему, а не по своей собственной значимости. Без такой связи с другим словом служебная частица не существует примерно так же, как и предлог немыслим в предложении без его соединения с именем. Их связь с отдельными словами может даже доходить до постоянного, органического соединения. Тогда подобного рода частица, вместе с соответствующим словом, получает одно постоянное значение и отходит от своего обычного синтаксического положения, ср. *я-то понимаю,* где служебная частица *то* характеризует смысловое положение субъекта в данном высказывании и, с другой стороны, *наконец-то,* где имеется производная форма наречия с новым значением, ср. *наконец-то он принес мне книгу.* Такие наречия получают свое постоянное смысловое содержание, с которым выступают в обстоятельственном члене предложения. С этим же значением они могут выступать и в других членах предложения, в частности в вводном, ср. *Солнце! Наконец-то!* Здесь наречие, как уже отмечалось выше, продолжает оставаться наречием, хотя и используется для передачи эмоциональной экспрессии.[1] Тут служебная по своей внешности частица не является таковою. Вместо нее выступает словообразующий формант: *наконец, наконец-то.*

При этих условиях служебные частицы примыкают к другому слову, вместе с которым, но не самостоятельно, вступают в синтаксические отношения с другими словами. Этим и устанавливается специфическое свойство служебной частицы.

Придаваемое ею смысловое содержание различно, благодаря чему и само положение служебной частицы варьируется от придачи смыслового оттенка слову до выражения смыслового оттенка всего высказывания. В последнем случае служебные частицы переходят в модальные слова, ср. лезгинские примеры: *чаз фу къачу тIун* — «купи же нам хлеба», где служебная частица *тIун* усиливает выражение повелительного наклонения глагола *къачун* — «брать, покупать»;[2] *ам хъсан устIар я кьван* — «он ведь хороший мастер», где *кьван* усиливает семантику сказуемого *устIар я* — «мастер есть».[3] В обоих примерах служебные частицы *тIун* и *кьван* усиливают смысловое значение соответствующего слова, к которому и примыкают. Такова функция этих служебных частиц и такова направленность их содержания. По этому их содержа-

[1] См. стр. 186—189, 291—295.

[2] *Чаз* — дат. падеж от местоимения *чун* — «мы»; *фу* — «хлеб».

[3] *Ам* — указательное местоимение «тот [более близкий]», использованное в субстантивированном значении; *хъсан* — прилагательное «хороший»; *я* — глагол-связка с безвременным содержанием.

нию они и выступают служебными частицами при сказуемом. Своего собственного содержания самостоятельного слова они не имеют. Их назначение — оттенять семантику слова, выступающего членом предложения, в данных примерах — сказуемым: *кьван* усиливает степень наличного в нем выражения, *тlун* придает оттенок интенсивности. С другой стороны, ср. частицу *чlал,* устанавливающую, что все передаваемое в предложении известно лишь по слухам: *заз вун атанай чlал чирхьанчир* — «я не знал, что ты, как говорят, пришел».[1] Здесь указанная частица *чlал* отмечает, что утверждение *вун атанай* — «ты пришел» известно говорящему со слов других. Все же *чlал* не глагол, а частица. Перевод ее на русский язык безличною глагольною формою (глаголом, выражающим обобщенный субъект) условен. Эта частица самостоятельно не выступает. Она, по своей синтаксической функции, как мы видели, сближается с модальными словами, не являясь в то же время полноценным словом. Все указанные частицы имеют свое постоянное значение, но не самостоятельного слова, а семантического оттенка, используемого в синтаксических построениях.[2]

Такое положение служебных частиц получает свое объяснение. Полные служебные слова сохраняют свою лексическую значимость. Они частично сохраняют грамматические формы той или иной части речи. Нередко они в ней и остаются, получая служебную синтаксическую значимость только в построении предложения. Таким путем может получиться служебное использование знаменательных слов. В особую группу служебных слов такие слова выделяются тогда, когда их содержание получает лишь служебную функцию. В предложении они, в этом случае, не занимают самостоятельного места при его членении. Они своею лексическою семантикою уточняют синтаксическую значимость того другого слова, при котором выступают в служебной роли и вместе с которым образуют один член предложения. Служебные слова утрачивают синтаксическую самостоятельность и тем самым становятся лексически не вполне полноценными.[3] Утрата и лексической значимости слова ведет к образованию служебных частиц.

Последние, выйдя из служебного слова, сохраняют за собою функцию выражения того или иного оттенка в синтаксическом значении другого слова или целой синтаксической группы, представляющей собою развернутый член предложения. В составе сказуемого эти синтаксические элементы, как выразители оттенков передаваемого в нем процесса, приобретают ту или иную форму в зависимости от разновидности средств выражения этих оттенков. Присоединяемые к глаголу, они аффиксируются, оставляемые же вне его построения, но в составе сказуемого, они выступают или неизменяемыми служебными частицами, когда утрачивают значение слова, или смыкаются с наречиями, если самостоятельное лексическое значение в них еще сохраняется. Высту-

[1] *Заз* — дат. падеж местоимения *зун* — «я», *вун* — местоимение 2-го лица един. числа; *атанай* — давнопрошедшее время от глагола *атун* — «приходить» (прошедшее 1: *атана*); глагол *чирхьанчир* имеет отрицание *-ч-* и добавляемое к нему в давнопрошедшем времени окончание *-ир*.

[2] Примеры взяты из работы Л. И. Жирковa, Грамматика лезгинского языка, 1941, стр. 114—115.

[3] Таким образом, служебными словами выделяются только те, которые не занимают в предложении самостоятельного положения. Использование же знаменательных слов в служебном значении остается лишь данным их синтаксическим использованием, которое само по себе еще недостаточно для выделения служебного слова, хотя и ведет к этому выделению.

пая при именах, наречиях, местоимениях и т. д., они же, передавая оттенок лексического значения, сливаются с ними, образуя новое словообразование. Утрачивая же лексическую самостоятельность, они обращаются в служебные частицы, выступающие или в различных видах падежных образований имен, тогда они именуются предлогами и послелогами, или с иным оттенком синтаксического значения характеризуемых слов, тогда они сохраняют за собою имя служебных частиц. Или же, наконец, служебные частицы выступают с указанием на взаимную связь между словами, синтаксическими группами и даже предложениями. Тогда им присваивается наименование союзов. Отрицательные частицы в этом отношении были взяты мною только как один из примеров, выявляющих основные свойства, общие всем остальным синтаксическим элементам данной группы (служебным частицам).

16. СОЮЗЫ

Образование союзов теснейшими узами связано со структурою предложения. В тех языках, в которых слабо развита или вовсе отсутствует конструкция сложно-подчиненного предложения и в которых связь между однородными членами предложений выражается расстановкою слов, союзы получают весьма слабую почву для своего применения. Появление их и развитие зависят не от лексической стороны языка, а от синтаксической. По заданиям синтаксиса выделяется определенный состав слов, превращающихся в синтаксически-значимые служебные частицы. Большинство их восходит, повидимому, к наречиям и модальным словам, получившим новое назначение выражать связь между отдельными частями развернутого построения предложения. Наречия, связанные со сказуемым, и модальные слова, связанные со всем строем предложения, семантически не оказываются ни оформителями отдельных слов, ни управляющими ими. В том же положении выступают и союзы. Акад. А. А. Шахматов, объединяя наречия и модальные слова в одну группу наречий, из них же выводит и союзы, утратившие реальное значение слов и обратившиеся в служебные элементы синтаксиса.[1]

Разговорной речи менее свойственны более сложные конструкции подчинения и сочинения. Их применение в значительной степени ограничено также и в бесписьменных языках вообще. Даже такие языки, как эскимосские, самоедские, северные финно-угорские и целый ряд других, не прибегая к сложным предложениям, используют вместо сочинения и подчинения простые предложения в различной степени их развернутости,[2] ср. отрывок энецкой (енисейско-самоедской) народной сказки в дословном русском переводе: *какой человек пришел? Какой человек ты будешь? Я-то лесной хозяин. Мальчик заплакал. Меня пусть не съест. Мальчик в чум зашел. О! У великановой девки подвески ледоподобны. Дедушка мой я есть хочу. Мяса мне дай. Три дня иду. Три реки я пересек.*[3] Во всем этом отрывке нет ни одного союза, между тем последовательно идущие одно за другим отрывочные предложения представляют собой связный рассказ. Эта связность расска-

[1] См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, стр. 506, § 589.

[2] См. Г. Н. Прокофьев, Ненецкий (юрако-самоедский) язык, в сборнике «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 50, ср. также стр. 121, 190.

[3] Пример взят из упомянутого выше сборника, стр. 90.

за и разрыв ее там, где заканчивается последовательность предложений, достигается внешними приемами изложения, интонациею, паузами и т. д. Письменная речь выдвигает другие приемы, в числе которых значительную роль играют связующие формальные элементы в виде аффиксов и служебных частиц — союзов.

Чтобы познакомиться с разнообразными приемами связного изложения, привлечем две различные конструкции предложений мансийского (вогульского) языка и русского: *мен хонтхатсумен, тау уйе алам* — «мы [двое] встретились, он зверя убил». В этом мансийском примере первый глагол *хонтхатсумен* стоит в 1-м лице двойственного числа *-мен*, а второй глагол *алам* поставлен с нолевым суффиксом 3-го лица и с временным окончанием *-м*, указывающим на окончание данного действия ко времени совершения предыдущего.[1] Таким образом, эти два отрывочные предложения оказываются тесно друг с другом связанными. Они связаны глагольным показателем, свидетельствующим, что в то время, когда совершалось первое действие, второе было уже закончено. В русском языке такая же связь может быть передана только при помощи наречий и союзов: *когда мы оба встретились, то он уже убил зверя*, или *мы оба встретились, а он уже убил зверя*, ср. так же мансийск. *ам паулн йохтесум, тау минам*, где первый глагол *йохтесум* имеет показатель прошедшего времени *-с* и окончание 1-го лица един. числа *-ум*, а второй глагол *минам* стоит с тем же, как и *алам* окончанием повествовательного наклонения прошедшего времени на *-м*: «*я в поселок вошел*, [а] *он* [уже] *ушел*», и др.[2] В том же разрезе исключительно показателен уже разобранный нами пример из гиляцкого языка, который хотелось бы повторить и сейчас. В нем следующие друг за другом простые, даже нераспространенные предложения оказываются теснейшим образом соединенными путем выражения различных оттенков действия в предикативных показателях. Из них *-ра* указывает на совместность двух последовательных действий, *-н'ан* отмечает действие, вызвавшее другое, за ним следующее, *-ар* фиксирует действие, с которым непосредственно связано предыдущее, *-ть* является общим предикативным показателем, в данном случае заключающим всю последовательную серию предложений. Связь между этими предложениями, несомненно, выражена. Она представлена весьма детализированными оттенками предикативных показателей, в этом задании и использованных. В русском языке такие же связи передаются не предикативными показателями, а соответствующими союзами и наречиями, ср. гиляцкое: *рал мг'е-ра, ньаг'р мень-во-ра, рал ывнь-тлы-н'ан, келг'ел-хаг'-ар, паг'лагох хелкъелкъ-ть*, русск. «лягушка гребла, [а] крыса рулевое весло держала. [Когда] лягушка гребное весло потянула, [то она] на спину упала [и] красный живот [ее] засиял»,[3] ср. также приведенный выше отрывок из энецкой (енисейско-самоедской) народной сказки: *оссадойг' таг', нехуро йере йададог', нехуро йеттьео мотадог'*. Оба последние глагола: *йададог'* и *мотадог'* стоят в аористе с окончанием 1-го лица един. числа *-дог'*. Здесь глагольное окончание не выражает никакой связи между действиями. Эта связь устанавливается контекстом. В русском переводе

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 190.
[2] Там же.
[3] См. стр. 183.

она может быть передана союзом: *мясо мне дай,* [ведь я] *три дня иду* [и] *три реки пересек.*

Связь между отдельными словами в предложении может быть выражена не только союзами, но и аффиксами. Так, например, в селькупском (остяко-самоедском) языке используется суффикс *-къä* для выражения взаимной связи двух или более слов, ср. *äсäниль äмäниль микъäкъи* — «мой отец и моя мать». В селькупском примере отец — *ыси* и мать — *ыми* стоят в родительном падеже един. числа на *-н,* от которого образована прилагательная форма на *-ль.* Оба эти слова сопровождаются неопределенным местоимением *ми,* получившим связующую частицу *къä* и суффикс двойств. числа *-къи.*[1] Таким образом, связь между именами получила суффиксальное выражение, ср. сходную конструкцию с латинским *que: legio Martia quartaque,* ср. *quarta et Martia legiones* (Цицерон), *senatus populusque romanus,* по-русски уже с союзом *сенат и римский народ.*[2] Такому союзу или словосоединительному суффиксу нет места в приведенных выше конструкциях предложений эскимосских, самоедских, северных финно-угорских и других структурно сходных с ними языков. Их предложения построены такими синтаксическими приемами, в которых нет необходимости в союзах. В языках бесписьменных или недавно получивших письменность, еще не успевшую видоизменить действующий строй речи, в изобилии используются, как общее правило, простые, часто даже нераспространенные предложения. В их структуре и в их сочетаниях союзы появляются редко, так как сами приемы разговорной речи, не подвергшейся сильному воздействию литературных языков, не нуждаются в более широком их привлечении. Это оказывается общим явлением. Там, где влияние литературной речи слабо, ослабленным остается также и развитие сложно-подчиненных предложений с развернутым при помощи подчинительных союзов построением. Поэтому даже в языках с богатою литературною традициею наблюдаются в этом отношении значительные расхождения между литературным языком, с одной стороны, и народною речью, с другой. Мы уже упоминали о том, что в говорах русской деревни было отмечено проф. Н. М. Каринским почти полное отсутствие подчиняющих союзов.[3]

Не лишено интереса и такое отмечаемое исследователями наблюдение: ряд языков, не имеющих развитой системы союзов и с изменением своего строя речи нуждающихся в использовании связующих частиц, заимствует их из других языков, обладающих уже развитым составом союзов. Такое заимствование наиболее успешно проводится двуязычным населением. Примером, иллюстрирующим эти наблюдения, может служить хотя бы уже неоднократно упоминавшийся выше хантыйский (остяцкий) язык. В нем число союзов весьма ограничено, так как строй языка не ощущает в них настоятельной потребности и для соответствующих своих оборотов речи прибегает к другим синтаксическим приемам. Подчинительных союзов в названном языке почти нет, потому что то, что в русском языке получает построение сложно-подчиненного предложения, это же в хантыйском передается причастными и причастно-послеложными оборотами, не требующими особых связующих ча-

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 118.
[2] См. Hermann Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, 1920, S. 314.
[3] См. Н. М. Каринский. Из наблюдений над языком современной деревни, «Литературный критик», 1935, № 5.

стиц для выражения своего отношения к основной части предложения.[1] Эти отношения и без того с достаточною определенностью передаются использованием иных синтаксических средств (ср. приведенные выше примеры из языков мансийского, гиляцкого и др.). Хантыйский язык такими своими особенностями вовсе не выделяется среди остальных языков со слабо развитою письменною литературою, наоборот, он выявляет лишь то, что оказывается свойством их всех. В этих языках притяжательные формы типа самоедских и эскимосских языков, различные оттенки предикативных показателей типа гиляцкого языка, причастные обороты типа хантыйского и т. д. передают то, для передачи чего в языках других систем используются союзы. Более того, передача подчиненных конструкций причастиями и деепричастиями приводит к тому, что даже в таких развитых языках, как тюркские, нет благоприятной почвы для широкого развития подчинительной союзной связи.

Отсюда можно заключить, что подчинительные союзы получают свое развитие сравнительно поздно и что более богатые их разновидности связаны с ростом литературы, в особенности письменной литературной речи и с развитием флективных языков. В них однозначимая агглютинативная прилепа заменяется многозначимой флексией, наименее подходящей для указанной цели. Притяжательные форманты, причастия, деепричастия, агглютинативные приставки легче принимают на себя передачу подчинительной связи, чем флексия, устанавливаемая в своем конкретном значении каждый раз в неразрывной связи с ею оформляемым словом. Поэтому во флективных языках имеется больше оснований для развития специальных показателей подчинительной связи — подчинительных союзов и союзов вообще.

Если сложно-подчиненное построение предложения в значительной степени обязано своим дальнейшим развитием росту литературной речи, что отразилось также на роли подчинительных союзов, то и расширение сочинительных оборотов, равным образом, обязано тому же литературному языку. Благодаря ему увеличивается наличное число сочинительных союзов. Подтверждением этому служит тот материал устной речи и фольклора, который только что приводился. Сочинительные союзы не так часто встречаются в упомянутых выше языках. Например, хотя в хантыйском в значении соединительного союза «и» иногда употребляется собственный союз *па*, все же он оказывается настолько узким в своем применении, что параллельно ему и независимо от него в том же языке оказался заимствованным соответствующий русский союз. И тем не менее, даже при наличии указанных двух разновидностей для передачи одной и той же сочинительной связи, еще широко продолжает в том же хантыйском языке практиковаться бессоюзное сочетание однородных членов предложения.[2]

С изменением строя речи, в особенности с развитием литературных языков, усиливается рост сложных конструкций в строе предложений и в их сочетаниях. Вместе с этим увеличивается необходимость в развитии связующих элементов. Тем самым осложняющийся синтаксический прием, использующий для своего выражения синтаксические служебные частицы, получает более широкое распространение. Отсюда, естественным образом, следует вывод, что вызванные к жизни синта-

[1] См. «Языки и письменность народов Севера», I, стр. 222.
[2] См. там же.

ксисом и сохраняя лишь синтаксическое значение, союзы не имеют достаточных данных для своего выделения в особую часть речи. Они остаются служебными частицами с отмеченным выше специальным синтаксическим заданием.

* * *

Проведенный мною обзор частей речи в этой главе и членов предложения в предыдущей не имеет, конечно, своим заданием дать исчерпывающий очерк. Привлекая к сравнению материал разносистемных языков, я ограничиваюсь желанием показать то общее, что лежит в основе проводимого в языке деления, и те расхождения, иногда весьма далекие, которые выступают в различных построениях синтаксиса и морфологии. В таких расхождениях содержатся свои объединяющие их начала.

Эти расхождения представляются мне даже более показательными и существенными для стоящей перед нами задачи установления основ проводимой классификации, чем те схождения, на которые обычно обращается наше наибольшее внимание. С этой стороны, сравнительная грамматика, потребная исследователю, представляется мне в значительно более расширенном виде, чем сравнительная грамматика однотипных языков, сравнительная описательная грамматика одной языковой семьи, необходимая и исключительно полезная, но слишком узкая и односторонняя. При расширенных же иностадиальных сравнениях в различных аспектах истории языка глубже воспринимается существо развивающихся и действующих норм, и от этого выигрывает и сравнительная грамматика однотипной семьи языков и изучение каждого из этих языков в отдельности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава I. Способы выражения синтаксических отношений

1. Общее определение синтаксических отношений и способы их выражения в строе предложения 21
2. Инкорпорирование полное 23
3. Инкорпорирование частичное 26
4. Синтетизм 33
5. Согласование 42
6. Замыкание 50
7. Примыкание 64
8. Управление 74
9. Сепаратизация 78
10. Отличительные свойства сепаратизации и управления 84
11. Локализация 90
12. Ритмические группы и синтагмы 95
13. Интонация 99
14. Общий обзор действующих приемов выражения синтаксических сочетаний 104

Глава II. Члены предложения и различные виды синтаксических сочетаний

1. Основные принципы членения предложения 107
2. Построение слова и построение предложения 111
3. Инкорпорированное слово-предложение 114
4. Инкорпорированные члены предложения 115
5. Синтаксические группы и зависимые члены предложения . . . 116
6. Определение как зависимый член в составе синтаксической группы 121
7. Обстоятельственные слова как зависимые члены в составе синтаксической группы сказуемого 128
8. Различные оттенки зависимых и самостоятельных членов предложения 139
9. Косвенные дополнения в их самостоятельном и полузависимом синтаксическом положении 151
10. Прямое дополнение в его различном синтаксическом положении (зависимый, самостоятельный второстепенный и главный член предложения) 158
11. Подлежащее и сказуемое (главные члены предложения) 167
12. Общая характеристика членов предложения, зависимых и самостоятельных 176
13. Развернутые члены предложения (синтаксические группы и зависимые предложения) 180
14. Вводные предложения и вводные члены предложения: субъективной оценки и эмоционально-волевого высказывания . . . 186
15. Признаки, характеризующие члены предложения и части речи: их грамматические категории 189
16. Понятийные категории и грамматические понятия 195

Глава III. Части речи, служебные слова и частицы

1. Общие замечания 199
2. Взаимоотношения между членами предложения и частями речи 201
3. Имена (существительные и прилагательные) 203
4. Числительные 218
5. Местоимения 222
6. Причастия 237
7. Глагол 240
8. Деепричастие 259
9. Категория состояния: 270
   а) безлично-предикативные формы 270
   б) нечленные прилагательные и причастия 275
10. Наречия 279
11. Вводные (модальные) слова 286
12. Междометия 291
13. Предлоги и послелоги 295
14. Артикли 306
15. Служебные частицы 309
16. Союзы 315

Редактор Издательства Е. И. Немировский
Технический редактор Е. Г. Доскач

Подписано к печати 24/VII 1945 г. А20301
Печ. л. 20,25 Уч.-изд. л. 30,5 Тираж 4300
Цена 25 руб. + 4 руб. переплет Заказ 202

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский, 10.